

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Антология Сатиры и Юмора России

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Даниил Хармс

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Антология Сатиры и Юмора России XX века

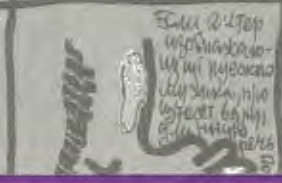
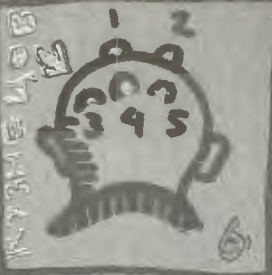
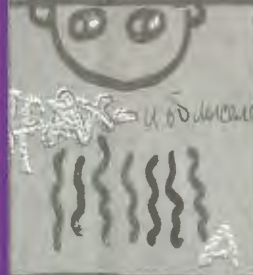
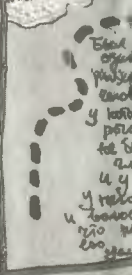
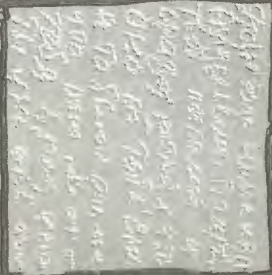
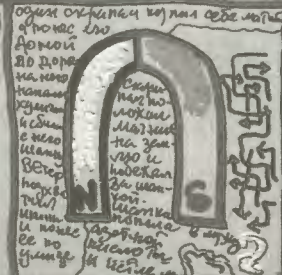
Антология Сатиры и Юмора России XX века

Антология Сатиры и Юмора России XX века

ХАРМС! ЧА

или → ШКОЛ
представление для веселых и любопытных
именное Михаилом Левитиным по
Хармсу МОСКОВСКИЙ

РЕЖИССЕР
МИХАИЛ ЛЕВИТИН

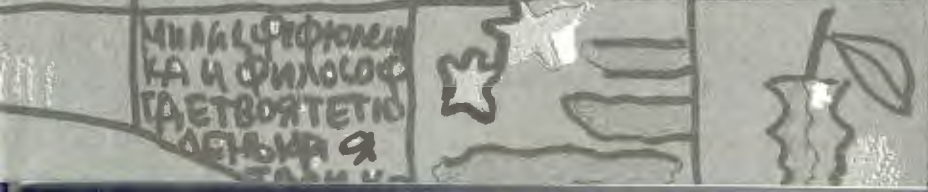
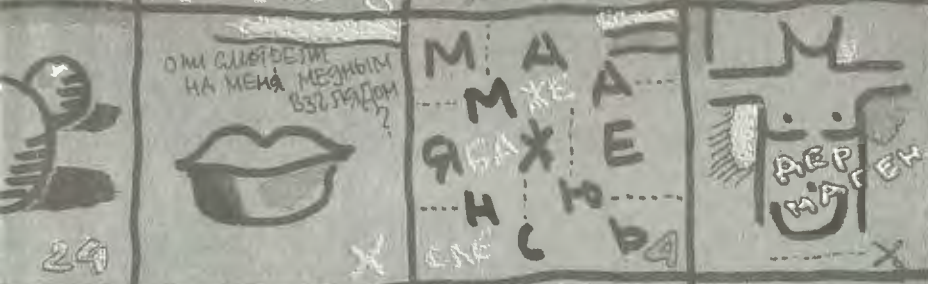

МЕШАРДАМ

А - К Л О У Н О В

взкомысленных людей, сочи-
мотивам произведений Дамила

ТЕАТР МИНИАТЮР

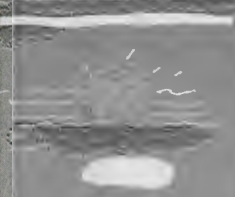

ХАРМС! Ч

или ШКОЛ

представление для веселых и
ненное Михаилом Левитиным
Хармса МОСКОВСКИЙ

РЕЖИССЕР И ТИП
МИХАИЛ ЛЕВИТИН

Андр

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Paul
Charms

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Даниил Хармс

«ЭКСМО» 2003

УДК 882
ББК 84(2 Рос-Рус)6-4
Х 20

АНТОЛОГИЯ САТИРЫ И ЮМОРА РОССИИ XX ВЕКА
Даниил Хармс

Серия основана в 2000 году

**В текстах произведений Даниила Хармса сохранена особенная
орфография и пунктуация автора**

**На форзаце воспроизведена афиша театра «Эрмитаж»
работы художника В. Добровенского**

**Редколлегия выражает признательность В. И. Глоцеру
за огромную помощь в создании настоящего тома**

Редколлегия:

**Аркадий Арканов, Никита Богословский, Владимир Войнович,
Игорь Иртеньев, проф., доктор филолог. наук Владимир Новиков,
Лев Новоженнов, Бенедикт Сарнов, Александр Ткаченко,
академик Виллен Федоров, Леонид Шкурович**

**Главный редактор, автор проекта
Юрий Кушак**

Оформление переплета Лев Яковлев

Хармс Д.
Х 20   Антология Сатиры и Юмора России XX века. Том 23. —
М.: Изд-во Эксмо, 2003. — 496 с., илл.

**УДК 882
ББК 84(2 Рос-Рус)6-4**

**ISBN 5-699-02508-1 (т. 23)
ISBN 5-04-003950-6**

**© Хармс Д. И. (наследники). Текст, 2003
© Кушак Ю. Н. Составление, 2003
© Глоцер В. И. Предисловие, 1991, 2003
© ООО «Издательство «Эксмо», 2003**

Содержание

Владимир ГЛОЦЕР. ЕМУ БЫЛО СОВСЕМ ПРОСТО ИЗВЛЕКАТЬ СМЕШНОЕ ИЗ НЕЛЕПОСТИ	17
Вместо автобиографии. Даниил ХАРМС. «ТЕПЕРЬ Я РАССКАЖУ, КАК Я РОДИЛСЯ...»	20
ИНКУБАТОРНЫЙ ПЕРИОД	22
«Пейте уксус господи...»	
Рассказы и сценки	
ВЕЩЬ	25
«ОДНОМУ ФРАНЦУЗУ ПОДАРИЛИ ДИВАН...»	29
КАРЬЕРА ИВАНА ЯКОВЛЕВИЧА АНТОНОВА	29
ВСЕСТОРОННЕЕ ИССЛЕДОВАНИЕ	30
«ДВА ЧЕЛОВЕКА РАЗГОВОРИЛИСЬ...»	32
НЕОЖИДАННАЯ ПОПОЙКА	33
ОБЕЗОРУЖЕННЫЙ ИЛИ НЕУДАВШАЯСЯ ЛЮБОВЬ. Трагический водевиль в одном действии	34
НОВАЯ АНАТОМИЯ	35
О ЯВЛЕНИЯХ И СУЩЕСТВОВАНИЯХ №1	35
О ЯВЛЕНИЯХ И СУЩЕСТВОВАНИЯХ №2	37
ИСТОРИЯ СДЫГР АППР	39
«НА НАБЕРЕЖНОЙ НАШЕЙ РЕКИ...»	47
«КОГДА ЖЕНА УЕЗЖАЕТ...»	47
«БОБРОВ ШЁЛ ПО ДОРОГЕ...»	48

«ДОРОГОЙ НИКАНДР АНДРЕЕВИЧ...»	49
«ОДИН МОНАХ ВОШЁЛ В СКЛЕП...»	50
«Тут все начали говорить...»	51
О РОВНОВЕСИИ	52
ЭКСПРОМТ	53
СКАССКА	53
«ХОТИТЕ, Я РАССКАЖУ ВАМ...»	54
«НЕ ЗНАЮ, ПОЧЕМУ ВСЕ ДУМАЮТ...»	54
«Я РОДИЛСЯ В КАМЫШЕ...»	55
О НАШИХ ГОСТЯХ	55
«СТАРИЧОК ЧЕСАЛСЯ...»	56
«ЛИПАВСКОГО НАЧАЛА МУЧИТЬ...»	56
«— НЕЙТЕ УКСУС ГОСПОДА...»	57
«ОДИН ТОЛСТЫЙ ЧЕЛОВЕК...»	58
ИСТОРИЯ	58
ПРАЗДНИК	60
«ЖИЛ-БЫЛ ЧЕЛОВЕК...»	60
БАСНЯ	62
«ГОВОРЯТ, СКОРО ВСЕМ БАБАМ...»	62
«ОДНА ОСОБА...»	62
ЛИЧНОЕ ПЕРЕЖЕВАНИЕ ОДНОГО МУЗЫКАНТА	63
СМЕРТЬ СТАРИЧКА	64
«В ОДНОМ БОЛЬШОМ ГОРОДЕ...»	64
«ОДНАЖДЫ МАРИНА СКАЗАЛА МНЕ...»	66
ВОСПОМИНАНИЯ ОДНОГО МУДРОГО СТАРИКА	67
СУДЬБА ЖЕНЫ ПРОФЕССОРА	71
О ДРАМЕ	73
О ТОМ, КАК РАССЫПАЛСЯ ОДИН ЧЕЛОВЕК	74
«ОДИН МЕХАНИК РЕШИЛ...»	74

КАССИРША	75
ОТЕЦ И ДОЧЬ	77
НОВЫЕ АЛЬПИНИСТЫ	79
О ПУШКИНЕ	80
«ОДИН ЧЕЛОВЕК ЛЁГ СПАТЬ ВЕРУЮЩИМ...»	81
«СНЕТЯ ВХОДИТ В РЕСТОРАН...»	81
«СУ КОЛКОВА ЗАБОЛЕЛА РУКА...»	82
СЛУЧАЙ С МОЕЙ ЖЕНОЙ	83
«ТАК НАЧАЛОСЬ СОБЫТИЕ...»	84
«— ЕСТЬ-ЛИ ЧТО НИ БУДЬ НА ЗЕМЛЕ...»	85
ШАССАКАЛИЯ №1	86
ТРЯЗНАЯ ЛИЧНОСТЬ	86
ШАПКА	88
ПОЗДРАВИТЕЛЬНОЕ ШЕСТВИЕ. К семидесятилетию Наташи	89
«МЕНЯ НАЗЫВАЮТ КАПУЦИНОМ...»	90
ТЕТРАДЬ	91
НОВЫЙ ТАЛАНТЛИВЫЙ ПИСАТЕЛЬ	92
ПОБЕДА МЫШИНА	93
ЛЕКЦИЯ	96
ШАШКВИЛЬ	97
«КАК ЛЕГКО ЧЕЛОВЕКУ ЗАПУТАТЬСЯ...»	98
ВЛАСТЬ	98
ЧЕТВЕРОНОГАЯ ВОРОНА	101
УПАДАНИЕ	101
«ПЕРЕЧИН СЕЛ НА КНОПКУ...»	103
«СУ НЕГО БЫЛ ТАКОЙ НОС...»	103
«ВСЕ ЛЮДИ ЛЮБЯТ ДЕНЬГИ...»	104
«В ТРАМВАЕ СИДЕЛИ ДВА ЧЕЛОВЕКА...»	105

БЫТОВАЯ СЦЕНКА. Водевиль	106
«— Да, — СКАЗАЛ КОЗЛОВ...»	107
СИНФОНΙΑ № 2	107
РЕАБИЛИТАЦИЯ	108
Художник и часы	109
«АМЕРИКАНСКАЯ УЛИЦА...»	110
ТРЕХОПАДЕНИЕ ИЛИ ПОЗНАНИЕ ДОБРА И ЗЛА.	
Дидаскалия	113
«ГОСПОДИН НЕ ВЫСОКОГО РОСТА...»	117
«КОГДА Я ВИЖУ ЧЕЛОВЕКА...»	118
РЫЦАРИ	119
«ОДНАЖДЫ Я ПРИШЁЛ В ГОСИЗДАТ...»	120
<Из «ГОЛУБОЙ ТЕТРАДИ»>	126
СЛУЧАИ	127
Голубая тетрадь № 10	127
Случаи	128
Вываливающиеся старухи	128
Сонет	128
Метров и Камаров	129
Оптический обман	129
Пушкин и Гоголь	130
Столяр Кушаков	131
Сундук	132
Случай с Петраковым	133
История дерущихся	133
Сон	134
Математик и Андрей Семёнович	135
Молодой человек, удививший сторожа	137
Четыре иллюстрации того, как новая идея огораживает человека, к ней не подготовленного	138

Потери	139
Макаров и Петерсен № 3	140
Суд Линча	141
Встреча	142
Неудачный спектакль	142
Тюк!	143
Что теперь продают в магазинах	144
Машкин убил Кошкина	145
Сон дразнит человека	145
Охотники	146
Исторический эпизод	148
Федя Давидович	150
Анекдоты из жизни Пушкина	152
Начало очень хорошего летнего дня (Симфония)	153
Накин и Ракукин	154
ПИСА	156
ФОМА БОБРОВ И ЕГО СУПРУГА. Комедия в 3-х частях	157
«П<ЕТР> М<ИХАЙЛОВИЧ>...»	160
«ТРИГОРЬЕВ (УДАРЯЯ СЕМЁНОВА ПО МОРДЕ)...»	165
«— ВИДИТЕ ЛИ, — СКАЗАЛ ОН...»	166
«МЕТЕРНИК, ВХОДЯ И ЗДОРОВАЯСЬ...»	167
«ОДНАЖДЫ АНДРЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ШЁЛ ПО УЛИЦЕ...»	168
«АНТОН ГАВРИЛОВИЧ НЕМЕЦКИЙ...»	170
ОБЪЯСНЕНИЕ В ЛЮБВИ. Водевиль	171
«КУКЛОВ И БОГАДЕЛЬНЕВ СИДЯТ ЗА СТОЛОМ...»	171
АМЕРИКАНСКИЙ РАССКАЗ	172
«АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ ПЛЮНУЛ В ЧАШКУ...»	173
«КАК ИЗВЕСТНО, У БЕЗИМЕНСКОГО...»	173

«Ольга Форш подошла к Алексею Толстому...»	174
«У дурака из воротника...»	174
Разница в росте мужа и жены	175
«Но художник усадил натурщицу на стол...»	175
«Кулаков уселся в глубокое кресло...»	176
Рыцарь	177
«Анна – вы знаете! А?...»	180
«Одна муха ударила в лоб...»	181
Евстигнеев смеётся. Водевиль о трёх головах	185
«У одной маленькой девочки...»	188
«Один человек, не желая...»	188
««Макаров! подожди!»...»	191
«Иван Яковлевич Бобов проснулся...»	191
«– Ва-ва-ва! где та баба...»	195
«Ровно 56 лет тому назад...»	195
«– Я не советую есть тебе...»	196
«Когда сон бежит от человека...»	196
Воспитание	197
«Я поднял пыль...»	197
«Я не люблю детей...»	198
«Он был так грязен...»	199
«Один человек гнался...»	199
«Я не стал затыкать ушей...»	199
Связь	200

Семь кошек

Стихи и проза для детей

Иван Иванович Самовар	205
Иван Топорышкин	208

Содержание

Почему	209
Театр	210
«Уж я бегал бегал бегал...»	212
О том, как папа застрелил мне хорька	215
Та-ра-рар!	217
С.Маршак и Д.Хармс. Веселые чижи	220
Миллион	223
Врун	225
Ночь	229
«Мы забрались в траву и оттуда кричим...»	230
«Жил-был музыкант Амадей Фарадон...»	231
Тигр на улице	233
Мы спешим сегодня в школу	234
Из дома вышел человек. Песенка	236
«Это резвый конь ребенок...»	237
«Очень страшная история»	238
Игра	239
Считалка	240
Я самый храбрый	241
Удивительная кошка	242
В гостях. Придумай сказку	243
Песенка про пограничника	244
Бульдог и таксик	246
«На этой странице...»	247
«Жил на свете...»	248
Дворник — дед мороз	249
Что это было?	250
«Искала старушка букашек в цветах...»	251
Кораблик	252

ВЕСЕЛЫЙ СТАРИЧОК	253
СТРАННЫЙ БОРОДАЧ	255
МИСА И ПЕТУХ	257
ЦИРК ПРИНТИНПРАМ	258
КТО КОГО ПЕРЕХИТРИЛ?	260
«ЕДУ-ЕДУ НА КОНЕ...»	261
НЕОЖИДАННЫЙ УЛОВ	262
«ДЕВЯТЬ КАРТИН...»	263
КРЫСАКОВ И ДВЕ СОБАЧКИ	264
КОШКИ	266
ОЗОРНАЯ ПРОБКА	267
О ТОМ, КАК КОЛЬКА ПАНКИН ЛЕТАЛ В БРАЗИЛИЮ, А ПЕТЬКА ЕРШОВ НИЧЕМУ НЕ ВЕРИЛ	273
17 ЛОШАДЕЙ	285
ВО-ПЕРВЫХ И ВО-ВТОРЫХ	287
О ТОМ, КАК СТАРУШКА ЧЕРНИЛА ПОКУПАЛА	292
Б.Левин и Д.Хармс. «ДРУГ ЗА ДРУГОМ!»	300
КАК МАША ЗАСТАВИЛА ОСЛА ВЕЗТИ ЕЕ В ГОРОД	307
«ОДНАЖДЫ ЛЕВ, СЛОН, ЖИРАФА...»	308
ЗАЯЦ И ЁЖ	310
СЕМЬ КОШЕК	313
СКАЗКА	315
ХРАБРЫЙ ЁЖ	318
«В ПРОШЛОМ ГОДУ Я БЫЛ НА ЁЛКЕ...»	319
ЛОМКА КОСТЕЙ	320
МУШКИН	326
ПРО СОБАКУ БУБУБУ	331
ХВАСТУН КОЛПАКОВ	333
В. Буш. ШЛИХ И ПЛЮХ Вольный перевод с немецкого	335

«Меня закинули под стул...»

Стихотворения

«ФАДЕЕВ КАЛДЕЕВ И ПЕПЕРМАЛДЕЕВ...»	349
«Я ПОНЯЛ БУДУЧИ В ЛЕСУ...»	349
ПРИКАЗ ЛОШАДЯМ	350
«ШАРИКИ СУДАРИКИ...»	351
«Я В ТРАМВАЕ ВИДЕЛ ДЕВУ...»	352
«ВСЕ ВСЕ ВСЕ ДЕРЕВЬЯ ПИФ...»	352
ВАРИАЦИИ	353
«ШЁЛ ПЕТРОВ ОДНАЖДЫ В ЛЕС...»	354
«МЕНЯ ЗАКИНУЛИ ПОД СТУЛ...»	354
«В ИЮЛЕ КАК ТО В ЛЕТО НАШЕ...»	355
О ТОМ КАК ИВАН ИВАНОВИЧ ПОПРОСИЛ И ЧТО ИЗ ЭТОГО ВЫШЛО	355
ГОВОР	358
СЛУЧАЙ НА ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГЕ	358
СКУПОСТЬ	360
СТИХ ПЕТРА-ЯШКИНА-КОММУНИСТА	361
ПРОГУЛКА	362
ФОКУСЫ	364
«ГРАЖДАНКА, ВЫ КУДА ПРИШЛИ?...»	365
«ПО ВТОРНИКАМ НАД МОСТОВОЙ...»	366
ПАПА И ЕГО НАБЛЮДАТЕЛИ	366
«ЕХАЛ ДОКТОР ИЗ ДАЛЁКА...»	367
ВАННА АРХИМЕДА	369
«ТАК Я МОЛИЛ ТВОЕЙ ЛЮБВИ...»	370
«ЭХ, ГОЛУБКА, ПЕСЕНЬ ВАША...»	371
«НА КОНЬКАХ С ТОБОЙ ГАЛИНА...»	371
ЗЛОЕ СОБРАНИЕ НЕВЕРНЫХ	371

УТРО (ПРОБУЖДЕНИЕ ЭЛЕМЕНТОВ)	372
«ВАМ ПОВЕРИТЬ...»	373
«ГДЕ Я ПОТЕРЯЛ РУКУ?...»	374
«ГДЕ-Ж? ГДЕ-Ж? ГДЕ-Ж? ГДЕ-Ж?...»	375
«РЕВЕККА ВАЛЕНТИНА И ТАМАРА...»	376
«БЫЛ ОН ТОЩЬ ВЫСОК И СТРОЕН...»	377
«НЕУЖЕЛИ ЭТО ФОН...»	378
Он и мельница	380
ЗВОНИТЬЛЕТЕТЬ (третья цисфинитная логика)	381
«СЕЛОВЕК УСТРОЕН ИЗ ТРЁХ ЧАСТЕЙ...»	383
«И ПТИЧКА ГОРЬКО ПЛАЧЕТ...»	384
РАЗМЫШЛЕНИЕ О ДЕВИЦЕ	384
ФИЗИК, СЛОМАВШИЙ НОГУ	385
АНТОН И МАРИЯ	385
ЗАУМНАЯ ПЕСЕНЬКА	386
ХОРОШАЯ ПЕСЕНЬКА ПРО ФЕФЮЛЮ	386
«Я ГЕНИЙ ПЛАМЕННЫХ РЕЧЕЙ...»	387
«ГОСТИ РАДОСТНО ПИРУЮТ...»	387
ПРОГУЛОЧКА	388
Сон двух черномазых дам	389
«ТРИГОРИЙ СТУДНЕМ ПОДАВИВШИСЬ...»	389
«ТРИГОРИЙ СТУДНЕМ ПОДАВИЛСЯ...»	390
«Я СЕГОДНЯ ЛЯГУ РАНЬШЕ...»	390
«КРАСИВО ЭТО, ОЧЕНЬ МИЛО...»	390
СЛАДОСТРАСТНЫЙ ДРЕВОРУБ	390
«Я ДОЛГО ДУМАЛ ОБ ОРЛАХ...»	391
«В НОЧНОЙ ПУСТЫННОЙ ТИШИНЕ...»	391
ОКНОВ И КОЗЛОВ	392
«ЗДРАВСТВУЙ СТОЛ...»	393

Лампа о словах подносящих укромную музыку	394
«Мне бы в голову забраться козлом...»	395
«Узы верности ломаешь...»	397
«Почему нелюбопытны...»	398
«Почто сидишь...»	398
Наблюдение	398
Страсть	400
«Однажды господин Кондратьев...»	401
«Елизавета играла с огнём...»	401
Знак при помощи глаза	402
«Молчите все!..»	402
«Жил был в доме тридцать три единицы...»	403
О водяных кругах	404
«Вошла Елизавета...»	405
Постоянство веселья и грязи	405
Карпатами – горбатыми	406
Сладострастная торговка	407
«Открыв наук зелёный том...»	409
«Почему любовный фибр...»	410
«Однажды утром воробей...»	410
«В этом ящике железном...»	410
«Возьмите незабудку...»	411
«Дорогой начальник денег...»	411
Жене	411
«В каждом колоколе злоба...»	413
Страшная смерть	413
«Дни летят как ласточки...»	413
«На коня вскочил и в стремя...»	414

«Я ВАМ ХОЧУ РАССКАЗАТЬ ОДНО
ПРОИСШЕСТВИЕ...»

414

Турка – турка

418

Скавка

420

«Взяли фризую шинель...»

420

«Так я молил твоей любви...»

420

«Я с огромной высоты...»

420

«Жили в киеве два друга...»

421

Романс

421

«Наша новая страна...»

422

«Он не любил всего,
что набило оскомину...»

О Данииле Хармсе

Алиса ПОРЕТ.

ВОСПОМИНАНИЯ О ДАНИИЛЕ ХАРМСЕ

425

Владимир ГЛОЦЕР

«МАРИНА ДУРНОВО. МОЙ МУЖ ДАНИИЛ ХАРМС»

446

Ему было совсем просто извлекать смешное из нелепости

Чуждачества этого человека начались, можно считать, еще на школьной скамье, когда вместо простой русской фамилии — Ювачёв — он взял себе весьма странный псевдоним, который охочие до разгадок литературоведы не раз пытались и еще будут пытаться расшифровать по-своему: Хармс. Даниил Хармс. Имя было подлинное, а в соединении с необычайной фамилией выстреливало как цирковой номер.

К тому же свой псевдоним он много раз менял, варьировал, и это в самом деле походило на фокус: Хармс — Шардам — Дандан — Хормс — Хаармс и так далее.

Он любил изумлять, удивлять, эпатировать. И делал это легко, весело, празднично, как будто действительно показывал фокус.

Недаром С.Маршак, услышав стихи Хармса, счел его незаменимым волшебником для детей и вовлек в детскую литературу.

Конечно, что-то волшебное было заложено прежде всего в самих строчках поэта, и дети это чувствовали лучше, чем кто бы то ни было.

Между тем детским писателем Хармс стал если не поневоле, то во всяком случае потому, что всё, что он писал «для взрослых», никак не могло быть напечатано в его время.

В этом заключалась трагедия его жизни и литературной судьбы, трагедия писателя. «Меня, — писал Хармс в 1937 году, — интересует только “чушь”; только то, что не имеет никакого практического смысла.

Меня интересует жизнь только в своем нелепом проявлении».

Литература, содержанием которой была «жизнь... в своем нелепом проявлении» и которая «не имеет никакого практического смысла», конечно же, не могла считаться нужной. Хармс это прекрасно сознавал. Его занимала абсурдность существования, действий, поступков отдельного человека или группы людей, помноженная на абсурд самой жизни, действительности, бытия. Он даже не так уж много придумывал, сочинял эту «чушь», замешивая ее на фантастическом, чудном, странном, — он лишь остроумно фиксировал на ней свое внимание. Ему было совсем просто извлекать смешное, веселое из нелепости, «чуши», которая составляла суть его мыслимых и немыслимых историй.

И когда ни о каком абсурде как литературном направлении никто и не помышлял, — он вместе со своим другом Александром Введенским, каждый по-своему, прокладывал это направление.

Да, он ощущал себя новатором в литературе и поэтому чувствовал себя одиноким. «Нет уважения ко мне писателей. Нет между ними подлинных искателей», — записал он в 1933 году.

Садясь или по крайней мере усаживая себя за стол ежедневно, он писал очень короткие — в треть, в половину страницы, реже — на несколько страничек (и лишь однажды — повесть, равную рассказу) вещи — и обычно никому их потом не показывал. Поэтому не странно, что он сам разговаривал со своими стихами, рассказами и сценками, как со своими детьми. «Мои творения, сыновья и дочери мои. Лучше родить трех сыновей сильных, чем сорок, да слабых...»

Аресты, голод, нужда — ничто не могло отвратить его от любимой работы за столом. «Довольно кривляний, — восклицал он в дневнике: — у меня ни к чему нет интереса, только к этому. Вдохновение и интерес — это то же самое». Он должен был себя в этом

уверять, утверждать, потому что годами не видел никакой внешней поддержки.

Так все и шло до 1941 года, когда, как он и предчувствовал, о нем, уже дважды арестовывавшемся, вспомнили. 23 августа он был в третий и в последний раз арестован и в начале февраля 1942 года погиб в тюрьме. За месяц до гибели ему исполнилось 36 лет.

Чудом — и одновременно подвигом близких (и в первую очередь его друга, Я.С.Друскина) — можно считать сохранение многих его рукописей. Они дошли до нас, и теперь, спустя десятилетия, выходят в свет. Дети Хармса, «сыновья и дочери» ни на кого не похожего писателя.

Владимир ГЛОЦЕР

Вместо автобиографии

Даниил ХАРМС

«*М*еперь я расскажу,
как я родился...»

*М*еперь я расскажу, как я родился,

как я рос и как обнаружились во мне первые признаки гения. Я родился дважды. Произошло это вот так:

Мой папа женился на моей маме в 1902 году, но меня мои родители произвели на свет только в конце 1905 года, потому что папа пожелал, чтобы его ребёнок родился обязательно на новый год. Папа рассчитал, что зачатие должно произойти 1-го апреля и только в этот день подъехал к маме с предложением зачать ребенка.

Первый раз папа подъехал к моей маме 1-го апреля 1903 года. Мама давно ждала этого момента и страшно обрадовалась. Но папа, как видно, был в очень шутливом настроении и не удержался и сказал маме «с первым апрелем!»

Мама страшно обиделась и в этот день не подпустила папу к себе. Пришлось ждать до следующего года.

В 1904 году, 1-го апреля, папа начал опять подъезжать к маме с тем же предложением. Но мама, помня прошлогодний случай, сказала, что теперь она уже больше не желает оставаться в глупом положении, и опять не подпустила к себе папу. Сколько папа не бушевал, ничего не помогло.

И только год спустя удалось моему папе уломать мою маму и зачать меня.

Итак моё зачатие произошло 1-го апреля 19<0>5 года.

Однако все папины расчёты рухнули, потому что я оказался недоноском и родился на четыре месяца раньше срока.

Папа так разбушевался, что акушерка, принявшая меня, растерялась и начала запихивать меня обратно, откуда я только что вылез.

Присутствовавший при этом один наш знакомый студент Военно-медицинской Академии заявил, что запихать меня обратно не удастся. Однако, несмотря на слова студента, меня всё же запихали, но, правда, как потом выяснилось, запихать-то запихали, да в торопях не туда.

Тут началась страшная суматоха. Родительница кричит: «Подавайте мне моего ребёнка!» А ей отвечают: «Вашь, говорят, ребёнок находится внутри вас». «Как! — кричит родительница. — Как ребёнок внутри меня, когда я его только что родила!» «Но, — говорят родительнице, — может быть вы ошибаетесь?» «Как! — кричит родительница — ошибаюсь! Разве я могу ошибаться! Я сама видела, что ребенок только что вот тут лежал на простыне!» «Это верно, — говорят родительнице, — но, может быть, он куда нибудь заполз». Одним словом, и сами не знают, что сказать родительнице.

А родительница шумит и требует своего ребёнка.

Пришлось звать опытного доктора. Опытный доктор осмотрел родительницу и руками развёл, однако всё же сообразил и дал родительнице хорошую порцию английской соли. Родительницу пронесло, и таким образом я вторично вышел на свет.

Тут опять папа разбушевался, дескать, это, мол, ещё нельзя назвать рождением, что это, мол, ещё не человек, а скорее наполовину зародыш и что его следует либо опять обратно запихать, либо посадить в инкубатор.

И вот посадили меня в инкубатор.

25 сентября 1935 года

Инкубаторный период

В инкубаторе я просидел четыре месяца. Помню только, что инкубатор был стеклянный, прозрачный и с градусником. Я сидел внутри инкубатора на вате. Больше я ничего не помню.

Через четыре месяца меня вынули из инкубатора. Это сделали как раз 1-го января 1906 года. Таким образом, я как бы родился в третий раз. Днём моего рождения стали считать именно 1-ое января.

<Сентябрь 1935>

«Пейте уксус господа...»

Рассказы
и сценки

Вещь

Мама, папа и прислуга

по названию Наташа сидели за столом и пили.

Папа был несомненно забулдыга. Даже мама смотрела на него с высока. Но это не мешало папе быть очень хорошим человеком. Он очень добродушно смеялся и качался на стуле. Горничная Наташа, в наколке и передничке, всё время невозможно стеснялась. Папа веселил всех своей бородой, но горничная Наташа конфузливо опускала глаза изображая этим что она стесняется.

Мама, высокая женщина с большой прической, говорила лошадиным голосом. Мамин голос трубил в столовой, отзываясь на дворе и в других комнатах.

Выпив по первой рюмочке все на секунду замолчали и поели колбасу. Немного погодя все опять заговорили.

Вдруг, совершенно неожиданно, в дверь кто-то постучал. Ни папа, ни мама, ни горничная Наташа не могли догадаться кто это стучит в двери.

— Как это странно, — сказал папа. — Кто бы там мог стучать в дверь?

Мама сделала соболезнующее лицо и не в очередь налила себе вторую рюмочку, выпила и сказала: «Странно».

Папа ничего не сказал плохого, но налил себе тоже рюмочку, выпил и встал из за стола.

Ростом был папа не высок. Не в пример мамы. Мама была высокой, полной женщиной с лошадиным

голосом, а папа был просто её супруг. В добавление ко всему прочему папа был веснушат.

Он одним шагом подошел к двери и спросил:

— Кто там?..

— Я, — сказал голос за дверью. Тут-же открылась дверь и вошла горничная Наташа вся смущённая и розовая. Как цветок. Как цветок.

Папа сел.

Мама выпила ещё.

Горничная Наташа и другая как цветок зарделись от стыда. Папа посмотрел на них и ничего плохого не сказал, а только выпил, так-же как и мама.

Чтобы заглушить неприятное жжение во рту, папа вскрыл банку консервов с раковым паштетом. Все были очень рады ели до утра. Но мама молчала, сидя на своём месте. Это было очень неприятно.

Когда папа собирался что-то спеть, стукнуло окно. Мама вскочила с испуга и закричала что она ясно видела как с улицы в окно кто то заглянул. Другие уверяли маму, что это невозможно, т<ак> к<ак> их квартира в третьем этаже, и никто с улицы посмотреть в окно не может, для этого нужно быть великаном или голиафом.

Но маме взбрела в голову крепкая мысль. Ни что на свете не могло её убедить, что в окно никто не смотрел.

Что бы успокоить маму, ей налили ещё одну рюмочку. Мама выпила рюмочку. Папа тоже налил себе и выпил.

Наташа и горничная как цветок сидели потупив глаза от конфуза.

— Не могу быть в хорошем настроении когда на нас смотрят с улицы через окно, — кричала мама.

Папа был в отча<я>нии, не зная как успокоить маму. Он сбегал даже на двор, пытаясь заглянуть от туда хотя бы в окно второго этажа. Конечно он не смог дотянуться. Но маму это ни сколько не убедило.

Мама даже не видела как папа не мог дотянуться до окна всего лишь второго этажа.

Окончательно расстроенный всем этим, папа вихрем влетел в столовую и залпом выпил две рюмочки, налив рюмочку и маме. Мама выпила рюмочку, но сказала, что пьёт только в знак того что убеждена что в окно кто-то посмотрел.

Папа даже руками развёл.

— Вот, — сказал он маме и подойдя к окну растворил настеж обе рамы.

В окно попытался влезть какой-то человек в грязном воротничке и с ножом в руках. Увидя его папа захлопнул рамы и сказал:

— Никого нет там.

Однако человек в грязном воротничке стоял за окном и смотрел в комнату, и даже открыл окно и вошёл.

Мама была страшно взволнована. Она грохнулась в истерику, но выпив немного предложенного ей папой и закусив грибком успокоилась.

Вскоре и папа пришёл в себя. Все опять сели к столу и продолжали пить.

Папа достал газету и долго вертел её в руках ища где верх и где низ. Но сколько он ни искал, так и не нашёл, а потому отложил газету в сторону и выпил рюмочку.

— Хорошо, — сказал папа, — но не хватает огурцов.

Мама неприлично заржала, от чего горничные сильно сконфузились и принялись рассматривать узор на скатерти.

Папа выпил ещё и вдруг схватив маму посадил её на буфет.

У мамы взбилась седая пышная прическа, на лице проступили красные пятна и вообще рожа была возбужденная.

Папа подтянул свои штаны и начал тост.

Но тут открылся в полу люк, и от туда вылез монах.

Горничные так переконфузились, что одну начало рвать. Наташа держала свою подругу за лоб стараясь скрыть безобразие.

Монах, который вылез из под пола, прицелился кулаком в папино ухо, да как треснет!

Папа так и шлёпнулся на стул не окончив тоста.

Тогда монах подошёл к маме и ударил её как-то снизу, ни то рукой не то ногой.

Мама принялась кричать и звать на помощь.

А монах схватил за шиворот обеих горничных и помотав ими по воздуху отпустил.

Потом никем не замеченный монах скрылся опять под пол закрыв за собою люк.

Очень долго ни мама, ни папа, ни горничная Наташа не могли притти в себя. Но потом отдышавшись и приведя себя в порядок они все выпили по рюмочке и сели за стол закусить шинкованной капусткой.

Выпив ещё по рюмочке, все посидели, мирно беседу<я>.

Вдруг папа побагровел и принялся кричать:

— Что! Что! — кричал папа. — Вы считаете меня за мелочного человека! Вы смотрите на меня как на неудачника! Я вам не преживальщик! Сами вы негодяи!

Мама и горничная Наташа выбежали из столовой и заперлись на кухне.

— Пошёл, забулдыга! Пошёл, чёртово копыто! — шептала мама в ужасе окончательно сконфуженной Наташе.

А папа сидел в столовой до утра и орал, пока не взял папку с делами, одел белую фуражку и скромно пошёл на службу.

31 мая 1929 года

Одному французу подарили диван, четыре стула и кресло.

Сел француз на стул у окна, а самому хочется на диване полежать. Лёг француз на диван, а ему уже на кресле посидеть хочется. Встал француз с дивана и сел на кресло, как король, а у самого мысли в голове уже такие, что на кресле-то больно пышно. Лучше попроще, на стуле. Пересел француз на стул у окна, да только не сидится француз на этом стуле, потому что в окно как-то дует, француз пересел на стул возле печки и почувствовал, что он устал. Тогда француз решил лечь на диван и отдохнуть, но, не дойдя до дивана, свернул в сторону и сел на кресло.

— Вот где хорошо! — сказал француз, но сейчас же прибавил: — а на диване-то, пожалуй, лучше.

<Вторая пол. 1930-х>

Карьера Ивана Яковлевича Антонова

Это случилось ещё до революции.

Одна купчиха зевнула, а к ней в рот залетела кукушка.

Купец прибежал на зов своей супруги и, моментально сообразив в чем дело, поступил самым остроумным способом.

С тех пор он стал известен всему населению города и его выбрали в сенат.

Но прослужив года четыре в сенате, несчастный купец однажды вечером зевнул и ему в рот залетела кукушка.

На зов своего мужа прибежала купчиха и поступила самым остроумным способом.

Слава об её находчивости распространилась по всей губернии и купчиху повезли в столицу показать митрополиту.

Выслушивая длинный рассказ купчихи, митрополит зевнул и ему в рот залетела кукушка.

На громкий зов митрополита прибежал Иван Яковлевич Григорьев и поступил самым остроумным способом.

За это Ивана Яковлевича Григорьева переименовали в Ивана Яковлевича Антонова и представели царю.

И вот теперь становится ясным, каким образом Иван Яковлевич Антонов сделал себе карьеру.

Даниил Хармс

8 января 1935 года.

Всестороннее исследование

Ермолаев:

Я был у Блинова, он показал мне свою силу. Ничего подобного я никогда не видал. Это сила зверя! Мне стало страшно. Блинов поднял письменный стол, раскачал его и отбросил от себя метра на четыре.

Доктор:

Интересно бы исследовать это явление. Науки известны такие факты, но причины их непонятны. Откуда такая мышечная сила, ученые ещё сказать не могут. Познакомьте меня с Блиновым: я дам ему исследовательскую пилюлю.

Ермолаев:

А что это за пилюля, которую вы собираетесь дать Блинову.

Доктор:

Как пилюля? Я не собираюсь давать ему пилюлю.

Ермолаев:

Но вы же сами только что сказали, что собираетесь дать ему пилюлю.

Доктор:

Нет нет, вы ошибаетесь. Про пилюлю я не говорил.

Ермолаев:

Ну уж извините, я то слышал как вы сказали про пилюлю.

Доктор:

Нет.

Ермол.:

Что нет?

Дктр.:

Не говорил!

Ермлв:

Кто не говорил?

Дктр:

Вы не говорили.

Ермлв:

Чего я не говорил?

Дктр:

Вы по моему чего то не договариваете.

Ермлв:

Я ничего не понимаю. Чего я не договариваю?

Дктр:

Ваша речь очень типична. Вы проглатываете слова, не договариваете начатой мысли, торопитесь и заикаетесь.

Ермлв:

Когда же я заикался? Я говорю довольно гладко.

Дктр:

Вот в этом то и есть ваша ошибка. Видите? Вы даже от напряжения начинаете покрываться красными пятнами. У вас ещё не похолодели руки?

Ермлв:

Нет. А что?

Дктр:

Так. Это моё предположение. Мне кажется, вам уже тяжело дышать. Лучше сядте, а то вы можете упасть. Ну вот. Теперь вы отдохните.

Ермлв:

Да зачем-же это?

Дктр:

Тсс. Не напрягайте голосовых связок. Сейчас я вам постараюсь облегчить вашу участь.

Ермлв:

Доктор! Вы меня пугаете.

Дктр:

Дружочек милый! Я хочу вам помочь. Вот возьмите это. Глотайте.

Ермлв:

Ой! Фу! Какой сладкий отвратительный вкус! Что это вы мне дали?

Дктр:

Ничего, ничего. Успокойтесь. Это средство верное.

Ермлв:

Мне жарко, и всё кажется зелёного цвета.

Дктр:

Да да да дружочек милый, сейчас вы умрёте.

Ермолаев:

Что вы говорите? Доктор! Ой, не могу! Доктор! Что вы мне дали? Ой, доктор!

Дктр:

Вы проглотили исследовательскую пилюлю.

Ермолаев:

Спасите. Ой. Спасите. Ой. Дайте дышать. Ой. Спас... Ой. Дышать...

Дктр:

Замолчал. И не дышет. Значит уже умер. Умер, не найдя на земле ответов на свои вопросы. Да, мы врачи, должны всесторонне исследовать явление смерти.

Даниил Хармс
21 июня 1937 года

Ова человека разговорились. При чём один человек заикался на гласных, а другой на гласных и на согласных.

Когда они кончили говорить, стало очень приятно — буд то потушили примус.

<1936—1937>

Неожиданная попойка

Однажды Антонина Алексеевна ударила своего мужа служебной печатью и выпачкала ему лоб печатной краской.

Сильно оскорблённый Пётр Леонидович, муж Антонины Алексеевны, заперся в ванной комнате и никого туда не пускал.

Однако жильцы коммунальной квартиры, имея сильную нужду пройти туда, где сидел Пётр Леонидович, решили силой взломать запертую дверь.

Видя, что его дело проиграно, Пётр Леонидович вышел из ванной комнаты и, пройдя к себе, лёг на кровать.

Но Антонина Алексеевна решила преследовать своего мужа до конца. Она нарвала мелких бумажек и посыпала ими лежащего на кровати Петра Леонидовича.

Взбешённый Пётр Леонидович выскочил в корридор и принялся там рвать обои.

Тут выбежали все жильцы и видя, что делает несчастный Пётр Леонидович, накинулись на него и разодрали на нём жилетку.

Пётр Леонидович побежал в ЖАКТ.

В это время Антонина Алексеевна разделась догола и спряталась в сундук.

Через десять минут вернулся Пётр Леонидович, ведя за собой управдома.

Не найдя жены в комнате, Управдом и Пётр Леонидович решили воспользоваться свободным помещением и выпить водочки. Пётр Леонидович взялся сбежать за этим напитком на угол.

Когда Пётр Леонидович ушёл, Антонина Алексеевна вылезла из сундука и предстала в голом виде перед управдомом.

Потрясённый управдом вскочил со стула и подбежал к окну, но, видя мощное сложение молодой два-

дцатишестилетней женщины, вдруг пришёл в дикий восторг.

Тут вернулся Пётр Леонидович с литром водки.

Увидя, что творится в его комнате, Пётр Леонидович нахмурил брови.

Но его супруга Антонина Алексеевна показала ему служебную печать и Пётр Леонидович успокоился.

Антонина Алексеевна высказала желание принять участие в попойке, но обязательно в голом виде, да ещё вдобавок сидя на столе, на котором предполагалось разложить закуску к водке.

Мужчины сели на стулья, Антонина Алексеевна села на стол и попойка началась,

Нельзя назвать это гигиеничным, если голая молодая женщина сидит на том-же столе, где едят. К тому же Антонина Алексеевна была женщиной довольно полного сложения и не особенно чистоплотной, так что было вообще чёрт знает что.

Скоро однако все напились и заснули, мужчины на полу, а Антонина Алексеевна на столе.

И в коммунальной квартире водворилась тишина.

Д. Х.

22 янва~~ря~~ 1935 года.

Обезоруженный или Неудавшаяся любовь

Трагический водевиль в одном действии

Лев Маркович (подскакивая к даме) — Разрешите!

Дама (отстраняясь ладонями) — Отстаньте!

Л. М. (насккивая) — Разрешите!

Дама (пихаясь ногами) — Уйдите!

Л. М. (хватаясь руками) — Дайте разок!

Дама (пихаясь ногами) — Прочь! Прочь!

Л. М. — Один только пистон!

Дама (мычит, дескать «нет»).

Л. М. — Пистон! Один пистон!

Дама (закатывает глаза).

Л. М. (Суется, лезет рукой за своим инструментом и вдруг оказывается не может его найти).

Л. М. — Обождите! (Шарит у себя руками). Что за чччорт!

Дама (с удивлением смотрит на Льва Марковича).

Л. М. — Вот ведь история!

Дама — Что случилось?

Л. М. — Хм... (смотрит растеренно во все стороны).

Занавес

1934

Новая Анатомия

У одной маленькой девочки на носу выросли две голубые ленты. Случай особенно редкий, ибо на одной ленте было написано «Марс», а на другой — «Юпитер».

1935

О явлениях и существованиях

№ 1

Художник Миккель Анжело садится на груды кирпичей и, подперев голову руками, начинает думать. Вот проходит мимо петух и смотрит на художника Миккеля Анжело своими круглыми золотистыми глазами. Смотрит и не мигает. Тут художник Миккель Анжело поднимает голову и видит петуха. Петух не отводит глаз, не мигает и не двигает хвостом. Художник Миккель Анжело опускает глаза и замечает, что глаза что то щиплет. Художник Миккель Анжело трёт глаза руками. А петух не стоит уж больше, не стоит, а уходит, уходит за сарай, за сарай, на птичий двор, на птичий двор к своим курам.

И художник Миккель Анжело поднимается с груды кирпичей, отрехает со штанов красную кирпичную пыль, бросает в сторону ремешок и идет к своей жене.

А жена у художника Миккеля Анжело длинная-длинная, длиной в две комнаты.

По дороге художник Миккель Анжело встречается Комарова, хватает его за руку и кричит: «Смотри!»

Комаров смотрит и видит шар.

«Что это?» — шепчет Комаров.

А с неба грохочет: «Это шар».

«Какой такой шар?» — шепчет Комаров.

А с неба грохот: «Шар гладкоповерхностный!»

Комаров и художник Миккель Анжело садятся в траву, и сидят они в траве, как грибы. Они держат друг друга за руки и смотрят на небо. А на небе вырисовывается огромная ложка. Что же это такое? Никто этого не знает. Люди бегут и застревают в своих домах. И двери запирают и окна. Но разве это поможет? Куда там! Не поможет это.

Я помню, как в 1884^{том} году показалась на небе обыкновенная комета величиной с пароход. Очень было страшно. А тут ложка! Куда комете до такого явления.

Запирать окна и двери!

Разве это может помочь? Против небесного явления доской не загородишься.

У нас в доме живет Николай Иванович Ступин, у него теория, что всё дым. А по-моему, не всё дым. Может, и дыма то никакого нет. Ничего, может быть, нет. Есть одно только разделение. А может быть, и разделения-то никакого нет. Трудно сказать.

Говорят, один знаменитый художник рассматривал петуха. Рассматривал, рассматривал и пришёл к убеждению, что петуха не существует.

Художник сказал об этом своему приятелю, а приятель давай смеяться. Как-же, говорит, не существу-

ет, когда, говорит, он вот тут вот стоит, и я, говорит, его отчетливо наблюдаю.

А великий художник опустил тогда голову, и как стоял, так и сел на груды кирпичей.

ВСЁ

Даниил Дандан
18 сентября 1934 года.

О явлениях и существованиях

№ 2

Вот бутылка с водкой, так называемый спиртуоз. А рядом вы видите Николая Ивановича Серпухова.

Вот из бутылки поднимаются спиртуозные пары. Поглядите, как дышит носом Николай Иванович Серпухов. Поглядите, как он облизывается и как он щурится. Видно, ему это очень приятно, и главным образом потому, что спиртуоз.

Но обратите внимание на то, что за спиной Николая Ивановича нет ничего. Не то что бы там не стоял шкаф, или коммод, или вообще что ни будь такое, а совсем ничего нет, даже воздуха нет. Хотите верьте, хотите не верьте, но за спиной Николай <Ивановича> нет даже безвоздушного пространства, или, как говорить, мирового эфира. Откровенно говоря, ничего нет.

Этого, конечно, и вообразить себе невозможно.

Но на это нам плевать, нас интересует только спиртуоз и Николай Иванович Серпухов.

Вот Николай Иванович берёт рукой бутылку со спиртуозом и подносит её к своему носу. Николай Иванович нюхает и двигает ртом, как кролик.

Теперь пришло время сказать, что не только за спиной Николая Ивановича, но впереди, так сказать, перед грудью и вообще кругом нет ничего. Полное от-

существование всякого существования, или, как острили когда-то: отсутствие всякого присутствия.

Однако давайте интересоваться только спиртуозом и Николаем Ивановичем.

Представьте себе, Николай Иванович заглядывает во внутрь бутылки со спиртуозом, потом подносит её к губам, запракидывает бутылку доньшком в верх и выпивает, представьте себе, весь спиртуоз.

Вот ловко! Николай Иванович выпил спиртуоз и похлопал глазами. Вот ловко! Как это он!

А мы теперь должны сказать вот что: собственно говоря, не только за спиной Николая Ивановича или спереди и вокруг только, а так же и внутри Николая Ивановича ничего не было, ничего не существовало.

Оно, конечно, могло быть так, как мы только что сказали, а сам Николай Иванович мог при этом восхитительно существовать. Это, конечно, верно. Но, откровенно говоря, вся штука в том, что Николай Иванович не существовал и не существует. Вот в чем штука-то.

Вы спросите: А как же бутылка со спиртуозом? Особенно, куда вот делся спиртуоз, если его выпил несуществующий Николай Иванович? Бутылка, скажем, осталась. А где же спиртуоз? Только что был, а вдруг его и нет. Ведь Николай-то Иванович не существует, говорите вы. Вот как же это так?

Тут мы и сами теряемся в догадках.

А впрочем, что же это мы говорим? Ведь мы сказали, что как в нутри, так и снаружи Николая Ивановича ничего не существует. А раз ни внутри, ни снаружи ничего не существует, то значит и бутылки не существует. Так ведь?

Но, с другой стороны, обратите внимание на следующее: если мы говорим, что ничего не существует ни из нутри, ни с наружи, то является вопрос: из нутри и с наружи чего? Что-то, видно, всё же существует? А может, и не существует. Тогда для чего-же мы говорили из нутри и с наружи?

Нет, тут явно тупик. И мы сами не знаем, что сказать.

Досвидание.

ВСЁ.

Даниил Дандан
18 сентября 1934 года.

История Сдыгр Анпр

Андрей Семенович — Здравствуй, Петя.

Петр Павлович — Здравствуй, здравствуй. Guten Morgen. Куда несет?

Андрей Семенович протянул руку Петру Павловичу, а Петр Павлович схватил руку Андрея Семеновича и так ее дернули, что Андрей Семенович остался без руки и с испуга кинулся бежать. Петр Павлович бежали за Андреем Семеновичем и кричали: «Я тебе, мерзавцу, руку оторвал, а вот обожди, догоню, так и голову оторву!»

Андрей Семенович неожиданно сделал прыжок и перескочил канаву, а Петр Павлович не сумели перепрыгнуть канавы и остались по сию сторону.

Андрей Семенович — Что? Не догнал?

Петр Павлович — А это вот видел? (И показал руку Андрея Семеновича).

Андрей Семенович — Это моя рука!

Петр Павлович — Да-с, рука ваша! Чем махать будете?

Андрей Семенович — Платочком.

Петр Павлович — Хорош, нечего сказать! Одну руку в карман сунул, и головы почесать нечем.

Андрей Семенович — Петя! Давай так: я тебе что-ни будь дам, а ты мне мою руку отдай.

Петр Павлович — Нет, я руки тебе не отдам. Лучше и не проси. А вот хочешь, пойдем к профессору Тартарелину, он тебя вылечит.

Андрей Семенович прыгнул от радости и пошел к профессору Тартарелину.

Андрей Семенович — Многоуважаемый профессор, выложите мою правую руку. Ее оторвал мой приятель Петр Павлович и обратно не отдает.

Петр Павлович стояли в прихожей профессора и демонически хохотали. Под мышкой у них была рука Андрея Семеновича, которую они держали презрительно, на подобие портфеля.

Осмотрев плечо Андрея Семеновича, профессор закурил трубку-папиросу и вымолвил:

— Это крупная шшадина.

Андрей Семенович — Простите, как вы сказали?

Профессор — Сшадина.

Андрей Семенович — Ссадина?

Профессор — Да, да, да. Шатина. Шá-тй— ná!

Андрей Семенович — Хороша ссадина, когда и руки-то нет!

Из прихожей послышался смех.

Профессор — Ой! Кто там шмиётся?

Андрей Семенович — Это так просто. Вы не обращайте внимания.

Профессор — Хо! Ш удовольствием. Хотите, что-нибудь почитаем?

Андрей Семенович — А вы меня полечите.

Профессор — Да, да, да. Почитаем, а потом я вас полечу. Садитесь.

(Оба садятся).

Профессор — Хотите, я вам прочту свою науку?

Андрей Семенович — Пожалуйста! Очень интересно.

Профессор — Только я изложил ее в стихах.

Андрей Семенович — Это страшно интересно!

Профессор — Вот, хе-хе, я вам прочту от сюда до сюда. Тут вот о внутренних органах, а тут уже о суставах.

Петр Павлович (входя в комнату):

Здыгр апрр устр устр
Я несу чужую руку
Здыгр апрр устр устр
Гда профессор Тартарелин?
Здыгр апрр устр устр
Где приемные часы?
Если эти побрекушки
С двумя гилями до полу
Эти часики старушки
пролетели параболу
Здыгр апрр устр устр
Ход часов нарушен мною
им в замену карабистр
на подставке здыгр апрр
с бесконечною рукою
приспособленной как стрелы
от минуты за другою
в путь несется погарелый
А под белым циферблатом
блин мотает устр устр
и закутанный халатом
восседает карабистр
он приёмные секунды
смотрит в двигатель размерен
чтобы время не гуляло
где профессор Тартарелин
Где Андрей Семеныч здыгр
Однорукий здыгр апрр
лечит здыгр апрр устр
приспосабливает руку
приколачивает пальцы
Здыгр апрр прибывает
здыгр апрр устр бьёт.

Профессор Тартарелин — Это вы искалечили
гражданина, П. П.?

Петр Павлович — Руку вырвал из манжеты.

Андрей Семенович — Бегал следом.

Профессор — Отвечайте.

Петр Павлович смеется.

Карабистр — Гвиндалея!

Петр Павлыч — Карабистр!

Карабистер — Гвиндалан.

Профессор — Расскажите, как было дело.

Андрей Семенович —

Шел я по полю намеренно
и внезапно вижу Петя
мне на встречу идет спокойно
и, меня как будто не заметя,
хочет мимо проскочить.
Я кричу ему: Ах Петя!
Здравствуй Петя мой приятель,
ты как видно не заметил,
что иду на встречу я.

Петр Павлович —

Но господство обстоятельств
и скрещение событий
изпакон веков до ныне
нами правит как детьми
морит голодом в пустыни
хлещет в комнате плетью.

Профессор — Так так, — это понятно. Стечение обстоятельств. Это верно. Закон.

Тут вдруг Петр Павлович наклонился к профессору и откусили ему ухо. Андрей Семенович побежал за милиционером, а Петр Павлович бросили на пол руку Андрея Семеновича, положили на стол откушенное ухо профессора Тартарелина и незаметно ушли по черной лестнице.

Профессор лежал на полу и стонал.

— Ой ой ой, как больно! — стонал профессор. —

Моя рана горит и исходит соком. Где найдется такой сострадательный человек, который промоит мою рану и зальет ее коллодием!?

Был чудный вечер. Высокие звезды, расположенные на небе установленными фигурами, светили в низ. Андрей Семенович, дыша полною грудью, тащил двух милиционеров к дому профессора Тартарелина. Помахивая своей единственной рукой, Андрей Семенович рассказывал о случившемся.

Милиционер спросил Андрея Семеновича:

— Как зовут этого проходимца?

Андрей Семенович не выдал своего товарища и даже не сказал его имени.

Тогда оба милиционера спросили Андрея Семеновича:

— Скажите нам, вы его давно знаете?

— С маленьких лет, когда я был еще вот таким, — сказал Андрей Семенович.

— А как он выглядит? — спросили милиционеры.

— Его характерной чертой является длинная черная борода, — сказал Андрей Семенович.

Милиционеры остановились, подтянули потуже свои кушаки и, открыв рты, запели приятными ночными голосами:

Ах как это интересно
Был приятель молодой,
А подрос когда приятель
Стал ходить он с бородой.

— Вы обладаете очень недурными голосами, разрешите поблагодарить вас, — сказал Андрей Семенович и протянул милиционерам пустой рукав, потому что руки не было.

— Мы можем и на научные темы поговорить, — сказали милиционеры хором.

Андрей Семенович махнул пустышкой.

— Земля имеет семь океанов, — начали милиционеры. — Научные физики изучали солнечные

пятна и привели к заключению, что на планетах нет водорода, и там неуместно какое-либо сожительство.

В нашей атмосфере имеется такая точка, которая всякий центр зашибет.

Английский крематорий Альберт Эйнштейн изобрел такую махинацию, через которую всякая штука относительна.

— О, любезные милиционеры! — взмолился Андрей Семенович, — бежимте скорее, а ни то мой приятель окончательно убьет профессора Тартарелина.

Одного милиционера звали Володя, а другого Сережа. Володя схватил Сережу за руку, а Сережа схватил Андрея Семеновича за рукав, и они все втроем побежали.

— Смотрите, три институтки бегут! — кричали им вслед извозчики. Один даже хватил Сережу кнутом по заднице.

— Постой! На обратном пути ты мне штраф заплатишь! — крикнул Сережа, не выпуская из рук Андрея Семеновича.

Добежав до дома профессора, все троя сказали:

— Тпррр! — и остановились.

— По лестнице, в третий этаж! — скомандовал Андрей Семенович.

— Нос! — крикнули милиционеры и кинулись по лестнице.

Моментально высадив плечом дверь, они ворвались в кабинет профессора Тартарелина.

Профессор Тартарелин сидел на полу, а жена профессора стояла перед ним на коленях и пришивала профессору ухо розовой шелковой ниточкой. Профессор держал в руках ножницы и вырезал платье на животе своей жены. Когда показался голый женин живот, профессор потер его ладонью и посмотрел в него, как в зеркало.

— Куда сьешь? Разве не видишь, что одно ухо выше другого получилось? — сказал сердито профессор.

Жена отпоролла ухо и стала пришивать его заново.

Голый женский живот, как видно, развеселил профессора. Усы его ошетинились, а глазки заулыбались.

— Катенька, — сказал профессор, — брось пришивать ухо где-то сбоку, пришей мне его лучше к щеке.

Катенька, жена профессора Тартарелина, терпеливо отпоролла ухо во второй раз и принялась пришивать его к щеке профессора.

— Ой, как щекотно! Ха-ха-ха! Как щекотно! — смеялся профессор, но вдруг, увидя стоящих на пороге милиционеров, замолчал и сделался серьезным.

Милиционер Сережа — Где здесь пострадавший?

Милиционер Володя — Кому здесь откусили ухо?

Профессор (*поднимаясь на ноги*) — Господа! Я — человек, изучающий науку вот уже, Слава Богу, 56 лет, ни в какие другие дела не вмешиваюсь. Если вы думаете, что мне откусили ухо, то вы жестоко ошибаетесь. Как видите, у меня оба уха целы. Одно, правда, на щеке, но такова моя воля.

Милиционер Сережа — Действительно, верно, оба уха на лицо.

Милиционер Володя — У моего двоюродного брата так брови росли под носом.

Милиционер Сережа — Не брови, а просто усы.

Карабистр — Фасфалакат!

Профессор — Приемные часы окончены.

Жена профессора — Пора спать.

Андрей Семенович (*входя*) — Половина двенадцатого.

Милиционеры хором — Покойной ночи.

Эхо — Спите сладко.

Профессор ложится на пол, остальные тоже ложатся и засыпают.

СОН

Тихо плещет океян
скалы грозные ду ду
тихо светит океян
человек поёт в дуду
тихо по морю бегут
страха белые слоны
рыбы скользкие поют
звёзды падают с луны
Домик слабенький стоит
двери настеж распахнул
неги тёплые сулит
в доме дремлет караул.
А на крыше спит старуха
на носу ее кривом
тихим ветром плещет ухо
дует волосы кругом
А на дереве кукушка
сквозь очки глядит на север
не гляди моя кукушка
не гляди всю ночь на север
там лишь ветер карабистр
время в цифрах бережат
там лишь ястреб сдыгр устр
себе добычу стержат.

Петр Павлович —

Кто-то тут в потьмах уснул
шарю, чую, стол и стул
натыкаюсь на камод
вижу древо бергамот
я спешу, Срываю груши
что за дьявол! Это уши!
Я боюсь бегу на право
предо мной стоит дубрава
я обратно так и сяк
натыкаюсь на косяк

ноги гнутся, тянут лечь
думал двери — это печь
прыгнул влево — там кровать
Помогите!..

Профессор (просыпаясь) — Ать?

Андрей Семенович (вскакивая): Ффу! Ну и сон-же видел, буд-то нам все уши пообрывали. (Зажигает свет).

Оказывается, что, пока все спали, приходили Петр Павлович и обрезали всем уши.

Замечание милиционера **Серёжи** —

— Сон в руку!

Март — апрель 1929

На набережной нашей реки собралось очень много народу. В реке тонул командир полка Сепунов. Он захлебывался, выскакивал из воды по живот, кричал и опять тонул в воде. Руками он колотил во все стороны и опять кричал, чтоб его спасли.

Народ стоял на берегу и мрачно смотрел.

— Утонет, — сказал Кузьма.

— Ясно, что утонет, — подтвердил человек в картузе.

И действительно, командир полка утонул. Народ начал расходится.

<1—6 июня 1929>

Когда жена уезжает куда ни будь одна, муж бежит по комнате и не находит себе места.

Ногти у мужа страшно отрастают, голова трясётся, а лицо покрывается мелкими чёрными точками.

Квартиранты утешают покинутого мужа и кормят его свиным зельцем. Но покинутый муж теряет аппетит и преимущественно пьёт пустой чай.

В это время его жена купается в озере и случайно задевает ногой подводную корягу. Из под коряги выплывает щука и кусает жену за пятку.

Жена с криком выскакивает из воды и бежит к дому. Навстречу жене бежит хозяйская дочка. Жена показывает хозяйской дочке пораненую ногу и просит её забинтовать.

Вечером жена пишет мужу письмо и подробно описывает своё злключение.

Муж читает письмо и волнуется до такой степени, что роняет из рук стакан с водой, который падает на пол и разбивается.

Муж собирает осколки стакана и ранит себе руку.

Забинтовав пораненный палец, муж садится и пишет жене письмо.

Потом выходит на улицу, чтобы бросить письмо в почтовую кружку.

Но на улице муж находит папиросную коробку, а в коробке 30 000 рублей.

Муж экстренно выписывает жену обратно и они начинают счастливую жизнь.

<1935>

Бобров шёл по дороге и думал: почему, если в суп насыпать песку, то суп становится невкусным.

Вдруг он увидел, что на дороге сидит очень маленькая девочка, держит в руках червяка, и громко плачет.

— О чем ты плачешь? — спросил Бобров маленькую девочку

— Я не плачу, а пою, — сказала маленькая девочка.

— А зачем же ты так поёшь? — спросил Бобров.

— Чтобы червяку весело было, — сказала девочка, — а зовут меня Наташа.

— Ах вот как? — удивился Бобров.

— Да, вот как, — сказала девочка, — до свидание. — Девочка вскочила, села на велосипед и уехала.

— Такая маленькая, а уже на велосипедах катается, — подумал Бобров.

<1930>

Дорогой Никандр Андреевич,

получил твоё письмо и сразу понял, что оно от тебя. Сначала подумал, что оно вдруг не от тебя, но как только распечатал, сразу понял что от тебя, а то, было, подумал, что оно не от тебя. Я рад, что ты уже давно женился, потому что, когда человек женится на том, на ком он хотел жениться, то значит, он добился того, чего хотел. И вот я очень рад, что ты женился, потому что когда человек женится на том, на ком хотел, то значит, он добился того, чего хотел. Вчера я получил твоё письмо и сразу подумал, что это письмо от тебя, но потом подумал, что кажется, что не от тебя, но распечатал и вижу — точно от тебя. Очень хорошо сделал, что написал мне. Сначала не писал, а потом вдруг написал, хотя ещё раньше, до того как некоторое время не писал, — тоже писал. Я сразу, как получил твоё письмо, сразу решил, что оно от тебя и, потом, я очень рад, что ты уже женился. А то, если человек захотел жениться, то ему надо во что бы то ни стало жениться. Поэтому я очень рад, что ты, наконец, женился именно на том, на ком и хотел жениться. И очень хорошо сделал, что написал мне. Я очень обрадовался, как увидел твоё письмо, и сразу даже подумал, что оно от тебя. Правда, пока распечатывал, то мелькнула такая мысль, что оно не от тебя, но потом всё-таки я решил, что оно от тебя. Спасибо, что написал. Благодарю тебя

за это и очень рад за тебя. Ты, может быть, не догадываешься, почему я так рад за тебя, но я тебе сразу скажу, что рад я за тебя потому, потому что ты женился, и именно на том, на ком и хотел жениться. А это, знаешь, очень хорошо жениться именно на том, на ком хочешь жениться, потому что тогда именно и добиваешься того, чего хотел. Вот именно поэтому я так рад за тебя. А так же рад и тому, что ты написал мне письмо. Я ещё издали решил, что письмо от тебя, а как взял в руки, так подумал: а вдруг не от тебя? А потом думаю: да нет, конечно от тебя. Сам распечатываю письмо и в то же время думаю: от тебя или не от тебя? От тебя или не от тебя? Ну, а как распечатал, то и вижу, что от тебя. Я очень обрадовался и решил тоже написать тебе письмо. О многом надо сказать, но буквально нет времени. Что успел, написал тебе в этом письме, а остальное потом напишу, а то сейчас совсем нет времени. Хорошо, по крайней мере, что ты написал мне письмо. Теперь я знаю, что ты уже давно женился. Я и из прежних писем знал, что ты женился, а теперь опять вижу: совершенно верно, ты женился. И я очень рад, что ты женился и написал мне письмо. Я сразу, как увидел твоё письмо, так и решил, что ты опять женился. Ну, думаю, это хорошо, что ты опять женился и написал мне об этом письмо. Напиши мне теперь, кто твоя новая жена и как это всё вышло. Передай привет твоей новой жене.

Даниил Хармс

25 сентября и октября 1933 года

Один монах вошёл в склеп к покойникам и крикнул: «Христос воскрес!» А оно ему всё хором: «Воистину воскрес!»

<январь 1933>

Тут все начали говорить по своему.

Хвилищевский подошёл к дереву и поцарапал кору. Из коры выбежал муравей и упал на землю. Хвилищевский нагнулся, но муравья не было видно.

В это время Факиров ходил взад и вперёд. Лицо Факирова было строго, даже грозно. Факиров старался ходить по прямым, а когда доходил до дома, то делал сразу резкий поворот.

Хвилищевский всё ещё стоял у дерева и смотрел на кору сквозь пенсне своими близорукими глазами. Шея Хвилищевского была тонкая и морщинистая.

Тут все начали говорить о числах.

Хвилищевский уверял, что ему известно такое число, что если его написать по китайски сверху вниз, то оно будет похоже на булочника.

— Ерунда, — сказал Факиров, — почему на булочника?

— А вы испробуйте и тогда сами убедитесь, — сказал Хвилищевский, проглотив слюну, от чего его воротничок подпрыгнул, а галстук съехал на сторону.

— Ну, какое-же число? — спросил Факиров, доставая карандаш.

— Позвольте, это число я держу в тайне, — сказал Хвилищевский.

Неизвестно, чем бы это всё кончилось, но тут вошёл Уемов и принёс много новостей.

Факиров сидел в своём синем бархатном жилете и курил трубку.

Числа такая важная часть природы! И рост и действие, всё число.

А слово это сила.

Число и слово, — наша мать.

5 октября <1933—1934>

О равновесии

Теперь все знают как опасно глотать камни.

Один даже мой знакомый сочинил такое выражение: «Кавео», что значит: «Камни внутрь опасно». И хорошо сделал. «Ка ве о» легко запомнить и как потребуется, так и вспомнишь сразу.

А служил этот мой знакомый истопником при паровозе. То по северной ветви ездил, а то в Москву. Звали его Николай Иванович Серпухов, а курил он папиросы «Ракета», 35 коп. коробка, и всегда говорил, что от них он меньше кашлем страдает, а от пятирублёвых, говорит, я всегда задыхаюсь.

И вот случилось однажды Николаю Ивановичу попасть в Европейскую Гостинницу, в ресторан. Сидит Николай Иванович за столиком, а за соседним столиком иностранцы сидят и яблоки жрут.

Вот тут то Николай Иванович и сказал себе: «Интересно, — сказал себе Николай Иванович, — как человек устроен».

Только это он себе сказал, откуда ни возьмись, появляется перед ним фея и говорит:

— Чего тебе, добрый человек, нужно?

Ну конечно в ресторане происходит движение, откуда, мол, эта неизвестная дамочка возникла. Иностранцы так даже и яблоки жрать перестали.

Николай то Иванович и сам не на шутку струхнул и говорит просто так, что бы только отвязаться:

— Извините, — говорит, — особого такого ничего мне не требуется.

— Нет, — говорит неизвестная дамочка, — я, — говорит, — что называется, фея. Одним моментом что угодно смастерю.

Только видит Николай Иванович, что какой-то гражданин в серой паре внимательно к их разговору прислушивается. А в открытые двери метр-д'отель бежит, а за ним ещё какой-то субъект с папироской во рту.

«Что за чорт! — думает Николай Иванович, — неизвестно, что получается».

А оно и действительно неизвестно что получается. Метр-д'отель по столам скачет, иностранцы ковры в трубочку закатывают и вообще чорт его знает! Кто во что горазд!

Выбежал Николай Иванович на улицу, даже шапку в раздевалке из хранения не взял, выбежал на улицу Лассалья и сказал себе: «Ка же о! Камни внутрь опасно! И чего чего только на свете не бывает!»

А придя домой, Николай Иванович так сказал жене своей: «Не пугайтесь Екатерина Петровна и не волнуйтесь. Только нет в мире никакого равновесия. И ошибка-то всего на какие ни будь полтора килограмма на всю вселенную, а всё же удивительно Екатерина Петровна, совершенно удивительно!»

ВСЁ

Даниил Дандан
18 сентября 1934 года.

Экспромт

Как известно, у полупоэта Бориса Пастернака была собака по имени Балаган. И вот однажды, купаясь в озере, Борис Пастернак сказал столпившемуся на берегу народу:

— Вон смотрите, под осиной
Роет землю Балаган!

С тех пор этот экспромт известного полупоэта сделался поговоркой.

<Сентябрь 1934?>
Даниил Хармс

Скасса

Жил-был один человек, звали его Семёнов. Пошёл однажды Семёнов гулять и потерял носовой платок. Семёнов начал искать носовой платок и по-

терял шапку. Начал шапку искать и потерял куртку. Начал куртку искать и потерял сапоги.

— Ну, — сказал Семёнов, — этак всё растеряешь. Пойду лучше домой.

Пошёл Семёнов домой и заблудился.

— Нет, — сказал Семёнов, — лучше я сяду и посижу.

Сел Семёнов на камушек и заснул.

<1933>

Хотите, я расскажу вам рассказ про эту крюкицу? То есть не крюкицу, а кирюкицу. Или нет, не кирюкицу, а курякицу. Фу ты! Не курякицу, а кукрикицу. Да не кукрикицу, а кирикрюкицу. Нет, опять не так! Курикрятицу? Нет, не курикрятицу! Кирикурюкицу? Нет, опять не так!

Забыл я, как эта птица называется. А уж если б не забыл, то рассказал бы вам рассказ, про эту кирику-кукрекицу.

<1934—1935>

Не знаю, почему все думают, что я гений; а по моему, я не гений. Вчера я говорю им: Послушайте! Какой-же я гений? А они мне говорят: Такой! А я им говорю: Ну какой же такой? А они не говорят, какой, и только и говорят, что гений и гений. А по моему, я всё же не гений.

Куда не покажусь, сейчас же все начинают шептаться и на меня пальцами показывают. «Ну что это в самом деле!» — говорю я. А они мне и слова не дают сказать, того и гляди схватят и понесут на руках.

<1934—1936>

Я родился в камыше. Как мышь. Моя мать меня родила и положила в воду. И я поплыл. Какая то рыба с четырьмя усами на носу кружилась около меня. Я заплакал. И рыба заплакала. Вдруг мы увидели, что плывёт по воде каша. Мы съели эту кашу и начали смеяться. Нам было очень весело, мы поплыли по течению и встретили рака. Это был древний, великий рак; он держал в своих клешнях топор. За раком плыла голая лягушка. «Почему ты всегда голая, — спросил её рак, — как тебе не стыдно?» «Здесь ничего нет стыдного — ответила лягушка. — Зачем нам стыдиться своего хорошего тела, данного нам природой, когда мы не стыдимся своих мерзких поступков, созданных нами самими?» «Ты говоришь правильно, — сказал рак. — И я не знаю, как тебе на это ответить. Я предлагаю спросить об этом человека, потому что человек умнее нас. Мы же умны только в баснях, которые пишет про нас человек, т.-ч. и тут выходить, что опять таки умён человек, а не мы». Но тут рак увидел меня и сказал: «Да и плыть никуда не надо, потому что вот он — человек». Рак подплыл ко мне и спросил: «Надо ли стесняться своего голого тела? Ты человек и ответь нам». «Я человек и отвечаю вам: не надо стесняться своего голого тела».

<1934>

О наших гостях

Наши гости все различные: у одного, например, щека такая, что хуже не придумаешь. А то ходит к нам одна дама, так она, просто смешно даже сказать, на что похожа. И поэт ходит к нам один: весь в волосах и всегда чем-то встревожен. Умора! А то ещё один инженер ходит, так он однажды у нас в чаю какую-то дрянь нашёл. А когда гости у нас очень уж долго засидятся, я их просто вон гоню. Вот и всё тут...

Старичок чесался обеими руками. Там, где нельзя было достать двумя руками, старичок чесался одной, но зато быстро быстро. И при этом быстро мигал глазами.

Из паровозной трубы шёл пар или, так называемый, дым. И нарядная птица, влетая в этот дым, вылетала из него обсаленной и помятой.

Хвилищевский ел клюкву, стараясь не морщиться. Он ждал, что все скажут: какая сила характера! Но никто не сказал ничего.

Было слышно, как собака обнюхивала дверь. Хвилищевский зажал в кулаке зубную щетку и таращил глаза, чтобы лучше слышать. «Если собака войдет, — думал Хвилищевский — я ударю её этой костяной ручкой прямо в висок!»

...Из коробки вышли какие то пузыри. Хвилищевский на ципочках удалился из комнаты и тихо прикрыл за собою дверь. «Черт с ней! — сказал себе Хвилищевский. — Меня не касается, что в ней лежит. В самом деле! Чорт с ней!»

Хвилищевский хотел крикнуть: «Не пуцу!» Но язык как-то подвернулся и вышло: «не пустю». Хвилищевский прищурил правый глаз и с достоинством вышел из залы. Но ему всё таки показалось, что он слышал, как хихикнул Цуккерман.

<1933—1934>

Липавского начала мучить кислая отрыжка. Бедный Липавский мучился ужасно. Этот вечно омерзительный вкус во рту и постоянное жжение в пищеводе способно довести человека до иступления.

Жена Липавского, Тамара, заявила, что если это будет так продолжаться, то она начнет подискивать себе нового мужа. Липавский отнёсся к словам своей жены довольно скептически и даже попробывал сострить. Но в тот момент, когда он острял, произошла отрыжка. Желая скрыть это неприятное явление, Липавский мотнул головой и дернул плечами, надув при этом щеки. Однако отрыжка оказалась сильнее, чем можно было ожидать, и с громким звуком вылетела изо рта.

Тамара вскочила и вышла из комнаты, хлопнув дверью. Липавский кинулся было в догонку, но по дороге опять громко икнул и, махнув рукой, вернулся обратно. А Тамара выбежала на улицу и помчалась по Большому проспекту.

Тамара пришла к Заболоцкому и сказала: «Хотите стать моим мужем?» Заболоцкий отказался, мотивируя свой отказ тем, что он уже женат на Екатерине Васильевне. Тогда Тамара, оскорбленная, вышла от Заболоцких и позвонила к Олейниковым. Дверь открыла Лариса. Тамара бросилась Ларисе на шею и разрыдалась. Лариса, узнав в чем дело, посоветывала Тамаре обратиться к холостому Якову Семёновичу Друскину. Тамара помчалась к Друскину.

<Около 28 сентября 1935>

— **П**ейте уксус господ... — сказал Шуев.

Ему никто ни чего не ответил.

— Господа! — крикнул Шуев. — Я предлагаю вам выпить уксусу!

С кресла поднялся Макаронов и сказал:

— Я приветствую мысль Шуева. Давайте пить уксус.

Растопякин сказал:

— Я не буду пить уксуса.

Тут наступило молчание и все начали смотреть на Шуева. Шуев сидел с каменным лицом. Было неясно, что думает он.

Прошло минуты три.

Сучков кашлянул в кулак. Рывин почесал рот. Калтаев поправил свой галстук. Макаронов подвигал ушами и носом. А Растопякин, откинувшись на спинку кресла, <смотрел> равнодушно в камин.

Прошло еще минут семь или восемь.

Рывин встал и на ципочках вышел из комнаты.

Калтаев посмотрел ему вслед.

Когда дверь за Рывином закрылась, Шуев сказал:

— Так. Бунтовщик ушёл. К чорту бунтовщика!

Все с удивлением переглянулись, а Растопякин поднял голову и уставился на Шуева.

Шуев строго сказал:

— Кто бунтует, — тот негодяй!

Сучков, осторожно, под столом, пожал плечами.

— Я за то, что бы пить уксус, — негромко сказал Макаронов и выжидательно посмотрел на Шуева.

Растопякин икнул и, смутившись, покраснел как девица.

— Смерть бунтовщикам! — крикнул Сучков, оскалив свои черноватые зубы.

<1933—1935>

Один толстый человек придумал способ похудеть. И похудел. К нему стали приставать дамы, расспрашивая его, как он добился того, что похудел. Но похудевший отвечал дамам, что мужчине худеть к лицу, а дамам не к лицу, что, мол, дамы должны быть полными. И он был глубоко прав.

<Март, середина 1930-х>

История

Абрам Демьянович Понтопасов громко вскрикнул и прижал к глазам платок. Но было поздно. Пепел и мелкая пыль залепила глаза Абрама Демьяно-

вича. С этого времени глаза Абрама Демьяновича начали болеть, постепенно покрылись они противными болячками и Абрам Демьянович ослеп.

Слепого инвалида Абрама Демьяновича вытолкали со службы и назначили ему мизерную пенсию в 36 руб. в месяц.

Совершенно понятно, что этих денег не хватало на жизнь Абраму Демьяновичу. Кило хлеба стоило рубль десять копеек, а лук-парей стоил 48 копеек на рынке.

И вот инвалид труда стал всё чаще и чаще прикладываться к выгребным ямам.

Трудно было слепому среди всей шелухи и грязи найти съедобный отброс.

А на чужом дворе и самою то помойку найти не легко. Глазами то не видать, а спросить: «где тут у вас помойная яма?» — как-то неловко.

Оставалось только нюхать.

Некоторые помойки так пахнут, что за версту слышно, а другие, которые с крышкой, совершенно найти невозможно.

Хорошо, если дворник добрый попадётся, а другой так шутнёт, что всякий аппетит пропадает.

Однажды Абрам Демьянович залез на чужую помойку, а его там укусила крыса, он и вылез обратно. Так в этот день и не ел ничего.

Но вот как то утром у Абрама Демьяновича что то отскочило от правого глаза.

Абрам Демьянович протёр этот глаз и вдруг увидел свет. А потом и от левого глаза что то отскочило и Абрам Демьянович прозрел.

С этого дня Абрам Демьянович пошёл в гору.

Всюду Абрам Демьянович нарасхват.

А в Наркомтяжпроме так там Абрама Демьяновича чуть на руках не носили.

И стал Абрам Демьянович великим человеком.

*Даншил Хармс
8 января 1935*

Праздник

На крыше одного дома сидели два чертежника и ели гречневую кашу.

Вдруг один из чертежников радостно вскрикнул и достал из кармана длинный носовой платок. Ему пришла в голову блестящая идея завязать в кончик платка двадцатикопеечную монетку и швырнуть это все с крыши вниз на улицу, и посмотреть, что из этого получится.

Второй чертежник, быстро уловив идею первого, доел гречневую кашу, высморкался и, облизав себе пальцы, принялся наблюдать за первым чертежником.

Однако внимание обоих чертежников было отвлечено от опыта с платком и двадцатикопеечной монеткой. На крыше, где сидели оба чертежника, произошло событие, не могущее быть незамеченным.

Дворник Ибрагим приколачивал к трубе длинную палку с выцветшим флагом.

Чертежники спросили Ибрагима, что это значит, на что Ибрагим отвечал: «Это значит, что в городе праздник». — «А какой же праздник, Ибрагим?» — спросили чертежники.

«А праздник такой, что наш любимый поэт сочинил новую поэму!» — сказал Ибрагим.

И чертежники, устыжённые своим незнанием, растворились в воздухе.

Даниил Хармс

8 января 1935

Жил-был человек, звали его Кузнецов. Однажды сломалась у него табуретка. Он вышел из дома и пошёл в магазин купить столярного клея, что бы склеить табуретку.

Когда Кузнецов проходил мимо недостроенного дома, с верху упал кирпич и ударил Кузнецова по голове.

Кузнецов упал, но сразу же вскочил на ноги и по-

щупал свою голову. На голове у Кузнецова вскочила огромная шишка.

Кузнецов погладил шишку рукой и сказал:

— Я, гражданин Кузнецов, вышел из дома и пошёл в магазин, что бы... что бы... что бы... Ах, что же это такое! Я забыл, зачем я пошёл в магазин.

В это время с крыши упал второй кирпич и опять стукнул Кузнецова по голове.

— Ах! — вскрикнул Кузнецов, схватился за голову и нащупал на голове вторую шишку.

— Вот так история! — сказал Кузнецов. — Я, гражданин Кузнецов, вышел из дома и пошел в... пошел в... пошел в... куда же я пошел? Я забыл, куда я пошел!

Тут сверху на Кузнецова упал третий кирпич. И на голове Кузнецова вскочила третья шишка.

— Ай ай ай! — закричал Кузнецов, хватаясь за голову. — Я, гражданин Кузнецов, вышел из... вышел из... вышел из погреба? Нет. Вышел из бочки? Нет! Откуда же я вышел?

С крыши упал четвертый кирпич, ударил Кузнецова по затылку, и на затылке у Кузнецова вскочила четвертая шишка.

— Ну и ну! — сказал Кузнецов, почесывая затылок. — Я... я... я... Кто же я? Никак я забыл, как меня зовут. Вот так история! Как же меня зовут? Василий Петухов? Нет. Николай Сапогов? Нет. Пантелей Рысаков? Нет. Ну кто же я?

Но тут с крыши упал пятый кирпич и так стукнул: Кузнецова по затылку, что Кузнецов окончательно позабыл всё на свете и крикнув: «О-го-го!», побежал по улице.

Пожалуйста! Если кто ни будь встретит на улице человека, у которого на голове пять шишек, то напечатайте ему, что зовут его Кузнецов и что ему нужно купить столярного клея и починить ломаную табуретку.

1 ноября 1935 года.

Басня

Один человек небольшого роста сказал: «Я согласен на всё, только бы быть хоть капельку повыше».

Только он это сказал, как смотрит — стоит перед ним волшебница.

— Чего ты хочешь? — говорит волшебница.

А человек небольшого роста стоит и от страха ни чего сказать не может.

— Ну! — говорит волшебница.

А человек небольшого роста стоит и молчит. Волшебница исчезла.

Тут человек небольшого роста начал плакать и кусать себе ногти. Сначала на руках все ногти сгрыз, а потом на ногах.

Читатель, вдумайся в эту басню и тебе станет не по себе.

<1935>

Говорят, скоро всем бабам обрежут задницы и пустят гулять по Володарской.

Это не верно! Бабам задниц резать не будут.

<Середина 1930-х>

Одна особа, ломая в горести руки, говорила: «Мне нужен интерес в жизни, а вовсе не деньги. Я ищу увлечения, а не благополучия. Мне нужен муж не богат, а талант, режиссёр, Мейерхольд».

<около 28 сентября 1935>

Личное переживание одного музыканта

Меня называли извергом.

А разве это так?

Нет, это не так. Доказательств я приводить не буду.

Я слышал, как моя жена говорила в телефонную трубку какому-то Михюсе, что я глуп.

Я сидел в это время под кроватью и меня не было видно.

О! Что я испытывал в этот момент!

Я хотел выскочить и крикнуть: «Нет, я не глуп»!

Воображаю, что бы тут было!

Я опять сидел под кровать<ю> и не был виден.

Но зато мне-то было видно, что этот самый Михюся проделал с моей женой.

Сегодня моя жена опять принимала этого Михюсю.

Я начинаю думать, что я, в глазах жены, перехожу на задний план.

Михюся даже лазал в ящиках моего письменного стола.

Я сам сидел под кроватью и не был виден.

Я сидел опять под кроватью и не был виден.

Жена и Михюся говорили обо мне в самых неприятных тонах.

Я не вытерпел и крикнул им, что они всё врут.

Вот уже пятый день, как меня избили, а кости всё ещё ноют.

Д. Х.

<1935—1936>

Смерть старичка

У одного старичка из носа выскочил маленький шарик и упал на землю. Старичок нагнулся, чтобы поднять этот шарик, и тут у него из глаза выскочила маленькая палочка и тоже упала на землю. Старичок испугался и, не зная, что делать, пошевелил губами. В это время у старичка изо рта выскочил маленький квадратик. Старичок схватил рот рукой, но тут у старичка из рукава выскочила маленькая мышка. Старичку от страха сделалось не хорошо и он, чтобы не упасть, сел на корточки. Но тут в старичке что то хрустнуло и он, как мягкая плюшевая шуба, повалился на землю. Тут у старичка из проешки выскочил длинненкий прутик и на самом конце этого прутика сидела тоненькая птичка. Старичок хотел крикнуть, но у него одна челюсть зашла за другую, и он, вместо того, чтобы крикнуть, только слабо икнул и закрыл один глаз. Другой глаз у старичка остался открытым и, перестав двигаться и блестеть, стал неподвижным и мутным, как у мёртвого человека. Так настигла коварная смерть старичка, незнавшего своего часа.

<1935—1936>

В одном большом городе на главной улице стояла интересная дама, в длинном котиковом монто с голыми рукавами. На голове у этой дамы была маленькая шапочка, сделанная из меха, имеющего очень короткий ворс. В зубах эта дама держала папироску, но папироска давно уже потухла и дым её давно уже разлетелся. Дама была очень красива: нос у неё был прямой, с маленькой горбинкой внизу и с изящным поворотом наверху. Глаза у дамы были голубые, но такие глубокие, что казались не то черны-

ми, не то не черными, а карими. Ноздри у дамы были большие, но так устроены, что каждый прохожий мог заглянуть в них, не замедляя шага, и, оставшись довольным содержимым носа красавицы, продолжать свой путь.

Красивая дама, как видно, ждала трамвая или автобуса. Она вынула изо рта папироску, бросила её на землю и растоптала ногой.

Вдруг к этой даме подошел интересный молодой человек, одетый во всё клетчатое. Видно было, что он только что из парикмахерской, где его побрили, но нечаянно полоснули бритвой по щеке, потому что поперёк лица молодого человека шёл свежий ещё пластырь. Подойдя к даме, молодой человек, в знак приветствия, поднял обе руки, причем от этого движения справа под мышкой у него лопнул пиджак и от туда выглянуло что то фиолетовое.

— А, это вы, — радостно сказала дама, облизывая губы.

— А я думал, что это не вы, — сказал молодой человек и наклонил голову на бок, при этом он шаркнул ножкой, но, как видно, не удачно, потому что от сапога той ноги, которой шаркнул молодой человек, отлетел каблук.

— Фу, какая досада! — сказал молодой человек, поднимая каблук и вертя его в руке.

— Бывает, — сказала дама, пожимая плечами. — Я вот жду трамвая или автобуса.

— Ну? — сказал молодой человек, ещё раз посмотрев на каблук и отбрасывая его в сторону. — Пойдемте в Европейку.

— В Европейку? — спросила дама. — Ну ладно. Идёт. В Европейку так в Европейку!

Дама тряхнула головой и взяла молодого человека под руку.

— Как я вас неожиданно встретил, — сказал молодой человек, идя прихрамывая рядом с красивой дамой.

<1935—1936>

Однажды Марина сказала мне, что к ней в кровать приходил Шарик. Кто такой этот Шарик или что это такое, мне это выяснить не удалось.

Несколько дней спустя этот Шарик приходил опять. Потом он стал приходить довольно часто, примерно раз в три дня.

Меня не было дома. Когда я пришел домой, Марина сказала мне, что звонил по телефону Синдерюшкин и спрашивал меня. Я, видите ли, был нужен какому-то Синдерюшкину!

Марина купила яблок. Мы съели после обеда несколько штук и, кажется, два яблока оставили на вечер. Но когда вечером я захотел получить свое яблоко, то яблока не оказалось. Марина сказала, что приходил Миша-официант и унес яблоки для салата. Сердцевины яблок ему были не нужны, и он вычистил яблоки в нашей же комнате, а сердцевины выбросил в корзинку для ненужной бумаги.

Я выяснил, что Шарик, Синдерюшкин и Миша живут обыкновенно у нас в печке. Мне это мало понятно, как они там устроились.

Я расспрашивал Марину о Шарике, Синдерюшкине и Мише. Марина увиливала от прямых ответов. Когда я высказал свои опасения, что компания эта, может быть, не совсем добропорядочная, Марина уверила меня, что это, во всяком случае, «Золотые сердца». Больше я ничего не мог добиться от Марины.

Со временем я узнал, что «Золотые сердца» получили не одинаковое образование. Вернее, Шарик получил среднее образование, а Синдерюшкин и Миша

не получили никакого. У Шарика есть даже свои ученые труды. И поэтому он несколько с высоко относится к остальным Золотым сердцам.

Меня очень интересовало, какие это у Шарика ученые труды. Но это так и осталось неизвестным. Марина говорит, что он родился с пером в руках, но больше никаких подробностей об его ученой деятельности не сообщает. Я стал допытываться и, наконец, узнал, что он больше по сапожной части. Но имеет ли это отношение к ученой деятельности, мне узнать не удалось.

Однажды я узнал, что у Золотых сердец была вечеринка. Они сложились и купили маринованного угля. А Миша принес даже баночку с водкой. Вообще, Миша любитель выпить.

У Шарика сапоги сделаны из пробочки.

Как то вечером Марина сказала мне, что Синдерюшкин обругал меня хулиганом за то, что я наступил ему на ногу. Я тоже обозлился и просил Марину передать Синдерюшкину, чтобы он не болтался под ногами.

<1935—1936>

Воспоминания одного мудрого старика

Я был очень мудрым стариком.

Теперь я уже не то, считайте даже, что меня нет. Но было время, когда любой из вас пришел бы ко мне, и, какая бы тяжесть не томила его душу, какие бы грехи не терзали его мысли, я бы обнял его и сказал: «Сын мой, утешся, ибо никакая тяжесть души твоей не томит, и никаких грехов не вижу я в теле твоём», — и он убежал бы от меня счастливый и радостный.

Я был велик и силен. Люди, встречая меня на улице, шарахались в сторону, и я проходил сквозь толпу, как утюг.

Мне часто целовали ноги, но я не протестовал: я знал, что достоин этого. Зачем лишать людей радости почитать меня? Я даже сам, будучи чрезвычайно гибким в теле, попробывал поцеловать себе свою собственную ногу. Я сел на скамейку, взял в руки свою правую ногу и подтянул ее к лицу. Мне удалось поцеловать большой палец на ноге. Я был счастлив. Я понял счастье других людей.

Все преклонялись передо мной! И не только люди, даже звери, даже разные букашки ползали передо мной и виляли своими хвостами. А кошки! Те просто души во мне не чаяли и, каким-то образом сцепившись лапами друг с другом, бежали передо мной, когда я шел по лестнице.

В то время я был действительно очень мудр и всё понимал. Не было такой вещи, перед которой я встал бы в тупик. Одна минута напряжения моего чудовищного ума, и самый сложный вопрос разрешался наипростейшим образом. Меня даже водили в Институт Мозга и показывали ученым профессорам. Те электричеством измерили мой ум и просто опупели. «Мы ни когда ни чего подобного не видали», — сказали они.

Я был женат, но редко видел свою жену. Она боялась меня: колоссальность моего ума подавляла ее. Она не жила, а трепетала, и, если я смотрел на нее, она начинала икать. Мы долго жили с ней вместе, но потом она, кажется, куда-то исчезла; точно не помню.

Я был всегда справедлив и зря ни кого не бил, потому что когда кого ни будь бьешь, то всегда шалешь, и тут можно переборщить. Детей, например, ни когда не надо бить ножом или вообще чем ни будь железным, а женщин, наоборот: никогда не следует бить ногой. Животные, те, говорят, выносливы. Но я производил в этом направлении опыты и знаю, что это не всегда так.

Благодаря своей гибкости, я мог делать то, чего ни кто не мог сделать. Так, например, мне удалось однажды достать рукой из очень извилистой фановой

трубы заскочившую туда случайно серьгу моего брата. Я мог, например, спрятаться в сравнительно небольшую корзинку и закрыть за собой крышку.

Да, конечно, я был феноменален!

Мой брат был полная моя противоположность: во-первых, он был выше ростом, а во-вторых, глупее.

Мы с ним никогда не дружили. Хотя, впрочем, дружили, и даже очень. Я тут чего-то напутал: мы именно с ним не дружили и всегда были в ссоре. А поссорились мы с ним так: Я стоял около магазина; там выдавали сахар, и я стоял в очереди и старался не слушать, что говорят кругом. У меня немножечко болел зуб и настроение было неважное. На улице было очень холодно, потому что все стояли в ватных шубах и всё таки мерзли. Я тоже стоял в ватной шубе, но сам не очень мерз, а мерзли мои руки, потому что то и дело приходилось вынимать их из кармана и поправлять чемодан, который я держал, зажав ногами, что бы он не пропал. Вдруг меня ударил кто-то по спине. Я пришел в неопишемое негодование и с быстротой молнии стал обдумывать, как наказать обидчика. В это время меня ударили по спине вторично. Я весь насторожился, но решил голову назад не поворачивать и сделать вид, буд то я ни чего не заметил. Я только на всякий случай взял чемодан в руку. Прошло минут семь, и меня в третий раз ударили по спине. Тут я повернулся и увидел перед собой высокого пожилого человека в довольно поношенной, но всё же хорошей ватной шубе.

— Что вам от меня нужно? — спросил я его строгим и даже слегка металлическим голосом.

— А ты что не оборачиваешься, когда тебя окликают? — сказал он.

Я задумался над содержанием его слов, когда он опять открыл рот и сказал:

— Да ты что? Не узнаешь что ли меня? Ведь я твой брат.

Я опять задумался над его словами, а он снова открыл рот и сказал:

— Послушай ка, брат. У меня не хватает на сахар четырех рублей, а из очереди уходить обидно. Одолжи ка мне пятерку, а мы с тобой потом рассчитаемся.

Я стал раздумывать о том, почему брату не хватает четырех рублей, но он схватил меня за рукав и сказал:

— Ну так как же, одолжишь ты своему брату немного денег? — и с этими словами он сам расстегнул мне мою ватную шубу, залез ко мне во внутренний карман и достал мой кошелек.

— Вот, — сказал он, — я, брат, возьму у тебя взаимы некоторую сумму, а кошелек, вот смотри, я кладу тебе обратно в пальто. — И он сунул кошелек в наружный карман моей шубы.

Я был, конечно, удивлен, так неожиданно встретив своего брата. Некоторое время я помолчал, а потом спросил его:

— А где же ты был до сих пор?

— Там, — отвечал мне брат и махнул куда-то рукой. Я задумался: где это «там»; но брат подтолкнул меня в бок и сказал:

— Смотри: в магазин начали пускать.

До дверей магазина мы шли вместе, но в магазине я оказался один, без брата. Я на минутку выскочил из очереди и выглянул через дверь на улицу. Но брата ни где не было.

Когда я хотел опять занять в очереди свое место, меня туда не пустили и даже постепенно вытолкали на улицу. Я, сдерживая гнев на плохие порядки, отправился домой. Дома я обнаружил, что мой брат изъясил из моего кошелька все деньги. Тут я страшно рассердился на брата, и с тех пор мы с ним никогда больше не мирились.

Я жил один и пускал к себе только тех, кто приходил ко мне за советом. Но таких было много, и выходило так, что я ни днем, ни ночью не знал покоя. Иногда я уставал до такой степени, что ложился на пол и отдыхал. Я лежал на полу до тех пор, пока мне не делалось холодно, тогда я вскакивал и начинал бегать

по комнате, что бы согреться. Потом я опять садился на скамейку и давал советы всем нуждающимся.

Они входили ко мне друг за другом, иногда даже не открывая дверей. Мне было весело смотреть на их мучительные лица. Я говорил с ними, а сам едва сдерживал смех.

Один раз я не выдержал и рассмеялся. Они с ужасом кинулись бежать, кто в дверь, кто в окно, а кто и прямо сквозь стену.

Оставшись один, я встал во весь свой могучий рост, открыл рот и сказал:

— Прин тим прам.

Но тут во мне что-то хрустнуло, и с тех пор можете считать, что меня больше нет.

<1935—1937>

Судьба жены профессора

Однажды один профессор съел чего то, да не то, и его начало рвать.

Пришла его жена и говорит: «Ты чего?» А профессор говорит: «ничего». Жена обратно ушла.

Профессор лег на атаманку, полежал, отдохнул и на службу пошел.

А на службе ему сюрприз, жалованье скостили: вместо 650 руб. всего только 500 оставили.

Профессор туда-сюда — ничего не помогает. Профессор к директору, а директор его в шею. Профессор к бухгалтеру, а бухгалтер говорит: «Обратитесь к директору». Профессор сел на поезд и поехал в Москву.

По дороге профессор схватил грипп. Приехал в Москву, а на платформу вылезти не может.

Положили профессора на носилки и отнесли в больницу.

Пролежал профессор в больнице не более четырех дней и умер.

Тело профессора сожгли в крематории, пепел положили в баночку и послали его жене.

Вот жена профессора сидит и кофе пьет. Вдруг звонок. Что такое? «Вам посылка».

Жена обрадовалась, улыбается во весь рот, почтальёну полтинник в руку сует и скорее посылку распечатывает.

Смотрит, а в посылке баночка с пеплом и записка: «Вот всё, что осталось от Вашего супруга».

Жена ничего понять не может. Трясет баночку, на свет ее смотрит, записку шесть раз прочитала, наконец сообразила, в чем дело, и страшно расстроилась.

Жена профессора очень расстроилась, поплакала часа три и пошла баночку с пеплом хоронить. Завернула она баночку в газету и отнесла в сад имени 1-ой Пятилетки, 6. Таврический.

Выбрала жена профессора алейку поглуше и только хотела баночку в землю зарыть, вдруг идет сторож.

— Эй! — кричит сторож, — ты чего тут делаешь?

Жена профессора испугалась и говорит:

— Да вот хотела лягушек в баночку наловить.

— Ну, — говорит сторож, — это ничего, только смотри, по траве ходить воспрещается.

Когда сторож ушел, жена профессора зарыла баночку в землю, ногой вокруг притоптала и пошла по саду погулять.

А в саду к ней какой-то матрос пристал. Пойдем да пойдем, говорит, спать. Она говорит: «Зачем же днем спать?» А он опять свое: спать да спать.

И действительно, захотелось профессорше спать.

Идет она по улицам, а ей спать хочется. Вокруг люди бегают какие то синие да зеленые, а ей всё спать хочется.

Идет она и спит. И видит сон, буд-то идет к ней на встречу Лев Толстой и в руках ночной горшок держит. Она его спрашивает: «Что же это такое?» А он показывает ей пальцем на горшок и говорит:

— Вот, — говорит, — тут я кое-что наделал, и теперь несु всему свету показывать. Пусть, — говорит, — все смотрят.

Стала профессорша тоже смотреть и видит, будто это уже не Толстой, а сарай, а в сарае сидит курица.

Стала профессорша курицу ловить, а курица заби-лась под диван и от туда уже кроликом выглядывает.

Полезла профессорша за кроликом под диван и проснулась.

Проснулась, смотрит: действительно, лежит она под диваном.

Вылезла профессорша из под дивана, видит ком-ната ее собственная. А вот и стол стоит с недопитым кофе. На столе записка лежит: «Вот всё, что оста-лось от Вашего супруга».

Всплакнула профессорша еще раз и села холод-ный кофе допивать.

Вдруг звонок. Что такое? Входят какие то люди и говорят: «поедемте».

— Куда? — спрашивает профессорша.

— В сумасшедший дом, — отвечают люди.

Профессорша начала кричать и упираться, но люди схватили ее и отвезли в сумасшедший дом.

И вот сидит совершенно нормальная профессор-ша на койке в сумасшедшем доме, держит в руках удочку и ловит на полу каких-то невидимых рыбок.

Эта профессорша только жалкий пример того, как много в жизни несчастных, которые занимают в жиз-ни не то место, которое им занимать следует.

Даниил Хармс

21 августа 1936 года

О драме

Лошкин (прихрамывая входит в комнату). Това-рищи! Послушайте! Я скажу несколько слов о драме.

Все снимают шляпы и слушают.

Лошкин: В драме должно иметься оправдание драмы. В комедии легче, там оправдание смех. Труд-нее в трагедии.

Кутель: Можно мне вставить своё слово?

Лошкин: Ну говорите.

Кутель: Вы обратили внимание, что тема, недостаточная для прозоического произведения, бывает достаточна для стихотворной вещи.

Лопшкин: Совершенно правильно! Если тема была недостаточной, то вещь оправдывают стихи. Поэтому то во времена расцвета драматического искусства трагедии писались стихами.

Все хором: Да, прозаическая драма — самый трудный вид творчества.

28 сентября 1935 года

О том, как рассыпался один человек

— **Т**оворят, все хорошие бабы — толстозадые. Эх, люблю грудастых баб, мне нравится, как от них пахнет, — сказав это, он стал увеличиваться в росте и, достигнув потолка, рассыпался на тысячу маленьких шариков.

Пришёл дворник Пантелей, собрал эти шарики на совок, на который он собирал обычно лошадиный навоз, и унёс эти шарики куда-то на задний двор.

А солнце продолжало светить по прежнему, и пышные дамы продолжали по прежнему восхитительно пахнуть.

23 августа 1936.

Один механик решил на работе стоять по очереди то на одной, то на другой ноге, что бы не очень устать.

Но из этого ничего не вышло, он стал устать больше прежнего, и работа у него не клеилась, как раньше.

Механика вызвали в контору и сделали ему выговор с предупреждением.

Но механик решил побороть свою натуру и продолжал стоять за работой на одной ноге.

Долго боролся механик со своей натурой и, наконец, почувствовав боль в пояснице, которая возросла с каждым днём, принужден был обратиться к доктору.

27 августа 1936 г.

Кассирша

Нашла Маша гриб, сорвала его и понесла на рынок. На рынке Машу ударили по голове, да ещё обещали ударить её по ногам. Испугалась Маша и побежала прочь. Прибежала Маша в кооператив и хотела там за кассу спрятаться. А заведующий увидел Машу и говорит: что это у тебя в руках? А Маша говорит: гриб. Заведующий говорит: ишь, какая бойкая! хочешь я тебя на место устрою? Маша говорит: А не устроишь. Заведующий говорит: А вот устрою! — и устроил Машу кассу вертеть.

Маша вертела, вертела кассу и вдруг умерла. Пришла милиция, составила протокол и велела заведующему заплатить штраф — 15 рублей.

Заведующий говорит: За что же штраф? А милиция говорит: за убийство. Заведующий испугался, заплатил поскорее штраф и говорит: унесите только поскорее эту мертвую кассиршу. А продавец из фруктового отдела говорит: Нет, это неправда, она была не кассирша. Она только ручку в кассе вертела. А кассирша вон сидит. Милиция говорит:

— Нам всё равно: сказано унести кассиршу, мы её и унесём.

Стала милиция к кассирше подходить.

Кассирша легла на пол за кассу и говорит: не пойду. Милиция говорит: почему же ты, дура, не пойдешь? Кассирша говорит: вы меня живой похороните.

Милиция стала кассиршу с пола поднимать, но никак поднять не может, потому что кассирша очень полная.

— Да вы её за ноги, — говорит продавец из фруктового отдела.

— Нет, — говорит заведующий, — эта кассирша мне вместо жены служит. А потому прошу вас, не оголяйте ее с низу. Кассирша говорит: Вы слышите? Не смейте меня снизу оголять.

Милиция взяла кассиршу под мышки и волоком выперла её из кооператива.

Заведующий велел продавцам прибрать магазин и начать торговлю.

— А что мы будем делать с этой покойницей? — говорит продавец из фруктового отдела, показывая на Машу.

— Батюшки, — говорит заведующий, — да ведь мы всё перепутали! Ну, действительно, что с покойницей делать?

— А кто за кассой сидеть будет? — спрашивает продавец.

Заведующий за голову руками схватился. Раскидал коленом яблоки по прилавок и говорит:

— Безобразия получились!

— Безобразия, — говорят хором продавцы.

Вдруг заведующий почесал усы и говорит:

— Хе-хе! Не так то легко меня в тупик поставить! Посадим покойницу за кассу, может, публика и не разберет, кто за кассой сидит.

Посадили покойницу за кассу, в зубы ей папироску вставили, чтобы она на живую больше походила, а в руки, для правдоподобности, дали ей гриб держать. Сидит покойница за кассой как живая, только цвет лица очень зелёный и один глаз открыт, а другой совершенно закрыт.

— Ничего, — говорит заведующий, — сойдет.

А публика уже в двери стучит, волнуется, почему кооператив не открывают. Особенно одна хозяйка в шелковом мантио раскричалась: трясёт кошёлкой и каблуком уже в дверную ручку нацелилась. А за хозяйкой какая то старушка с наволочкой на голове кричит, ругается и заведующего кооперативом называет сквалыжником.

Заведующий открыл двери и впустил публику.

Публика побежала сразу в мясной отдел, а потом туда, где продается сахар и перец. А старушка прямо в рыбный отдел пошла, но по дороге взглянула на кассиршу и остановилась.

— Господи, — говорит, — с нами крестная сила!

А хозяйка в шёлковом манто уже во всех отделах побывала и несётся прямо к кассе. Но только на кассиршу взглянула, сразу остановилась, стоит молча и смотрит. А продавцы тоже молчат и смотрят на заведующего. А заведующий из за прилавка выглядывает и ждёт, что дальше будет.

Хозяйка в шёлковом манто повернулась к продавцам и говорит:

— Это кто у вас за кассой сидит?

А продавцы молчат, потому что не знают, что ответить.

Заведующий тоже молчит.

А тут народ со всех сторон сбегается. Уже на улице толпа. Появились дворники. Раздались свистки. Одним словом, настоящий скандал.

Толпа готова была хоть до самого вечера стоять около кооператива, но кто-то сказал, что в Озерном переулке из окна старухи вываливаются. Тогда толпа возле кооператива поредела, потому что многие перешли в Озерной переулок.

Хармс

31 августа 1936 года

Отец и Дочь

Было у Наташи две конфеты. Потом она одну конфету съела и осталась одна конфета. Наташа положила конфету перед собой на стол и заплакала. Вдруг смотрит, лежат перед ней на столе опять две конфеты. Наташа съела одну конфету и опять заплакала. Наташа плачет, а сама одним глазом на стол смотрит, не появилась ли вторая конфета. Но вторая

конфета не появлялась. Наташа перестала плакать и начала петь. Пела, пела и вдруг умерла. Пришел Наташин папа, взял Наташу и отнес её к управдому. «Вот, — говорит Наташин папа, — засвидетельствуйте смерть». Управдом подул на печать и приложил её к Наташиному лбу. «Спасибо», — сказал Наташин папа и понёс Наташу на кладбище. А на кладбище был сторож Матвей, он всегда сидел у ворот и никого на кладбище не пускал, так что покойников приходилось хоронить прямо на улице. Похоронил папа Наташу на улице, снял шапку, положил её на то место, где зарыл Наташу, и пошёл домой. Пришёл домой, а Наташа уже дома сидит. Как так? Да очень просто: вылезла из под земли и домой прибежала. Вот так штука! Папа так растерялся, что упал и умер. Позвала Наташа управдома и говорит: «Засвидетельствуйте смерть». Управдом подул на печать и приложил её к листику бумаги, а потом на этом же листике бумаги написал: «Сим удостоверяется, что такой то действительно умер». Взяла Наташа бумажку и понесла её на кладбище хоронить. А сторож Матвей говорит Наташе: «Ни за что не пущу». Наташа говорит: «Мне бы только эту бумажку похоронить». А сторож говорит: «Лучше и не проси». Зарыла Наташа бумажку на улице, положила на то место, где зарыла бумажку, свои носочки и пошла домой. Приходит домой, а папа уже дома сидит и сам с собой на маленьком бильярдыке с металлическими шариками играет.

Наташа удивилась, но ничего не сказала и пошла к себе в комнату роста.

Росла, росла и через четыре года стала взрослой барышней. А Наташин папа состарился и согнулся. Но оба как вспомнят, как они друг друга за покойников приняли, так повалятся на диван и смеются. Другой раз минут двадцать смеются.

А соседи, как услышат смех, так сразу одеваются

и в кинематограф уходят. А один раз ушли так, и больше уже не вернулись. Кажется, под автомобиль попали.

Хармс

1 сентября 1936 года

Новые Альпинисты

Бибиков залез на гору, задумался и свалился под гору. Чеченцы подняли Бибикова и опять поставили его на гору. Бибиков поблагодарил чеченцев и опять свалился под откос. Только его и видели.

Теперь на гору залез Аугенапфель, посмотрел в бинокль и увидел всадника.

— Эй! — закричал Аугенапфель, — где тут поблизости духан?

Всадник скрылся за горой, потом показался возле кустов, потом скрылся за кустами, потом показался в далине, потом скрылся под горой, потом показался на склоне горы и подъехал к Аугенапфелю.

— Где тут поблизости духан? — спросил Аугенапфель.

Всадник показал себе на уши и на рот.

— Ты что, глухонемой? — спросил Аугенапфель.

Всадник почесал затылок и показал себе на живот.

— Что такое? — спросил Аугенапфель.

Всадник вынул из кармана деревянное яблоко и раскусил его пополам.

Тут Аугенапфелю стало не по себе и он начал пятиться.

А всадник снял с ноги сапог да как крикнет: Халгаллай!

Аугенапфель скакнул куда то в бок и свалился под откос.

В это время Бибиков, вторично свалившийся под откос ещё раньше Аугенапфеля, пришёл в себя и начал подниматься на четверинки. Вдруг чувствует: на него сверху кто то надаёт. Бибиков отполз в сторону,

посмотрел от туда и видит: лежит какой то гражданин в клетчатых брюках. Бибиков сел на камушек и стал ждать.

А гражданин в клетчатых брюках полежал не двигаясь часа четыре, а потом поднял голову и спрашивает неизвестно кого:

— Это чей духан?

— Какой там духан! Это не духан, — отвечает Бибиков.

— А вы кто такой? — спрашивает человек в клетчатых брюках.

— Я альпенист Бибиков. А вы кто?

— А я альпенист Аугенапфель.

Таким образом Бибиков и Аугенапфель познакомились друг с другом.

1—2 сентября 1936 года.

Хармс

О Пушкине

Трудно сказать что ни будь о Пушкине тому, кто ни чего о нём не знает. Пушкин великий поэт. Наполеон менее велик, чем Пушкин. И Бисмарк по сравнению с Пушкиным ничто. И Александры I и II, и III просто пузыри по сравнению с Пушкиным. Да и все люди по сравнению с Пушкиным пузыри, только по сравнению с Гоголем Пушкин сам пузырь.

А потому, вместо того, что бы писать о Пушкине, я лучше напишу вам о Гоголе.

Хотя Гоголь так велик, что о нём и написать то ничего нельзя, поэтому я буду всё таки писать о Пушкине.

Но после Гоголя писать о Пушкине как то обидно. А о Гоголе писать нельзя. Поэтому я уж лучше ни о ком ничего не напишу.

Хармс

15 декабря 1936 года

Один человек лёг спать верующим, а проснулся неверующим.

По счастью, в комнате этого человека стояли медицинские десятичные весы, и человек этот имел обыкновение каждый день утром и вечером взвешивать себя. И вот, ложась на кануне спать, человек взвесил себя и узнал, что весит 4 пуда 21 фунт. А на другой день утром, встав неверующим, человек взвесил себя опять и узнал, что весит уже всего только 4 пуда 13 фунтов. «Следовательно», решил этот человек, «моя вера весила приблизительно восемь фунтов».

<1936—1937>

Петя входит в ресторан и присаживается к столу. Официант приносит карточку и кладет ее перед Петей. Петя выбирает «бёф-буи» и говорит официанту:

Петя: Дайте мне, если можно, бёф-буи.

Официант: Чего изволите?

Петя: Если можно, бёф-буи.

Официант: Как вы сказали?

Петя (краснея): Я говорю, мне бёф-буи.

Официант (выпрямляясь): Что прикажите?

Петя (испуганно): Дайте мне бёф...

(Официант выпрямляется, Петя вздрагивает и замолкает. Некоторое время — молчание)

Официант: Что прикажите подать?

Петя: Я бы хотел, если можно...

Официант: Чего изволите?

Петя: Бёф-буи, бёф-буи.

Официант: Как?

Петя: Беф...

Официант: Беф?

Петя (радостно): Буи!

Официант (с удивлением): Буи?

Петя (кивая головой): Беф-буи, беф-буи.

Официант (задумчиво): Беф-буи?

Петя: Если можно.

(Официант стоит задумавшись некоторое время, потом уходит. Петя придвигает стул к столу и собирается ждать. Через некоторое время появляется второй официант, подходит к Пете и кладет перед ним карточку.)

Петя с удивлением смотрит на официанта)

<1935—1936>

У Колкова заболела рука и он пошёл в амбулаторию.

По дороге у него заболела и вторая рука. От боли Колков сел на панель и решил дальше никуда не идти. Прохожие проходили мимо Колкова и не обращали на него внимания. Только собака подошла к Колкову, понюхала его и, подняв заднюю лапу, прыснула Колкову в лицо собачей гадостью. Как бешенный вскочил Колков и со всего маху ударил собаку ногой под живот. С жалобным визгом поползла собака по панели, волоча задние ноги. На Колкова накинута какая-то дама и, когда Колков попытался оттолкнуть ее, дама вцепилась ему в рукав и начала звать милиционера. Колков не мог больными руками освободиться от дамы и только старался плюнуть ей в лицо.

Это удалось ему сделать уже раза четыре и дама, зажмурив свои заплавленные глаза, визжала на всю улицу. Кругом уже собиралась толпа. Люди стояли, тупо глядели и порой выражали своё сочувствие Колкову.

— Так её! Так её! — говорил рослый мужик в ко-

ричевом пиджаке, ковыряя перед собой в воздухе кривыми пальцами с черными ногтями.

— Тоже ешшо барыня! — говорила толстогубая баба, завязывая под подбородком головной платок.

В это время Колков изловчился и пнул даму коленом под живот. Дама взвизгнула и, отскочив от Колкова, согнулась в три погибели от страшной боли.

— Здорово он её в пердок! — сказал мужик с грязными ногтями.

А Колков, отделившись от дамы, быстро зашагал прочь. Но вдруг, дойдя до Загородного проспекта, Колков остановился: он забыл, зачем он вышел из дома.

— Господи! Зачем же я вышел из дома? — говорил сам себе Колков, с удивлением глядя на прохожих. И прохожие тоже с удивлением глядели на Колкова, а один старичёк прошёл мимо и потом всё время оглядывался, пока не упал и не разбил себе в кровь свою старческую рожу. Это рассмешило Колкова и, громко хохоча, он пошёл по Загородному.

<1936—1938>

Случай с моей женой

У моей жены опять начали корёжиться ноги. Хотела она сесть на кресло, а ноги отнесли её куда-то к шкапу и даже дальше по коридору и посадили её на кардонку. Но жена моя, напрягши волю, поднялась и двинулась к комнате, однако ноги её опять нашалили и пронесли её мимо двери. «Эх, чорт!..» — сказала жена, уткнувшись головой под конторку. А ноги её продолжали шалить и даже разбили какую-то стеклянную миску, стоявшую на полу в прихожей.

Наконец жена моя уселась в своё кресло.

— Вот и я, — сказала моя жена, широко улыбаясь и вынимая из ноздрей застрявшие там щепочки.

<1936—1938>

Так началось событие в соседней квартире. Алексеев съел кашу, а недоеденные остатки выбросил на общей кухне в помойное ведро. Увидя это, жена Горохова сказала Алексееву, что вчера она выносила это ведро на двор, а теперь, если он желает им пользоваться, то пусть сам выносит его сегодня же вечером. Алексеев сказал, что ему некогда заниматься такими пустяками и предложил мадам Гороховой платить три рубля в месяц, с тем, чтобы она вычищала это ведро. Мадам Горохова так оскорбилась этим предложением, что наговорила Алексееву много лишних слов и даже бросила на пол столовую ложку, которую держала в руках, сказав при этом, что она вполне благородного происхождения и видала в жизни лучшие времена, и что она, в конце концов, не прислуга и потому не станет даже за собой поднимать оброненные вещи. С этими словами мадам Горохова вышла из кухни, оставив растерявшегося Алексеева одного около помойного ведра. Значит теперь Алексееву придётся тащить ведро на двор к помойной яме. Это было страшно неприятно. Алексеев задумался. Ему, научному работнику, возится с помойным ведром! Это, по меньшей мере, оскорбительно. Алексеев прошёлся по кухне. Внезапная мысль блеснула в его голове. Он поднял оброненную мадам Гороховой ложку и твёрдыми шагами подошёл к ведру.

— Да, — сказал Алексеев и опустил перед ведром на корточки. Давясь от отвращения, он съел всю кашу и выскреб ложкой и пальцами дно ведра.

— Вот, — сказал Алексеев, моя под краном ложку. — А ведро я всё таки на двор не понесу.

Вытерев ложку носовым платком, Алексеев положил её на кухонный стол и ушёл в свою комнату.

Несколько минут спустя на кухню вышла рассерженная мадам Горохова. Она мгновенно заметила, что ложка поднята с пола и лежит на столе. Мадам Горохова заглянула в помойное ведро и, видя, что и

ведро находится в полном порядке, пришла в хорошее настроение и, сев на табурет, принялась шинковать морковь.

— Уж если я чтонибудь захочу, то непременно добьюсь своего, — говорила сама с собой мадам Горохова. — Уж лучше мне никогда не перечить. Я своего никому не уступлю. Вот ни столичко! — сказала мадам Горохова, отрезая от моркови каплюшечный кусочек.

В это время по корридору мимо кухни прошёл Алексеев.

— Алексей Алексеевич! — крикнула мадам Горохова. — Куда вы уходите?

— Я не уйду, Виктория Тимофеевна, — сказал Алексеев, останавливаясь в дверях. — Это я в ванную шёл.

<1936—1938>

— **Е**сть-ли что ни будь на земле, что имело бы значение и могло бы даже изменить ход событий не только на земле, но в других мирах? — спросил я своего учителя.

— Есть, — ответил мне мой учитель.

— Что же это? — спросил я.

— Это... — начал мой учитель и вдруг замолчал.

Я стоял и напряженно ждал его ответа. А он молчал.

И я стоял и молчал.

И он молчал.

И я стоял и молчал.

И он молчал.

Мы оба стоим и молчим.

Хо—ля—ля!

Мы оба стоим и молчим!

Хо—лэ—лэ!

Да да, мы оба стоим и молчим!

16—17 июля 1937 года

Даниил Хармс

Пассакалия № 1

Тихая вода покачивалась у моих ног.

Я смотрел в темную воду и видел небо.

Тут, на этом самом месте, Лигудим скажет мне формулу построения несуществующих предметов.

Я буду ждать до пяти часов, и если Лигудим за это время не покажется среди тех деревьев, я уйду. Мое ожидание становится обидным. Вот уже два с половиной часа стою я тут, и тихая вода покачивается у моих ног.

Я сунул в воду палку. И вдруг под водой кто то схватил мою палку и дёрнул. Я выпустил палку из рук и деревянная палка ушла под воду с такой быстротой, что даже свистнула.

Растерянный и испуганный стоял я около воды.

Лигудим пришел ровно в пять. Это было ровно в пять, потому что на том берегу промчался поезд: ежедневно ровно в пять он пролетает мимо того домика.

Лигудим спросил меня, почему я так бледен. Я сказал. Прошло четыре минуты, в течении которых Лигудим смотрел в темную воду. Потом он сказал: «Это не имеет формулы. Такими вещами можно пугать детей, но для нас это неинтересно. Мы не собиратели фантастических сюжетов. Нашему сердцу мило только бессмысленные поступки. Народное творчество и Гофман противны нам. Частокол стоит между нами и подобными загадочными случаями».

Лигудим повертел головой во все стороны и, пятясь, вышел из поля моего зрения.

10 ноября 1937 года.

Грязная личность

Сенька стукнул Федьку по морде и спрятался под коммод.

Федька достал кочергой Сеньку из под коммоды и оторвал ему правое ухо.

Сенька вывернулся из рук Федьки и с оторванным ухом в руках побежал к соседям.

Но Федька догнал Сеньку и двинул его сахарницей по голове.

Сенька упал и, кажется, умер.

Тогда Федька уложил вещи в чемодан и уехал во Владивосток.

Во Владивостоке Федька стал портным; собственно говоря, он стал не совсем портным, потому что шил только дамское белье, преимущественно, панталоны и бюстхальтеры. Дамы не стеснялись Федьки, прямо при нём поднимали свои юбки, и Федька снимал с них мерку.

Федька, что называется, насмотрелся видов.

Федька — грязная личность.

Федька — убийца Сеньки.

Федька — сладострасник.

Федька — обжора, потому, что он каждый вечер съедал по двенадцати котлет. У Федьки вырос такой живот, что он сделал себе корсет и стал его носить.

Федька безсовестный человек: он отнимал на улице у встречаемых детей деньги, он подставлял старикам подножку и пугал старух, занося над ними руку, а когда перепуганная старуха шарахалась в сторону, Федька делал вид, что поднял руку только для того, чтобы почесать себе голову.

Кончилось тем, что к Федьке подошел Николай, стукнул его по морде и спрятался под шкаф.

Федька достал Николая из под шкапа кочергой и разорвал ему рот.

Николай с разорванным ртом побежал к соседям,

но Федька догнал его и ударил его пивной кружкой. Николай упал и умер.

А Федька собрал свои вещи и уехал из Владивостока. — — — — —

21 ноября 1937 года.

Написано в два приёма.

Шапка

Отвечает один другому: «Не видал я их». «Как же ты их не видал, — говорит другой, — когда сам же на них шапки надевал?» «А вот, — говорит один, — шапки на них надевал, а их не видал». — «Да возможно ли это?» — говорит другой, с длинными усами. «Да, — говорит первый, — возможно», — и улыбается синим ртом. Тогда другой, который с длинными усами, пристаёт к синерожему, что бы тот объяснил ему, как это так возможно — шапки на людей надеть, а самих людей не заметить. А синерожий отказывается объяснять усатому, и кочает своей головой, и усмехается своим синим ртом.

— Ах ты, дьявол ты этакий, — говорит ему усатый. Морочишь ты меня, старика! Отвечай мне и не заворачивай мне мозги: видел ты их или не видел?

Усмехнулся еще раз другой, который синерожий, и вдруг исчез, только одна шапка осталась в воздухе висеть.

— Ах, так вот кто ты такой! — сказал усатый старик и протянул руку за шапкой, а шапка от руки в сторону. Старик за шапкой, а шапка от него, не даётся в руки старику. Летит шапка по Некрасовской улице мимо булочной, мимо бань. Из пивной народ выбегает, на шапку с удивлением смотрит и обратно в пивную уходит. А старик бежит за шапкой, руки вперед вытянул, рот открыл; глаза у старика остеклянели, усы болтаются, а волосы перьями торчат во все стороны.

Добежал старик до Литейной, а там ему наперерез

уже милиционер бежит и еще какой то гражданин в сером костюмчике. Схватили они безумного старика и повели его куда то.

Даниил Хармс

1 июля 1938 года

Поздравительное шествие

К семидесятилетию Наташи

Артомонов закрыл глаза, а Хрычов и Молотков стояли над Артомоновым и ждали.

— Ну же! Ну же! — торопил Хрычов.

А Молотков не утерпел и дернул стул, на котором сидел Артомонов, за задние ножки, и Артомонов свалился на пол.

— Ах так! — закричал Артомонов, поднимаясь на ноги. — Кто это меня со стула сбросил?

— Вы уж нас извините, — сказал Молотков, — мы ведь долго ждали, а вы всё молчите и молчите. Уж это меня чорт попутал. Очень уж нам нетерпелось.

— Не терпелось! — передразнил Артомонов. — А мне, пожилому человеку, по полу валяться? Эх, вы! Стыдно!

Артомонов стряхнул с себя соринки, приставшие к нему с пола и, сев опять на стул, закрыл глаза.

— Да что же это? А? Что же это? — заговорил вдруг Хрычов, глядя то на Молоткова, то на Артомонова.

Молотков постоял некоторое время в раздумье, а потом нагнулся и дернул задние ножки Артомоновского стула. Артомонов съехал со стула на пол.

— Это издевательство! — закричал Артомонов. — Это уже второй раз меня на пол скидывают! Это опять ты, Молотков?

— Да уж не знаю как сказать, товарищ Артомонов. Просто опять какое то помутнение в мозгу было. Вы уж нас извините, тов. Артомонов! Мы ведь это только от нетерпения! — сказал Молотков и чихнул.

— Пожалеете об этом, — сказал Артомонов, поднимаясь с пола. — Пожалеете, сукины дети!

Артомонов сел на стул.

— Я тебе этого не спущу, — сказал Артомонов и погрозил кому-то пальцем.

Артомонов долго грозил кому то пальцем а потом с<п>рятал руку за борт жилета и закрыл глаза.

Хрущёв сразу заволновался:

— Ой! Что же это? Опять? Опять он! Ой!

Молотков отодвинул Хрущёва в сторону и носком сапога выбил стул из под Артомонова. Артомонов грузно рухнул на пол.

— Трижды! — сказал Артомонов шепотом. — Хо-рошо-с!...

В это время дверь открылась и в комнату вошёл я.

— Стоп! — сказал я. — Прекратите это безобразие! Сегодня Наталии Ивановне исполнилось семьдесят лет.

Артомонов, сидя на полу, повернул ко мне свое глупое лицо и, указав пальцем на Молоткова, сказал:

— Он меня трижды со стула на пол скинул...

— Цык! — крикнул я. — Встать!

Артомонов встал.

— Взяться за руки! — скомандовал я.

Артомонов, Хрущов и Молотков взяли за руки.

— А теперь за — а мной!

И вот, постукивая каблуками, мы двинулись по направлению к Детскому Селу.

2 августа 1938 года

Меня называют капуцином. Я за это, кому следует, уши оборву, а пока что не дает мне покоя слава Жана Жака Руссо. Почему он всё знал? И как детей пеленать, и как девиц замуж выдавать! Я бы тоже хотел так всё знать. Да я уже всё знаю, но только в знаниях своих не уверен. О детях я точно знаю,

что их не надо вовсе пеленать, их надо уничтожать. Для этого я бы устроил в городе центральную яму и бросал бы туда детей. А что бы из ямы не шла вонь разложения, ее можно каждую неделю заливать негашеной известью. В эту же яму я столкнул бы всех немецких овчарок. Теперь о том, как выдавать девиц замуж. Это, по моему, еще проще. Я бы устроил общественный зал, где бы, скажем, раз в месяц собиралась вся молодежь. Все, от 17 до 35 лет, должны раздеться голыми и прохаживаться по залу. Если кто кому понравился, то такая пара уходит в уголок и там рассматривает себя уже детально. Я забыл сказать, что у всех на шее должна висеть карточка с именем, фамилией и адресом. Потом тому, кто пришелся по вкусу, можно послать письмо и завязать более тесное знакомство. Если же в эти дела вмешается старик или старуха, то я предлагаю зарубать их топором и волочить туда же, куда и детей, в центральную яму.

Я бы написал еще об имеющихся во мне знаниях, но, к сожалению, должен идти в магазин за махоркой. Идя на улицу, я всегда беру с собой толстую, сучковатую палку.

Беру я ее с собой, что бы колотить ею детей, которые подворачиваются мне под ноги. Должно быть, за это прозвали меня капуцином. Но подождите, сволочи, я вам обдеру еще уши!

12 октября 1938 года.

Тетрадь

*М*не дали пощёчину.

Я сидел у окна. Вдруг на улице что-то свистнуло. Я высунулся на улицу из окна и получил пощёчину. Я спрятался обратно в дом. И вот теперь на моей щеке горит, как раньше говорили, несмываемый позор. Такую боль обиды я испытал раньше один только раз.

Это было так: одна прекрасная дама, незаконная дочь короля, подарила мне роскошную тетрадь. Это был для меня настоящий праздник, так хороша была тетрадь! Я сразу сел и начал писать туда стихи. Но когда эта дама, не законная дочь короля, увидала, что я пишу в эту тетрадь черновики, она сказала: «Если бы знала я, что вы сюда будете писать свои бездарные черновики, никогда бы не подарила я вам этой тетради. Я ведь думала, что эта тетрадь вам послужит для списывания туда умных и полезных фраз. Вычитанных вами из различных книг».

Я вырвала из тетради исписанные мной листки и вернул тетрадь даме.

И вот теперь, когда мне дали пощёчину через окно, я ощутил знакомое мне чувство. Это было то же чувство, какое я испытал, когда вернул прекрасной даме её роскошную тетрадь.

12 октября 1938 года

Новый талантливый писатель

Андрей Андреевич придумал такой рассказ:

В одном старинном замке жил принц, страшный пьяница. А жена этого принца, наоборот, не пила даже чаю, только воду и молоко пила. А муж её пил водку и вино, а молока не пил. Да и жена его, собственно говоря, тоже водку пила, но скрывала это. А муж был бесстыдник и не скрывал. «Не пью молока, а водку пью!» — говорил он всегда. А жена тихонько из-под фартука вынимала баночку и хлоп, значит, выпивала. Муж её, принц, говорит: «Ты бы и мне дала». А жена, принцесса, говорит: «Нет, самой мало. Хю!» «Ах ты, — говорит принц, — ледя!» И с этими словами хватъ жену об пол! Жена себе всю харю расшибла, лежит на полу и плачет. А принц в мантию завернулся и ушёл к себе в башню, там у него клетка стояла. Он, видите-ли, там кур разводил. Вот пришёл принц на

башню, а там куры кричат, пищи требуют. Одна курица даже ржать начала. «Ну, ты, — говорит ей принц, — шантоклер! Молчи, пока по зубам не попало!» Курица слов не понимает и продолжает ржать. Выходит, значит, что курица на башне шумит, принц, значит, матерно ругается, жена внизу на полу лежит, одним словом настоящий содом.

Вот какой рассказ выдумал Андрей Андреевич. Уже по этому рассказу можно судить, что Андрей Андреевич крупный талант. Андрей Андреевич очень умный человек, очень умный и очень хороший!

Даниил Хармс

12—30 октября 1938 года.

Победа Мышина

Мышину сказали: — «Эй, Мышин, вставай!»

Мышин сказал: «Не встану», — и продолжал лежать на полу.

Тогда к Мышину подошёл Калутин и сказал: «Если ты, Мышин, не встанешь, я тебя заставлю встать». «Нет», — сказал Мышин, продолжая лежать на полу.

К Мышину подошла Селизнёва и сказала: «Вы, Мышин, вечно валяетесь на полу в коридоре и мешаете нам ходить взад и вперёд».

«Мешал и буду мешать», — сказал Мышин.

— Ну, знаете, — сказал Коршунов, но его перебил Калутин и сказал:

— Да чего тут долго разговаривать! Звоните в милицию.

Позвонили в милицию и вызвали милиционера.

Через пол часа пришёл милиционер с дворником.

— Чего у вас тут? — спросил милиционер.

— Полюбуйтесь, — сказал Коршунов, но его перебил Кулыгин и сказал:

— Вот. Этот гражданин всё время лежит тут на полу и мешает нам ходить по коридору. Мы его и так и этак...

Но тут Кулыгина перебила Селизнёва и сказала:

— Мы его просили уйти, а он не уходит.

— Да, — сказал Коршунов.

Милиционер подошел к Мышину.

— Вы, гражданин, зачем тут лежите? — спросил милиционер.

— Отдыхаю, — сказал Мышин.

— Здесь, гражданин, отдыхать не годится, — сказал милиционер. — Вы где, гражданин, живете?

— Тут, — сказал Мышин.

— Где ваша комната? — спросил милиционер.

— Он прописан в нашей квартире, а комнаты не имеет, — сказал Кулыгин.

— Обождите, гражданин, — сказал милиционер, — я сейчас с ним говорю. Гражданин, где вы спите?

— Тут, — сказал Мышин.

— Позвольте, — сказал Коршунов, но его перебил Кулыгин и сказал:

— Он даже кровати не имеет и валяется прямо на голом полу.

— Они давно на него жалуются, — сказал дворник.

— Совершенно невозможно ходить по корридо-ру, — сказала Селизнёва. — Я не могу вечно шагать через мужчину. А он нарочно ноги вытянет, да еще руки вытянет, да еще на спину ляжет и глядит. Я с ра-боты усталая прихожу, мне отдых нужен.

— Присовокупляю, — сказал Коршунов, но его пе-ребил Кулыгин и сказал:

— Он и ночью тут лежит. Об него в темноте все спотыкаются. Я через него одеяло свое разорвал.

Селизнёва сказала:

— У него вечно из кармана какие то гвозди выва-ливаются. Невозможно по корридору босой ходить, того и гляди ногу напоришь.

— Они давеча хотели его керосином поджечь, — сказал дворник.

— Мы его керосином облили, — сказал Коршунов, но его перебил Кулыгин и сказал:

— Мы его только для страха керосином облили, а поджечь и не собирались.

— Да я бы и не позволила в своем присутствии живого человека сжечь, — сказала Селизнёва.

— А почему этот гражданин в коридоре лежит? — спросил вдруг милиционер.

— Здравствуйте! — сказал Коршунов, но <Кулыгин> его перебил и сказал:

— А потому, что у него нет другой жилплощади: вот в этой комнате я живу, в этой — вон они, в этой — вот он, а уж Мышин тут в коридоре живет.

— Это не годится, — сказал милиционер. — Надо, чтобы все на своей жилплощади лежали.

— А у него нет другой жилплощади, как в коридоре, — сказал Кулыгин.

— Вот именно, — сказал Коршунов.

— Вот он вечно тут и лежит, — сказала Селизнёва.

— Это не годится, — сказал милиционер и ушел вместе с дворником.

Коршунов подскочил к Мышину.

— Что? — закричал он. — Как вам это по вкусу пришлось?

— Подождите, — сказал Кулыгин. И, подойдя к Мышину, сказал:

— Слышал, чего говорил милиционер? Вставай с полу!

— Не встану, — сказал Мышин, продолжая лежать на полу.

— Он теперь нарочно и дальше будет вечно тут лежать, — сказала Селизнёва.

— Определенно, — сказал с раздражением Кулыгин.

И Коршунов сказал:

— Я в этом не сомневаюсь. Parfaitement!

Хармс

88М. 1940 года

<вторник 8 августа>

Лекция

Пушков сказал:

— Женщина, это станок любви, — и тут же получил по морде.

— За что? — спросил Пушков, но, не получив ответа на свой вопрос, продолжал:

— Я думаю так: к женщине надо подкатываться снизу. Женщины это любят и только делают вид, что они этого не любят.

Тут Пушкова опять стукнули по морде.

— Да что же это такое, товарищи! Я тогда и говорить не буду, — сказал Пушков, но, подождав с четверть минуты, продолжал:

— Женщина устроена так, что она вся мягкая и влажная.

Тут Пушкова опять стукнули по морде. Пушков попробовал сделать вид, что он этого не заметил и продолжал:

— Если женщину понюхать...

Но тут Пушкова так сильно трахнули по морде, что он схватился за щеку и сказал:

— Товарищи, в таких условиях совершенно невозможно провести лекцию. Если это будет ещё повторяться, я замолчу.

Пушков подождал четверть минуты и продолжал:

— На чём мы остановились? Ах да! Так вот: Женщина любит смотреть на себя. Она садится перед зеркалом совершенно голая...

На этом слове Пушков опять получил по морде.

— Голая, — повторил Пушков.

— Трах! — отвесили ему по морде.

— Голая! — крикнул Пушков.

— Трах! — получил он по морде.

— Голая! Женщина голая! Голая баба! — кричал Пушков,

— Трах! Трах! Трах! — получал Пушков по морде.

— Голая баба с ковшом в руках! — кричал Пушкин.
— Трах! Трах! — сыпались на Пушкина удары.
— Бабий хвост! — кричал Пушкин, увёртываясь от ударов. — Голая монашка!

Но тут Пушкина ударили с такой силой, что он потерял сознание и, как подкошенный, рухнул на пол.

h 12 m 1940 года
<суббота 12 августа>

Пашквиль

Знаменитый чтец Антон Исакович Ш., то самое историческое лицо, которое выступало в сентябре месяце 1940 года в Литейном Лектории, любило перед своими концертами полежать часок-другой и отдохнуть. Ляжет оно, бывало, на кушет и скажет: «Буду спать», а само не спит. После концертов оно любило поужинать. Вот оно придёт домой, рассядится за столом и говорит своей жене: «А ну, голубушка, состряпай ка мне что ни будь из лапши». И пока жена его стряпает, оно сидит за столом и книгу читает. Жена его хорошенькая, в кружевном передничке, с сумочкой в руках, а в сумочке носовой платочек и ватрушечный медальончик лежат, жена его бегаёт по комнате, каблучками стучит как бабочка, а оно скромно за столом сидит, ужина дожидается. Всё так складно и прилично. Жена ему что ни будь приятное скажет, а оно головой кивает. А жена порх к буфетику и уже рюмочками там звенит. «Налей ка, душенька, мне рюмочку», — говорит оно. «Смотри, голубчик, не спейся», — говорит ему жена. «Авось, пупочка, не сопьюсь», — говорит оно, опрокидывая рюмочку в рот. А жена грозит ему пальчиком, а сама боком через двери на кухню бежит. Вот в таких приятных тонах весь ужин проходит, а потом они спать закладываются. Ночью, если им мухи не мешают,

они спят спокойно, потому что уж очень они люди хорошие!

h 12 m 1940 года

<суббота 12 августа>

Как легко человеку запутаться в мелких предметах. Можно часами ходить от стола к шкапу и от шкапа к дивану и не находить выхода. Можно даже забыть, где находишься, и пускать стрелы в какой ни будь маленький шкафчик на стене. «Гей! шкаф! — можно кричать ему. — Я тебя!» Или можно лечь на пол и рассматривать пыль. В этом тоже есть вдохновение. Лучше делать это по часам, сообразуясь со временем. Правда, тут очень трудно определить сроки, ибо какие сроки у пыли?

Еще лучше смотреть в таз с водой. На воду смотреть всегда полезно и поучительно. Даже если там ничего не видно, а всё же хорошо. Мы смотрели на воду, ничего в ней не видели, и скоро нам стало скучно. Но мы утешали себя, что всё же сделали хорошее дело. Мы загибали наши пальцы и считали. А что считали, мы не знали, ибо разве есть какой либо счет в воде?

m 12 0

<суббота 17 августа 1940 г.>

Власть

Фаол сказал: «Мы грешим и творим добро в слепую. Один стряпчий ехал на велосипеде и вдруг, доехав до Казанского собора, исчез. Знает ли он, что дано было сотворить ему: добро или зло? Или такой случай: один артист купил себе шубу и якобы сотворил добро той старушке, которая, нуждаясь, продавала эту шубу, но зато другой старушке, а именно своей матери, которая жила у артиста и обыкновен-

но спала в прихожей, где артист вешал свою новую шубу, он сотворил, по всей видимости, зло, ибо от новой шубы столь невыносимо пахло каким-то фармалином и нафталином, что старушка, мать того артиста, однажды не смогла проснуться и умерла. Или еще так: один графолог надрызгался водкой и натворил такое, что тут, пожалуй, и сам полковник Дибич не разобрал бы, что хорошо, а что плохо. Грех от добра отличить очень трудно».

Мышин, задумавшись над словами Фаола, упал со стула.

— Хо-хо, — сказал он, лёжа на полу, — че-че.

Фаол продолжал: «Возьмем любовь. Буд то хорошо, а буд то и плохо. С одной стороны, сказано: возлюби, а с другой стороны, сказано: не балуй. Может, лучше вовсе не возлюбить? А сказано: возлюби. А возлюбишь — набалуешь. Что делать? Может, возлюбить, да не так? Тогда зачем же у всех народов одним и тем же словом изображается возлюбить и так и не так? Вот один артист любил свою мать и одну молоденькую полненькую девицу. И любил он их разными способами. Он отдавал девице большую часть своего заработка. Мать частенько голодала, а девица пила и ела за троих. Мать артиста жила в прихожей на полу, а девица имела в своем распоряжении две хорошие комнаты. У девицы было четыре польто, а у матери одно. И вот артист взял у своей матери это одно польто и перешил из него девице юбку. Наконец, с девицей артист баловался, а со своей матерью не баловался и любил ее чистой любовью. Но смерти матери артист побаивался, а смерти девицы артист не побаивался. И когда умерла мать, артист плакал, а когда девица вывалилась из окна и тоже умерла, артист не плакал и завел себе другую девицу. Выходит, что мать ценится, как уника, вроде редкой марки, которую нельзя заменить другой».

— Шо-шо, — сказал Мышин, лежа на полу, — хо-хо.

Фаол продолжал: «И это называется чистая лю-

бовь! Добро ли такая любовь? А если нет, то как же возлюбить? Одна мать любила своего ребенка. Этому ребенку было два с половиной года. Мать носила его в сад и сажала на песочек. Туда же приносили своих детей и другие матери. Иногда на песочке накапливалось до сорока маленьких детей. И вот однажды в этот сад ворвалась бешенная собака, кинулась прямо к детям и начала их кусать. Матери с воплями кинулись к своим детям, в том числе и наша мать. Она, жертвуя собой, подскочила к собаке и вырвала у нее из пасти, как ей казалось, своего ребенка. Но, вырвав ребенка, она увидела, что это не ее ребенок, и мать кинула его обратно собаке, чтобы схватить и спасти от смерти лежащего тут же рядом своего ребенка. Кто ответит мне: согрешила ли она или сотворила добро?»

— Сю-сю, — сказал Мышин, ворочаясь на полу.

Фаол продолжал: «Грешит ли камень? Грешит ли дерево? Грешит ли зверь? Или грешит только один человек?»

— Млям-млям, — сказал Мышин, прислушиваясь к словам Фаола, — шуп-шуп.

Фаол продолжал: «Если грешит только один человек, то значит, все грехи мира находятся в самом человеке. Грех не входит в человека, а только выходит из него. Подобно пище: человек съедает хорошее, а выбрасывает из себя нехорошее. В мире нет ничего нехорошего, только то, что прошло сквозь человека, может стать нехорошим».

— Умняф, — сказал Мышин, стараясь приподняться с пола.

Фаол продолжал: «Вот я говорил о любви, я говорил о тех состояниях наших, которые называются одним словом “любовь”. Ошибка ли это языка, или все эти состояния едины? Любовь матери к ребенку, любовь сына к матери и любовь мужчины к женщине — быть может, это всё одна любовь?»

— Определенно, — сказал Мышин, кивая головой.

Фаол сказал: «Да, я думаю, что сущность любви не меняется от того, кто кого любит. Каждому человеку

отпущена известная величина любви. И каждый человек ищет, куда бы ее приложить, не скидывая своих фузеляжек. Раскрытие тайн перестановок и мелких свойств нашей души, подобной мешку опилок...

— Хветь! — крикнул Мышин, вскакивая с пола. — Сгинь!

И Фаол рассыпался, к<ак> плохой сахар.

( ) 29 ± 1940 года

<воскресенье 29 сентября>

Четвероногая Ворона

Жила была четверногая ворона. Собственно говоря, у неё было пять ног, но об этом говорить не стоит.

Вот однажды купила себе четверногая ворона кофе и думает: «Ну вот, купила я себе кофе, а что с ним делать?»

А тут, как на беду, пробежала мимо лиса. Увидала она ворону и кричит ей: «Эй, — кричит, — ты, ворона!»

А ворона лисе кричит:

«Сама ты ворона!»

А лиса вороне кричит:

«А ты, ворона, свинья!»

Тут ворона от обиды рассыпала кофе. А лиса прочь побежала. А ворона слезла на землю и пошла на своих четырех, или, точнее, на пяти ногах в свой паршивый дом.

13 февраля 1938 года.

Упадание

Ова человека упали с крыши. Они оба упали с крыши пятиэтажного дома, новостройки. Кажется, школы. Они съехали по крыше в сидячем положении до самой кромки и тут начали падать. Их падение

раньше всех заметила Ида Марковна. Она стояла у окна в противоположном доме и сморкалась в стакан. И вдруг она увидела, что кто-то с крыши противоположного дома начинает падать. Вглядевшись, Ида Марковна увидела, что это начинают падать сразу целых двое. Совершенно растерявшись, Ида Марковна содрала с себя рубашку и начала этой рубашкой скорее протирать запотевшее оконное стекло, чтобы лучше разглядеть, кто там падает с крыши. Однако, сообразив, что, пожалуй, падающие могут, со своей стороны, увидеть ее голой и невесть что про неё подумать, Ида Марковна отскочила от окна и спряталась за плетёный треножник, на котором когда-то стоял горшок с цветком. В это время падающих с крыши увидела другая особа, живущая в том же доме, что и Ида Марковна, но только двумя этажами ниже. Особу эту тоже звали Ида Марковна. Она как раз в это время сидела с ногами на подоконнике и пришивала к своей туфле пуговку. Взглянув в окно, она увидела падающих с крыши. Ида Марковна взвизгнула и, вскочив с подоконника, начала спешно открывать окно, чтобы лучше увидеть, как падающие с крыши ударятся об землю. Но окно не открывалось. Ида Марковна вспомнила, что она забила окно с низу гвоздём и кинулась к печке, в которой она хранила инструменты: четыре молотка, долото и клещи. Схватив клещи, Ида Марковна опять подбежала к окну и выдернула гвоздь. Теперь окно легко распахнулось. Ида Марковна высунулась из окна и увидела, как падающие с крыши со свистом подлетали к земле.

На улице собралась уже небольшая толпа. Уже раздавались свистки и к месту ожидаемого происшествия не спеша подходил маленького роста милиционер. Носатый дворник суетился, расталкивая людей и поясняя, что падающие с крыши могут вдарить собравшихся по головам. К этому времени уже обе Иды

Марковны, одна в платье, а другая голая, высунувшись в окно, визжали и били ногами. И вот, наконец, расставив руки и выпучив глаза, падающие с крыши ударились об Землю.

Так и мы иногда, упаяая с высот достигнутых, ударяемся об унылую клетъ нашей будущности.

Д.Х.

Писано четыре дня.

Закончено в 7 $\pm$ 1940 года

<в субботу 7 сентября>

Перечин сел на кнопку, и с этого момента его жизнь резко переменилась. Из задумчивого, тихого человека Перечин стал форменным негодяем. Он отпустил себе усы и в дальнейшем подстригал их чрезвычайно не аккуратно, таким образом, один его ус был всегда длиннее другого. Да и росли у него усы как-то косо. Смотреть на Перечина стало невозможно. К тому же он еще отвратительно подмигивал глазом и дергал щекой. Некоторое время Перечни ограничивался мелкими подлостями: сплетничал, доносил, общитывал трамвайных кондукторов, платя им за проезд самой мелкой медной монетой и всякий раз не додавая двух, а то и трех копеек.

♀ 14 т. 40.

<среда 14 августа 1940 г.>

У него был такой нос, что хотелось ткнуть в него бильярдным кием.

За забором долго бранились и плевались. Слышно было, как кому то плюнули в рот.

Это идет процессия. Зачем эта процессия идет?
Она несёт вырванную у Пятипалова ноздрю. Ноздрю
несут, чтобы зарыть в Летнем Саду.

Михайлов ходил по Летнему Саду, неся под мыш-
кой гамак. Он долго искал, куда бы гамак повесить.
Но всюду толкались неприятные сторожа. Михайлов
передумал и сел на скамеечку. На скамеечке лежала
забытая кем то газета.

Лежала забытая кем то газета.
Лежала забытая кем то газета.
Михайлов садился на эту газету,
И думать поспешал
И думать поспешал.

<Март 1938>

Все люди любят деньги. И гладят их, и целуют,
и к сердцу прижимают, и заворачивают их в краси-
вые тряпочки, и нянчат их, как куклу. А некоторые
закljučают деньзнак в рамку, вешают его на стену и
поклоняются ему как иконе. Некоторые кормят свои
деньги: открывают им рты и суют туда самые жир-
ные куски своей пищи. В жару несут деньги в холод-
ный погреб, а зимой, в лютые морозы, бросают день-
ги в печку, в огонь. Некоторые просто разговаривают
со своими деньгами или читают им вслух интерес-
ные книги, или поют им приятные песни. Я же не от-
даю деньгам особого внимания и просто ношу их в
кошелек или в бумажнике, и, по мере надобности,
трачу их. Шибейя!

117

<пятница 16 октября 1940>

В трамвае сидели два человека и рассуждали так: Один говорил: «Я не верю в загробную жизнь. Реальных доказательств того, что загробная жизнь существует — не имеется. И авторитетных свидетельств о ней мы не знаем. В религиях же о ней говорится либо очень неубедительно, например, в исламе, либо очень туманно, например, в христианстве, либо ничего не говорится, например, в библии, либо прямо говорится, что её нет, например, в буддизме. Случаи ясновидения, пророчества, разных чудес и даже привидений прямого отношения к загробной жизни не имеют и отнюдь не служат доказательством её существования. Меня несколько не интересуют рассказы, подобные тому, как один человек увидел во сне льва и на другой день был убит вырвавшимся из Зоологического сада львом. Меня интересует только вопрос: есть ли загробная жизнь или её нет? Скажите, как по вашему?»

Второй Собеседник сказал: «Отвечу вам так: на ваш вопрос вы никогда не получите ответа, а если получите когда ни будь ответ, то не верьте ему. Только вы сами сможете ответить на этот вопрос. Если вы ответите да, то будет да, если вы ответите нет, то будет нет. Только ответить надо с полным убеждением, без тени сомнения, или, точнее говоря, с абсолютной верой в свой ответ».

Первый Собеседник сказал: «Я бы охотно ответил себе. Но ответить надо с верой. А чтобы ответить с верой, надо быть уверенным в истинности своего ответа. А где мне взять эту уверенность?»

Второй Собеседник сказал: «Уверенность, или точнее, веру нельзя приобрести, её можно только развить в себе».

Первый Собеседник сказал: «Как же я могу развить в себе веру в свой ответ, когда я даже не знаю, что отвечать, да или нет».

Второй Собеседник сказал: «Выберите себе то, что вам больше нравится».

— Сейчас будет наша остановка, — сказал первый Собеседник и оба встали со своих мест, чтобы идти к выходу.

— Простите, — обратился к ним какой-то военный чрезвычайно высокого роста. — Я слышал ваш разговор и меня, извините, заинтересовало: как это могут два ещё молодых человека серьезно говорить о том, есть ли загробная жизнь, или её нет?

<1940>

Бытовая сценка

Водевиль

Сно: Здравствуйте! Эх, выпьем! Эх! Гуляй-ходи! Эх! Эх! Эх!

Мариша: Да что с вами, Евгений Эдуардович?

Сно: Эх! Пить хочу! Эх, гуляй-ходи!

Мариша: Постойте, Евгений Эдуардович, вы успокойтесь. Хотите, я чай поставлю.

Сно: Чай? Нет. Я водку хлебать хочу.

Мариша: Евгений Эдуардович, милый, да что с вами? Я вас узнать не могу.

Сно: Ну и неча узнавать! Гони, мадам, водку!

Мариша: Господи, да что же это такое? Даня! Даня!

Даня (лёжа на полу в прихожей): Ну? Чего там ещё?

Мариша: Да что же мне делать? Что же это такое?

Сно: Эх, гуляй-ходи! (пьет водку и выбрасывает ее фонтаном через нос).

Мариша (залезая за фисгармонию): Заступница пресвятая! Мать пресвятая Богородица!

Хармс (лежа в прихожей на полу): Эй ты, там, слова молитв путаешь!

Сно (разбивая бутылкой стеклянную дверцу шкапа): Эх, гуляй-ходи!

Падает занавес.

Слышно как Мариша чешет себе голову.

Нера, Надежда, Любовь, София.

1938 года <30 сентября>

— Да, — сказал Козлов, притрагивая ногой, — она очень испугалась. Еще бы! Хо-хо! Но сообразила, что бежать ни в коем случае нельзя. Это все же она сообразила. Но тут хулиганы подошли ближе и начали ей в ухо громко свистеть. Они думали оглушить её свистом. Но из этого ничего не вышло, т. к. она как раз на это ухо была глуха. Тогда один из хулиганов шваркнул её палкой по ноге. Но и из этого тоже ничего не вышло, потому что как раз эта нога была у неё ещё пять лет тому назад ампутирована и заменена протезом. Хулиганы даже остановились от удивления, видя, что она продолжает спокойно идти дальше.

— Ловко! — сказал Течорин. — Великолечно! Ведь что бы было, если бы хулиганы подошли к ней с другого бока? Ей повезло.

— Да, — сказал Козлов, — но обыкновенно ей не везёт. Недели две тому назад её изнасиловали, а прошлым летом её просто так, из озорства, высекли лошадиным кнутом. Бедная Елизавета Платоновна даже привыкла к подобным историям.

— Бедняжка, — сказал Течорин. — Я был бы не прочь её повидать.

<1940>

Синфония № 2

Антон Михайлович плюнул, сказал «эх», опять плюнул, опять сказал «эх», опять плюнул, опять сказал «эх» и ушел. И Бог с ним. Расскажу лучше про Илью Павловича.

Илья Павлович родился в 1893 году в Константинополе. Еще маленьким мальчиком его перевезли в Петербург и тут он окончил немецкую школу на Кирочной улице. Потом он служил в каком-то магазине, потом ещё чего-то делал, а в начале революции эмигрировал за границу. Ну и Бог с ним. Я лучше расскажу про Анну Игнatieвну.

Но про Анну Игнatieвну рассказать не так-то просто. Во первых, я о ней ничего не знаю, а во вторых, я сейчас упал со стула и забыл, о чём собирался рассказывать. Я лучше расскажу о себе.

Я высокого роста, не глупый, одеваюсь изящно и со вкусом, не пью, на скачки не хожу, но к дамам тянусь. И дамы не избегают меня. Даже любят, когда я с ними гуляю. Серафима Измайловна неоднократно приглашала меня к себе, и Зинаида Яковлевна тоже говорила, что она всегда рада меня видеть. Но вот с Мариной Петровной у меня вышел забавный случай, о котором я и хочу рассказать. Случай вполне обыкновенный, но всё же забавный, ибо Марина Петровна, благодаря меня, совершенно облысела, как ладонь. Случилось это так: пришёл я однажды к Марине Петровне, а она трах! и облысела. Вот и всё.

Даниил Хармс

Ночь с ♀ на ♂

9—10 ☾ 1941 года

«с понедельника на вторник 9—10 июня»

Реабилитация

Не хвастаясь, могу сказать, что, когда Володя ударил меня по уху и плюнул мне в лоб, я так его схватил, что он этого не забудет. Уже потом я бил его примусом, а утюгом я бил его вечером. Так что умер он совсем не сразу. Это не доказательство, что ногу я отрезал ему еще днем. Тогда он был еще жив. А Андриюшу я убил просто по инерции, и в этом я себя не

могу обвинить. Зачем Андрюша с Елизаветой Антоновой попались мне под руку? Им было не к чему выскакать из за двери. Меня обвиняют в кровавости, говорят, я пил кровь, но это неверно, я подлизывал кровавые лужи и пятна; это естественная потребность человека уничтожить следы своего, хотя бы и пустяшного, преступления. А так же я не насиловал Елизавету Антоновну. Во первых, она уже не была девушкой, а во вторых, я имел дело с трупом, и ей жаловаться не приходится. Что из того, что она вот-вот должна была родить? Я и вытащил ребенка. А то, что он вообще не жилец был на этом свете, в этом уж не моя вина. Не я оторвал ему голову, причиной тому была его тонкая шея. Он был создан не для жизни сей. Это верно, что я сапогом размазал по полу их собачку. Но это уж цинизм — обвинять меня в убийстве собаки, когда тут рядом, можно сказать, уничтожены три человеческие жизни. Ребенка я не считаю. Ну, хорошо: во всем этом (я могу согласиться) можно усмотреть некоторую жестокость с моей стороны. Но считать преступлением то, что я сел и испражнился на свои жертвы, — это уже, извините, абсурд. Испражняться — потребность естественная, а следовательно, и отнюдь не преступная. Таким образом, я понимаю опасения моего защитника, но все же надеюсь на полное оправдание.

Даниил Хармс

♂ 10 ☿ 1941 г.

<вторник, 10 июня>

Художник и Часы

Серов, художник, пошёл на Обводный канал. Зачем он туда пошёл? Покупать резину. Зачем ему резина? Чтобы сделать себе резинку. А зачем ему ре-

зинка? А чтобы её растягивать. Вот. Что ещё? А ещё вот что: художник Серов поломал свои часы. Часы хорошо ходили, а он их взял и поломал. Чего ещё? А боле ничего. Ничего, и всё тут! И своё поганое рыло, куда не надо не суй! Господи помилуй!

Жила была старушка. Жила, жила и сгорела в печке. Туда ей и дорога! Серов, художник, по крайней мере, так рассудил...

Эх! Написал бы ещё, да чернильница куда то вдруг исчезла.

22 октября 1938 года

Американская улица. По улице ходят американцы. На право касса, над кассой надпись «Мюзик-Холл, Джаз-оркестр М-ра Вудлейга и его жены баронессы фон дер Клюкен». Рекламы. К кассе стоит очередь американцев. На сцену выходит Феноров и озирается по сторонам. Все американцы довольно обтрёпанные.

Феноров — Это вот значит и есть Америка!.. Да! Ну и Америка!.. Вот это да-а!.. Эй, послушайте!.. Вы!.. Это Америка?

Американец — Ies, Америка.

Феноров — Город Чикаго?

Ам. — Ies, Чикаго.

Феноров — А вы будите Американец?

Ам. — Американец.

Феноров (*басом*) — Вот ето да!.. А вот они, это тоже американцы?

Ам. — Американцы.

Феноров (*фальцетом*) — Ишь ты!.. (*ниже*) Американцы!.. (*осматриваясь*). А что, скажем, для примера, миллиардеры здесь тоже есть?

Ам. — Этого, друг мой, сколько угодно.

Феноров — А почему вот, для примера, скажем,

вы миллиардеры и американцы, а ходите вроде как бы все ободранные?

Ам. — А это всё по причине так называемого кризиса.

Феноров (*фальц.*) — Ишь ты!

Ам. — Право слово, что так!

Феноров (*бас.*) — Вот это да-а!..

Ам. — А позвольте вас спросить, кто вы сами-то будите?

Феноров — Да моя фамилия Феноров, а социальное происхождение — я хрюнцуз.

Ам. — Хм... И что же, парлэ ву франсе?

Феноров (*фальцетом*) — Чиво это?

Ам. — По французски то вы парлэ?

Феноров (*фальцетом*) — Чиво это?

Ам. — Да по французски то вы калякаете?

Феноров — Чиво не можем, того не можем. Вот по американски, этого сколько хош. Это мы умеем!... А ты мне, добрый человек, скажи лучше, зачем эта вот очередь стоит и чего такое интересное выдают?

Ам. — Не зачем эта очередь не стоит и ничего такого интересного не выдают, а стоит эта очередь за билетами.

Феноров (*фальцетом*) — Ишь ты!

Ам. — Это, видишь ли ты, Мьюзик-Холл, и выступает там сегодня джаз-оркестр знаменитого мистера Вудлейга и его жены, дочери барона фон дел Ключен.

Феноров (*басом*) — Вот это да-а!... Спасибо вам! Пойду тоже билетик куплю.

(Идет к очереди).

(Длинная очередь американцев к мюзиксольной кассе).

Феноров — Кто тут последний?

Субъект — Куда лезешь!.. Изволь в очередь встать!..

Феноров — Да я вот и спрашиваю, кто тут последний...

Субъект — Ну ты не очень то тут разговаривай!

Феноров — Кто тут последний?... (*трогает за локоть барышню*).

Барышня — Оставьте меня в покое, я вот за этим субъектом стою!..

Субъект — Я вам не субъект, а король мятных лепёшек!...

Феноров (*фальцетом*) — Ишь-ты!

Барышня — Ну, вы полегче, полегче! Я сама королева собачей шерсти!

Феноров (*басом*) — Вот это да-а!

Субъект — Хотя ты и королева собачей шерсти, а мне плевать на это!

Барышня — Подумаешь тоже, мятная лепёшка!

Субъект — Ах ты собачья шерсть!

Цирковой номер

Драка в очереди. Королева собачей шерсти расправляется с королём мятных лепёшек.

Другие американцы скачат вокруг и кричат:

— «Держу парей: Он — её!»

— «Держу парей: она — его!»

Внутренность Мьюзик-Холла. Видна эстрада и зрительный зал. Двери распахиваются и в зал врываются ободранные американцы, с криком и гвалтом занимают свои места. Заняв свои места, все застывают и наступают полная тишина. На эстраду выходит конференсье-американец.

Конф. — Лэди и джентельмэны! Мы, как есть американцы, то знаем, как провести время. Вот мы тут все собравшись, чтобы маленько повеселиться. А как вас, чертей, рассмешишь! Жуёте своё табак и ризинки и хоть бы хны!... Нешто вас рассмешишь!... Куда там!... Нипочём не рассмешишь!...

Американцы — Ы-ы-ы!... Ы-ы-ы!... Смеяться хотим!

Конф. — А как это сделать? Я знаю?

Американцы (жалобно) — Ы-ы-ы!...

Конф. — Ну хотите я вам смешные рожи покажу?

Американцы — Хотим! Хотим!

Конф. (Показывает рожу).

Американцы (громко хохочат) — Хы-хы-хы!... Ой умора! ой ой ой умора!

Конф. — Довольно?

Американцы — Ещё! Ещё!

Конф. — Нет, хватит! Сейчас выступит джаз-оркестр под управлением мистера Вудлейка...

Американцы (хлопая в ладоши) — Браво! Браво! Урра! Урра!

Конф. — В джазе участвует жена мистера Вудлейка, баронесса фон дер Клюкен, и их дети!

(Аплодисменты).

Конферансье уходит. Занавес.

Голос Фенорова из зрительного зала:

Феноров — Это чего такое будет?

Король мят. леп. (вскакивая со стула) — Братцы, да ведь это опять он!

Королева собачей шерсти — Опять мятная лепёшка крик поднимает!...

(Король быстро садится на своё место).

Королева (угрожающе) — Я тебя!

Занавес вновь поднимается.

<1934>

Грехопадение или познание добра и зла

Дидаскалия

(Аллея красиво подстриженных деревьев изображает райский сад. Посередине Древо Жизни и Древо Познания Добра и Зла. Сзади направо церковь.)

Figura (указывая рукой на дерево, говорит): Вот это дерево познания добра и зла. От других деревьев ешьте плоды, а от этого дерева плодов не ешьте (уходит в церковь).

Адам (указывая рукой на дерево): Вот это дерево познания добра и зла. От других деревьев мы будем есть плоды, а от этого дерева мы плодов есть не будем. Ты, Ева, обожди меня, а я пойду соберу малину. (уходит).

Ева: Вот это дерево познания добра и зла. Адам запретил мне есть плоды с этого дерева. А интересно, какого они вкуса?

(Из-за дерева появляется Мастер Леонардо)

Мастер Леонардо: Ева! вот я пришел к тебе.

Ева: А скажи мне, мастер Леонардо, зачем?

Мастер Леонардо: Ты такая красивая, белотелая и полногрудая. Я хлопочу о твоей пользе.

Ева: Дай то Бог.

Мастер Леонардо: Ты знаешь, Ева, я люблю тебя.

Ева: А я знаю что это такое?

Мастер Леонардо: Неужто не знаешь?

Ева: От куда мне знать?

Мастер Леонардо: Ты меня удивляешь.

Ева: Ой посмотри, как смешно фазан на фазаниху верхом сел!

М. Л.: Вот это и есть то самое.

Ева: Что то самое?

М. Л.: Любовь.

Ева: Тогда это очень смешно. Ты что? Хочешь тоже на меня верхом сесть?

М. Л.: Да хочу. Но только ты ничего не говори Адаму.

Ева: Нет, не скажу.

М. Л.: Ты, я вижу, молодец.

Ева: Да, я бойкая баба.

М. Л.: А ты меня любишь?

Ева: Да я не прочь, что бы ты меня покатал по саду на себе верхом.

М. Л.: Садись ко мне на плечи.

(Ева садится верхом на Мастера Леонардо, и он скачет с ней по саду.)

Входит Адам с картузом, полным малины, в руках.

Адам: Ева! Где ты? Хочешь малины? Ева! Куда же она ушла? Пойду ее искать *(Уходит)*.

Появляется Ева верхом на Мастере Леонардо.

Ева *(спрыгивая на землю)*: Ну спасибо. Очень хорошо.

М. Л.: А теперь попробуй вот это яблоко.

Ева: Ой, что ты! С этого дерева нельзя есть плодов.

М. Л.: Послушай, Ева! Я давно уже узнал все тайны рая. Кое что я скажу тебе.

Ева: Ну говори, а я послушаю.

М. Л.: Будешь меня слушать?

Ева: Да, и ни в чём тебя не огорчу.

М. Л.: А не выдашь меня?

Ева: Нет, поверь мне.

М. Л.: А вдруг всё откроется?

Ева: Не через меня.

М. Л.: Ну хорошо. Я верю тебе. Ты была в хорошей школе. Я видел Адама, он очень глуп.

Ева: Он грубоват немного.

М. Л.: Он ничего не знает. Он мало путешествовал и ничего не видел. Его одурачили. А он одурачивает тебя.

Ева: Каким образом?

М. Л.: Он запрещает тебе есть плоды с этого дерева. А ведь это самые вкусные плоды. И когда ты съешь этот плод, ты сразу поймешь, что хорошо и что плохо. Ты сразу узнаешь очень много и будешь умнее самого Бога.

Ева: Возможно ли это?

М. Л.: Да уж я говорю тебе, что возможно.

Ева: Ну, право, я не знаю, что мне делать.

М. Л.: Ешь это яблоко! Ешь, ешь!

(Появляется Адам с картузом в руках)

Адам: Ах, вот, где ты, Ева! А это кто?

Мастер Леонардо скрывается за кусты.

Адам: Это кто был?

Ева: Это был мой друг, Мастер Леонардо.

Адам: А что ему нужно?

Ева: Он посадил меня верхом к себе на шею и бе-гал со мной по саду. Я страшно смеялась.

Адам: Больше вы ничего не делали?

Ева: Нет.

Адам: А что это у тебя в руках?

Ева: Это яблоко.

Адам: С какого дерева?

Ева: Вон с того.

Адам: Нет врешь, с этого.

Ева: Нет с того.

Адам: Врёшь, поди?

Ева: Честное слово не вру.

Адам: Ну хорошо, я тебе верю.

Змей *(сидящий на дереве познания добра и зла):*
Она врёт. Ты не верь. Это яблоко с этого дерева!

Адам: Брось яблоко. Обманщица.

Ева: Нет, ты очень глуп. Надо попробовать, како-во оно на вкус.

Адам: Ева! Смотри!

Ева: И смотреть тут нечего!

Адам: Ну, как знаешь.

(Ева откусывает от яблока кусок.

Змей от радости хлопает в ладоши).

Ева: Ах, как вкусно! Только что же это такое? Ты всё время исчезаешь и появляешься вновь. Ой! всё исчезает и откуда-то появляется всё опять. Ох, как

это интересно! Ай! Я голая! Адам, подойди ко мне ближе, я хочу сесть на тебя верхом.

Адам: Что такое?

Ева: На, ешь ты тоже это яблоко!

Адам: Я боюсь.

Ева: Ешь! Ешь!

(Адам съедает кусок яблока и сразу же прикрывается картузом.)

Адам: Мне стыдно.

(Из церкви выходит *Figura*.)

Figura: Ты, человек, и ты, человечница, вы съели запрещённый плод. А потому вон из моего сада!

(*Figura* уходит обратно в церковь.)

Адам: Куда же нам итти?

Ева: Никуда не пойдем.

(Появляется Ангел с огненным мечом и гонит их из рая.)

Ангел: Пошли вон! Пошли вон! Пошли вон!

Мастер Леонардо (появляясь из за кустов): Пошли пошли! Пошли пошли! (машет руками). Давайте занавес!

Занавес

Дандан.

27 сентября 1934 года.

Господин не высокого роста с камушком в глазу подошёл к двери табачной лавки и остановился. Его чёрные, лакированные туфли сияли у каменной ступенечки, ведущей в табачную лавку. Носки туфель были направлены внутрь магазина. Ещё два шага и господин скрылся бы за дверью. Но он почему то за-

держался, будто нарочно для того, чтобы подставить голову под кирпич, упавший с крыши. Господин даже снял шляпу, обнаружив свой лысый череп, и таким образом кирпич ударил господина прямо по голове, проломил черепную кость и застрял в мозгу. Господин не упал. Нет, он только пошатнулся от страшного удара, вынул из кармана платок, вытер им лицо, залепленное кровавыми мозгами и, повернувшись к толпе, которая мгновенно собралась вокруг этого господина, сказал: «Не беспокойтесь, господа, у меня была уже прививка. Вы видите, у меня в правом глазу торчит камушек. Это тоже был однажды случай. Я уже привык к этому. Теперь мне всё трын трава!» И с этими словами господин надел шляпу и ушел куда то в сторону, оставив смущенную толпу в полном недоумении.

<1939—1940>

Когда я вижу человека, мне хочется ударить его по морде. Так приятно бить по морде человека!

Я сижу у себя в комнате и ничего не делаю.

Вот кто то пришел ко мне в гости; он стучится в мою дверь. Я говорю: «Войдите!» Он входит и говорит: «Здравствуйте! Как хорошо, что я застал вас дома!» А я его стук по морде, а потом еще сапогом в промежность. Мой гость падает навзнич от страшной боли. А я ему каблуком по глазам! Дескать, нечего шлаться, когда не звали!

А то еще так: я предлагаю гостю выпить чашечку чая. Гость соглашается, садится к столу, пьет чай и что то рассказывает. Я делаю вид, что слушаю его с большим интересом, киваю головой, ахаю, делаю удивленные глаза и смеюсь. Гость, польщенный моим вниманием, расходится всё больше и больше.

Я спокойно наливаю полную чашку кипятка и плещу кипятком гостю в морду. Гость вскакивает и хватается за лицо. А я ему говорю: «Больше нет в душе моей добродетели. Убирайтесь вон!» И я выталкиваю гостя.

<1939—1940>

Рыцари

Был дом, наполненный старухами. Старухи целый день шатались по дому и били мух бумажными фантиками. Всех старух в этом доме было тридцать шесть. Самая бойкая старуха, по фамилии Юфлева, командовала другими старухами. Непослушных старух она щипала за плечи или подставляла им подножку, и они падали и разбивали свои рожи. Старуха Звякина, наказанная Юфлевой, упала так неудачно, что сломала свои обе челюсти. Пришлось вызвать доктора. Тот пришёл, надел халат и, осмотрев Звякину, сказал, что она слишком стара, чтобы можно было рассчитывать на исправление ей челюстей. Затем доктор попросил дать ему молоток, стамеску, клещи и верёвку. Старухи долго носились по дому, и не зная, как выглядят клещи и стамеска, приносили доктору всё, что казалось им похожим на инструменты. Доктор долго ругался, но наконец, получив все требуемые предметы, попросил всех удалиться. Старухи, сгорая от любопытства, удалились с большим неудовольствием. Когда старухи с бранью и ропотом высыпали из комнаты, доктор запер за ними дверь и подошёл к Звякиной. «Ну-с», — сказал доктор и, схватив Звякину, крепко связал её верёвкой. Потом доктор, не обращая внимания на громкие крики и вой Звякиной, приставил к ее челюсти стамеску и сильно ударил по стамеске молотком. Звякина завывала хриплым басом. Раздробив стаме-

ской челюсти Звякиной, доктор схватил клещи и, зацепив ими Звякинские челюсти, вырвал их. Звякина выла, кричала и хрипела, обливаясь кровью. А доктор бросил клещи и вырванные звякинские челюсти на пол, снял халат, вытер об него свои руки и, подойдя к двери, открыл их. Старухи с визгом ввалились в комнату и выпученными глазами уставились кто на Звякину, а кто на окровавленные куски, валявшиеся на полу. Доктор протолкался между старухами и ушёл. Старухи кинулись к Звякиной. Звякина затихла и, видно, начала умирать. Юфлева стояла тут же, смотрела на Звякину и грызла семечки. Старуха Бяшечкина сказала: «Вот, Юфлева, когда ни будь и мы с тобой усопнем». Юфлева легнула Бяшечкину, но та во время успела отскочить в сторону.

— Пойдемте, старухи! — сказала Бяшечкина. — Чего нам тут делать? Пусть Юфлева со Звякиной возится, а мы пойдемте мух бить.

И старухи двинулись из комнаты.

Юфлева, продолжая лузгать семечки, стояла посередине комнаты и смотрела на Звякину. Звякина затихла и лежала неподвижно. Может быть, она умерла.

Однако на этом автор заканчивает повествование, так как не может отискать своей чернильницы.

21 июня 1940 года

<пятница>

I

Однажды я пришёл в Госиздат и встретил в Госиздате Евгения Львовича Шварца, который, как всегда, был одет плохо, но с претензией на что то.

Увидя меня Шварц начал острить, тоже, как всегда, неудачно.

Я острил значительно удачнее и скоро, в умственном отношении, положил Шварца на обе лопатки.

Все вокруг завидывали моему остроумию, но никаких мер не предпринимали, так как буквально дохли от смеха. В особенности же дохла от смеха Нина Владимировна Гернет и Давид Ефемыч Рахмилович, для благозвучия называющий себя Южиным.

Видя, что со мной шутки плохи, Шварц начал сбавлять свой тон и, наконец обложив меня просто матом, заявил, что в Тифлисе Заболоцкого знают все, а меня почти никто.

Тут я обозлился и сказал, что я более историчен, чем Шварц и Заболоцкий, что от меня останется в истории светлое пятно, а они быстро забудутся.

Почувствовав моё величие и крупное мировое значение, Шварц постепенно затрепетал и пригласил меня к себе на обед.

II

Я решил растрепать одну компанию, что и делаю. Начну с Валентины Ефимовны.

Эта нехозяйственная особа приглашает нас к себе и, вместо еды, подает к столу какую то кислятину. Я люблю поесть и знаю толк в еде. Меня кислятиной не проведешь! Я даже в ресторан, другой раз, захожу и смотрю, какая там еда. И терпеть не могу, когда с этой особенностью моего характера не считаются.

Теперь перехожу к Леониду Савельевичу Липавскому. Он не постеснялся сказать мне в лицо, что ежемесячно сочиняет десять мыслей.

Во-первых, — врет. Сочиняет не десять, а меньше. А во-вторых, я больше сочиняю. Я не считал, сколько и сочиняю в месяц, но должно быть, больше, чем он.

Теперь относительно ещё одной особы, это Тамары Александровны. Эта особа наливается чаем и корчит из себя недотрогу. Она, мол, знает и то и это, и, мол, умнее, чем тот-то и даже интереснее, чем Туся.

Всё это глупости! Я знаю женщин лучше, чем кто либо другой и про одетую женщину могу сказать, как она выглядит голой.

Тамара Александровна слишком о себе думает. Себялюбие не только грех, но и порок. Нечего чаем наливать. Посмотри лучше вокруг. Может быть, есть люди и по умнее тебя.

Я вот, например, не тычу всем в глаза, что обладаю, мол, коллосальным умом. У меня есть все данные считать себя великим человеком. Да, впрочем, я себя таким и считаю.

Потому то мне и обидно, и больно находиться среди людей, ниже меня поставленных по уму, и прозорливости, и таланту, и не чувствовать к себе вполне должного уважения.

Почему, почему я лучше всех?

III

Теперь я всё понял: Леонид Савельевич немец. У него даже есть немецкие привычки. Посмотрите, как он ест. Ну чистый немец, да и только! Даже по ногам видно, что он немец.

Не хвастаясь могу сказать, что я очень наблюдательный и остроумный.

Вот например если взять Леонида Савельевича, Юлия Берзнна и Вольфа Эрлиха и поставить их вместе на панели, то можно сказать: «мал мала меньше».

По моему, это остроумно, потому-что в меру смешно.

И всё таки Леонид Савельевич немец! Обязательно при встрече скажу ему это.

Я не считаю себя особенно умным человеком, и всё таки должен сказать, что я умнее всех. Может быть, на Марсе есть и умнее меня, но на земле не знаю.

Вот, говорят, Олейников очень умный. А по моему, он умный, да не очень. Он открыл, например,

что если написать 6 и перевернуть, то получится 9. А по моему, это неумно.

Леонид Савельевич совершенно прав, когда говорит, что ум человека — это его достоинство. А если ума нет, значит, и достоинства нет.

Яков Семёнович возражает Леониду Савельевичу и говорит, что ум человека это его слабость. А по моему, это уже парадокс. Почему же ум это слабость? Вовсе нет! Скорее, крепость. Я так думаю.

Мы часто собираемся у Леонида Савельевича и говорим об этом.

Если поднимается спор, то победителем спора всегда остаюсь я. Сам не знаю, почему.

На меня почему то все глядят с удивлением. Что бы я не сделал, все находят, что это удивительно.

А ведь я даже и не стараюсь. Всё само собой получается.

Заболоцкий как то сказал, что мне присуще управлять сферами. Должно быть, пошутил. У меня и в мыслях ничего подобного не было.

В Союзе Писателей меня считают почему то ангелом.

Послушайте, друзья! Нельзя же в самом деле передо мной так преклоняться. Я такой же, как и вы все, только лучше.

IV

Я слышал такое выражение: «Лови момент!» Легко сказать, но трудно сделать. По моему, это выражение бессмысленное. И действительно, нельзя призывать к невозможному.

Говорю я это с полной уверенностью, потому что сам на себе все испытал. Я ловил момент, но не поймал и только сломал часы. Теперь я знаю, что это невозможно.

Также невозможно «ловить эпоху», потому что это такой же момент, только по больше.

Другое дело, если сказать: «Запечатлейте то, что происходит в этот момент». Это совсем другое дело.

Вот например: раз, два, три! Ничего не произошло! Вот я запечатлел момент, в котором ничего не произошло.

Я сказал об этом Заболоцкому. Тому это очень понравилось, и он целый день сидел и считал: раз, два, три! И отмечал, что ничего не произошло.

За таким занятием застал Заболоцкого Шварц. И Шварц тоже заинтересовался этим оригинальным способом запечатлеть то, что происходит в нашу эпоху, потому что ведь из моментов складывается эпоха.

Но прошу обратить внимание, что родоначальником этого метода опять являюсь я. Опять я! Всюду я! Просто удивительно!

То, что другим дается с трудом, мне дается с легкостью.

Я даже летать умею. Но об этом рассказывать не буду, потому что все равно никто не поверит.

V

Когда два человека играют в шахматы, мне всегда кажется, что один другого околпачивает. Особенно, если они играют на деньги.

Вообще мне противна всякая игра на деньги. Я запрещаю играть в своем присутствии.

А картежников я бы казнил. Это самый правильный метод борьбы с азартными играми.

Вместо того, чтобы играть в карты, лучше бы собрались да почитали бы друг другу морали.

А впрочем, морали скучно. Интереснее ухаживать за женщинами.

Женщины меня интересовали всегда. Меня всегда волновали женские ножки, в особенности выше колен.

Многие считают женщин порочными существа-

ми. А я нисколько! Наоборот, даже считаю их чем то очень приятными.

Полненькая, молоденькая женщина! Чем же она порочна? Вовсе не порочна!

Вот другое дело дети. О них говорят, что они невинны. А я считаю, что они, может быть, и невинны, да только уж больно омерзительны, в особенности, когда пляшут. Я всегда ухожу от тудова, где есть дети.

И Леонид Савельевич не любит детей. Это я внушил ему такие мысли.

Вообще всё, что говорит Леонид Савельевич, уже когда нибудь раньше говорил я.

Да и не только Леонид Савельевич. Всякий рад подхватить хотя бы обрывки моих мыслей. Мне это даже смешно.

Например, вчера прибежал ко мне Олейников и говорит, что совершенно запутался в вопросах жизни. Я дал ему кое какие советы и отпустил. Он ушел ошастливленный мною и в наилучшем своем настроении.

Люди видят во мне поддержку, повторяют мои слова, удивляются моим поступкам, а денег мне не платят.

Глупые люди! Несите мне побольше денег, и вы увидите, как я буду этим доволен.

VI

Теперь я скажу несколько слов об Александре Ивановиче.

Это болтун и азартный игрок. Но за что я его ценю, так это за то, что он мне покорен.

Днями и ночами дежурит он передо мной и только и ждет с моей стороны намека на какое нибудь приказание.

Стоит мне подать этот намек, и Александр Иванович летит, как ветер, исполнять мою волю.

За это я купил ему туфли и сказал: «на, носи!» Вот он их и носит.

Когда Александр иванович приходит в Госиздат, то все смеются и говорят между собой, что Александр Иванович пришел за деньгами.

Константин Игнатьевич Древацкий прячется под стол. Это я говорю в аллегорическом смысле.

Больше всего Александр Иванович любит макароны. Ест он их всегда с толчеными сухарями и съедает почти что целове кило, а омжет быть, и гораздо больше.

Съев макароны, Александр иванович говорит, что его тошнит, и ложится на диван. Иногда макароны выходят обратно.

Мясо Александр Иванович не ест и женщин не любит. Хотя, иногда любит. Кажется, даеж очень часто.

Но женщины, которых любит Александр Иванович, на мой вкус, все некрасивые, а потому будем считать, что это даже и не женщины.

Если я что ни будь говорю, значит, это правильно.

Спорить со мной никому не советую, все равно он останется в дураках, потому что я всякого переспорю.

Да и не вам тягаться со мною. Еще и не такие про-
бовали. Всех уложил! Даром, что с виду и говорить-то не умею, а как заведу, так и не остановишь.

Как то раз завел у Липавских и пошел! Всех до смерти заговорил!

Потом пошел к Заболоцким и там всех заговорил. Потом пошел к Шварцам и там всех заговорил. Потом домой пришел и дома еще пол ночи говорил!

<1935—1936>

<Из «Голубой тетради»>

(18)

— Федя, а Федя!

— Что-с?

— А вот я тебе покажу что-с!

(Молчание).

- Федя, а Федя!
- В чём дело?
- Ах ты, сукин сын! Ещё в чём дело спрашиваешь.
- Да что вам от меня нужно?
- Видали? Что мне от него нужно! Да я тебя, мерзавца, за такие слова... Я тебя так швырну, что полетишь сам знаешь, куда!
- Куда?
- В горшок.

(Молчание).

(19)

- Федя, а Федя?
- Да что вы, тётенька, с ума сошли?
- Ах! Ах! Повтори, как ты сказал!
- Нет, не повторю.
- Ну то-то! Знай своё место! Небось! Тоже!

23 февраля 1937 года.

СЛУЧАИ

Посвящаю Марине Владимировне Малич.

Голубая тетрадь № 10

Был один рыжий человек, у которого не было глаз и ушей. У него не было и волос, так что рыжим его называли условно.

Говорить он не мог, так как у него не было рта. Носа тоже у него не было.

У него не было даже рук и ног. И живота у него не было, и спины у него не было, и хребта у него не было, и никаких внутренностей у него не было. Ничего не было!

Так что не понятно, о ком идёт речь.

Уж лучше мы о нём не будем больше говорить.

1 января 1937 года.

Случай

Однажды Орлов объелся толчёным горохом и умер. А Крылов, узнав об этом, тоже умер. А Спиридонов умер сам собой. А жена Спиридонова упала с буфета и тоже умерла. А дети Спиридонова утонули в пруду. А бабушка Спиридонова спилась и пошла по дорогам. А Михайлов перестал причёсываться и заболел паршой. А Круглов нарисовал даму с кнутом в руках и сошёл с ума. А Перехрёстов получил телеграфом четыреста рублей и так заважничал, что его вытолкали со службы.

Хорошие люди и не умеют поставить себя на твёрдую ногу.

22 августа <1936>

Вываливающиеся старухи

Одна старуха от чрезмерного любопытства вывалилась из окна, упала и разбилась.

Из окна высунулась другая старуха и стала смотреть вниз на разбившуюся, но, от чрезмерного любопытства, тоже вывалилась из окна, упала и разбилась.

Потом из окна вывалилась третья старуха, потом четвёртая, потом пятая.

Когда вывалилась шестая старуха, мне надоело смотреть на них, и я пошёл на Мальцевский рынок, где, говорят, одному слепому подарили вязаную шаль.

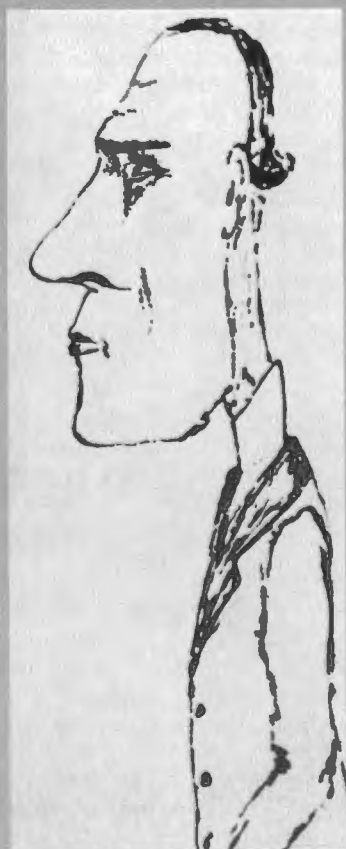
<1936—1937>

Сонет

Удивительный случай случился со мной: я вдруг забыл, что идёт раньше 7 или 8.

Я отправился к соседям и спросил их, что они думают по этому поводу.

Каково же было их и моё удивление, когда они

Д. Хармс. Автошарж. 1930-е годы

Даниил Хармс. Конец 1920-х годов

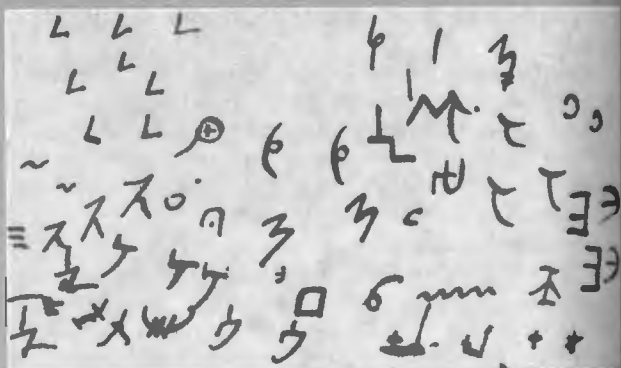
Даниил Хармс и Эрика Эдельман накануне
ее отъезда в Швейцарию. 1929 год

Марина Малич за фисгармонией Хармса, на которой,
однако, она никогда не играла. Середина 1930-х годов

Многие знали от Д.Хармса о его брате Иване Ивановиче, бывшем приват-доценте Санкт-Петербургского университета. И лишь немногие знали, что никакого брата у Даниила Ивановича не было, хотя он и показывал эту фотографию, на которой так искусно изображал бывшего приват-доцента. В чем же выигрыш? В розыгрыше.

Д. Хармс. Элементы азбуки. 1920-е годы

Д. Хармс. Рисунок к произведению А.Введенского «Убийство чиновника». 1930-е годы

Д. Хармс. Шаржированный портрет А. Введенского. 1920-е годы

Д. Хармс и А. Порет. Начало 1930-х годов

А. Порет. Иллюстрация к рассказу «Семь кошек»

Фонтанка, 21.

ТО ВТОРНИК

ДОМ ПЕЧАТИ

№ 24
В А

ТЕАТРАЛИЗОВАННЫЙ ОБЗЕР УТОВ ТРИ ЛЕВЫХ ЧАСА

ОБЗЕРУ—Обединение Реального и Итого, 1928.

Литература—ИЗДАНИЕ—ИЗДАНИЕ—ТЕАТР.

Первый час.

Вступил

Докладчик

Докладчик Литературный Союз.

Тема

К. К. Вагинин

И. И. Иосифов

М. Заболоцкий

И. И. Бахтерев

Дан Харис

А. Введенский

Второй час

Судебная литература и поэзия

ЕЛИЗАВЕТА БАМ

Тема: Д. И. Введенский
Докладчик: А. Введенский
Докладчик: А. Введенский

Докладчик: А. Введенский
Докладчик: А. Введенский
Докладчик: А. Введенский

ОБРАЖЕНИЕ ДВУХ БОГАТЫРЕЙ

Тема: А. Введенский
Докладчик: А. Введенский
Докладчик: А. Введенский

Третий час

Вступил: А. Введенский

Кинофильм
Будет показан

ФИЛЬМ № 1-мЯСОУБКА

Тема: А. Введенский
Докладчик: А. Введенский
Докладчик: А. Введенский

ДИСПУТ

Тема: А. Введенский
Докладчик: А. Введенский
Докладчик: А. Введенский

Начало в 7:00 час. веч.
Цена билетов от 50 коп. до 2 руб.
Члены Д. А. Введенский

Члены Д. А. Введенский

Афиша знаменитого вечера обзериутов в ленинградском Доме Печати. 1928 год

Д. Хармс. 1926 год

вдруг обнаружили, что тоже не могут вспомнить порядок счёта. 1,2,3,4,5 и 6 помнят, а дальше забыли.

Мы все пошли в коммерческий магазин «Гастроном», что на углу Знаменской и Бассейной улицы, и спросили кассиршу о нашем недоумении. Кассирша грустно улыбнулась, вынула изо рта маленький молоточек и, слегка подвигав носом, сказала: «Помоему, семь идёт после восьми в том случае, когда восемь идет после семи».

Мы поблагодарили кассиршу и с радостью выбежали из магазина. Но тут, вдумываясь в слова кассирши, мы опять приуныли, так как её слова показались нам лишёнными всякого смысла.

Что нам было делать? Мы пошли в Летний сад и стали там считать деревья. Но дойдя в счете до 6-ти, мы остановились и начали спорить: по мнению одних дальше следовало 7, по мнению других — 8.

Мы спорили бы очень долго, но, по счастью, тут, со скамейки свалился какой-то ребёнок и сломал себе обе челюсти. Это нас отвлекло от нашего спора.

А потом мы разошлись по домам.

12 ноября 1935 года.

Петрѳв и Камарѳв

Петрѳв:

Эй, Камарѳв!

Давай ловить камаров!

Камарѳв:

Нет, я к этому ещё не готов

Давай лучше ловить котов!

Оптический обман

Семѳн Семѳнович, надев очки, смотрит на сосну и видит: на сосне сидит мужик и показывает ему кулак.

Семѳн Семѳнович, сняв очки, смотрит на сосну и видит, что на сосне никто не сидит.

Семён Семёнович, надев очки, смотрит на сосну и опять видит, что на сосне сидит мужик и показывает ему кулак.

Семён Семёнович, сняв очки, опять видит, что на сосне никто не сидит.

Семён Семёнович, опять надев очки, смотрит на сосну и опять видит, что на сосне сидит мужик и показывает ему кулак.

Семён Семёнович не желает верить в это явление и считает это явление оптическим обманом.

1934.

Пушкин и Гоголь

Гоголь (падает из-за кулис на сцену и смирно лежит).

Пушкин (выходит, спотыкается об Гоголя и падает): Вот чорт! Никак об Гоголя!

Гоголь (поднимаясь): Мерзопакость какая! Отдохнуть не дадут! (Идёт, спотыкается об Пушкина и падает) — Никак об Пушкина спотыкнулся!

Пушкин (поднимаясь): Ни минуты покоя! (Идёт, спотыкается об Гоголя и падает) — Вот черт! Никак, опять об Гоголя!

Гоголь (поднимаясь): Вечно во всём помеха! (Идёт, спотыкается об Пушкина и падает) — Вот мерзопакость! Опять об Пушкина!

Пушкин (поднимаясь): Хулиганство! Сплошное хулиганство! (Идёт, спотыкается об Гоголя и падает) — Вот чорт! Опять об Гоголя!

Гоголь (поднимаясь): Это издевательство сплошное! (Идёт, спотыкается об Пушкина и падает) — Опять об Пушкина!

Пушкин (поднимаясь): Вот чорт! Истинно, что чорт! (Идёт, спотыкается об Гоголя и падает) — Об Гоголя!

Гоголь (поднимаясь): Мерзопакость! (Идёт, спотыкается об Пушкина и падает) — Об Пушкина!

Пушкин (поднимаясь): Вот чорт! (Идёт, спотыкается об Гоголя и падает за кулисы) Об Гоголя!

Гоголь (поднимаясь): Мерзопакость! (Уходит за кулисы).

За сценой слышен голос Гоголя: «Об Пушкина!»

Занавес

20 февраля 1934

Столяр Кушаков

Жил-был столяр. Звали его Кушаков.

Однажды вышел он из дому и пошёл в лавочку, купить столярного клея.

Была оттепель и на улице было очень скользко.

Столяр прошёл несколько шагов, поскользнулся, упал и расшиб себе лоб.

— Эх! — сказал столяр, встал, пошёл в аптеку, купил пластырь и заклеил себе лоб.

Но когда он вышел на улицу и сделал несколько шагов, он опять поскользнулся, упал и расшиб себе нос.

— Фу! — сказал столяр, пошёл в аптеку, купил пластырь и заклеил пластырем себе нос.

Потом он опять вышел на улицу, опять поскользнулся, упал и расшиб себе щёку.

Пришлось опять пойти в аптеку и заклеить пластырем щёку.

— Вот что, — сказал столяру аптекарь, — Вы так часто падаете и расшибаетесь, что я советую вам купить пластырей несколько штук.

— Нет, — сказал столяр, — больше не упаду!

Но когда он вышел на улицу, то опять поскользнулся, упал и расшиб себе подбородок.

— Паршивая гололедица! — закричал столяр и опять побежал в аптеку.

— Ну вот видите, — сказал аптекарь. — Вот вы опять упали.

— Нет! — закричал столяр. — Ничего слышать не хочу! Давайте скорее пластырь!

Аптекарь дал пластырь; столяр заклеил себе подбородок и побежал домой.

А дома его не узнали и не пустили в квартиру.

— Я столяр Кушаков! — кричал столяр.

— Рассказывай! — отвечали из квартиры и заперли дверь на крюк и на цепочку.

Столяр Кушаков постоял на лестнице, плюнул и пошёл на улицу.

Сундук

Человек с тонкой шеей забрался в сундук, закрыл за собой крышку и начал задыхаться.

— Вот, — говорил, задыхаясь, человек с тонкой шеей, — я задыхаюсь в сундуке, потому что у меня тонкая шея. Крышка сундука закрыта и не пускает ко мне воздуха. Я буду задыхаться, но крышку сундука все равно не открою. Постепенно я буду умирать. Я увижу борьбу жизни и смерти. Бой произойдёт неестественный, при равных шансах, потому что естественно побеждает смерть, а жизнь, обречённая на смерть, только тщетно борется с врагом, до последней минуты не теряя напрасной надежды. В этой же борьбе, которая произойдёт сейчас, жизнь будет знать способ своей победы: для этого жизни надо поставить мои руки открыть крышку сундука. Посмотрим: кто кого? Только вот ужасно пахнет нафталином. Если победит жизнь, я буду вещи в сундуке пересыпать махоркой... Вот началось: я больше не могу дышать. Я погиб, это ясно! Мне уже нет спасения! И ничего возвышенного нет в моей голове. Я задыхаюсь!..

Ой! Что же это такое? Сейчас что-то произошло, но я не могу понять, что именно. Я что-то видел или что-то слышал...

Ой! Опять что то произошло? Боже мой! Мне нечем дышать. Я, кажется, умираю...

А это ещё что такое? Почему я пою? Кажется, у меня болит шея... Но где же сундук? Почему я вижу всё, что находится у меня в комнате? Да никак я лежу на полу! А где же сундук?

Человек с тонкой шеей поднялся с пола и посмотрел кругом. Сундука нигде не было. На стульях и кровати лежали вещи, вынутые из сундука, а сундука нигде не было.

Человек с тонкой шеей сказал:

— Значит, жизнь победила смерть неизвестным для меня способом.

30 января 1937 года.

Случай с Петраковым

Вот однажды Петраков хотел спать лечь, да лёг мимо кровати. Так он об пол ударился, что лежит на полу и встать не может.

Вот Петраков собрал последние силы и встал на четверинки. А силы его покинули, и он опять упал на живот и лежит.

Лежал Петраков на полу часов пять. Сначала просто так лежал, а потом заснул.

Сон подкрепил силы Петракова. Он проснулся совершенно здоровым, встал, прошёлся по комнате и лег осторожно на кровать. «Ну, думает, теперь посплю». А спать-то уже и не хочется. Ворочается Петраков с боку на бок и никак заснуть не может.

Вот, собственно, и всё.

21 августа 1936 года.

История дерущихся

Алексей Алексеевич подмял под себя Андрея Карловича и, набив ему морду, отпустил его.

Андрей Карлович, бледный от бешенства, кинулся на Алексея Алексеевича и ударил его по зубам.

Алексей Алексеевич, не ожидая такого быстрого нападения, повалился на пол, а Андрей Карлович сел на него верхом, вынул у себя изо рта вставную челюсть и так обработал ею Алексея Алексеевича, что Алексей Алексеевич поднялся с полу с совершенно искалеченным лицом и рваной ноздрей. Держась руками за лицо, Алексей Алексеевич убежал.

А Андрей Карлович протёр свою вставную челюсть, вставил её себе в рот, пощелкал зубами и, убедившись, что челюсть пришлась на место, осмотрелся вокруг и, не видя Алексея Алексеевича, пошёл его разыскивать.

15 марта 1936 года.

Сон

Калутин заснул и увидел сон, буд-то он сидит в кустах, а мимо кустов проходит милиционер.

Калутин проснулся, почесал рот и опять заснул, и опять увидел сон, буд-то он идёт мимо кустов, а в кустах притаился и сидит милиционер.

Калутин проснулся, подложил под голову газету, чтобы не мочить слюнями подушку, и опять заснул, и опять увидел сон, буд-то он сидит в кустах, а мимо кустов проходит милиционер.

Калутин проснулся, переменял газету, лёг и заснул опять. Заснул и опять увидел сон, буд-то он идёт мимо кустов, а в кустах сидит милиционер.

Тут Калутин проснулся и решил больше не спать, но моментально заснул и увидел сон, будто он сидит за милиционером, а мимо проходят кусты.

Калутин закричал и заметался в кровати, но проснуться уже не мог.

Калутин спал четыре дня и четыре ночи подряд, и, на пятый день, проснулся таким тощим, что сапоги пришлось подвязывать к ногам верёвочкой, чтобы они не сваливались. В булочной, где Калутин всегда покупал пшеничный хлеб, его не узнали и подсунули ему полуржаной. А санитарная комиссия, ходя по

квартирам и увидя Калугина, нашла его антисанитарным и никуда не годным и приказала жакту выкинуть Калугина вместе с сором.

Калугина сложили пополам и выкинули его как сор.

22 августа 1936 года.

Математик и Андрей Семёнович

Математик (вынимая из головы шар):

Я вынул из головы шар.
Я вынул из головы шар.
Я вынул из головы шар.
Я вынул из головы шар.

Андрей Семёнович:

Положь его обратно.
Положь его обратно.
Положь его обратно.
Положь его обратно.

Математик:

Нет, не положу!
Нет, не положу!
Нет, не положу!
Нет, не положу!

Андрей Семён<ович>:

Ну и не клади.
Ну и не клади.
Ну и не клади.

Математик:

Вот и не положу!
Вот и не положу!
Вот и не положу!

Андр<ей> Семён<ович>:

Ну и ладно.

Ну и ладно.

Ну и ладно.

Математик:

Вот я и победил!

Вот я и победил!

Вот я и победил!

Андр<ей> Семён<ович>:

Ну победил и успокойся!

Математик:

Нет, не успокоюсь!

Нет, не успокоюсь!

Нет, не успокоюсь!

Андр<ей> Семён<ович>:

Хоть ты математик, а, честное слово, ты неумён.

Математик:

Нет, умён и знаю очень много!

Нет, умён и знаю очень много!

Нет, умён и знаю очень много!

Андр<ей> Семён<ович>:

Много, да только всё ерунду.

Математик:

Нет, не ерунду!

Нет, не ерунду!

Нет, не ерунду!

Андр<ей> Семён<ович>:

Надоело мне с тобой препираться!

Математик:

Нет, не надоело!
Нет, не надоело!
Нет, не надоело!

(Андрей Семёнович досадливо машет рукой и уходит. Математик, постояв минуту, уходит вслед за Андреем Семёновичем).

Занавес

11 апреля 1933.

Молодой человек, удививший сторожа

— Ишь ты, — сказал сторож, рассматривая муху. — Ведь если помазать её столярным клеем, то ей, пожалуй, и конец придёт. Вот ведь история! От простого клея!

— Эй ты, леший! — окрикнул сторожа молодой человек в жёлтых перчатках.

Сторож сразу же понял, что это обращаются к нему, но продолжал смотреть на муху.

— Не тебе, что ли, говорят? — крикнул опять молодой человек. — Скотина!

Сторож раздавил муху пальцем и, не поворачивая головы к молодому человеку, сказал:

— А ты чего, срамник, орёшь-то? Я и так слышу. Нечего орать-то!

Молодой человек почистил перчатками свои брюки и деликатным голосом спросил:

— Скажите, дедушка, как тут пройти на небо?

Сторож посмотрел на молодого человека, прищурил один глаз, потом прищурил другой, потом почёс себе бородку, ещё раз посмотрел на молодого человека и сказал:

— Ну, нечего тут задерживаться, проходите мимо.

— Извините, — сказал молодой человек, — ведь я по срочному делу. Там для меня уже и комната приготовлена.

— Ладно, — сказал сторож, — покажи билет.

— Билет не у меня; они говорили, что меня и так пропустят, — сказал молодой человек, заглядывая в лицо сторожу.

— Ишь ты! — сказал сторож.

— Так как же? — спросил молодой человек. — Пропустите?

— Ладно, ладно, — сказал сторож. — Идите.

— А как пройти-то? Куда? — спросил молодой человек. — Ведь я и дороги-то не знаю.

— Вам куда нужно? — спросил сторож, делая строгое лицо.

Молодой человек прикрыл рот ладонью и очень тихо сказал:

— На небо!

Сторож наклонился вперёд, подвинул правую ногу, чтобы встать потвёрже, пристально посмотрел на молодого человека и сурово спросил:

— Ты чего? Ваньку валяешь?

Молодой человек улыбнулся, поднял руку в жёлтой перчатке, помахал ею над головой и вдруг исчез.

Сторож понюхал воздух. В воздухе пахло жжёными перьями.

— Ишь ты! — сказал сторож, распахнул куртку, почесал себе живот, плюнул в то место, где стоял молодой человек, и медленно пошел в свою сторожку.

Четыре иллюстрации того, как новая идея огораживает человека, к ней не подготовленного

I

Писатель: Я писатель!

Читатель: А помоему, ты г...о!

(Писатель стоит несколько минут потрясённый этой новой идеей и падает замертво. Его выносят).

II

Художник: Я художник!

Рабочий: А по-моему, ты г...о!

*(Художник тут же побелел, как полотно,
И как тростинка закачался,
И неожиданно скончался,
Его выносят).*

III

Композитор: Я композитор!

Ваня Рублёв: А помоему, ты .....!

*(Композитор, тяжело дыша, так и осел. Его неожиданно
выносят).*

IV

Химик: Я химик!

Физик: А помоему, ты .....!

*(Химик не сказал больше ни слова и тяжело рухнул
на пол).*

13 апреля 1933 года.

Потери

Андрей Андреевич Мясов купил на рынке фитиль и понёс его домой.

По дороге Андрей Андреевич потерял фитиль и зашёл в магазин купить полтораста грамм полтавской колбасы. Потом Андрей Андреевич зашёл в молокосоюз и купил бутылку кефира, потом выпил в лар<ь>ке маленькую кружечку хлебного кваса и встал в очередь за газетой. Очередь была довольно длинная, и Андрей Андреевич простоял в очереди не менее двадцати минут, но когда он подходил к газетчику, то газеты перед самым его носом кончились.

Андрей Андреевич потоптался на месте и пошёл домой, но по дороге потерял кефир и завернул в булочную, купил французскую булку, но потерял полтавскую колбасу.

Тогда Андрей Андреевич пошёл прямо домой, но по дороге упал, потерял французскую булку и сломал свои пенснэ.

Домой Андрей Андреевич пришёл очень злой и сразу лег спать, но долго не мог заснуть, а когда заснул, то увидел сон: будто он потерял зубную щётку и чистит зубы каким-то подсвечником.

Макаров и Петерсен

№ 3

Макаров: Тут, в этой книге, написано о наших желаниях и об исполнении их. Прочти эту книгу, и ты поймёшь, как суетны наши желания. Ты также поймёшь, как легко исполнить желание другого и как трудно исполнить желание своё.

Петерсен: Ты что-то заговорил больно торжественно. Так говорят вожди индейцев.

Макаров: Эта книга такова, что говорить о ней надо возвышенно. Даже, думая о ней, я снимаю шапку.

Петерсен: А руки моешь, прежде чем коснуться этой книги?

Макаров: Да, и руки надо мыть.

Петерсен: Ты и ноги, на всякий случай, вымыл бы!

Макаров: Это неостроумно и грубо.

Петерсен: Да, что же это за книга?

Макаров: Название этой книги таинственно...

Петерсен: Хи-хи-хи!

Макаров: Называется эта книга МАЛГИЛ.

(Петерсен исчезает).

Макаров: Господи! Что же это такое? Петерсен!

Голос Петерсена: Что случилось? Макаров! Где я?

Макаров: Где ты? Я тебя не вижу!

Голос Петерсена: А ты где? Я тоже тебя не вижу!..
Что это за шары?

Макаров: Что же делать? Петерсен, ты слышишь
меня?

Голос Петерсена: Слышу! Но что такое случи-
лось? И что это за шары?

Макаров: Ты можешь двигаться?

Голос Петерсена: Макаров! Ты видишь эти шары?

Макаров: Какие шары?

Голос Петерсена: Пустите!.. Пустите меня!.. Ма-
каров!..

*(Тихо. Макаров стоит в ужасе, потом хватает книгу
и раскрывает ее).*

Макаров (читает): «...Постепенно человек теряет
свою форму и становится шаром. И став шаром, че-
ловек утрачивает все свои желания».

Занавес

Суд Линча

Петров садится на коня и говорит, обращаясь к толпе, речь о том, что́ будет, если, на месте, где находится общественный сад, будет построен американский небоскрёб. Толпа слушает и, видимо, соглашается. Петров записывает что-то у себя в записной книжечке. Из толпы выделяется человек среднего роста и спрашивает Петрова, что́ он записал у себя в записной книжечке. Петров отвечает, что это касается только его самого. Человек среднего роста наседа-ет. Слово за́ слово, и начинается распря. Толпа принимает сторону человека среднего роста, и Петров, спасая свою жизнь, погоняет коня и скрывается за поворотом. Толпа волнуется и, за неимением другой

жертвы, хватает человека среднего роста и отрывает ему голову. Оторванная голова катится по мостовой и застревает в люке для водостока. Толпа, удовлетворив свои страсти, — расходится.

Встреча

Вот однажды один человек пошёл на службу, да по дороге встретил другого человека, который, купив польский батон, направлялся к себе восвояси.

Вот, собственно, и всё.

Неудачный спектакль

На сцену выходит П е т р а к о в - Г о р б у н о в, хочет что-то сказать, но икает. Его начинает рвать. Он уходит.

Выходит Притыкин.

Притыкин: Уважаемый Петраков-Горбунов должен сооб...

(Его рвёт, и он убегает).

Выходит Макаров.

Макаров: Егор... (Макарова рвёт. Он убегает).

Выходит Серпухов.

Серпухов: Чтобы не быть... (Его рвёт, он убегает).

Выходит Курова.

Курова: Я была-бы... (Её рвёт, она убегает).

Выходит маленькая девочка.

Маленькая девочка: Папа просил передать вам всем, что театр закрывается. Нас всех тошнит!

Занавес

Тюк!

Лето, письменный стол. Направо дверь. На стене картина. На картине нарисована лошадь, а в зубах у лошади цыган. Ольга Петровна колет дрова. При каждом ударе с носа Ольги Петровны соскакивает пенснэ. Евдоким Осипович сидит в креслах и курит.

Ольга Петровна (ударяет калуном по полену, которое однако нисколько не раскалывается).

Евдоким Осипович: Тюк!

Ольга Петровна (надевая пенснэ, бьет по полену).

Евдоким Осипович: Тюк!

Ольга Петровна (надевая пенснэ, бьет по полену).

Евдок<им> Осип<ович>: Тюк!

Ольга Петровна (надевая пенснэ, бьет по полену).

Евдоким Осипович: Тюк!

Ольга Петровна (надевая пенснэ): Евдоким Осипович! Я вас прошу, не говорите этого слова «тюк».

Евдоким Осипов<ич>: Хорошо, хорошо.

Ольга Петр<овна> (ударяет калуном по полену).

Евдок<им> Осипов<ич>: Тюк!

Ольга Петровна (надевая пенснэ): Евдоким Осипович! Вы обещали не говорит<ь> этого слова «тюк».

Евдок<им> Осип<ович>: Хорошо, хорошо, Ольга Петровна! Больше не буду.

Ольга Петровна (ударяет калуном по полену).

Евдок<им> Осипов<ич>: Тюк!

Ольга Петр<овна> (надевая пенснэ): Это безобразие! Взрослый, пожилой человек и не понимает простой человеческой просьбы!

Евдок<им> Осип<ович>: Ольга Петровна! Вы можете спокойно продолжать вашу работу. Я больше мешать не буду.

Ольга Петровна: Ну, я прошу вас, я очень прошу вас: дайте мне расколоть, хотя бы, это полено!

Евдоким Осипов<ич>: Колите, конечно колите!

Ольга Петровна: (ударяет калуном по полену).

Евдок<им> Осип<ович>: Тюк!

Ольга Петровна роняет колун, открывает рот, но ничего не может сказать. Евдоким Осипович встает с кресел, оглядывает Ольгу Петровну с головы до ног и медленно уходит. Ольга Петровна стоит неподвижно с открытым ртом и смотрит на удаляющегося Евдокима Осиповича.

Занавес медленно опускается.

Что теперь продают в магазинах

Коратыгин пришёл к Тикакееву и не застал его дома.

А Тикакеев, в это время, был в магазине и покупал там сахар, мясо и огурцы.

Коратыгин потолкался возле дверей Тикакеева и собрался уже писат<ь> записку, вдруг смотрит, идет сам Тикакеев и несёт в руках клеенчатую кошолку.

Коратыгин увидел Тикакеева и кричит ему:

— А я вас уже целый час жду!

— Неправда, — говорит Тикакеев, — я всего 25 минут как из дома.

— Ну, уж этого я не знаю, — сказал Коратыгин, — а только я тут уже целый час.

— Не врите! — сказал Тикакеев. — Стыдно врать.

— Милостивейший государь! — сказал Коратыгин. — Потрудитесь выбирать выражения.

— Я считаю... — начал было Тикакеев, но его перебил Коратыгин:

— Если вы считаете... — сказал он. Но тут Коратыгина перебил Тикакеев и сказал:

— Сам-то ты хорош!

Эти слова так взбесили Коратыгина, что он зажал пальцем одну ноздрю, а другой сморкнулся в Тикакеева.

Тогда Тикакеев выхватил из кошолки самый большой огурец и ударил им Коратыгина по голове.

Коратыгин схватился руками за голову, упал и умер.

Вот какие большие огурцы продаются теперь в магазинах!

19 августа 1936.

Машкин убил Кошкина

Товарищ Кошкин танцевал вокруг товарища Машкина.

Тов. Машкин следил глазами за тов. Кошкиным.

Товарищ Кошкин оскорбительно махал руками и противно выворачивал ноги.

Тов. Машкин нахмурился.

Тов. Кошкин пошевелил животом и притопнул правой ногой.

Тов. Машкин вскрикнул и кинулся на тов. Кошкина.

Тов. Кошкин попробовал убежать, но спотыкнулся и был настигнут тов. Машкиным.

Тов. Машкин ударил кулаком по голове тов. Кошкина.

Тов. Кошкин вскрикнул и упал на четверинки.

Тов. Машкин двинул тов. Кошкина ногой под живот и ещё раз ударил его кулаком по затылку.

Тов. Кошкин растянулся на полу и умер.

Машкин убил Кошкина.

Сон дразнит человека

Марков снял сапоги и, вздохнув, лёг на диван.

Ему хотелось спать, но, как только он закрывал глаза, желание спать моментально проходило. Марков открывал глаза и тянулся рукой за книгой. Но сон опять налетал на него и, не дотянувшись до книги, Марков ложился и снова закрывал глаза. Но лишь только глаза закрывались, сон улетал опять, и сознание становилось таким ясным, что Марков мог в уме решать алгебраические задачи на уравнения с двумя неизвестными.

Долго мучился Марков, не зная, что ему делать: спать или бодрствовать? Наконец, измучившись и взненавидев самого себя и свою комнату, Марков на-

дел польто и шляпу, взял в руки трость и вышел на улицу. Свежий ветерок успокоил Маркова, ему стало радостнее на душе и захотелось вернуться обратно к себе в комнату.

Войдя в свою комнату, он почувствовал в теле приятную усталость и захотел спать. Но только он лёг на диван и закрыл глаза, — сон моментально испарился.

С бешенством вскочил Марков с дивана и без шапки и без польто помчался по направлению к Таврическому саду.

<1936—1938>

Охотники

На охоту поехало шесть человек, а вернулось-то только четыре.

Двое-то не вернулись.

Окнов, Козлов, Стрючков и Мотыльков благополучно вернулись домой, а Широков и Каблуков погибли на охоте.

Окнов целый день ходил потом расстроенный и даже не хотел ни с кем разговаривать. Козлов неотступно ходил следом за Окновым и приставал к нему с различными вопросами, чем и довёл Окнова до высшей точки раздражения.

Козлов: Хочешь закурить?

Окнов: Нет.

Козлов: Хочешь, я тебе принесу вон ту вон штуку?

Окнов: Нет.

Козлов: Может быть, хочешь, я тебе расскажу что-нибудь смешное?

Окнов: Нет.

Козлов: Ну, хочешь пить? У меня вот тут вот есть чай с коньяком.

Окнов: Мало того, что я тебя сейчас этим камнем по затылку ударил, я тебе ещё оторву ногу.

Стрючков и Мотыльков: Что вы делаете? Что вы делаете?

Козлов: Приподнимете меня с земли.

Мотыльков: Ты не волнуйся, рана заживёт.

Козлов: А где Окнов?

Окнов (отрывая Козлову ногу): Я тут, недалеко!

Козлов: Ох, матушки! Сеа-па-си!

Стрючков и Мотыльков: Никак он ему и ногу оторвал!

Окнов: Оторвал и бросил её вон туда!

Стрючков: Это злодейство!

Окнов: Что-о?

Стрючков:...Ейство...

Окнов: Ка-а-ак?

Стрючков: Нь... Нь... Нь... никак.

Козлов: Как же я дойду до дома?

Мотыльков: Не беспокойся, мы тебе приделаем деревяшку.

Стрючков: Ты на одной ноге стоять можешь?

Козлов: Могу, но не очень-то.

Стрючков: Ну мы тебя поддержим.

Окнов: Пустите меня к нему!

Стрючков: Ой нет, лучше уходи!

Окнов: Нет, пустите!.. Пустите!.. Пусти... — — —

— — Вот, что я хотел сделать!

Стрючков и Мотыльков: Какой ужас!

Окнов: Ха-ха-ха!

Мотыльков: А где-же Козлов?

Стрючков: Он уполз в кусты.

Мотыльков: Козлов, ты тут?

Козлов: Шáша..!

Мотыльков: Вот ведь до чего дошёл!

Стрючков: Что же с ним делать?

Мотыльков: А тут уж ничего с ним не поделаешь. По моему, его надо просто удавить. Козлов! А, Козлов? Ты меня слышишь?

Козлов: Ох, слышу, да плохо.

Мотыльков: Ты, брат, не горюй. Мы сейчас тебя удавим. Постой!.. Вот... вот... вот...

Стрючков: Вот сюда вот ещё! Так, так, так! Ну-ка ещё... Ну, теперь готово!

Мотыльков: Теперь готово!

Окнов: Господи благослови!

<1933>

Исторический эпизод

В.Н.Петрову.

Иван Иванович Сусанин (то самое историческое лицо, которое положило свою жизнь за царя и впоследствии было воспето оперой Глинки) зашёл однажды в русскую харчевню и, сев за стол, потребовал себе антрекот. Пока хозяин харчевни жарил антрекот, Иван Иванович закусил свою бороду зубами и задумался: такая у него была привычка.

Прошло тридцать пять колов времени и хозяин принёс Ивану Ивановичу антрекот на круглой, деревянной дощечке. Иван Иванович был голоден и, по обычаю того времени, схватил антрекот руками и начал его есть. Но, торопясь утолить свой голод, Иван Иванович так жадно набросился на антрекот, что забыл вынуть изо рта свою бороду и съел антрекот с куском своей бороды.

Вот тут-то и произошла неприятность, так как, не прошло и пятнадцати колов времени, как в животе у Ивана Ивановича начались сильные рези. Иван Иванович вскочил из-за стола и ринулся на двор. Хозяин крикнул было Ивану Ивановичу: «Зри, како́ твоя брада клóчна». Но Иван Иванович, не обращая ни на что внимания, выбежал на двор.

Тогда боярин Ковшегуб, сидящий в углу харчевни и пьющий сусло, ударил кулаком по столу и вскричал: «Кто есть сей?» А хозяин, низко кланяясь, ответил боярину: «Сие есть наш патриот Иван Иванович Сусанин». «Во как!» — сказал боярин, допивая свое

суло. «Не угодно ли рыбки?» — спросил хозяин. «Пошёл ты к бую!» — крикнул боярин и пустил в хозяина ковшом. Ковш просвистел возле хозяйской головы, вылетел через окно на двор и хватил по зубам сидящего орлом Ивана Ивановича. Иван Иванович схватился рукой за щёку и повалился на бок.

Тут справа из сарая выбежал Карп и, перепрыгнув через корыто, на котором, среди помой, лежала свинья, с криком побежал к воротам. Из харчевни выглянул хозяин. «Чего ты орёшь?» — спросил он Карпа. Но Карп, ничего не отвечая, убежал.

Хозяин вышел на двор и увидел Сусанина, лежащего неподвижно на земле. Хозяин подошёл поближе и заглянул ему в лицо. Сусанин пристально глядел на хозяина. «Так ты жив?» — спросил хозяин. «Жив, да тилько страшусь, что меня ещё чем ни будь ударят», — сказал Сусанин. «Нет, — сказал хозяин, — не страшись. Это тебя боярин Ковшегуб чуть не убил, а теперь он ушедши». «Ну, и слава Тебе Боже, — сказал Иван Сусанин, поднимаясь с земли. — Я человек храбрый, да тилько зря живот покладать не люблю. Вот я приник к земле и ждал: чего дальше будет? Чуть что, я бы на животе до самой Елдыриной слободы бы уполз... Евона как щёку разнесло. Батюшки! Полбороды отхватило!» «Это у тебя ещё раньше было», — сказал хозяин. «Как это так раньше? — вскричал патриот Сусанин. — Что же, по твоему, я так с клочной бородой ходил?» «Ходил», — сказал хозяин. «Ах, ты, мьяфа», — проговорил Иван Сусанин. Хозяин зажмурил глаза и, размахнувшись, со всего маху, звездонул Сусанина по уху. Патриот Сусанин рухнул на землю и замер. «Вот тебе! Сам ты мьяфа!» — сказал хозяин и удалился в харчевню.

Несколько колов времени Сусанин лежал на земле и прислушивался, но, не слыша ничего подозрительного, осторожно приподнял голову и осмотрелся. На дворе никого не было, если не считать свиньи, кото-

рая, вывалившись из корыта, валялась теперь в грязной луже. Иван Сусанин, озираясь, подобрался к воротам. Ворота, по счастью, были открыты, и патриот Иван Сусанин, извиваясь по земле как червь, пополз по направлению к Елдыриной слободе.

Вот эпизод из жизни знаменитого исторического лица, которое положило свою жизнь за царя и было впоследствии воспето в опере Глинки.

1939 год.

Федя Давидович

Федя долго подкрадывался к маслѐнке и наконец, улучшив момент, когда жена нагнулась, чтобы состричь на ноге ноготь, быстро, одним движением вынул пальцем из маслѐнки всё масло и сунул его к себе в рот. Закрывая маслѐнку, Федя нечаянно звякнул крышкой. Жена сейчас же выпрямилась и, увидя пустую маслѐнку, указала на неё ножницами и строго сказала:

— Масла в маслѐнке нет. Где оно?

Федя сделал удивлённые глаза и, вытянув шею, заглянул в маслѐнку.

— Это масло у тебя во рту, — сказала жена, показывая ножницами на Федю.

Федя отрицательно замотал головой.

— Ага, — сказала жена. — Ты молчишь и мотаешь головой, потому что у тебя рот набит маслом.

Федя вытаращил глаза и замахал на жену руками, как бы говоря: «что ты, что ты, ничего подобного!» Но жена сказала:

— Ты врѐшь. Открой рот.

— Мм, — сказал Федя.

— Открой рот, — повторила жена.

Федя растопырил пальцы и замычал, как бы говоря: «Ах да, совсем было забыл; сейчас приду», и встал, собираясь вытти из комнаты.

— Стой, — крикнула жена.

Но Федя прибавил шаг и скрылся за дверью. Жена кинулась за ним, но около двери остановилась, так как была голой и в таком виде не могла выйти в коридор, где ходили другие жильцы этой квартиры.

— Ушёл, — сказала жена, садясь на диван. — Вот черт!

А Федя, дойдя по корридору до двери, на которой висела надпись: «Вход категорически воспрещён» — открыл эту дверь и вошёл в комнату.

Комната, в которую вошёл Федя, была узкой и длинной, с окном, занавешанным газетной бумагой. В комнате справа у стены стояла грязная ломаная кушетка, а у окна стол, который был сделан из доски, положенной одним концом на ночной столик, а другим на спинку стула. На стене слева висела двойная полка, на которой лежало неопределённо что. Больше в комнате ничего не было, если не считать лежащего на кушетке человека с бледно-зелёным лицом, одетого в длинный и рваный коричневый сюртук и в чёрные нанковые штаны, из которых торчали чисто вымытые босые ноги. Человек этот не спал и пристально смотрел на вошедшего.

Федя поклонился, шаркнул ножкой и, вынув пальцем изо рта масло, показал его лежащему человеку.

— Полтора, — сказал хозяин комнаты, не меняя позы.

— Маловато, — сказал Федя.

— Хватит, — сказал хозяин комнаты.

— Ну ладно, — сказал Федя и, сняв масло с пальца, положил его на полку.

— За деньгами придёшь завтра утром, — сказал хозяин.

— Ой, что вы! — вскричал Федя. — Мне ведь их сейчас нужно. И ведь полтора рубля всего...

— Пошёл вон, — сухо сказал хозяин, и Федя на цыпочках выбежал из комнаты, аккуратно прикрыв за собой дверь.

10 февраля 1939 года.

Анекдоты из жизни Пушкина

1.

Пушкин был поэтом и всё чего-то писал. Однажды Жуковский застал его за писанием и громко воскликнул: «Да никак ты писака!»

С тех пор Пушкин очень полюбил Жуковского и стал называть его по приятельски Жуковым.

2.

Как известно, у Пушкина никогда не росла борода. Пушкин очень этим мучился и всегда завидывал Захарьину, у которого, наоборот, борода росла вполне прилично. «У него растёт, а у меня — не растёт», — частенько говаривал Пушкин, показывая ногтями на Захарьина. И всегда был прав.

3.

Однажды Петрушевский сломал свои часы и послал за Пушкиным. Пушкин пришёл, осмотрел часы Петрушевского и положил их обратно на стол. «Что скажешь, брат Пушкин?» — спросил Петрушевский. «Стоп машина», — сказал Пушкин.

4.

Когда Пушкин сломал себе ноги, то стал передвигаться на колёсах. Друзья любили дразнить Пушкина и хватали его за эти колёса. Пушкин злился и писал про друзей ругательные стихи. Эти стихи он называл «эрпигармами».

5.

Лето 1829 года Пушкин провёл в деревне. Он вставал рано утром, выпивал жбан парного молока и бежал к реке купаться. Выкупавшись в реке, Пушкин

ложился на траву и спал до обеда. После обеда Пушкин спал в гамаке. При встрече с вонючими мужиками, Пушкин кивал им головой и зажимал пальцами свой нос. А вонючие мужики ломали свои шапки и говорили: «это ничаво».

6.

Пушкин любил кидаться камнями. Как увидит камни, так и начнёт ими кидаться. Иногда так разойдётся, что стоит весь красный, руками машет, камнями кидается, просто ужас!

7.

У Пушкина было четыре сына и все идиоты. Один не умел даже сидеть на стуле и всё время падал. Пушкин-то и сам довольно плохо сидел на стуле. Бывало, сплошная умора: сидят они за столом: на одном конце Пушкин всё время со стула падает, а на другом конце — его сын. Просто, хоть святых вон выноси!

Начало очень хорошего летнего дня

(Симфония)

Чуть только прокричал петух, Тимофей выскочил из окошка на крышу и напугал всех, кто проходил в это время по улице. Крестьянин Харитон остановился, поднял камень и пустил им в Тимофея. Тимофей куда-то исчез. «Вот ловкач!» закричало человеческое стадо, и некто Зубов разбежался и со всего маху двинулся головой об стену. «Эх!» — вскрикнула баба с флюсом. Но Комаров сделал этой бабе тепель-тапель, и баба с воем убежала в подворотню. Мимо шёл Фетелюшин и посмеивался. К нему подошел Комаров и сказал: «Эй ты, сало!» и ударил Фетелюшина по животу. Фетелюшин прислонился к стене и начал икать.

Ромашкин плевался сверху из окна, стараясь попасть в Фетелюшина. Тут же невдалеке носатая баба была корытом своего ребёнка. А молодая толстененькая мать тёрла хорошенькую девочку лицом о кирпичную стену. Маленькая собачка, сломав свою тоненькую ножку, валялась на панели. Маленький мальчик ел из плевательницы какую-то гадость. У бакалейного магазина стояла длинная очередь за сахаром. Бабы громко ругались и толкали друг друга кошёлками. Крестьянин Харитон, напившись денатурату, стоял перед бабами с расстёгнутыми штанами и произносил нехорошие слова.

Таким образом начинался хороший летний день.

Пакин и Ракукин

— Ну ты, не очень-то фрякай! — сказал Па́кин Раку́кину.

Ракукин сморщил нос и недоброжелательно посмотрел на Пакина.

— Чего глядишь? Не узнал? — спросил Пакин.

Ракукин пожевал губами и, с возмущением повернувшись на своём вертящемся кресле, стал смотреть в другую сторону. Пакин побарабанил пальцами по своему колену и сказал:

— Вот дурак! Хорошо бы его по затылку палкой хлопнуть.

Ракукин встал и пошёл из комнаты, но Пакин быстро вскочил, догнал Ракукина и сказал:

— Постой! Куда помчался? Лучше сядь, и я тебе покажу кое что.

Ракукин остановился и недоверчиво посмотрел на Пакина.

— Что, не веришь? — спросил Пакин.

— Верю, — сказал Ракукин.

— Тогда садись вот сюда, в это кресло, — сказал Пакин.

И Ракукин сел обратно в своё вертящееся кресло.

— Ну вот, — сказал Пакин, — чего сидишь в кресле как дурак?

Ракукин подвигал ногами и быстро замигал глазами.

— Не мигай, — сказал Пакин.

Ракукин перестал мигать глазами и, сгорбившись, втянул голову в плечи.

— Сиди прямо, — сказал Пакин.

Ракукин, продолжая сидеть сгорбившись, выпятил живот и вытянул шею.

— Эх, — сказал Пакин, — так бы и шлёпнул тебя по подрывльнику!

Ракукин икнул, надул щёки и потом осторожно выпустил воздух через ноздри.

— Ну ты, не фрякай! — сказал Пакин Ракукину.

Ракукин ещё больше вытянул шею и опять быстро замигал глазами.

Пакин сказал:

— Если ты, Ракукин, сейчас не перестанешь мигать, я тебя ударю ногой по грудям.

Ракукин, что бы не мигать, скривил челюсти и ещё больше вытянул шею и закинул назад голову.

— Фу, какой мерзостный у тебя вид, — сказал Пакин. — Морда как у курицы, шея синяя, просто гадость!

В это время голова Ракукина закидывалась назад всё дальше и дальше и, наконец, потеряв напряжение, свалилась на спину.

— Что за чорт! — воскликнул Пакин. — Это что ещё за фокус?

Если смотреть от Пакина на Ракукина, то можно было подумать, что Ракукин сидит вовсе без головы. Кадык Ракукина торчал в верх. Невольно хотелось думать, что это нос.

— Эй, Ракукин! — сказал Пакин.

Ракукин молчал.

— Ракукин! — повторил Пакин.

Ракукин не отвечал и продолжал сидеть без движения.

— Так, — сказал Пакин. — Подожди Ракукин.

Пакин перекрестился и на цыпочках вышел из комнаты.

Минут четырнадцать спустя из тела Ракукина вылезла маленькая душа и злобно посмотрела на то место, где недавно сидел Пакин. Но тут из за шкапа вышла высокая фигура ангела смерти и, взяв за руку ракукинскую душу, повела её куда-то, прямо сквозь дома и стены. Ракукинская душа бежала за ангелом смерти, поминутно злобно оглядываясь. Но вот ангел смерти поддал ходу, и ракукинская душа, подпрыгивая и спотыкаясь, исчезла вдаль за поворотом.

Пьеса

I Действие

Кока Брянский: Я сегодня женюсь.

Мать: Что?

Кока Бр.: Я сегодня женюсь.

Мать: Что?

Кока Бр.: Я говорю, что я сегодня женюсь.

Мать: Что ты говоришь?

Кока: Се-го-во-дня-же-нюсь!

Мать: же? что такое же?

Кока: Же-нить-ба!

Мать: ба? Как это ба?

Кока: Не ба, а же-нить-ба!

Мать: Как это не ба?

Кока: Ну так, не ба и всё тут!

Мать: Что?

Кока: Ну не ба. Понимаешь! Не ба!

Мать: Опять ты мне это ба. Я не знаю, зачем ба.

Кока: Тпфу ты! же да ба! Ну что такое же! Сама то ты не понимаешь, что сказать просто же — бессмыслено.

Мать: Что ты говоришь?

Кока: Же, говорю, бессмысленно!!!

Мать: Сле?

Кока: Да что это в конце концов! Как ты умудряешься это услышать только кусок слова, да ещё самый нелепый: сле! Почему именно сле!

Мать: вот опять сле!

Кока Брянский душит мать.

Входит невеста Маруся.

<апрель 1933>

Фома Бобров и его супруга

Комедия в 3-х частях

Бабушка Боброва (*раскладывает пасьянс*): Ну и карта же идёт. Всё шиворот на выворот! Король. Ну, куда мне его сунуть? Когда нужно, ни одной пятёрки нет. Вот бы сейчас пятёрку! Сейчас будет пятёрка. Тпфу ты, опять короли!

(Швыряет карты на стол с такой силой, что со стола падает фарфоровая вазочка и разбивается)

Бабушка: Ах! Ах! Батюшки! Вот чортовы карты! (*Лезет под стол и собирает осколки*) Из этого уж не склеиш. А хорошая вазочка была. Такой больше не достать. Вон ведь куда залетел! (*тянется за осколком*)

(В комнату входит Бобров)

Бобров: Бабушка! Что это вы под стол залезли?

Бабушка: Ну, ладно, ладно. Тебе чего надо?

Бобров: Да вот, пришёл спросить: не найдется ли у вас цибика чая?

Бабушка: Ну ка, помоги мне из под стола вылезти.

Бобров: Вы что, уронили что ни будь? Ах, вазочку разбили!

Бабушка (*передразнивает*): Ва-азочку разбили?

(Бобров помогает бабушке подняться. Но как только он её отпустил, бабушка опять села на пол)

Бобров: Ах, опять сели!

Бабушка: Села, ну и что же?

Бобров: Разрешите помочь. (*Поднимает бабушку*)

Бабушка: Вот карта плохо шла. Я и так и эдак... Да ты меня за руки не тяни, а возьми под мышки. Всё, знаешь-ли, король за королём. Мне пятёрка нужна, а тут всё короли идут.

(Бобров отпускает бабушку, и бабушка опять садится на пол)

Ах!

Бобров: Господи! Вы опять сели.

Бабушка: Да что ты пристал: сели да сели! Чего тебе от меня нужно?

Бобров: Я пришёл попросить вас цибик чая.

Бабушка: Знаю уж. Говорил уже. Не люблю двадцать раз то же самое выслушивать. Только и знаешь: Ах, опять сели! и цибик чая. Ну, чего смотришь! Подними, говорят тебе.

Бобров (*поднимая бабушку*): Я уж вас, разрешите, и в кресло посажу.

Бабушка: А ты поменьше разговаривай, а лучше поднимай, как следует. Я хотела тебе сказать, да чуть не забыла: ведь дверь то у меня в спальней опять плохо запирается. Верно, ты всё кое как сделал.

Бобров: Нет, я скобку на шурубчиках поставил.

Бабушка: А ты думаешь, я понимаю, что это за скобка да шурубчики. Меня это не касается. Мне надо, чтобы дверь запиралась.

Бобров: Она потому и не запирается, что шуруб-
чики в древесине не сидят.

Бабушка: Ну, ладно, ладно, это уж там твоё дело.
Мне надо только... Ах! *(опять садится на пол)*

Бобров: Господи!

Бабушка: Да ты что, решил меня об пол бросать с
умыслом? Издеваться решил? Ах, ты, негодяй. Ну,
просто ты негодяй, и лучше уходи!

Бобров: Да я, бабушка, честное слово, хотел вас
на кресло посадить.

Бабушка: Я тебе что сказала? Чтобы ты уходил
вон. А ты чего не уходишь! Ну, чего же ты не ухо-
дишь? Ты слышишь? Уходи вон! Ну? Убирайся вон!

(Бобров уходит)

Бабушка: Вон! Вон! Вон! Убирайся вон! Скажите,
какой мерзавец! *(Поднимается с пола и садится в
кресло)* А жена его просто неприличная дама. Дома
ходит совершенно голой и даже меня, старуху, не
стесняется. Прикроет неприличное место ладонью,
так и ходит. А потом этой рукой за обедом хлеб трога-
ет. Просто смотреть противно. Думает, что уж если
она молодая да красивая, так уж ей всё можно. А са-
ма, неряха, у себя, где полагается, никогда, как следу-
ет, не вымоет. Я, говорит, люблю, что бы от женщины
женщиной пахло! Я, как она придёт, так сразу баноч-
ку с одеколоном к носу. Может быть, мужчинам это
приятно, а меня, уж извините, увольте от этого. Та-
кая бесстыдница! Ходит голой без малейшего стесне-
ния. А когда сидит, то даже нога, как следует, не
сожмёт вместе, так что всё на показ. А там у неё, ну,
просто всегда мокро. Так, другой раз, и течёт. Ска-
жешь ей: ты бы хоть пошла да вымылась, а она гово-
рит: ну, там не надо часто мыть, и возьмёт, платоч-
ком просто вытерет. Это ещё хорошо, если платоч-
ком, а то и просто рукой. Только ещё хуже размажет.
Я никогда ей руки не подаю, у неё вечно от рук непри-
лично пахнет. И грудь у неё неприличная. Правда,

очень красивая и упругая, но такая большая, что, по моему, просто неприлично. Вот уж Фома жену нашёл себе! Чем она его окрутила, не понимаю!

<1933>

П<етр> М<ихайлович>: Вот этот цветок красиво поставить сюда. Или, может быть, лучше так? Нет, так пожалуй уж очень пестро. А если потушить эту лампу, а зажечь ту? Так уже лучше. Теперь сюда положим дорожку, сюда поставим бутылку, тут рюмки, тут вазочка, тут судочек, тут баночка, а тут хлеб. Очень красиво! Она любит покушать. Теперь надо расчитать так, что бы только одно место было удобно. Она туда и сядет. А я сяду как можно ближе. Вот поставлю себе тут вот этот стул. Выйдет, что мне больше некуда сесть, и я окажусь рядом с ней. А встречу я её, будто накрываю на стол и не успел расставить стулья. Все выйдет очень естественно. А потом, когда я окажусь рядом с ней, я скажу: как хорошо сидеть с вами. Она скажет: Ну чего же тут хорошего? Я скажу: Знаете, мне просто с вами лучше всего. Я, кажется, немножко влюбился в вас. Она скажет... Или нет, она просто смутится и покраснеет или опустит голову. А я, с этого места, наклонюсь к ней и скажу: Вы знаете, я просто влюбился в вас. Простите меня. Если она опять промолчит, я склонюсь к ней ещё ближе... Лучше бы конечно пересесть к ней на диванчик. Но это может её испугать. Придётся со стула. Вот не знаю, дотянусь ли? Если она будет сидеть прямо, то пожалуй дотянусь, но если она отклонится к стенке, то пожалуй не дотянуться. Я ей скажу: Мария Ивановна, вы разрешаете мне влюбиться в вас? — Нет, это глупо! Я лучше так скажу: Мария Ивановна! Хорошо ли, что наша дружба перешла вон во что! Нет, так то-

же не годится! Вообще надо ее поцеловать, но сделать это надо постепенно. Неожиданно нельзя.

(Входит Илья Семёнович).

Ил. Сем. — Петя, к тебе сегодня никто не придет?

Петр Михайлович — Нет, придет, дядя.

Ил. Сем. — Кто?

П. М. — Одна знакомая дама.

Ил. Сем. — А я шёл сейчас по улице и думал, что бы если у людей на голове вместо волос росла бы медная проволока!

П. М. — А зачем дядя?

Ил. Сем. — А здорово было бы! Ты представь себе, на голове вместо волос яркая медная проволока! Ты знаешь, тебе это было бы очень к лицу. Только не тонкая проволока, а толстая. Толще звонковой. А ещё лучше не проволока, а гвозди. Медные гвозди! Даже с шапочками. А знаешь что? Лучше — не медные, это похоже на рыжие волосы, а лучше платиновые. Давай закажем себе такие парики!

П. М. — Нет, мне это не нравится.

Ил. Сем. — Напрасно. Ты не вошёл во вкус. Ах! *(опрокидывает вазочку с цветком).*

П. М. — Ну смотри, сейчас ко мне придут гости, а ты всё тут перебил. И скатерть вся мокрая.

Ил. Сем. — Скорей Петя, снимай всё со стола. Мы повернём скатерть тем концом сюда, а тут поставим поднос.

П. М. — Подожди, не надо снимать.

Ил. Сем. — Нет, нет, надо повернуть скатерть. Куда это поставить?

(Ставит блюдо с салатом на пол).

П. М. — Что ты хочешь делать?

Ил. Сем. — Сейчас. Сейчас!

(Снимает все со стола).

П. М. — Дядя. Дядя! Оставьте это!

(Звонок).

Это она!

Ил. Сем. — Скорей поворачивай скатерть. *(Попадает ногой в салат).* Ох, Боже мой! Я попал в салат!

П. М. — Ну зачем вы всё это выдумали!

Ил. Сем. — Тряпку! Всё в порядке. Неси тряпку и иди отпирать дверь. *(Роняет стул).*

П. М. — Смотрите, вы рассыпали сахар!

Ил. Сем. — Это ничего. Скорей давай тряпку!

П. М. — Это ужасно. *(Поднимает с пола тарелки.)* Что вы делаете?

Ил. Сем. — Я пролил тут немного вина, но сейчас вытру диван своим носовым платком.

П. М. — Вы лучше оставте это всё. *(Звонок).* Оставте всё в покое! *(Убегает).*

Ил. Сем. — Ты скажи ей, что я твой дядя, или лучше скажи, что я твой двоюродный брат... *(снимает со стола тарелки и ставит их на диван).* Скатерть долой! Теперь можно всё поставить. *(Бросает скатерть на пол и ставит на стол блюда с пола).* Чорт возьми весь пол в салат!

*(Входит Мария Ивановна в польто,
а за ней Пётр Михайлович).*

П. М. — Входите, Мария Ивановна. Это мой дядя. Познакомтесь.

Ил. Сем. — Я Петин дядя. Очень рад. Мы с Петей не успели накрыть на стол... Тише, тут на пол попал салат!

М. И. — Благодарю вас.

П. М. — Снимайте польто.

Ил. Сем. — Разрешите я помогу вам.

П. М. — Да вы, дядя, не беспокойтесь, я уже помогаю Марии Ивановне.

Ил. Сем. — Простите, тут у нас не накрыт ещё стол. *(Запутывается ногами в скатерти).*

М. И. — Вы упадёте! *(Смеется).*

Ил. Сем. — Простите, тут я думал ничего нет, а тут эта скатерть упала со стола. Петя подними стул.

М. И. — Подождите, я сама снесу ботинки.

Ил. Сем. — Разрешите мне. Я уж это умею.

П. М. — Дядя, вы лучше стул поставте на место!

Ил. Сем. — Хорошо хорошо! *(ставит стул к стене).*

(Молчание. Все стоят на месте. Проходит минута).

Ил. Сем. — Мне нравится прическа на пробор
Мне хочется иметь на голове забор
Мне очень хочется иметь на голове
забор
который делит волосы в середине на
пробор.

П. М. — Ну вы просто дядя выдумали что то очень странное!

М. И. — Можно мне сесть сюда?

П. М. — Конечно. Конечно. Садитесь!

Ил. Сем. — Садитесь конечно! Конечно!

П. М. — Дядя!

Ил. Сем. — Да да да.

*(М. И. садится на диван. Дядя достает изо рта
молоток).*

П. М. — Что это?

Дядя. — Молоток.

М. И. — Что вы сделали? Вы достали его изо рта!

Дядя. — Нет нет, это пустяки!

М. И. — Это фокус? *(Молчание).*

М. И. — Стало как то неуютно.

П. М. — Сейчас я накрою на стол и будет лучше.

М. И. — Нет, Пётр Михайлович, вы ужасны!

П. М. — Я! Почему я ужасен?

М. И. — Ужасно! Ужасно!

(Дядя на ципочках выходит из комнаты).

М. И. — Почему он ушёл на ципочках?

П. М. — Я очень рад, что он ушёл.

(Накрывает на стол).

Вы простите меня за беспорядок.

М. И. — Я когда шла к вам, то подумала, что лучше не ходить. Надо слушаться таких подсказок.

П. М. — Наоборот, очень хорошо, что вы пришли.

М. И. — Не знаю, не знаю.

(П. М. накрывает на стол).

П. М. — Весь стол в салате! и сахар рассыпан! Слышите как скрипит под ногами? Это очень противно! Вы завтра станете всем рассказывать как у меня было.

М. И. — Ну может быть кому ни будь и расскажу.

П. М. — Хотите выпить рюмку вина?

М. И. — Нет, спасибо я вино пить не буду. Сделайте мне бутерброт с сыром.

П. М. — Хотите чай?

М. И. — Нет, лучше не стоит. Я хочу скоро уходить. Только вы меня не провожайте.

П. М. — Я сам не знаю как надо поступить. На меня напал столбняк.

М. И. — Да да, мне лучше уйти.

П. М. — Нет, по моему лучше вам не уходить сразу. Вы должны меня великодушно простить...

М. И. — Зачем вы так говорите со мной?

П. М. — Да уж нарочно говорю так.

М. И. — Нет это просто ужасно всё.

П. М. — Ужасно! Ужасно! Ужасно!

(Молчание).

П. М. — Мне всё это страшно нравится! Мне нравится именно так сидеть с вами.

М. И. — И мне тоже.

П. М. — Вы шутите, а я правду говорю. Мне честное слово всё это нравится!

М. И. — У вас довольно прохладно *(вынимает изо рта молоток).*

П. М. — Что это?

М. И. — Молоток.

П. М. — Что вы сделали? Вы достали его изо рта!

М. И. — Он мне сегодня весь день мешал вот тут *(показывает на горло).*

П.М. —

Вы видите в моих глазах продолговатые лучи.
они струятся как бы косы
и целый сад шумит в моих ушах
и ветви трутся друг о друга.
и ветром движутся вершины
и ваши светлые глаза
как непонятные кувшины
мне снятся ночью. Боже мой!

М. И. — К чему вы это говорите?

Мне непонятна ваша речь.
Вы просто надо мной смеётесь,
вы коршун я снигирь
вы на меня глядите слишком яростно
и слишком часто дышите
Ах не глядите так! Оставьте!
Вы слышите?

П.М. —

<1933>

Григорьев (*ударя Семёнова по морде*): Вот вам и зима настала! Пора печи топить. Как по вашему?

Семёнов: По моему, если отнестись серьезно к вашему замечанию, то, пожалуй, действительно пора затопить печку.

Григорьев (*ударя Семёнова по морде*): А как по вашему, зима в этом году будет холодная или тёплая?

Семёнов: Пожалуй, судя по тому, что лето было дождливое, зима будет холодная. Если лето дождливое, то зима всегда холодная.

Григорьев (*ударя Семёнова по морде*): А вот мне никогда не бывает холодно!

Семёнов: Это совершенно правильно, что вы говорите, что вам не бывает холодно. У вас такая натура.

Григорьев (*ударя Семёнова по морде*): Я не зябну!

Семёнов: Ох!

Григорьев: (ударяя Семёнова по морде): Что ох?

Семёнов (держась рукой за щеку): Ох! Лицо болит!

Григорьев: Почему болит? (и с этими словами хватя Семёнова по морде)

Семёнов (падая со стула): Ох! Сам не знаю.

Григорьев (ударяя Семёнова ногой по морде): А у меня ничего не болит!

Семёнов: Я тебя, сукин сын, отучу драться! (пробует встать)

Григорьев (ударяет Семёнова по морде): Тоже учитель нашелся!

Семёнов (валится на спину): Сволочь паршивая!

Григорьев: Ну, ты, подбирай выражения полегче!

Семёнов (сяясь подняться): Я, брат, долго терпел. Но хватит. С тобой, видно, нельзя по хорошему. Ты, брат, сам виноват...

Григорьев (ударяет Семёнова каблуком по морде): Говори, говори! Послушаем!

Семёнов (валится на спину): Ох!

(Входит Льянев)

Льянев: Что это тут такое происходит?

— Видите ли, — сказал он, — я видел как вы с ними катались третьего дня на лодке. Один из них сидел на руле, двое гребли, а четвертый сидел рядом с вами и говорил. Я долго стоял на берегу и смотрел, как гребли те двое. Да, я могу смело утверждать, что они хотели утопить вас. Так гребут только перед убийством.

Дама в жёлтых перчатках посмотрела на Клопова.

— Что это значит? — сказала она. — Как это так можно особенно грести перед убийством? И потом, какой смысл им топить меня?

Клопов резко повернулся к даме и сказал:

— Вы знаете, что такое медный взгляд?

— Нет, — сказала дама, не вольно отодвигаясь от Клопова.

— Ага, — сказал Клопов. — Когда тонкая фарфоровая чашка падает со шкапа и летит вниз, то в тот момент, пока она еще летит по воздуху, вы уже знаете, что она коснётся пола и разлетится на куски. А я знаю, что если человек взглянул на другого человека медным взглядом, то уж рано или поздно, он неминуемо убьет его.

— Они смотрели на меня медным взглядом? — спросила дама в жёлтых перчатках.

— Да, сударыня, — сказал Клопов и надел шапку. Некоторое время оба молчали.

Клопов сидел, опустив низко голову.

— Простите меня, — вдруг сказал тихо он.

Дама в жёлтых перчатках с удивлением смотрела на Клопова и молчала.

— Это всё неправда, — сказал Клопов. — Я выдумал про медный взгляд, сейчас, вот тут, сидя с вами на скамейке. Я, видите ли, разбил сегодня свои часы и мне всё представляется в мрачном свете.

Клопов вынул из кармана платок, развернул его и протянул даме разбитые часы.

— Я носил их шестнадцать лет. Вы понимаете, что это значит? Разбить часы, которые шестнадцать лет тикали у меня вот тут под сердцем? У вас есть часы?

<1935>

Тетерник, входя и здороваясь: Здравствуйте! Здравствуйте! Здравствуйте! Здравствуйте!

Камушков — Вы, однако, не очень точны. Мы ждём вас уже порядочно.

Грек — Да да да. Мы вас поджидаем.

Лампов — Ну говори: чего опоздал?

Тетерник, смотря на часы: — Да разве, я опоздал? Да вообще-то есть... ну ладно!

Камушков — Хорошо. Я продолжаю.

Грек — Да да да. Давайте правдо.

Все рассаживаются по своим местам и замолкают.

Камушков — Не говоря по несколько раз об одном и том же, скажу: мы должны выдумать название.

Грек и Лампов — Слышали!

Камушков (*передразнивая*) — Слышали! Вот и нужно название выдумать. Грек!

(Грек встаёт)

Камушков — Какое ты выдумал название?

Грек — Ныпырсытет.

Камушков — Не годится. Ну подумай сам, что-же это за название такое? Не звучит, ничего не значит, глупое. — Да встань ты как следует! — Ну, теперь говори: почему ты предложил это глупое название.

Грек — Да да да. Название, верно, не годится.

Камушков — Сам понимаешь. Садись. — Люди, надо выдумать хорошее название. Лампов! (Лампов встаёт). Какое название ты предлагаешь?

Лампов — Предлагаю: «Краковяк», или «Студень», или «Мой Савок». Что? Не нравится? Ну тогда: «Вершина всего», «Глицириновый отец», «Мортира и свеча».

Камушков (*махая руками*) — Садись! Садись!

26 декабря 1929 года.

1

Однажды Андрей Васильевич шёл по улице и потерял часы. Вскоре после этого он умер. Его отец горбатый, пожилой человек целую ночь сидел в цилиндре и сжимал левой рукой тросточку с крючковой ручкой. Разные мысли посещали его голову, в том числе и такая: жизнь это кузница.

Отец Андрея Васильевича по имени Григорий Антонович или вернее Василий Антонович обнял Марию Михайловну и назвал её своей владычицей. Она же молча и с надеждой глядела в перёд и в верх. И тут же поршивый горбун Василий Антонович решил уничтожить свой горб.

3

Для этой цели Василий Антонович сел в седло и приехал к профессору Мамаеву. Профессор Мамаев сидел в саду и читал книгу. На все просьбы Василия Антоновича профессор Мамаев отвечал одним только словом: успеется. Тогда Василий Антонович пошёл и лег в хирургическое отделение.

4

Началась операция. Но кончилась она не удачно, потому что одна сестра милосердия покрыла своё лицо клетчатой тряпочкой и ни чего не видела и не могла подавать нужных инструментов. А фельдшер завязал себе рот и нос и ему нечем было дышать и к концу операции он задохнулся и замертво упал на пол. Но самое неприятное это то, что профессор Мамаев в торопях забыл снять с пациента простыню и срезал ему вместо горба что-то другое, кажется затылок. А горб только потыкал хирургическими ножницами.

Придя домой Василий Антонович до тех пор не мог успокоиться, пока в дом не ворвались испанцы и не отрубили затылок кухарке Андрюшке.

Успокоившись Василий Антонович пошёл к другому доктору и тот быстро обрезал ему горб.

Потом всё пошло очень просто. Марья Михайловна развелась с Василием Антоновичем и вышла замуж за Бубнова.

Бубнов не любил своей новой жены. Как только она уходила из дома Бубнов покупал себе новую шляпу и всё время здоровался со своей соседкой Анной Моисеевной. Но вдруг у Анны Моисеевны сломался один зуб и она от боли широко открыла рот. Бубнов задумался о своей биографии.

Отец Бубнова по имени Фы полюбил мать Бубнова по имени хню. Однажды хню сидела на плите и собирала грибы которые росли около неё. Но Фы неожиданно сказал так: Хню я хочу чтобы у нас родился Бубнов. Хню спросила: Бубнов? Да да?

— Точно так ваше сиятельство ответил Фы;

Хню и Фы сели рядом и стали думать о разных смешных вещах и очень долго смеялись.

Наконец у Хню родился
Бубнов.

<Вторая пол. марта 1931>

Антон Гаврилович Немецкий бегаёт в халате по комнате. Он разглаживает коробочкой, показывает на неё пальцем и очень очень рад. Антон Гаврилович звонит в колокольчик, входит слуга и приносит кадку с землей. Ан. Гав. достаёт из коробочки боб и сажает его в кадку. Сам же А. Г. делает руками замечательные движения. Из кадки растёт дерево.

<1931>.

Объяснение в любви

Водевиль

Он: Тут никого нет. Посижу ка я тут.

Она: А, кажется, я одна. Никто меня не видит и не слышет.

Он: Вот хорошо, что я один. Я влюблён и хочу об этом подумать.

Она: Любит ли он меня? Мне так хочется, чтобы он сказал мне это. А он молчит, всё молчит.

Он: Как бы мне объяснить ей в любви. Я боюсь, что она испугается и я не смогу её больше видеть. Вот бы узнать, любит она меня или нет.

Она: Как я его люблю! Неужели он это не видит. А вдруг заметит и не захочет больше со мной встречаться.

<1933>

Куклов и Богадельнев сидят за столом, покрытым клеёнкой, и едят суп.

Куклов: Я принц.

Богадельнев: Ах, ты принц!

Куклов: Ну и что же из того, что я принц?

Богадельнев: А то, что я в тебя сейчас супом плесну!

Куклов: Нет, не надо!

Богадельнев: Почему же это не надо?

Куклов: А это зачем же в меня супом плескать?

Богадельнев: А ты думаешь, ты принц, так тебя и супом облить нельзя?

Куклов: Да, я так думаю!

Богадельнев: А я думаю наоборот.

Куклов: Ты думаешь так, а я думаю так!

Богадельнев: А мне плевать на тебя!

Куклов: А у тебя нет никакого внутреннего содержания.

Богадельнев: А у тебя нос похож на корыто.

Кукулов: А у тебя такое выражение лица, буд-то ты не знаешь, куда сесть.

Богадельнев: А у тебя веретенообразная шея!

Кукулов: А ты свинья!

Богадельнев: А я вот сейчас тебе уши оторву.

Кукулов: А ты свинья.

Богадельнев: Я вот тебе уши оторву!

Кукулов: А ты свинья!

Богадельнев: Свинья? А ты кто-же?

Кукулов: А я принц.

Богадельнев: Ах ты принц!

Кукулов: Ну и что же из того, что я принц?

Богадельнев: А то, что я в тебя сейчас супом плесну!
и т.д.

20 ноября 1933 года.

Американский рассказ

В Американский суд была подана жалоба сторожем скотобойни, буд-то ему какой-то парень сломал руку. Судья вызвал этого парня и спросил: «Ты сломал сторожу руку?» Парень сказал: «нет я не ломал ему руки». А сторож сказал: «как же ты не ломал мне руки! Ведь я из за тебя же сломал руку!» Тогда судья спросил: «Как-же было дело?» Оказалось, что дело было так:

Молодой здоровый парень забрался на скотобойню, срезал с коровьего вымяни сиську, вставил её себе в прорешку штанов и так идёт.

Сторож увидел парня, вылупил глаза и говорит: «Да ты смотри, как ты идёшь!»

А парень достал нож и говорит: «Эх, всё равно!», отрезал ножом сиську и бросил её в сторону.

Сторож упал и сломал себе руку.

<Январь 1934>

Андрей Иванович плюнул в чашку с водой. Вода сразу почернела. Андрей Иванович сощурил глаза и пристально посмотрел в чашку. Вода была очень черна. У Андрея Ивановича забилося сердце.

В это время проснулась собака Андрея Ивановича. Андрей Иванович подошел к окну и задумался.

Вдруг что то большое и тёмное пронеслось мимо лица Андрея Ивановича и вылетело в окно. Это вылетела собака Андрея Ивановича и понеслась как ворона на крышу противоположного дома. Андрей Иванович сел на корточки и завыл.

В комнату вбежал товарищ Попугаев.

— Что с вами? Вы больны? — спросил тов. Попугаев.

Андрей Иванович молчал и тёр лицо руками.

Тов. Попугаев заглянул в чашку, стоявшую на столе.

— Что это у вас тут налито? — спросил он Андрея Семёновича.

— Не знаю, — сказал Андрей Семёнович.

Попугаев мгновенно исчез. Собака опять влетела в окно, легла на своё прежнее место и заснула.

Андрей Семёнович подошёл к столу и выпил из чашки почерневшую воду.

И на душе у Андрея Семёновича стало светло.

21 августа <1934>

Как известно, у Безименского очень тупое рыло.

Вот однажды Безименский стукнулся своим рылом о табурет.

После этого рыло поэта Безименского пришло в полную негодность.

<30 августа 1934>

Ольга Форш подошла к Алексею Толстому и что то сделала.

Алексей Толстой тоже что то сделал.

Тут Константин Федин и Валентин Стенич выскочили на двор и принялись разискивать подходящий камень. Камня они не нашли, но нашли лопату. Этой лопатой Константин Федин съездил Ольгу Форш по морде.

Тогда Алексей Толстой разделся голым и выйдя на Фантанку стал ржать по лошадиному. Все говорили: «вот ржёт крупный современный писатель». И никто Алексея Толстого не тронул.

<Конец августа 1934>

У дурака из воротника его рубашки торчала шея, а на шеи голова. Голова была когда-то коротко подстрижена. Теперь волосы отросли щёткой. Дурак много о чём-то говорил. Его никто не слушал. Все думали: когда он замолчит и уйдёт? Но дурак, ничего не замечая, продолжал говорить и хохотать.

Наконец Ёлбов не выдержал и, подойдя к дураку, сказал, коротко и свирепо: «Сию-же минуту убирайся вон». Дурак растерянно смотрел вокруг, не соображая, что происходит. Ёлбов двинул дурака по уху. Дурак вылетел из кресла и повалился на пол. Ёлбов поддал его ногой и дурак, вылетев из дверей, скатился с лестницы.

Так бывает в жизни: Дурак дураком, а ещё чего-то хочет выразить. По морде таких. Да, по морде!

Куда бы я не посмотрел, всюду эта дурацкая рожа орестанта. Хорошо-бы сапогом по этой морде.

<Август 1934>

Разница в росте мужа и жены

Муж: Я выпорол свою дочь, а сейчас буду пороть жену.

Жена и дочь (из за двери): бэ бэ бэ бэ бэ! Мэ мэ мэ мэ мэ!

Муж: Иван! Камердинер Иван!

(входит Иван. У Ивана нет рук).

Иван: Так точно!

Муж: Где твои руки Иван?

Иван: В годы войны утратил их в пылу сражения!

<1933—1934>

Но художник усадил натурщицу на стол и раздвинул её ноги. Девица почти не сопротивлялась и только закрыла лицо руками. Амонова и Страхова сказали, что прежде следовало-бы девицу отвести в ванну и вымыть ей между ног, а то нюхать подобные ароматы просто противно. Девица хотела вскочить, но художник удержал её и просил, не обращая внимания, сидеть так, как он её посадил. Девица, не зная, что ей делать, села обратно. Художник и художницы расселись по своим местам и начали срисовывать натурщицу. Петрова сказала, что натурщица очень соблазнительная женщина, но Страхова и Амонова заявили, что она слишком полна и неприлична. Золотогромов сказал, что это и делает её соблазнительной, но Страхова сказала, что это просто противно, а вовсе не соблазнительно. «Посмотрите, — сказала Страхова. — Фи! Из неё так и льется на скатерть. Чего уж тут соблазнительного, когда я отсюда слышу, как от нее пахнет». Петрова сказала, что это показывает только её женскую силу. Абельфар покраснела и согласилась. Амонова сказала, что

она ничего подобного не видела, что надо дойти до высшей точки возбуждения и то так не польётся, как у этой девицы. Петрова сказала, что глядя на это, можно и самой возбудиться и что Золотогромов, должно быть, уже возбуждён. Золотогромов сознался, что девица сильно на него действует. Абельфар сидела красная и тяжело дышала. «Однако, воздух в комнате делается невыносимым!» — сказала Страхова. Абельфар ерзала на стуле, потом вскочила и вышла из комнаты. «Вот, — сказала Петрова, — вы видите результат женской соблазнительности. Это действует даже на дам. Абельфар пошла поправиться. Чувствую, что и мне скоро придется сделать то же самое». «Вот, — сказала Амонова, — наше преимущество худеньких женщин. У нас всегда всё в порядке. А вы и Абельфар пышные дамочки и вам приходится много следить за собой». «Однако, — сказал Золотогромов, — пышность и некоторая нечистоплотность именно и ценится в женщине!»

<Середина 1930-х>

Кулаков уселся в глубокое кресло и моментально сидя заснул. Сидя заснул, а спустя несколько часов проснулся лёжа в гробу. Кулаков понял сразу, что он лежит в гробу. Дикий страх сковал Кулакова. Мутными глазами он посмотрел вокруг, и всюду, куда ни направлял он свой взор, он видел только цветы: цветы в корзинах, букеты цветов, перевязанные лентой, венки из цветов и цветы россыпью.

«Меня хоронят», — подумал с ужасом Кулаков и вдруг почувствовал гордость, что его, такого незначительного человека, хоронят так пышно, с таким количеством цветов.

<1936>

Рыцарь

Алексей Алексеевич Алексеев был настоящий рыцарь. Так, например, однажды, увидя из трамвая, как одна дама запнулась о тумбу и выронила из кошелки стеклянный колпак для настольной лампы, который тут же и разбился, Алексей Алексеевич, желая помочь этой даме, решил пожертвовать собой и, выскочив из трамвая на полном ходу, упал и раскрыл себе о камень всю рожу. В другой раз, видя, как одна дама, перелезая через забор, зацепилась юбкой за гвоздь и застряла так, что, сидя верхом на заборе, не могла двинуться ни назад ни вперед, Алексей Алексеевич начал так волноваться, что от волнения выдал себе языком два передних зуба. Одним словом, Алексей Алексеевич был самым настоящим рыцарем, да и не только по отношению к дамам. С необычайной легкостью Алексей Алексеевич мог пожертвовать своей жизнью за Веру, Царя и Отечество, что и доказал в 14-ом году, в начале германской войны, с криком «За Родину!» выбросившись на улицу из окна третьего этажа. Каким-то чудом Алексей Алексеевич остался жив, отделавшись только не серьезными ушибами, и вскоре, как столь редкостно-ревностный патриот, был отослан на фронт.

На фронте Алексей Алексеевич отличался необычайно возвышенными чувствами и всякий раз, когда он произносил слова: стяг, фанфара или даже просто эполеты, по лицу его бежала слеза умиления.

В 16-м году Алексей Алексеевич был ранен в чресла и удален с фронта.

Как инвалид I категории, Алексей Алексеевич не служил и, пользуясь свободным временем, излагал на бумаге свои патриотические чувства.

Однажды, беседа с Константином Лебедевым, Алексей Алексеевич сказал свою любимую фразу: «Я пострадал за Родину и разбил свои чресла, но существую силой убеждения своего заднего подсознания».

— И дурак! — сказал ему Константин Лебедев. — Наивысшую услугу родине окажет только ЛИБЕРАЛ.

— Почему-то эти слова глубоко запали в душу Алексея Алексеевича, и вот в 17-ом году он уже называет себя *либералом, чреслами своими пострадавшего за отчизну.*

Революцию Алексей Алексеевич воспринял с восторгом, несмотря даже на то, что был лишон пенсии. Некоторое время К. Л. снабжал его тростниковым сахаром, шеколадом, консервированным салом и пшенной крупой. Но когда Константин Лебедев вдруг неизвестно куда пропал, Алексею Алексеевичу пришлось выйти на улицу и просить подаяния. Сначала Алексей Алексеевич протягивал руку и говорил: «подайте, Христа ради, чреслами своими пострадавшему за Родину». Но это успеха не имело. Тогда Алексей Алексеевич заменил слово «родину» словом «революцию». Но и это успеха не имело. Тогда Алексей Алексеевич сочинил революционную песню и, завидя на улице человека, способного, по мнению Алексея Алексеевича, подать милостыню, делал шаг вперед и, гордо, с достоинством, откинув назад голову, начинал петь:

На баррикады
Мы все пойдем!
За свободу
Мы все покалечимся и умрем!

И лихо, по-польски притопнув каблуком, Алексей Алексеевич протягивал шляпу и говорил: «Подайте милостыню, Христа ради». Это помогало, и Алексей Алексеевич редко оставался без пищи.

Все шло хорошо, но вот в 22-ом году Алексей Алексеевич познакомился с неким Иваном Ивановичем Пузыревым, торговавшим на Сенном рынке подсолнечным маслом. Пузырев пригласил Алексея Алексеевича в кафе, угостил его настоящим кофеем и сам, чавкая пирожными, изложил ему какое-то сложное предприятие, из которого Алексей Алексеевич понял

только, что и ему надо что-то делать, за что он будет получать от Пузырева ценнейшие продукты питания. Алексей Алексеевич согласился, и Пузырев тут-же, в виде поощрения, передал ему под столом два цыбика чая и пачку папирос Раджа.

С этого дня Алексей Алексеевич каждое утро приходил на рынок к Пузыреву и, получив от него какие-то бумаги с кривыми подписями и бесчисленными печатями, брал саночки, если это происходило зимой, и, если это происходило летом, — тачку и отправлялся, по указанию Пузырева, по разным учреждениям, где, предъявив бумаги, получал какие-то ящики, которые грузил на свои саночки или тележку и вечером отвозил их Пузыреву на квартиру. Но однажды, когда Алексей Алексеевич подкатил свои саночки к пузыревской квартире, к нему подошли два человека, из которых один был в военной шинели, и спросили его: «Ваша фамилия Алексеев?» Потом Алексея Алексеевича посадили в автомобиль и увезли в тюрьму.

На допросах Алексей Алексеевич ничего не понимал и всё только говорил, что он пострадал за революционную родину. Но, несмотря на это, был приговорен к 10 годам ссылки в северные части своего отечества. Вернувшись в 28-ом году обратно в Ленинград, Алексей Алексеевич занялся своим прежним ремеслом и, встав на углу пр. Володарского, закинул с достоинством голову, притопнул каблуком и запел:

На баррикады
Мы все пойдем!
За свободу
Мы все покалечимся и умрем!

Но не успел он пропеть это и два раза, как был увезен в крытой машине куда-то по направлению к Адмиралтейству. Только его и видели.

Вот краткая повесть жизни доблестного рыцаря и патриота Алексея Алексеевича Алексева.

Нина — Вы знаете! А? Вы знаете? Нет, вы слышали? А?

Вар. Мих. — Что такое? А? Что такое?

Нина — Нет, вы только подумайте! Варвара Михайловна! Вы только подумайте!

Вар. Мих. — Что такое? А? Что такое?

Нина — Да вы представте себе, Варвара Михайловна! Вы представте себе!

Вар. Мих. — Да что такое, в конце концов! Что такое?

Нина — Нет, вы послушайте, Варвара Михайловна! Ха-ха-ха.

Вар. Мих. — Да я слушаю, слушаю! Что такое?

Нина — Ха-ха-ха! Ну и королева!

Вар. Мих. — Глупость какую то несешь!

Нина — Действительно королева!

Вар. Мих. — Глупость какую то несешь!

Нина — Наш то! Столбовой! Старый хрен! Тоже туда!

Вар. Мих. — Куда туда?

Нина — Да, всё туда же! За Елизаветой поволокся!

Вар. Мих. — Как поволокся?

Нина — Да влюбился!

Вар. Мих. — Да кто влюбился?

Нина — Да наш столбовой дворянин! Старый хрыч Обернибесов!

Вар. Мих. — Оборнибесов?!

Нина — В том то и шутка, что Обернибесов!

Вар. Мих. — Аполлон Валерьянович!

Нина — Ну да! Ведь вы подумайте!

Вар. Мих. — Просто не понимаю, что в ней хорошего! Почему все мужчины с ума сошли?

Нина — Вы смотрите: Володя Кнутиков с ума сошел! Сергей Иванович с ума сошел!..

Вар. Мих. — Ничего в ней нет интересного!

Нина — Елдыгин с ума сошел!..

Вар. Мих. — Ничего в ней нет интересного!

Нина — В том-то и шутка! Ничего в ней нет интересного!

Вар. Мих. — Просто не понимаю, почему все мужчины с ума сошли!

Нина — Не такая уж она красавица!

Вар. Мих. — По моему, просто некрасива!

Нина — Ничего в ней нет интересного!

Вар. Мих. — Совершенно не интересна!

<1934—1936>

Одна муха ударила в лоб бегущего мимо господина, прошла сквозь его голову и вышла из затылка. Господин по фамилии Дернятин был весьма удивлён: ему показалось, что в его мозгах что-то просвистело, а на затылке лопнула кожица и стало щекотно. Дернятин остановился и подумал: «Что бы это такое значило? Ведь совершенно ясно я слышал в мозгах свист. Ничего такого мне в голову не приходит, чтобы я мог понять, в чем тут дело. Во всяком случае, ощущение редкосное, похожее на какую-то головную болезнь. Но больше об этом я думать не буду, а буду продолжать свой бег». С этими мыслями господин Дернятин побежал дальше, но как он не бежал, того уже всё-таки не получалось. На голубой дорожке Дернятин оступился ногой и едва не упал, пришлось даже помахать руками в воздухе. «Хорошо, что я не упал, — подумал Дернятин, — а то разбил бы свои очки и перестал бы видеть направление путей». Дальше Дернятин пошел шагом, опираясь на свою тросточку. Однако, одна опасность следывала за другой. Дернятин запел какую-то песенку, чтобы рассеять свои нехорошие мысли. Песенка была весёлой и звучной, такая, что Дернятин увлекся ей и забыл да-

же, что он идет по голубой дорожке, по которой в эти часы дня ездили другой раз автомобили с головокружительной быстротой. Голубая дорожка была очень узенькая, и отскочить в сторону от автомобиля было довольно трудно. Потому она считалась опасным путём. Осторожные люди всегда ходили по голубой дорожке с опаской, чтобы не умереть. Тут смерть поджидала пешехода на каждом шагу то в виде автомобиля, то в виде ломовика, а то в виде телега с каменным углём. Не успел Дернятин высморкаться, как на него катил огромный автомобиль. Дернятин крикнул: «Умираю!» — и прыгнул в сторону. Трава расступилась перед ним, и он упал в сырую канавку. Автомобиль с грохотом проехал мимо, подняв над крышей флаг бедственных положений. Люди в автомобиле были уверены, что Дернятин погиб, а потому сняли свои головные уборы и дальше ехали уже простоволосые. «Вы не заметили, под какие колёса попал этот странник, под передние или под задние?» — спросил господин, одетый в муфту, то есть не в муфту, а в башлык. «У меня, — говаривал этот господин, — здорово застужены щёки и ушные мочки, а потому я хожу всегда в этом башлыке». Рядом с господином в автомобиле сидела дама, интересная своим ртом. «Я, — сказала дама, — волнуюсь, как бы нас не обвинили в убийстве этого путника». — «Что? Что?» — спросил господин, оттягивая с уха башлык. Дама повторила свое опасение. «Нет, — сказал господин в башлыке, — убийство карается только в тех случаях, когда убитый подобен тыкве. Мы же нет. Мы же нет. Мы не виновны в смерти путника. Он сам крикнул: умираю! Мы только свидетели его внезапной смерти». Мадам Анэт улыбнулась интересным ртом и сказала про себя: «Антон Антонович, вы ловко выходите из беды». А господин Дернятин лежал в сырой канаве, вытянув свои руки и ноги. А автомобиль уже уехал. Уже Дернятин понял, что он не умер. Смерть в виде

автомобиля миновала его. Он встал, почистил рукавом свой костюм, посплюнул пальцы и пошёл по Голубой дорожке нагонять время.

Семья Рундадаров жила в домике у тихой реки Свиречке. Отец Рундадаров, Платон Ильич, любил знания высоких полетов: Математика, Тройная Философия, География Эдема, книги Винтвивека, учение <о> смертных толчках и небесная иерархия Дионисия Ареопагита были наилюбимейшие науки Платона Ильича. Двери дома Рундадаров были открыты всем странникам, посетившим святыне точки нашей планеты. Рассказы о летающих холмах, приносимые оборванцами из Никитенской слободы, встречались в доме Рундадаров с оживлением и нап<р>яжённым вниманием. Платоном Ильичом хранились длинные списки о деталях летания больших и мелких холмов. Особенно отличался от всех других взлётов взлёт Капустинского холма. Как известно, Капустинский холм взлетел ночью, часов в 5, выворотив с корнем кедр. От места взлёта к небу холм поднимался не по серповидному пути, как все прочие холмы, а по прямой линии, сделав маленькие колебания лишь на высоте 15—16 километров. И ветер, дующий в холм, пролетал сквозь него, не сгоняя его с пути. Будто холм кремнёвых пород потерял свойство непроницаемости. Сквозь холм, например, пролетела галка. Пролетела, как сквозь облако. Об этом утверждают несколько свидетелей. Это противоречило законам летающих холмов, но факт оставался фактом, и Платон Ильич занёс его в список деталей Капустинского холма. Ежедневно у Рундадаров собирались почётные гости и обсуждались признаки законов алогической цепи. Среди почётных гостей были: профессор железных путей Михаил Иванович Дундуков, игумен Миринос II и плехаризиаст Стефан Дернятин. Гости собирались в нижней гостинной, садились за продолговатый стол, на стол ставилось обыкновенное корыто с

водой. Гости, разговаривая, поплевывали в корыто: таков был обычай в семье Рундадаров. Сам Платон Ильич сидел с кнутиком. Время от времени он мочил его в воде и хлестал им по пустому стулу. Это называлось «шуметь инструментом». В девять часов появлялась жена Платона Ильича, Анна Маляевна, и вела гостей к столу. Гости ели жидкие и твёрдые блюда, потом подползали на четверинках к Анне Маляевне, целовали ей ручку и садились пить чай. За чаем игумен Миринос II рассказывал случай, происшедший 14 лет тому назад. Будто он, игумен, сидел как-то на ступенечках своего крыльца и кормил уток. Вдруг из дома вылетела муха, покружилась, покружилась и ударила игумена в лоб. Ударила в лоб и прошла насквозь головы, и вышла из затылка, и улетела опять в дом. Игумен остался сидеть на крыльце с восхищенной улыбкой, что наконец-то воочию увидел чудо. Остальные гости, выслушав Мириноса II, ударяли себя чайными ложечками по губам и по кадыку в знак того, что вечер окончен. После разговор принимал фривольный характер. Анна Маляевна уходила из комнаты, а господин плехаризиаст Дернятин заговаривал на тему «Женщина и цветы». Бывало и так, что некоторые из гостей оставались ночевать. Тогда сдвигалось несколько шкапов, и на шкапы укладывали Мироноса II. Профессор Дундуков спал в столовой на рояле, а господин Дернятин ложился в кровать к рундадарской прислуге Маши. В большинстве же случаев гости расходились по домам. Платон Ильич сам запирали за ними дверь и шел к Анне Маляевне. По реке Свиречке плыли с песнями никитинские рыбаки. И под рыбацкие песни засыпала семья Рундадаров.

Глава II

Платон Ильич Рундадар састрял в дверях своей столовой. Он упёрся логтями в косяки, ногами врос в деревянный порог, глаза выкатил и стоял.

<1929—1930>

Евстигнеев смеётся

Водевиль о трёх головах

Действующие лица:

Евстигнеев

I-ый Володя

II-ой Володя

Евдокия — жена Евстигнеева

Вера Александровна Сулинапова — двоюродная сестра Евдокии.

Дворник Пётр Перец

Дворничиха

Действие Первое

Евстигнеев стоит посередине комнаты и старается издать звук на флейте. Жена Евстигнеева Евдокия стоит перед ним на коленях

Евдокия: Евстигнеев! Дорогой муж мой! Супруг мой! Любимый человек и друг! Евстигнеев! Ну молю тебя, не дуй в флейту! Евстигнеев!

Евстигнеев смеётся: Хы-хы-хы!

Евдокия: Евстигнеев! Четыре с половиной года ты дуешь в эту флейту и, все равно ни звука издать не можешь! Брось! На коленях прошу тебя! Вот видишь? Я целую твои ноги. Неужели ты меня не слышишь? Ты злой, нехороший человек, Евстигнеев! Я тужусь дни и ночи, что бы мы не голодали с тобой. Я служу, бегаю по лавкам, готовлю обед, мою посуду, убираю комнату, стираю твоё бельё... Ты видишь, на что стали похожи мои руки? Я больная и несчастная, делаю не по сильную для себя работу. А ты? Знай дуешь в свою флейту! И ведь хоть бы прок был какой! А то, не только сыграть чего ни будь, а даже звука издать не можешь! Опомнись! Опомнись Евстигнеев!

Евстигнеев смеётся: Хы-хы-хы!

Евдокия: Нет, больше я не могу! Это не человек, а зверь какой-то! *(Поднимается с колен)*. Слушай, Евстигнеев! Я делала всё, чтобы образумить тебя. Ничего не помогает. Я слабая и не могу сама отнять у тебя флейту. Ты меня прсто поколотишь. Поэтому я решила прибегнуть к крайнему средству. Ты слышешь, что я тебе говорю? Евстигнеев! Ты слышешь?

Евстигнеев *(дует в флейту)*: Фю-фю-фю!

Евдокия: Да ты слышешь, что я тебе говорю? Ах, так! И слушать не желаешь! Ну, ладно: сейчас прибегну к тому крайнему средству, о котором я тебе говорила. Не слушаешь? Ладно! Сейчас пойту и позову дворника!

Евстигнеев *(перестает дуть в флейту)*.

Евдокия: Ты слышал? Сейчас позову дворника.

Евстигнеев: Зачем?

Евдокия: А затем, что мы с дворником отнимем у тебя флейту, сломаем её и выбросим на помойку.

Евстигнеев: Нет? Хы-хы-хы!

Евдокия: Не нет, а именно, да!

Евстигнеев: Как же так? *(рассматривает флейту и пробует в неё дунуть)*

Евдокия: Ах, ты опять! Ну ладно...

(Стук в дверь)

Евстигнеев и Евдокия молча стоят и слушают.

Стук повторяется.

Евдокия: Кто там?

Голос за дверью: Дарочка! Это я! Открой, силь-ву-пле!

Евдокия: Ах, это ты, Вера! Сейчас, одну минутку. *(Евстигнееву)*: Спрячь флейту!

Евстигнеев смеётся: Хы-хы-хы!

Евдокия: Дай сюда флейту! Сию же минуту дай сюда флейту!

Евстигнеев *(пряча флейту за спину)*: Хы-хы!

Евдокия: Сейчас Верочка! (*Евстигнееву*): Ты дашь мне флейту? Ах, так!.. (*проходит к двери и открывает её*). Входи Верочка!

(*Входит Вера Александровна Сулинапова*)

Евдокия: Вот познакомься: Евстигнеев, мой муж. А это Вера Александровна Сулинапова — моя двоюродная сестра.

Сулинапова (*подходя к Евстигнееву*): Очень рада с вами познакомиться!

Евстигнеев: Хы-хы-хы!

Евдокия: Садись, Вера, вот сюда и рассказывай, как ты живешь?

(*Сулинапова садится с ногами на стул*)

Сулинапова: О, душа моя, столько новостей! Столько новостей! Я брежу театрами и светской жизнью. Да, милочка, я вся для общества! Грегуар подарил мне тончайший заграничный чулок, но, к сожалению, только один. Так что его нельзя носить. Но я, когда ко мне приходят гости, бросаю этот чулок на диван, буд-то забыла его убрать, и все конечно думают, что у меня их пара. Борман увидел этот чулок и сказал: «Такими чулками кидаться нельзя!» А я ему сказала: «О! у меня их целая куча! А вот туфель нет!» Ах, да, милочка, жё сюи малад, у меня болит под мышкой! Это Зайцев лез ко мне рукой за шиворот, но я его дальше подмышки не пустила. Не дам же я Зайцему хватать себя!

Евстигнеев: Хы-хы!

Сулинапова: Ой! Я говорю такие вещи в присутствии мужчины. Но вы всё таки муж моей сестры и потом, мы, люди высшего общества, можем позволить себе некоторые фrivольности.

Евстигнеев: Хы-хи! (*дует в флейту*)

Сулинапова: Что это?

Евдокия: Да это мой муж хочет на флейте играть.

Сулинапова: Господи! Зачем же это?

Евдокия: Ах, Вера! Он целые дни изводит меня этой флейтой. Вот видишь? Так он с утра до вечера.

Сулинапова: Да ты спрячь от него эту трубку.

Евдокия

<1935—1936>

У одной маленькой девочки начал гнить молочный зуб. Решили эту девочку отвести к зубному врачу, что бы он выдернул ей ее молочный зуб.

Вот однажды стояла эта маленькая девочка в редакции, стояла она около шкапа и была вся скрюченная.

Тогда одна редакторша спросила эту девочку, почему она стоит вся скрюченная, а девочка ответила, что она стоит так потому, что боится рвать свой молочный зуб, так как, должно быть, будет очень больно. А редакторша спрашивает: «Ты очень боишься, если тебя уколят булавкой в руку?» Девочка говорит: «Нет». Редакторша уколола девочку булавкой в руку и говорит, что рвать молочный зуб не больнее этого укола. Девочка поверила, пошла к зубному врачу и вырвала свой нездоровый молочный зуб.

Можно только отметить находчивость этой редакторши.

<6 января 1937 года>

Один человек, не желая более питаться сушёным горошком, отправился в большой гастрономический магазин, чтобы высмотреть себе чего ни

будь иное, что ни будь рыбное, колбасное или даже молочное.

В колбасном отделе было много интересного, самое интересное была конечно ветчина. Но ветчина стоила 18 рублей, а это было слишком дорого. По цене доступна была колбаса, красного цвета, с тёмно-серыми точками. Но колбаса эта пахла почему то сыром, и даже сам приказчик сказал, что покупать её он не советует.

В рыбном отделе ничего не было, потому что рыбный отдел переехал временно туда, где раньше был винный, а винный отдел переехал в кондитерский, а кондитерский в молочный, а в молочном отделе стоял приказчик с таким огромным носом, что покупатели толпились под аркой и к прилавку ближе подойти боялись.

И вот наш человек, о котором идёт речь, потолкался в магазине и вышел на улицу.

Человек, о котором я начал эту повесть, не отличался никакими особенными качествами, достойными отдельного описания. Он был в меру худ, в меру беден и в меру ленив. Я даже не могу вспомнить, как он был одет. Я только помню, что на нём было что то коричневое, может быть брюки, может быть пиджак, а может быть только галстук. Звали его кажется Иван Яковлевич.

Иван Яковлевич вышел из Гастрономического магазина и пошёл домой. Вернувшись домой, Иван Яковлевич снял шапку, сел на диван, свернул себе папироску из махорки, вставил её в мундштук, зажёл её спичкой, выкурил, свернул вторую папироску, закурил её, встал, надел шапку и вышел на улицу.

Ему надоела его мелкая, безобразная жизнь, и он направился к Эрмитажу.

Дойдя до Фонтанки, Иван Яковлевич остановился и хотел было повернуть обратно, но вдруг ему стало стыдно перед прохожими: ещё начнут на него смотреть и оглядываться, потому что шёл шёл человек, а

потом вдруг повернулся и обратно пошёл. Прохожие всегда на таких смотрят.

Иван Яковлевич стоял на углу, против аптеки. И вот, что бы объяснить прохожим свою остановку, Иван Яковлевич сделал вид, что ищет номер дома. Он, не переставая глядеть на дом, сделал несколько шагов вдоль по Фонтанке, потом вернулся обратно и, сам не зная зачем, вошёл в аптеку.

В аптеке было много народу. Иван Яковлевич попробывал протиснуться к прилавку, но его оттеснили. Тогда он посмотрел на стеклянный шкафчик, в котором в различных позах стояли различные флаконы различных духов и одеколонов.

Не стоит описывать, что ещё делал Иван Яковлевич, потому что все его дела были слишком мелки и ничтожны. Важно только то, что в Эрмитаж он не попал и к шести часам вернулся домой.

Дома он выкурил подряд четыре махорочных папиросы, потом лег на диван, повернулся к стене и попробывал заснуть.

Но должно быть, Иван Яковлевич перекурился, потому что сердце билось очень громко, а сон убежал.

Иван Яковлевич сел на диване и спустил ноги на пол.

Так просидел Иван Яковлевич до половины девятого.

— Вот если бы мне влюбиться в молодую красивую даму, — сказал Иван Яковлевич, но сейчас же зажал себе рот рукой и вытирает глаза.

— В молодую брюнетку, — сказал Иван Яковлевич, отводя руку ото рта. — В ту, которую я видел сегодня на улице.

Иван Яковлевич свернул папиросу и закурил.

В коридоре раздалось три звонка.

— Это ко мне, — сказал Иван Яковлевич, продолжая сидеть на диване и курить.

13 янва<ря> 1937 года

Макаров! Подожди!» — кричал Сампсонов, но Макаров, не обращая внимания на крики Сампсонова, бежал и бежал. Уже не хватало дыхания, уже клочкотало в груди у Макарова, но Макаров бежал, размахивая кулаками и глотая воздух широко раскрытым ртом.

Не смотря на все усилия, Макаров бежал небыстро, поминутно спотыкался и придерживался руками за все встречные предметы. Наконец, пробегая мимо ветлы, Макаров зацепился карманом за сучок и остановился.

Теперь побежал Сампсонов. Сампсонов бежал легко и свободно, прижав кулаки к бокам. На лице Сампсонова сияла счастливая улыбка и было видно, что бег ему доставляет удовольствие.

— Эй, Макаров! Сейчас я до тебя добегу! — крикнул Сампсонов, но с этими словами спотыкнулся о кочку и упал.

Теперь опять побежал Макаров. Макаров бежал в лес. Вот он мелькнул среди кустов можжевельника, потом его голова показалась из за мелких сосенок и наконец Макаров окончательно скрылся с глаз.

Сампсонов вынул из кармана маленькую черную гнутую трубку с металлической крышечкой и резиновый кисет, набил трубку табаком, раскурил её, сел на пень и пустил облако синего табачного дыма.

<Август 1937>

Иван Яковлевич Бобов проснулся в самом приятном настроении духа. Он выглянул из под одеяла и сразу же увидел потолок. Потолок был украшен

большим серым пятном с зеленоватыми краями. Если смотреть на пятно пристально, одним глазом, то пятно становилось похоже на носорога, запряжённого в тачку, хотя другие находили, что оно больше походит на трамвай, на котором сидит верхом великан, а впрочем, в этом пятне можно было усмотреть и очертание даже какого-то города. Иван Яковлевич посмотрел на потолок, но не в то место, где было пятно, а так, неизвестно куда, при этом он улыбнулся и сощурил глаза. Потом он вытаращил глаза и так высоко поднял брови, что лоб сложился как гармошка и чуть совсем не исчез, если бы Иван Яковлевич не сощурил глаза опять и вдруг, буд то устыдившись чего-то, натянул одеяло себе на голову. Он сделал это так быстро, что из под другого конца одеяла выставились голые ноги Ивана Яковлевича и сейчас же на польшой палец левой ноги села муха. Иван Яковлевич подвигал этим пальцем и муха перелетела и села на пятку. Тогда Иван Яковлевич схватил одеяло обеими ногами, одной ногой он подцепил одеяло с низу, а другую ногу он вывернул и прижал ей одеяло с верху, и таким образом стянул одеяло со своей головы. «Шиш», — сказал Иван Яковлевич и надул щёки. Обыкновенно, когда Ивану Яковлевичу что ни будь удавалось или, наоборот, что ни будь совсем не выходило, Иван Яковлевич всегда говорил «Шиш»; разумеется, не громко и вовсе не для того, чтобы кто ни будь это слышал, а так, про себя, самому себе. И вот, сказав «шиш», Иван Яковлевич сел на кровати и протянул руку к стулу, на котором лежали его брюки, рубашка и прочее бельё. Брюки Иван Яковлевич любил носить полосатые. Но раз действительно нигде нельзя было достать полосатых брюк. Иван Яковлевич и в Ленинградодежде был, и в Универмаге, и в Пассаже, и в Гостинном дворе, и на Петроградской стороне обошёл все магазины, даже куда-то на Охту съез-

дил, но нигде полосатых брюк не нашёл. А старые брюки Ивана Яковлевича износились уже на столько, что одеть их стало невозможно. Иван Яковлевич зашивал их несколько раз, но наконец и это перестало помогать. Иван Яковлевич ещё раз обошёл все магазины и опять не найдя нигде полосатых брюк, решил наконец купить клетчатые. Но и клетчатых брюк нигде не оказалось. Тогда Иван Яковлевич решил купить себе серые брюки, но и серых нигде не нашёл. Не нашлись нигде и чёрные брюки, годные на рост Ивана Яковлевича. Тогда Иван Яковлевич пошёл покупать синие брюки, но пока он искал черные, пропали всюду и синие, и коричневые. И вот, наконец, Ивану Яковлевичу пришлось купить зелёные брюки с жёлтыми крапинками. В магазине Ивану Яковлевичу показалось, что брюки не очень уж яркого цвета и желтая крапинка вовсе не режет глаз. Но придя домой, <Иван Яковлевич> обнаружил, что одна штанина и точно буд-то благородного оттенка, но зато другая просто бирюзовая и желтая крапинка так и горит на ней. Иван Яковлевич попробывал вывернуть брюки на другую сторону, но там обе половины имели тяготение перейти в жёлтый цвет с зелёными горошинами и имели такой весёлый вид, что, кажись, вынеси такие штаны на эстраду после сеанса кинематографа, и ничего больше не надо, публика пол часа будет смеяться. Два дня Иван Яковлевич не решался надеть новых брюк, но когда старые разодрались так, что издали можно было видеть, что и кальсоны Ивана Яковлевича требуют починки, пришлось надеть новые брюки. Первый раз в новых брюках Иван Яковлевич вышел очень осторожно. Выйдя из подъезда, он посмотрел раньше в обе стороны, а убедившись, что никого по близости нет, вышел на улицу и быстро зашагал по направлению к своей службе. Первым повстречался яблоч-

ный торговец с большой корзиной на голове. Он ничего не сказал увидя Ивана Яковлевича, и только когда Иван Яковлевич прошёл мимо, остановился и, так как корзина не позволила повернуть голову, то яблочный торговец повернулся весь сам и посмотрел вслед Ивану Яковлевичу, может быть, даже покачал бы головой, если бы опять таки не всё таже корзина. Иван Яковлевич бодро шёл вперёд, считая свою встречу с торговцем хорошим предзнаменованием, он не видел маневра торговца и утешал себя, что брюки не так уж бросаются в глаза. Теперь на встречу Ивану Яковлевичу шёл такой же служащий, как и он, с портфелем под мышкой. Служащий шёл быстро, зря по сторонам не смотрел, а больше смотрел себе под ноги. Поровнявшись с Иваном Яковлевичем, служащий скользнул взглядом по брюкам Ивана Яковлевича и остановился. Иван Яковлевич остановился тоже. Служащий смотрел на Ивана Яковлевича, а Иван Яковлевич на служащего.

— Простите, — сказал служащий, — вы не можете сказать мне, как пройти в сторону... этого... государственного... биржи?

— Это вам надо итти по мостовой... по мосту... нет, вам надо итти так, а потом так, — сказал Иван Яковлевич.

Служащий сказал спасибо и быстро ушёл, а Иван Яковлевич сделал несколько шагов вперёд, но увидав, что теперь навстречу ему идёт не служащий, а служащая, опустил голову и перебежал на другую сторону улицы. На службу Иван Яковлевич пришёл с опозданием и очень злой. Сослуживцы Ивана Яковлевича конечно обратили внимание на зелёные брюки со штанинами разного оттенка, но, видно, догадались, что это причина злости Ивана Яковлевича и расспросами его не беспокоили. Две недели мучился Иван Яковлевич, ходя в зелёных брюках, пока один

из его сослуживцев, Апполлон Максимович Шилов, не предложил Ивану Яковлевичу купить полосатые брюки самого Апполлона Максимовича, буд то бы не нужные Апполлону Максимовичу.

<1934—1937>

— Ва-ва-ва! Где та баба, которая сидела вот тут, на этом кресле?

— Почём вы знаете, что тут сидела баба?

— Знаю, потому что от кресла пахнет бабой (нюхает кресло).

— Тут сидела молодая дама, а теперь она ушла в свою комнату, перебирать гардероб.

<Август 1936>

Ровно 56 лет тому назад родился Иван Андреевич Редькин. Теперь это такая знаменитость, что мне нет нужды говорить, кто он такой. Ведь подумать только, за пятьдесят шесть лет чего только успел сделать этот человек! Да, гений не шило — в мешке не утаишь.

Осознав день своего рождения, Иван Андреевич Редькин купил банку шпрот и спрятал её в ящик письменного стола.

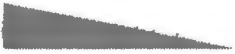
— Я слишком знаменит, что бы рассчитывать, что никто не придёт меня поздравить, — сказал сам себе Редькин. — А если кто ни будь придёт, тут-то я и угощу его шпротами.

Иван Андреевич сел на кушетку и стал ждать.

В восемь часов вечера раздался звонок и Редькин

кинулся отпереть наружную дверь. Но, пробежав по корридору до ванной комнаты, Редькин понял, что он взял неправильное направление и повернул к прихожей. Однако, прибежав в прихожую, Редькин не мог сообразить, зачем он тут очутился, и медленно, волоча ноги, поплёлся обратно в свою комнату.

<1935—1937>

— **Я** не советую есть тебе много перца. Я знал одного грека — мы с ним плавали на одном пароходе — он ел такое страшное количество перца и горчицы, что сыпал их в кушанья неглядя.

Он, бедный, целые ночи просиживал с туфлём в руках...

— Почему? — спросил я.

— Потому что он боялся крыс, а на пароходе крыс было очень много. И вот он, бедняжка, в конце концов умер от бессонницы.

3 января 1938 года.

Когда сон бежит от человека, и человек лежит на кровати, глупо вытянув ноги, а рядом на столике тикают часы, и сон бежит от часов, тогда человеку кажется, что перед ним распахиывается огромное чёрное окно и в это окно должна вылететь его тонкая серенькая человеческая душа, а безжизненное тело останется лежать на кровати, глупо вытянув ноги, и часы прозвонят своим тихим звоном: «вот ещё один человек уснул», и в этот миг захлопнется огромное и совершенно чёрное окно.

Человек по фамилии Окнов лежал на кровати глупо

по вытянув ноги, и старался заснуть. Но сон бежал от Окнова. Окнов лежал с открытыми глазами, и страшные мысли стучали в его одеревеневшей голове.

8 марта 1938 г.

Воспитание

Один матрос купил себе дом с крышей. Вот поселился матрос в этом доме и расплодил детей. Столько расплодил детей, что деваться от них стало некуда. Тогда матрос купил няньку и говорит ей: «Вот тебе, нянька, мои дети. Няньчи их и угождай им во всём, но только смотри, чтобы они друг друга не перекусали. Если же они очень шалить будут, ты их полей скипидаром или уксусной эссенцией. Они тогда замолкнут. А потом ещё вот что, нянька, ты конечно любишь есть. Так вот уж с этим тебе придётся проститься. Я тебе есть давать не буду».

— Постойте, да как же так? — испугалась нянька. — Ведь всякому человеку есть нужно. «Ну, как знаешь, но только пока ты моих детей няньчишь, — есть несмей!» Нянька было на дыбы, но матрос стегнул её палкой и нянька стихла.

— Ну а теперь, — сказал Матрос, — валяй моих сопляков!

И вот таким образом началось воспитание матросских детей.

<1933—1938>

Я поднял пыль. Дети бежали за мной и рвали на себе одежду. Старики и старухи падали с крыш. Я свистел, я громыхал, я лязгал зубами и стучал железной палкой. Рваные дети мчались за мной и, не

поспевая, ломали в страшной спешке свои тонкие ноги. Старики и старухи скакали вокруг меня. Я нёсся вперёд! Грязные рахитичные дети, похожие на грибы поганки, путались под моими ногами. Мне было трудно бежать. Я поминутно спотыкался и раз даже чуть не упал в мягкую кашу из барахтующихся на земле стариков и старух. Я прыгнул, оборвал несколькими поганкам головы и наступил ногой на живот худой старухи, которая при этом громко хрустнула и тихо произнесла: «замучили». Я, не оглядываясь, побежал дальше. Теперь под моими ногами была чистая и ровная мостовая.

Редкие фонари освещали мне путь. Я подбегал к бане. Приветливый банный огонёк уже мигал передо мной и банный уютный, но душный пар уже лез мне в ноздри, уши и рот. Я, не раздеваясь, пробежал сквозь предбанник, потом, мимо кранов, шаяк и нар, прямо к полку. Горячее белое облако окружило меня. Я слышу слабый, но настойчивый звон. Я, кажется, лежу.

...И вот тут-то могучий отдых остановил моё сердце.

1 февраля 1939 года

Я не люблю детей, стариков, старух и благо-
зумных пожилых.

Травить детей — это жестоко. Но что ни будь ведь
надо же с ними делать!

Я уважаю только молодых и здоровых пышных
женщин. К остальным представителям человечества
я отношусь подозрительно.

Старух, которые носят в себе благоразумные мысли, хорошо бы ловить арканом.

Всякая морда благоразумного фасона вызывает во мне неприятное ощущение.

Что такое цветы? У женщин между ног пахнет значительно лучше. То и то природа, а потому никто не смеет возмущаться моим словом.

<Вторая пол. 1930-х>

Он был так грязен, что однажды, рассматривая свои ноги, он нашёл между пальцев засохшего клопа, которого, видно, носил на ноге уже несколько дней.

<Вторая пол. 1930-х>

Один человек гнался за другим, тогда как тот, который убегал, в свою очередь гнался за третьим, который, не чувствуя за собой погони, просто шёл быстрым шагом по мостовой.

<1940>

Я не стал затыкать ушей. Все заткнули, а я один не заткнул и потому я один всё слышал. Я так же не закрывал тряпкой глаз, как это сделали все. И потому я всё видел. Да, я один всё видел и слышал. Но, к сожалению, я ничего не понял, а потому, значит, ка-

кая цена тому, что я один всё видел и слышал? Я даже не мог запомнить того, что я видел и слышал. Какие то отрывочные воспоминания, закорючки и бессмысленные звонки. Вот пробежал трамвайный кондуктор, за ним пожилая дама с лопатой в зубах. Кто-то сказал: «...вероятно, из под кресла...». Голая еврейская девушка раздвигает ножки и выливает на свои половые органы из чашки молоко. Молоко стекает в глубоку<ю> столовую тарелку. Из тарелки молоко переливают обратно в чашку и предлагают мне выпить. Я пью; от молока пахнет сыром... Голая еврейская девушка сидит передо мной с раздвинутыми ногами, её половые органы выпачканы в молоке. Она наклоняется вперёд и смотрит на свои половые органы. Из её половых органов начинает течь прозрачная и тягучая жидкость... Я прохожу через большой и довольно тёмный двор. На дворе лежат, сложенные высокими кучами, дрова. Из за дров выглядывает чьё то лицо. Я знаю: это Лимонин следит за мной. Он смотрит: не пройду ли я к его жене. Я поворачиваю направо и прохожу через парадную на улицу. Из ворот выглядывает радостное лицо Лимонина... Вот жена Лимонина предлагает мне водку. Я выпиваю четыре рюмки, закусываю сардинами и начинаю думать о голой еврейской девушке. Жена Лимонина кладёт мне на колени свою голову. Я выпиваю ещё одну рюмку и закуриваю трубку. «Ты сегодня такой грустный», — говорит мне жена Лимонина. Я говорю ей какую то глупость и ухожу к еврейской девушке.

<1940>

Связь

Философ!

1. Пищу Вам в ответ на Ваше письмо, которые Вы собираетесь написать мне в ответ на мое письмо, которое я написал Вам. 2. Один скрипач купил себе

магнит и понес его домой. По дороге на скрипача напали хулиганы и сбили с него шапку. Ветер подхватил шапку и понес ее по улице. 3. Скрипач положил магнит на землю и побежал за шапкой. Шапка попала в лужу азотной кислоты и там истлела. 4. А хулиганы тем временем схватили магнит и скрылись. 5. Скрипач вернулся домой без пальто и без шапки, потому что шапка истлела в азотной кислоте, и скрипач, расстроенный потерей своей шапки, забыл пальто в трамвае. 6. Кондуктор того трамвая отнес пальто на барахолку и там его обменял на сметану, крупу и помидоры. 7. Тесть кондуктора объелся помидорами и умер. Труп тестя кондуктора положили в покойницкую, но потом его перепутали и вместо тестя кондуктора похоронили какую-то старушку. 8. На могиле старушки поставили белый столб с надписью: «Антон Сергеевич Кондратьев». 9. Через одиннадцать лет этот столб источили черви, и он упал. А кладбищенский сторож распилил этот столб на четыре части и сжег его в своей плите. А жена кладбищенского сторожа на этом огне сварила суп из цветной капусты. 10. Но, когда суп был уже готов, со стены упали часы прямо в кастрюлю с этим супом. Часы из супа вынули, но в часах были клопы, и теперь они оказались в супе. Суп отдали нищему Тимофею. 11. Нищий Тимофей поел супа с клопами и рассказал нищему Николаю про доброту кладбищенского сторожа. 12. На другой день нищий Николай пришел к кладбищенскому сторожу и стал просить милостыню. Но кладбищенский сторож ничего не дал нищему Николаю и прогнал его прочь. 13. Нищий Николай очень обозлился и поджег дом кладбищенского сторожа. 14. Огонь перекинулся с дома на церковь, и церковь сгорела. 15. Повелось длительное следствие, но установить причину пожара не удалось. 16. На том месте, где была церковь, построили клуб, и в день открытия клуба устроили концерт, на котором выступал скри-

пач, который четырнадцать лет тому назад потерял свое пальто. 17. А среди слушателей сидел сын одного из тех хулиганов, которые четырнадцать лет тому назад сбили шапку с этого скрипача. 18. После концерта они поехали домой в одном трамвае. Но в трамвае, который ехал за ними, вагоновожатым был тот самый кондуктор, который когда-то продал пальто скрипача на барахолке. 19. И вот они едут поздно вечером по городу: впереди — скрипач и сын хулигана, а за ними вагоновожатый — бывший кондуктор. 20. Они едут и не знают, какая между ними связь, и не узнают этого до самой смерти.

14 сентября 1937 года.

Очень котек

Стихи
и проза
для детей

Иван Иванович Самовар

Иван Иванович Самовар

был пузатый самовар,
трехведерный самовар.
В нем качался кипяток,
пыхал паром кипяток,
разъяренный кипяток;
лился в чашку через кран,
через дырку прямо в кран,
прямо в чашку через кран.

Утром рано подошел,
к самовару подошел,
дядя Петя подошел.
Дядя Петя говорит:
— Дай-ка выпью, говорит,
выпью чаю, говорит.

К самовару подошла,
тетя Катя подошла,
со стаканом подошла.
Тетя Катя говорит:
— Я, конечно, говорит,
выпью тоже, говорит.

Вот и дедушка пришел,
очень старенький пришел,
в туфлях дедушка пришел.
Он зевнул и говорит:
— Выпить разве, говорит,
чаю разве, говорит.

Тут и бабушка пришла,
очень старая пришла,
даже с палочкой пришла.
И подумав говорит:
— Что-ли выпить, говорит,
что-ли чаю, говорит.

Вдруг девчонка прибежала,
к самовару прибежала —
это внучка прибежала.
— Наливайте! — говорит,
чашку чаю, говорит,
мне послаще, говорит.

Тут и Жучка прибежала,
с кошкой Муркой прибежала,
к самовару прибежала,
чтоб им дали с молоком,
кипяточку с молоком,
с кипяченым молоком.

Вдруг Сережа приходил,
неумытый приходил.
всех он позже приходил.
— Подавайте! — говорит,
чашку чая, говорит,
мне побольше, говорит.

Наклоняли, наклоняли,
наклоняли самовар,
но оттуда выбивался
только пар, пар, пар.
Наклоняли самовар,
будто шкаф, шкаф, шкаф,
но оттуда выходило
только кап, кап, кап.

Самовар Иван Иваныч!
На столе Иван Иваныч!
Золотой Иван Иваныч!
Кипяточку не дает,
опоздавшим не дает,
лежебокам не дает.

ВСЁ

Д. Хармс
1928

Иван Топорышкин

Иван Топорышкин пошел на охоту,

с ним пудель пошел, перепрыгнув забор.

Иван, как бревно провалился в болото,
а пудель в реке утонул, как топор.

Иван Топорышкин пошел на охоту,
с ним пудель вприпрыжку пошел, как топор.

Иван повалился бревном на болото,
а пудель в реке перепрыгнул забор.

Иван Топорышкин пошел на охоту,
с ним пудель в реке провалился в забор.

Иван как бревно перепрыгнул болото,
а пудель вприпрыжку попал на топор.

Даниил Хармс
1928

Почему

Повар и три поварёнка,
повар и три поварёнка,
повар и три поварёнка
выскочили во двор?

ПОЧЕМУ:

Свинья и три поросёнка,
свинья и три поросёнка
свинья и три поросёнка
спрятались под забор?

ПОЧЕМУ:

Режет повар свинью,
поварёнок — поросёнка,
поварёнок — поросёнка,
поварёнок — поросёнка?

Почему, да почему?
— Чтобы сделать ветчину.

Д.Хармс
1928

Музыканты забренчали.

Люди в зале замолчали.

Посмотри на Арлекина-Кольку!
Вот он с Ниной-Коломбиной
Пляшет польку.

«Динь-динь-дили-дон»,
Вот кот Спиридон.

Что за шум вдалеке?
Глянь-ка:

На Коньке Горбунке
Едет Ванька!

Распроклятого буржуя
В три минуты уложу я.

Девчонка комсомолка
Не боится волка.

Из ковра и двух зонтов
Для спектакля змей готов.

У Петрушки
Палка,
Мне Марфушку
Жалко.

Спящая красавица
Спит не просыпается.
Вот пред вами вся орава.
Браво! браво! браво! браво!

Д. Хармс
1928

У ж я бегал бегал бегал

и устал.
Сел на тумбочку, а бегать
перестал.

Вижу по небу летит
галка,
а потом ещё летит
галка,
а потом ещё летит
галка,
а потом ещё летит
галка.

Почему я не летаю?
Ах как жалко!

Надоело мне сидеть,
захотелось полететь,
разбежаться,
размахаться,
и, как птица, полететь.

Разбежался я, подпрыгнул,
крикнул: «Эй!»
Ногами дрыгнул.
Давай ручками махать,
давай прыгать и скакать.

Меня сокол охраняет,
сзади ветер подгоняет,
снизу реки и леса,
сверху тучи-небеса.

Надоело мне летать,
Захотелось погулять,
топ
топ
топ
топ
захотелось погулять.

Я по садику гуляю,
я цветочки собираю,
я на яблоню влезаю,
в небо яблоки бросаю,
в небо яблоки бросаю
наудачу на авось,
прямо в небо попадаю,
прямо в облако насквозь.

Надоело мне бросаться,
захотелось покупаться,
буль
буль
буль
буль
захотелось покупаться.

Посмотрите,
посмотрите,
как плыву я под водой,
как я дрыгаю ногами,
помогаю головой.

Народ кричит с берега:

Рыбы рыбы рыбы рыбы,
рыбы — жители воды,
эти рыбы,
даже рыбы! —
хуже плавают, чем ты!

Я говорю:

Надоело мне купаться,
плавать в маленькой реке,
лучше прыгать, кувыркаться
и валяться на песке.

Мне купаться надоело,
я на берег — и бегом.
И направо и налево
бегал прямо и кругом.

Уж я бегал бегал бегал
и устал.
Сел на тумбочку, а бегать
перестал.

и т.д.

Даниил Хармс
1929 май 17

О том, как папа застрелил мне хорька

Как-то вечером домой

Возвращался папа мой.
Возвращался папа мой
Поздно по полю домой.

Папа смотрит и глядит —
На земле хорёк сидит.
На земле хорёк сидит
И на папу не глядит.

Папа думает: «Хорёк —
Замечательный зверёк.
Замечательный зверёк,
Если только он хорёк».

А хорёк сидел, сидел
И на папу поглядел.
И на папу поглядел
И уж больше не сидел.

Папа сразу побежал,
Он винтовку заряжал,
Очень быстро заряжал,
Чтоб хорёк не убежал.

А хорёк бежит к реке,
От кустов невядалеке,
А за ним невядалеке
Мчится папа к той реке.

Папа сердится, кричит
И патронами бренчит,
И винтовочкой бренчит,
— Подожди меня! — кричит,

А хорёк, поднявши хвост,
Удирает через мост.
Мчится с визгом через мост,
К небесам поднявши хвост.

Папа щелкает курком,
Да с пригорка кувырком
Полетел он кувырком
И — в погоню за хорьком.

А ружьё в его руках
Загремело — тарарах!
Как ударит — тарарах!
Так и прыгнуло в руках.

Папа в сторону бежит,
А хорёк уже лежит.
На земле хорёк лежит
И от папы не бежит.

Тут скорее папа мой
Потащил хорька домой.
И принес его домой,
Взяв за лапку, папа мой.

Я был рад, в ладоши бил,
Из хорька себе набил
Стружкой чучело набил,
И опять в ладоши бил.

Вот пред вами мой хорёк
На странице поперёк
Нарисован поперёк
Перед вами мой хорёк.

Даниил Хармс
1929

Га-ра-ра-р!

Бегал Петька по дороге,

по дороге,
по панели,
бегал Петька
по панели
и кричал он:
— Га-ра-ра-р!

Я теперь уже не Петька,
разойдитесь,
разойдитесь!

Я теперь уже не Петька,
я теперь автомобиль.

А за Петькой бегал Васька
по дороге,
по панели,
бегал Васька
по панели
и кричал он:
— Ду-ду-ду!

Я теперь уже не Васька,
сторонитесь,
сторонитесь!

Я теперь уже не Васька,
я почтовый пароход.

А за Васькой бегал Мишка
по дороге,
по панели,
бегал Мишка
по панели
и кричал он:
— Жу-жу-жу!

Я теперь уже не Мишка,
берегитесь!
берегитесь!
Я теперь уже не Мишка,
я советский самолёт.

Шла корова по дороге,
по дороге,
по панели,
шла корова
по панели
и мычала:
— Му-му-му!
Настоящая корова,
с настоящими рогами,
шла навстречу по дороге,
всю дорогу заняла.

— Эй, корова,
ты, корова,
не ходи сюда, корова,
не ходи ты по дороге,
не ходи ты по пути.

— Берегитесь! — крикнул Мишка,
— Сторонитесь! — крикнул Васька,
— Разойдитесь! — крикнул Петька,
и корова отошла.

Добежали,
добежали
до скамейки у ворот
пароход с автомобилем
и советский самолёт,
самолёт с автомобилем
и почтовый пароход.

Петька прыгнул на скамейку,
Васька прыгнул на скамейку,
Мишка прыгнул на скамейку,
на скамейку у ворот.

- Я приехал! — крикнул Петька.
- Стал на якорь! — крикнул Васька.
- Сел на землю! — крикнул Мишка,
и уселись отдохнуть.

Посидели,
посидели
на скамейке у ворот
самолёт с автомобилем
и почтовый пароход,
пароход с автомобилем
и советский самолёт.

- Кроем дальше! — крикнул Петька.
- Поплывем! — ответил Васька,
- Полетим! — воскликнул Мишка,
и поехали опять.

И поехали, помчались
по дороге,
по панели,
только прыгали, скакали
и кричали:
— Жу-жу-жу!

Только прыгали, скакали
по дороге,
по панели,
только пятками сверкали
и кричали:
— Ду-ду-ду!

Только пятками сверкали
по дороге,
по панели,
только шапками кидали
и кричали:
— Га-ра-рар!

ВСЁ

Даниил Хармс
1929 года, 7—16 октября

Веселые чижи

Посвящается 6-му
Ленинградскому детдому

Сорок четыре
Сорок четыре веселых чижа:

Чиж — судомойка,
Чиж — поломойка,
Чиж — огородник,
Чиж — водовоз,
Чиж за кухарку,
Чиж за хозяйку,
Чиж на посылках,
Чиж — трубочист.

Печку топили,
Кашу варили
Сорок четыре веселых чижа:

Чиж — с поварёшкой,
Чиж — с кочерёжкой,
Чиж — с коромыслом,
Чиж — с решетом,
Чиж накрывает,
Чиж созывает,
Чиж разливает,
Чиж раздает.

Кончив работу,
Шли на охоту,
Сорок четыре веселых чижа:

Чиж — на медведя,
Чиж — на лисицу,
Чиж — на тетерку,
Чиж — на ежа,
Чиж — на индюшку,
Чиж — на кукушку,
Чиж — на лягушку,
Чиж — на ужа.

После охоты
Брались за ноты
Сорок четыре веселых чижа.

Дружно играли:
Чиж — на рояли,
Чиж — на цимбале,
Чиж — на трубе,
Чиж — на тромбоне,
Чиж — на гармонии,
Чиж — на гребенке,
Чиж — на губе!

Ездили всем домом
К зябликам знакомым
Сорок четыре веселых чижа:

Чиж — на трамвае,
Чиж — на моторе,
Чиж — на телеге,
Чиж — на возу,
Чиж — в таратайке,
Чиж — на запятках,
Чиж — на оглобле,
Чиж — на дуге!

Спать захотели,
Стелют постели
Сорок четыре веселых чижа:

Чиж — на кровати,
Чиж — на диване,
Чиж — на корзине,

Чиж — на скамье,
Чиж — на коробке,
Чиж — на катушке,
Чиж — на бумажке,
Чиж — на полу.

Лежа в постели,
Дружно свистели
Сорок четыре веселых чижа:

Чиж: трити-тити,
Чиж: тирли-тирли,
Чиж: дили-дили,
Чиж: титити,
Чиж: тики-тики,
Чиж: тики-рики,
Чиж: тютти-люти,
Чиж: тю-тю-тю!

С.Маршак и Д.Хармс
1929

Миллион

Шёл по улице отряд —

Сорок мальчиков подряд:
раз,
два,
три,
четыре,
и четыре
на четыре,
и четырежды
четыре,
и ещё потом четыре.

В переулке шёл отряд —
Сорок девочек подряд:
раз,
два,
три,
четыре,
и четыре
на четыре,
и четырежды
четыре,
и ещё потом четыре.

Да как встретились вдруг —
стало восемьдесят вдруг!
Раз,
два,
три,
четыре

и четыре
на четыре,
на четырнадцать
четыре,
и ещё потом четыре.

А на площадь повернули,
а на площади стоит
не компания,
не рота,
не толпа,
не батальон,
и не сорок,
и не сотня,
а почти что
МИЛЛИОН!

Раз, два, три, четыре,
и четыре
на четыре,
сто четыре
на четыре,
полтора
на четыре,
двести тысяч
на четыре,
и ещё потом четыре!

ВСЁ!

*Даниил Хармс
29 июня 1930 года*

— В^ы знаете?

Вы знаете?
Вы знаете?
Вы знаете?

Ну конечно, знаете!
Ясно, что вы знаете!
Несомненно,
Несомненно,
Несомненно знаете!

— Нет! нет! нет! нет!
Мы не знаем ничего,
Не слышали ничего,
Не слышали, не видели
И не знаем
Ничего!

— А вы знаете, что У?
А вы знаете, что ПА?
А вы знаете, что ПЫ?
Что у папы моего
было сорок сыновей.
Было сорок здоровенных
И не двадцать
И не тридцать,
Ровно сорок сыновей!

— Ну! Ну! Ну! Ну!
Врёшь! Врёшь! Врёшь! Врёшь!

Ещё двадцать,
Ещё тридцать,
Ну, ещё туда-сюда,
А уж сорок,
Ровно сорок —
Это просто ерунда!

— А вы знаете, что СО?
А вы знаете, что БА?
А вы знаете, что КИ?
Что собаки-пустолайки
научились летать?
Научились, точно птицы, —
Не как звери,
Не как рыбы, —
Точно ястребы летать!

— Ну! Ну! Ну! Ну!
Врёшь! Врёшь! Врёшь! Врёшь!
Ну, как звери,
Ну, как рыбы,
Ну, ещё туда-сюда,
А как ястребы,
Как птицы, —
Это просто ерунда!

— А вы знаете, что НА?
А вы знаете, что НЕ?
А вы знаете, что БЕ?
Что на небе
Вместо солнца
Скоро будет колесо?
Скоро будет золотое,
Не тарелка,
Не лепёшка, —
А большое колесо!

— Ну! Ну! Ну! Ну!
Врёшь! Врёшь! Врёшь! Врёшь!

Ну, тарелка,
 Ну, лепёшка,
 Ну, ещё туда-сюда,
 А уж если колесо —
 Это просто ерунда!

— А вы знаете, что ПОД?
 А вы знает, что МО?
 А вы знаете, что РЕМ?
 Что под морем-океаном
 Часовой стоит с ружьем?
 Часовой стоит под морем
 (Не с дубиной,
 Не с метелкой),
 А с заряженным ружьем!

— Ну! Ну! Ну! Ну!
 Врёшь! Врёшь! Врёшь! Врёшь!
 Ну, с дубиной,
 Ну, с метелкой,
 Ну, ещё туда-сюда,
 А с заряженным ружьем —
 Это просто ерунда!

— А вы знаете, что ДО?
 А вы знаете, что НО?
 А вы знаете, что СА?
 Что до носа
 Ни руками,
 Ни ногами
 Не достать,
 Что до носа
 Ни руками,
 Ни ногами
 Не доехать,
 Не допрыгать,
 Что до носа
 Не достать!

— Ну! Ну! Ну! Ну!
Врёшь! Врёшь! Врёшь! Врёшь!
Ну, доехать.
Ну, допрыгать,
Ну, ещё туда-сюда,
А достать его руками —
Это —
Просто
Ерунда!

Даниил Хармс
1930

Ночь

Дремлет сокол. Дремлют пташки.

Дремлют козы и барашки,
А в траве в различных позах
Спят различные букашки.

Дремлет мостик над водой,
Дремлет кустик молодой.
Пятаков Борис Петрович
Дремлет кверху бородой.

<1931>

Мы забрались в траву и оттуда кричим:

Астроном! Астроном! Астроном!
Он стоит на крыльце с телескопом в руках.
С телескопом в руках на крыльце.
И глядит с удивленьем вперёд и назад,
И глядит с удивленьем вперёд и назад,
И глядит с удивленьем вперёд.

Мы кричим: посмотри! Мы кричим: посмотри!
Посмотри, астроном, в телескоп!
Он обводит глазами таинственный сад,
Телескоп за подставку берёт
И глядит с удивленьем вперёд и назад,
И глядит с удивленьем вперёд и назад,
И глядит с удивленьем вперёд.

1936

Жил-был музыкант Амадей Фарадон,

Амадей Николай Фарадон.

Когда он на флейте играл

тю-лю-лю,

лягушки плясали

Турлим

тю-лю-лю,

Турлим

тю-лю-лю,

Турлим!

Когда он играл на трубе

ту-ру-ру,

собаки плясали

Фарлай

ту-ру-ру,

Фарлай

ту-ру-ру,

Фарлай!

Когда он на цитре играл

дин- ди-ринь,

цыплята плясали

Тундрун

динь-ди-ринь,

Тундрун

динь-ди-ринь,

Тундрун!

Когда Николай Амадей Фарадон
играл на литаврах

дун-дун
дири-дон,

коровы плясали

Дун-дун
Дири-дон,

Дун-дун
Дири-дон,
Дун-дун.

<Ноябрь 1935>

Мигр на улице

Я долго думал, откуда на улице взялся тигр.

Думал-думал,
Думал-думал,
Думал-думал,
Думал-думал,

В это время ветер дунул,
И я забыл, о чем я думал.

Так я и не знаю, откуда на улице взялся тигр.

Карл Иванович Шустерлинг
<1936>

Мы спешим сегодня в школу

На стене часы у нас

Прозвонили восемь раз.
В это время я проснулся
И глаза открыл как раз.
Я проснулся —
И тотчас же
В брюки сунул две ноги.
Потянулся —
И тотчас же
Прыгнул прямо в сапоги!
А потом схватил рубашку,
Сунул руки в рукава,
Сунул голову в рубашку,
Но застряла голова.
Наконец надел рубашку,
Я на улицу бегу,
А тужурку и фуражку
Надеваю на ходу.
Я фуражку
И тужурку
Надеваю
На ходу,
Потому что
День
Сегодня —
Самый
Лучший

День
 В году.
 Потому что
 День сегодня —
 Самый лучший день в году,
 Потому что
 Я сегодня
 В школу
 В первый раз бегу.
 Я войду сегодня в школу,
 Прямо в школу
 В первый раз!
 Я войду —
 Часы ударят
 В колокольчик девять раз.
 Эй вы, люди, расступитесь!
 Пропустите, люди, нас!
 Мы бежим сегодня в школу,
 Прямо в школу —
 В первый класс!
 <1936>

Из дома вышел человек

Песенка

Из дома вышел человек

С дубинкой и мешком,
И в дальний путь,
И в дальний путь
Отправился пешком.

Он шел все прямо и вперед
И все вперед глядел.
Не спал, не пил,
Не пил, не спал,
Ни спал, ни пил, ни ел.

И вот однажды на заре
Вошел он в темный лес
И с той поры,
И с той поры,
И с той поры исчез.

Но если как-нибудь его
Случится встретить вам,
Тогда скорей,
Тогда скорей,
Скорей скажите нам.

1937

Этот резвый конь ребенок,

И не конь еще пока,
Это только жеребенок
35-го полка,
35-го полка.

Год пройдет обыкновенный,
И сквозь пыли облака
Вдруг поскачет конь военный.
Рыжий конь в сбруе ременной
35-го полка,
35-го полка.

Даниил Хармс
1938

«Очень страшная история»

Дождая с маслом булку,

Братья шли по переулку.
Вдруг на них из закоулка
Пес большой залаял гулко.

Сказал младший: «Вот напасть,
Хочет он на нас напасть.
Чтоб в беду нам не попасть,
Псу мы бросим булку в пасть».

Все окончилось прекрасно.
Братьям сразу стало ясно,
Что на каждую прогулку
Надо брать с собою... булку.

1938

Игра

И утовка-веревочка,

Палочка-выручалочка!

Пряткой будет Женька!
Прячься хорошенько!

Где мы все и сколько нас,
Долго нам рассказывать.

Только очень просим вас
Женьке не подсказывать.

Хармс
1938

инь, день,

Дили-день!
То ли ночь,
А то ли день?
Что за чудо-
Чудеса?
Скрыла туча
Небеса!

Динь, дон,
Дили-дон!
Отвечает
Спиридон:
Это по небу
Плывет
Наш родной
Аэрофлот!

Д.Хармс
1938

Я самый храбрый

Я сказал, поднявши лапу:

Ну-ка, прыгнем через папу.

В это время папа сел —
Я и прыгнуть не успел.

Я немного разбежался,
В это время папа встал.

Тут я прыгнуть отказался,
Потому что я устал.

Д.Хармс
1938

Удивительная кошка

Несчастливая кошка порезала лапу.

Сидит и ни шагу не может ступить.

Скорей, чтобы вылечить кошкину лапу,
Воздушные шарики надо купить!

И сразу столпился народ на дороге,
Шумит, и кричит, и на кошку глядит.

А кошка отчасти идет по дороге,
Отчасти по воздуху плавно летит!

Д.Хармс
1938

В гостях

Придумай сказку

Мышь меня на чашку чая

Пригласила в новый дом.

Долго в дом войти не мог я,
Все же влез в него с трудом.

А теперь вы мне скажите:
Почему и отчего

Нет ни дома, и ни чая,
Нет буквально ничего!

Даниил Хармс
1938

Несенка про пограничника

Н усть метель

И пурга,
Мы не пустим
Врага!
На границах у нас
Все отличники.
Ни в метель,
Ни в пургу
Не пробраться
Врагу!
День и ночь на-чеку
Пограничники!

Пограничник
Стоит,
Нашу землю
Хранит.
Он стоит притаясь,
Не шевелится.
Встретить пулей
Готов
Пограничник
Врагов.
А кругом и пурга,
И метелица!

Кто-то там
Вдалеке,
По замерзшей
Реке

Потихоньку бежит,
Озирается.
Это, видно,
Шпион.
В нашу родину
Он
Сквозь метель и пургу
Пробирается.

Пусть метель
И пурга
Мы не пустим
Врага!
На границах у нас
Все отличники.
Ни в метель,
Ни в пургу
Не пробраться
Врагу!

День и ночь на-чеку
Пограничники!

Даниил Хармс
1938

Бульдог и таксик

Над косточкой сидит бульдог,
[REDACTED]

Привязанный к столбу.
Подходит таксик маленький,
С морщинками на лбу.

«Послушайте, бульдог, бульдог! —
Сказал незваный гость. —
Позвольте мне, бульдог, бульдог,
Докушать эту кость».

Рычит бульдог на таксика:
«Не дам вам ничего!» —
Бежит бульдог за таксиком,
А таксик от него.

Бегут они вокруг столба.
Как лев, бульдог рычит.
И цепь стучит вокруг столба,
Вокруг столба стучит.

Теперь бульдогу косточку
Не взять уже никак.
А таксик, взявши косточку,
Сказал бульдогу так:
«Пора мне на свидание,
Уж восемь без пяти.
Как поздно! До свидания!
Сидите на цепи!»

Д. Хармс
1939

На этой странице

Странные птицы
Странно летают!
А тут:
Странные люди
Стоят очень странно,
И странные пальмы растут.

И странное солнце
Блестит над странною,
И странная светит луна,
Но мы улыбнёмся
И скажем с тобою:
Бумажная это страна.

<1930-е>

Жил на свете

Мальчик Петя,
Мальчик Петя
Пинчиков
И сказал он:
Тётя тётя,
Дайте тётя
Блинчиков.

Но сказала тётя Пете:
Петя, Петя Пинчиков!
Не люблю я, когда дети
Очень кланчут блинчиков.

<1930-е>

Дворник — Дед Мороз

В шубе, в шапке, в душегрейке

Дворник трубочку курил,
И, усевшись на скамейке,
Дворник снегу говорил:

«Ты летаешь или таешь?
Ничего тут не поймешь!
Подметаешь, разметаешь,
Только бестолку метёшь!
Да к чему я говорю?
Сяду я да покурю».

Дворник трубку курит, курит...
И глаза от снега щурит,
И вздыхает, и зевает,
И внезапно засыпает.

«Глянь-ка Маня! — крикнул Ваня. —
Видишь, чучело сидит
И глазами-угольками
На метлу свою глядит.

Это вроде снежной бабки
Или просто Дед Мороз.
Ну-ка дай ему по шапке
Да схвати его за нос!»

А оно как зарычит!
Как ногами застучит!
Да как вскочит со скамейки,
Да по-русски закричит:

«Будет вам ужо Мороз —
Как хватать меня за нос!»

Даниил Хармс
1940

Что это было?

Я шел зимою вдоль болота

В галошах,
В шляпе
И в очках.
Вдруг по реке пронесся кто-то
На металлических
Крючках.

Я побежал скорее к речке,
А он бегом пустился в лес,
К ногам приделал две дощечки,
Присел,
Подпрыгнул
И исчез.

И долго я стоял у речки
И долго думал, сняв очки:
«Какие странные
Дощечки
И непонятные
Крючки!»

Даниил Хармс
<1940>

И скала старушка букашек в цветах

И ловко ловила букашек сачком.
Но крепко держала старушка в руках
Лекарство и ключик, и палку с крючком.

Однажды старушка копалась в цветах
И вскрикнула вдруг, завертевшись волчком:
— Исчезли! Пропали! Да где ж они? Ах!
Лекарство и ключик, и палка с крючком!

И с места не может старушка сойти,
Кричит: «Помогите!» И машет сачком.
Скорей помогите старушке найти
Лекарство, и ключик, и палку с крючком!

1940

Кораблик

И о реке плывёт кораблик,

Он плывёт издалека.
На кораблике четыре
Очень храбрых моряка.

У них ушки на макушке,
У них длинные хвосты.
И страшны им только кошки.
Только кошки да коты!

Даниил Хармс
1940

Веселый старичок

Жил на свете старичок

Маленького роста
И смеялся старичок
Чрезвычайно просто:

«Ха-ха-ха
Да хе-хе-хе,
Хи-хи-хи
Да бух-бух!
Бу-бу-бу
Да бе-бе-бе,
Динь-динь-динь
Да трюх-трюх!»

Раз, увидя паука,
Страшно испугался,
Но, схватившись за бока,
Громко рассмеялся:

«Хи-хи-хи
Да ха-ха-ха,
Хо-хо-хо
Да гуль-гуль!
Ги-ги-ги
Да га-га-га,
Го-го-го
Да буль-буль!»

А увидя стрекозу,
Страшно рассердился,
Но от смеха на траву
Так и повалился:

«Гы-гы-гы
Да гу-гу-гу
Го-го-го
Да бах-бах!
Ой, ребята,
Не могу!
Ой, ребята,
Ах, ах!»

Даниил Хармс
1940

Странный бородач

Бал веселый!

Бал парадный!
Шумный,
Пестрый,
Маскарадный!
Вход для школьников
Открыт,
Для дошкольников —
Закрыт.

Вот смотри:
Стоят у входа
Коля с Петей.
Но смотри:
Одному четыре года,
А другому только три.

Говорят они: — Пустите! —
Но швейцар им: — Нет, друзья,
Вы сначала подрастите,
А таких пустить нельзя. —

Коля с Петей прочь отходят...
Вдруг к швейцару с булавой
Гражданин один подходит
С очень длинной бородой.

— Я на бал иду. Пустите.
Где тут вход? Я не пойму.
— Гражданин, куда пройдите, —
Говорит швейцар ему.

Бал гремит, шумит, грохочет,
Всё кругом несется вскачь,
Только громче всех топочет
Очень странный бородач.

Все танцующие люди
Собрались вокруг него.
Вот несут к нему на блюде
Ледяное эскимо.

Стихла музыка.
И вдруг
Закричали все вокруг:
— Эй, глядите-ка! Глядите!
У него две пары рук! —

Понемногу,
Постепенно
Всем понятно стало всё.
Что ведь это,
Несомненно,
Коля с Петей.
Вот и всё.

Д. Хармс
1940

Н. А. Заболоцкий. Портрет Д. И. Хармса.
1930-е годы

Д. Хармс. Автопортрет
с галстуком. 1933 год

Д. Хармс. Портреты.
1930-е годы

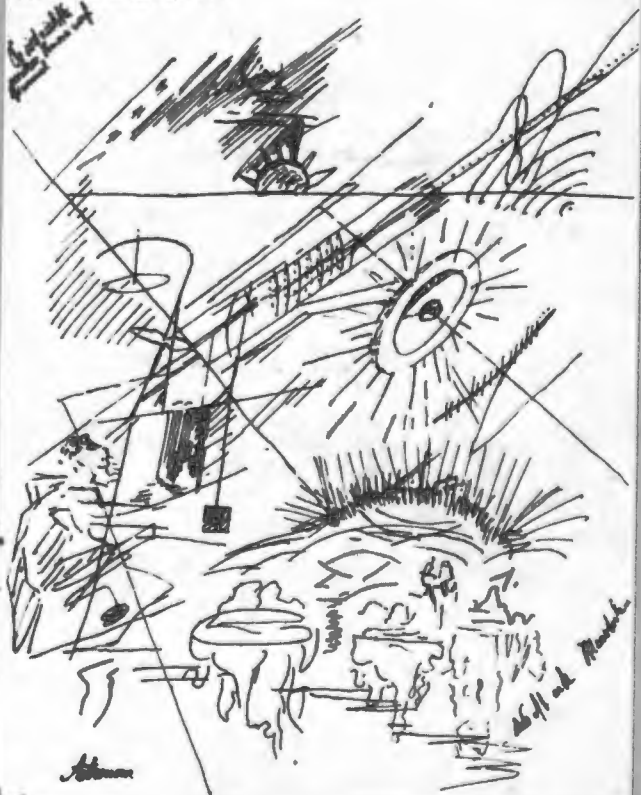
Д. Хармс. Древнеегипетский бог мудрости
и волшебства Тот. 1924 год

Рисунки 14-летнего Дани Ювачева

Ich bin nicht über der Zeit

Gefühlte
Zeit

Обложки журнала «Чиж», в котором печатался Д. Хармс

В. Конашевич. Обложка книжки Д. Хармса
«Миллион». 1931 год

В. Татлин. Обложка книжки Д. Хармса
«Во-первых и во-вторых». 1929 год

В. Ермолаева. Обложка и одна из иллюстраций книжки
Д.Хармса «Иван Иванович Самовар». 1929 год

Марина Дурново и Владимир Глоцер в ее доме в Валенсии (Венесуэла). Ноябрь 1996 года. Фотография публикуется впервые

Лиса и петух

Лиса поймала петуха

И посадила в клетку.
— Я откормлю вас,
Ха-ха-ха!
И съем вас,
Как конфетку.

Ушла лисица,
Но в замок
Забыла сунуть ветку.

Петух
Скорей
Из клетки
Скок!
И спрятался
За клетку.

Не видя в клетке петуха,
Лисица влезла в клетку.
Петух же крикнул:
— Ха-ха-ха!
И запер дверь на ветку.

<1941>

Цирк Принтинпрам

невероятное представление новая программа

Сто коров,

Двести бобров,
Четыреста двадцать
Учёных комаров
Покажут сорок
Удивительных
Номеров.

Четыре тысячи петухов
И четыре тысячи индюков
Разом
Выскочат
Из четырёх сундуков.

Две свиньи
Спляшут польку.
Клоун Петька
Ударит клоуна Кольку.
Клоун Колька
Ударит клоуна Петьку.
Ученый попугай
Съест мочёную
Редьку.

Четыре тигра
Подерутся с четырьмя львами.
Выйдет Иван Кузьмич
С пятью головами.

Силач Хохлов
Поднимет зубами слона.
Потухнут лампы,
Вспыхнет луна.

Загорятся под куполом
Электрические звёзды.
Учёные ласточки
Совьют золотые гнёзда.
Грянет музыка,
И цирк закачается...
На этом, друзья,
Представление
наше
КОНЧАЕТСЯ.

Даниил Хармс
1941

Кто кого перехитрил?

Вот сидят четыре зайца,

Я капкан поставлю тут,
И в капкан четыре зайца
Моментально попадут.

Ой! Ой! Ой! Ой!
Сам в капкан попал ногой.
— Зайцы, зайцы,
Поглядите!
Подойдите!
Помогите!

Надо мной смеются зайцы:
— Хи-хи-хи!
Да ха-ха-ха!
Ты совсем теперь не страшен,
Не страшнее, чем блоха! —

Тут я разом как вскочу!
Как их за уши схвачу!
И с восторгом
Очень громко
Во весь голос закричу:
— Вот вам, зайцы, и блоха!
Не уйдете! Ха-ха-ха!

Даниил Хармс
1941

Эду-еду на коне —

Просто восхитительно!

Вон козел бежит ко мне
Очень уж стремительно!

Вдруг верхом я на козле —
Это удивительно!

Д.Хармс
1941

Неожиданный улов

Сын сказал отцу: — Отец,

Что же это наконец?
Шесть часов мы удим, удим,
Не поймали ничего.
Лучше так сидеть не будем
Неизвестно для чего.

— Замолчишь ты наконец! —
Крикнул с яростью отец.
Он вскочил, взглянул на небо.
Сердце так и ухнуло!

И мгновенно что-то с неба
В воду с криком бухнуло.

Сын, при помощи отца,
Тащит на берег пловца,
А за ним на берег рыбы
Так и лезут без конца!
Сын доволен. Рад отец.
Вот и повести конец.

Даниил Хармс
1941

Девять

Картин
Нарисовано
Тут.

Мы разглядели их
В девять
Минут.

Но если б
Их было
Не девять,
А больше,

То мы
И глазели
На них бы
Подольше.

1941

Крысаков и две собачки

<1>

Любитель маленьких щенков

Иван Иваныч Крысаков.

Он каждый вечер ровно в пять
Идет на улицу гулять.

— Погасла трубка. Не беда.
Её зажжем мы без труда.

В кармане книжка и пакет,
И только спичек нет как нет.

— Иван Иваныч, погляди —
Табак и спички позади.

— Друзья мои, я очень рад,
Вот вам в награду мармелад.

Иван Иваныч Крысаков
Берет за пазуху щенков,
Приносит их к себе домой
И ставит на пол пред собой.

— Отныне, милые друзья,
Вы заживете у меня.

— Но, чур, не прыгать, не скакать,
Когда я буду рисовать.

Иван Иваныч вдруг зевнул,
В кровать зарылся и заснул,

И двое маленьких щенят
В ногах хозяина храпят.

<2>

Иван Иванович Крысаков
Проснулся весел и здоров.

Мольберт подвинул, и чуть свет
Рисует тётушкин портрет.

А два приятеля в углу
Кончают завтрак на полу.

Но из-за кости мозговой
Вдруг начинают страшный бой.

Уже вцепился в Бома Бим,
Как вихрь он бросился за ним.

И от него несчастный Бом
Визжа спасается бегом.

— Держи его!
Прыжок, другой...
— Иван Иванович, что с тобой?

— Куда девался твой портрет?
Увы, на шею он надет.

И горько плачут две собаки:
Вот до чего доводят драки.

1935

Кошки

Однажды по дорожке

Я шёл к себе домой.
Смотрю и вижу: кошки
Сидят ко мне спиной.

Я крикнул: «Эй, вы, кошки!
Пойдемте-ка со мной,
Пойдемте по дорожке,
Пойдемте-ка домой.

Скорей пойдемте, кошки,
А я вам на обед
Из лука и картошки
Устрою винегрет».

«Ах, нет! — сказали кошки.
Останемся мы тут!»
Уселись на дорожке
И дальше не идут.

Д. Хармс
1937

Озорная пробка

В 12-м Детском доме, ровно

в 8 часов вечера, зазвонил колокол.

Ужинать! Ужинать! Ужинать! Ужинать!

Девчонки и мальчишки бежали вниз по лестнице в столовую. С криком и топотом и хохотом каждый занимал свое место.

Сегодня на кухне дежурят Арбузов и Рубакин, а также учитель Павел Карлович или Палкарлыч.

Когда все расселись, Палкарлыч сказал:

— Сегодня на ужин вам будет суп с клецками.

Арбузов и Рубакин внесли котел, поставили его на табурет и подняли крышку. Палкарлыч подошел к котлу и начал выкрикивать имена.

— Иван Мухин! Нина Веревкина! Федул Карпузов!

Выкликаемые подходили, Арбузов наливал им в тарелку суп, а Рубакин давал булку. Получивший то и другое шел на свое место.

— Кузьма Паровозов! — кричал Палкарлыч. — Михаил Топунов! Зинаида Гребешкова! Громкоговоритель!

Громкоговорителем звали Сережу Чикина за то, что он всегда говорил во весь дух, а тихо разговаривать не мог.

Когда Сережка-Громкоговоритель подошел к котлу, — вдруг стало темно.

— Электричество потухло! — закричали на разные голоса.

— Ай, ай, ай, ты смотри, что ты делаешь! — громче всех кричал Громкоговоритель.

— Громкоговоритель в супе купается, — кричал Кузьма Паровозов.

— Смотри, не подавись клецками, — кричал Петр Сапогов.

— Тише, сидите на местах! — кричал Палкарлыч.

— Отдай мне мою булку! — кричала Зинаида Гребешкова.

Но тут стало опять светло.

— Электричество загорелось! — закричал Кузьма Паровозов.

— И без тебя вижу, — отвечала ему Зинаида Гребешкова.

— А я весь в супе, — кричал Громкоговоритель.

Когда немного поуспокоились, Палкарлыч опять начал выкрикивать:

— Петр Сапогов! Мария Гусева! Николай Пнёв!

На другой день вечером, когда Палкарлыч показывал детям новое гимнастическое упражнение, вдруг стало опять темно.

Федул Карпузов, Нина Веревкина и Николай Пнёв, повторяя движения Палкарлыча, поскользнулись в темноте и упали на пол.

Петр Сапогов, воспользовавшись темнотой, ударил Громкоговорителя кулаком в спину.

Кругом кричали:

— Опять потухло! Опять потухло! Принесите лампу! Сейчас загорится!

И действительно электричество опять загорелось.

— Это ты меня ударил? — спросил Громкоговоритель.

— И не думал, — отвечал Сапогов.

— Тут что-то неладно, — сказал Палкарлыч. — Ты, Мухин, и ты, Громкоговоритель, сбегайте в соседний дом и узнайте: если там электричество не тухло, как у нас, то надо будет позвать монтера.

Мухин и Громкоговоритель убежали и, скоро вернувшись, сказали, что, кроме как в Детском доме, электричество не тухло.

На третий день, с самого утра, по всему Детскому дому ходил монтер с длинной двойной лестницей-стремянкой. Он в каждой комнате ставил стремянку, влезал на нее, шарил рукой по потолку, по стенам, зажигал и тушил разные лампочки, потом зачем-то бежал в прихожую, где над вешалкой висел счетчик и мраморная дощечка с пробками. Следом за монтером ходили несколько мальчишек и с любопытством смотрели, что он делает. Наконец монтер, собираясь уходить, сказал, что пробки были не в порядке, и от легкой встряски электричество могло тухнуть. Но теперь все хорошо, и по пробкам можно бить хоть топором.

— Прямо так и бить? — спросил Петр Сапогов.

— Нет, это я пошутил, — сказал монтер, — но во всяком случае теперь электричество не погаснет.

Монтер ушел. Петр Сапогов постоял на месте, потом пошел в прихожую и долго глядел на счетчик и пробки.

— Что ты тут делаешь? — спросил его Громкоговоритель.

— А тебе какое дело, — сказал Петька Сапогов и пошел на кухню.

Пробило 2 часа, потом 3, потом 4, потом 5, потом 6, потом 7, потом 8.

— Ну, — говорил Палкарлыч, — сегодня мы не будем сидеть в темноте. У нас были пробки не в порядке.

— А что такое пробки? — спросила Мария Гусева.

— Пробки, это их так называют за их форму. Они...

Но тут электричество погасло, и стало темно.

— Потухло! — кричал Кузьма Паровозов.

— Погасло! — кричала Нина Веревкина.

— Сейчас загорится! — кричал Громкоговоритель, отыскивая в потьмах Петьку Сапогова, чтобы, как-бы невзначай, дать ему подзатыльник. Но Петька не находился. Минуты через полторы электриче-

ство опять загорелось. Громкоговоритель посмотрел кругом. Петьки нет как нет.

— Завтра позовем другого монтера, — говорил Палкарлыч. — Этот ничего не понимает.

«Куда бы мог пропасть Петька? — думал Громкоговоритель. — На кухне он, кажись, сегодня не дежурит. Ну ладно, мы с ним еще посражаемся».

На четвертый день позвали другого монтера. Новый монтер осмотрел провода, пробки и счетчик, слазил на чердак и сказал, что теперь-то уж все в исправности.

Вечером, около 8 часов, электричество потухло опять.

На пятый день электричество потухло, когда все сидели в клубе и рисовали стенгазету. Зинаида Гребешкова рассыпала коробочку с кнопками. Михаил Топунов кинулся помогать ей собирать кнопки, но тут-то электричество и погасло, и Михаил Топунов с разбега налетел на столик с моделью деревенской избы-читальни. Изба-читальня упала и разбилась. Принесли свечу, чтобы посмотреть, что произошло, но электричество загорелось.

На шестой день в стенгазете 124-го Детского дома появилась картинка; на ней были нарисованы человечки, стоящие с растопыренными руками, и падающий столик с маленьким домиком. Под картинкой была подпись:

Электричество потухло
Раз, два, три, четыре, пять.
Только свечку принесли —
Загорелось опять.

Но, несмотря на это, вечером электричество все-таки потухало.

На седьмой день в 124-ый Детский дом приезжали какие-то люди. Палкарлыч водил их по дому и рассказывал о капризном электричестве. Приезжие люди записали что-то в записные книжки и уехали.

Вечером электричество потухло.

Ну, что тут поделаешь!

На восьмой день, вечером, Сергей Чикин, по прозвищу Громкоговоритель, нес линейки и бумагу в рисовальную комнату, которая помещалась внизу около прихожей. Вдруг Громкоговоритель остановился. В прихожей, через раскрытую дверь, он увидел Петра Сапогова. Петр Сапогов, на ципочках, то и дело оглядываясь по сторонам, крался к вешалке, под которой висел счетчик и мраморная дощечка с пробками. Дойдя до вешалки, он еще раз оглянулся и, схватившись руками за вешалочные крючки, а ногами упираясь о стойку, быстро влез наверх и повернул одну пробку. Все потухло. Во втором этаже послышался визг и крик.

Минуту спустя электричество опять зажглось, и Петр Сапогов спрыгнул с вешалки.

— Стой! — крикнул Громкоговоритель, бросая линейки и хватая за плечо Петьку Сапогова.

— Пусти, — сказал Петька Сапогов.

— Нет, не пущу. Это ты зачем тушишь электричество?

— Не знаю, — захныкал Петька Сапогов.

— Нет, врешь! Знаешь! — кричал Громкоговоритель. — Из-за тебя меня супом облили. Шпана ты этакая.

— Честное слово, тогда не я тушил электричество, — завертелся Петька Сапогов. — Тогда оно само тухло. А вот когда монтер сказал, что по пробкам хоть топором бей, ничего, я вечером и попробовал одну пробку ударить. Рукой, слегка. А потом взял ее да повернул. Электричество и погасло. С тех пор я каждый день тушу. Интересно. Никто починить не может.

— Ну и дурак! — сказал Громкоговоритель. — Смотри у меня; если еще раз потушишь электричество, я всем расскажу. Мы устроим товарищеский суд, и тебе не поздоровится. А пока, чтобы ты помнил, получай! — и он ударил Петьку Сапогова в правую лопатку.

Петр Сапогов пробежал два шага и шлепнулся, а

Громкоговоритель поднял бумагу и линейки, отнёс их в рисовальную комнату и, как ни в чём не бывало, пошел наверх.

На следующий, девятый, день Громкоговоритель подошел к Палкарлычу.

— Товарищ учитель, — сказал он, — разрешите мне починить электричество.

— А ты разве умеешь? — спросил Палкарлыч.

— Умею

— Ну, валяй, попробуй, авось никому не удавалось, а тебе удастся. Громкоговоритель побежал в прихожую, влез на вешалку, поковырял для вида около счетчика, постучал мраморную дощечку и слез обратно.

И что за чудо! С того дня в 124-ом Детском доме электричество горит себе и не тухнет.

Д.Баш
1928

О том, как Колька Панкин летал в Бразилию, а Петька Ершов ничему не верил

1

Колька Панкин решил

прокатиться куда-нибудь подальше.

— Я поеду в Бразилию, — сказал он Петьке Ершову.

— А где эта Бразилия находится? — спросил Петька.

— Бразилия находится в Южной Америке, — сказал Колька, — там очень жарко, там водятся обезьяны и попугаи, растут пальмы, летают колибри, ходят хищные звери и живут дикие племена.

— Индейцы? — спросил Петька.

— Вроде индейцев, — сказал Колька.

— А как туда попасть? — спросил Петька.

— На аэроплане или на пароходе, — сказал Колька.

— А ты на чем поедешь? — спросил Петька.

— Я полечу на аэроплане, — сказал Колька.

— А где ты его возьмешь? — спросил Петька.

— Пойду на аэродром, попрошу, мне и дадут, — сказал Колька.

— А кто же это тебе даст? — спросил Петька.

— А у меня там все знакомые, — сказал Колька.

— Какие же это у тебя там знакомые? — спросил Петька.

— Разные, — сказал Колька.

— Нету тебя там никаких знакомых, — сказал Петька.

— Нет, есть! — сказал Колька.

— Нет, нет! — сказал Петька.

— Нет, есть!

— Нет, нет!

— Нет, есть!

— Нет! Нет!

Колька Панкин и Петька Ершов решили пойти на следующее утро на аэродром.

2

Колька Панкин и Петька Ершов на следующий день рано утром вышли из дому. Идти на аэродром было далеко, но так как погода была хорошая и денег на трамвай не было, то Колька и Петька пошли пешком.

— Обязательно поеду в Бразилию, — сказал Колька.

— А письма писать мне будешь? — спросил Петька.

— Буду, — сказал Колька, — а как обратно приеду, привезу тебе обезьяну.

— А птицу привезешь? — спросил Петька.

— И птицу привезу, — сказал Колька, — какую хочешь — колибри или попугая?

— А какая лучше? — спросил Петька.

— Попугай лучше, он может разговаривать, — сказал Колька.

— А петь может? — спросил Петька.

— И петь может, — сказал Колька.

— По нотам? — спросил Петька.

— По нотам не может. А вот ты что-нибудь споешь, а попугай повторит, — сказал Петька.

— А ты обязательно привезешь мне попугая? — спросил Петька.

— Обязательно, — сказал Колька.

— А ну, как нет? — сказал Петька.

— Сказал, что привезу, значит привезу, — сказал Колька.

— А не привезешь! — сказал Петька.

— А привезу! — сказал Колька.

— А нет! — сказал Петька.

— А да! — сказал Колька.

— А нет!

— А да!

— А нет!

— А да!

— А нет!

Но тут Колька Панкин и Петька Ершов пришли на аэродром.

3

На аэродроме было очень интересно. Аэропланы друг за другом бежали по земле, а потом — раз, два, три — оказывались уже в воздухе, — сначала низко, а потом выше, а потом еще выше, а потом, покругившись на одном месте, улетали и совсем. На земле стояло еще штук восемь аэропланов, готовых тоже разбежаться и улететь. Колька Панкин выбрал один из них и, указывая Петьке Ершову, сказал:

— В Бразилию я полечу на этом вот аэроплане.

Петька снял кепку и почесал голову. Надел кепку опять и спросил:

— А аэроплан этот тебе дадут?

— Дадут, — сказал Колька, — у меня там знакомый авиатор.

— Знакомый? А как его зовут? — спросил Петька.

— Очень просто — Павел Иванович, — сказал Колька.

— Павел Иванович? — переспросил Петька.

— Ну да, — сказал Колька.

— И ты его попросишь? — спросил Петька.

— Конечно. Вот пойдем вместе, ты услышишь, — сказал Колька.

— А если он тебе не даст аэроплана? — спросил Петька.

— Ну, как не даст! Попрошу, так даст, — сказал Колька.

— А если ты не попросишь? — спросил Петька.

— Попрошу, — сказал Колька.

— А испугаешься! — сказал Петька.

— Нет, не испугаюсь, — сказал Колька.

— Слабо! — сказал Петька

— Нет, не слабо! — сказал Колька.

— Слабо! — сказал Петька.

— Нет, не слабо! — сказал Колька.

— Слабо!

— Нет, не слабо!

— Слабо!

— Нет, не слабо!

Колька Панкин и Петька Ершов побежали к авиатору.

4

Авиатор стоял около аэроплана и промывал в бензине, налитом в маленькое корытце, какие-то винтики. Сам он был одет во все кожаное, а рядом на земле лежали кожаные перчатки и кожаный шлем.

Колька Панкин и Петька Ершов подошли.

Авиатор достал из бензина винтики, положил их на краешек аэроплана, а в бензин положил новые винтики и стал их мыть.

Колька посмотрел-посмотрел и сказал:

— Здравствуйте, Павел Иванович!

Авиатор посмотрел сначала на Кольку, потом на Петьку, а потом опять отвернулся. Колька же постоял-постоял и снова сказал:

— Здравствуйте, Павел Иванович.

Авиатор посмотрел тогда сначала на Петьку, потом на Кольку, а потом сказал, почесывая одной ногой другую ногу:

— Меня зовут не Павел Иванович, а Константин Константинович, и никакого Павла Ивановича я не знаю.

Петька прыснул в кулак, Колька ударил Петьку, Петька сделал серьезное лицо, а Колька сказал авиатору:

— Константин Константинович, мы с Петькой Ершовым решили лететь в Бразилию, не одолжите ли вы нам ваш аэроплан?

Авиатор начал хохотать:

— Ха-ха-ха ха-ха-ха! Это вы что же — серьезно решили лететь в Бразилию?

— Да, — сказал Колька.

— А вы полетите с нами? — спросил Петька.

— А вы что же думали, — закричал авиатор, — что я вам так машину дам? Нет, шалишь. Вот если вы мне заплатите, то в Бразилию свезти я вас могу. Что вы мне за это дадите?

Колька пошарил в карманах, но ничего не нашел.

— Денег у нас нет, — сказал он авиатору, — может быть, вы нас так свезете?

— Нет, так не повезу, — сказал авиатор и отвернулся что-то чинить в аэроплане.

Вдруг Колька взмахнул руками и закричал:

— Константин Константинович! Хотите перочинный ножик? Очень хороший, в нем три ножа. Два, правда, сломанные, но один зато целый и очень острый. Я раз как-то ударил им в дверь и прямо насквозь прошиб.

— Когда же это было? — спросил Петька.

— А тебе что за дело? Зимой было! — рассердился Колька.

— А какую же это дверь ты прошиб насквозь? — спросил Петька.

— Ту, которая от чулана, — сказал Колька.

— А она вся целая, — сказал Петька.

— Значит, поставили новую, — сказал Колька.

— Нет, не ставили, дверь старая, — сказал Петька.

— Нет, новая, — сказал Колька.

— А ты мне ножик отдай, — сказал Петька, — это

мой ножик, я тебе дал его только веревку с бельем перерезать, а ты и совсем взял.

— Как же это так — твой ножик? — Мой ножик, — сказал Колька.

— Нет, мой ножик! — сказал Петька.

— Нет, мой! — сказал Колька.

— Нет, мой! — сказал Петька.

— Нет, мой!

— Нет, мой!

— Ну, ладно, шут с вами, — сказал авиатор, — садитесь, ребята, в аэроплан, полетим в Бразилию.

5

Колька Панкин и Петька Ершов летели на аэроплане в Бразилию. Это было здорово интересно. Авиатор сидел на переднем сиденьи, был виден только его шлем. Все было очень хорошо, да мотор шумел очень уж и говорить трудно было. А если выглянуть из аэроплана на землю, то ух как просторно, — дух захватывает! А на земле все маленькое-маленькое и не тем боком друг к другу повернуто.

— Петь-ка! — кричит Колька, — смотри, какой город ко-ря-вень-кий!

— Что-о-о? — кричит Петька.

— Го-род! — кричит Колька.

— Не слы-шу! — кричит Петька.

— Что-о-о? — кричит Колька.

— Скоро ли Брази-лия? — кричит Петька.

— У какого Васи-ли-я? — кричит Колька.

— Шапка улете-ла-а! — кричит Петька.

— Сколько! — кричит Колька.

— Вче-ра-а! — кричит Петька.

— Северная Америка! — кричит Колька.

— На-ви-да-ри-ди-и-и! — кричит Петька.

— Что? — кричит Колька.

Вдруг в ушах стало пусто и аэроплан начал опускаться.

6

Аэроплан попрыгал по кочкам и остановился.

— Приехали, — сказал авиатор.

Колька Панкин и Петька Ершов огляделись.

— Петька, — сказал Колька, — гляди, Бразилия-то какая!

— А это Бразилия? — спросил Петька.

— Сам-то, дурак, разве не видишь? — сказал Колька.

— А что это там за люди бегут? — спросил Петька.

— Где? А, вижу, — сказал Колька. — Это туземцы, дикари. Видишь, у них белые головы. Это они сделали себе прическу из травы и соломы.

— Зачем? — спросил Петька.

— Так уж, — сказал Колька.

— А смотри, по-моему, это у них такие волосы, — сказал Петька.

— А я тебе говорю, что это перья, — сказал Колька.

— Нет, волосы! — сказал Петька.

— Нет, перья! — сказал Колька.

— Нет, волосы!

— Нет, перья!

— Нет, волосы!

— Ну, вылезайте из аэроплана, — сказал авиатор, — мне лететь нужно.

7

Колька Панкин и Петька Ершов вылезли из аэроплана и пошли навстречу туземцам. Туземцы оказались небольшого роста, грязные и белобрысые. Увидя Кольку и Петьку, туземцы остановились. Колька шагнул вперед, поднял правую руку и сказал:

— Оах! — сказал он им по-индейски.

Туземцы открыли рты и стояли молча.

— Гапакук! — сказал им Колька по-индейски.

— Что это ты говоришь? — спросил Петька.

— Это я говорю с ними по-индейски, — сказал Колька.

— А откуда ты знаешь индейский язык? — спросил Петька.

— А у меня была такая книжка, по ней я и выучился, — сказал Колька.

— Ну ты, ври больше, — сказал Петька.

— Отстань! — сказал Колька. — Инам кос! — сказал он туземцам по-индейски.

Вдруг туземцы засмеялись.

— Кэрэк эри ялэ, — сказали туземцы.

— Ара токи, — сказал Колька.

— Мита? — спросили туземцы.

— Брось, пойдем дальше, — сказал Петька.

— Пильгедрау! — крикнул Колька.

— Пэркиля! — закричали туземцы.

— Кульмэгуинки! — крикнул Колька.

— Пэркиля, пэркиля! — кричали туземцы.

— Бежим! — Крикнул Петька, — они драться хотят.

Но было уже поздно. Туземцы кинулись на Кольку и стали его бить.

— Караул! — кричал Колька.

— Пэркиля! — кричали туземцы.

«Мм-ууу», — мычала корова.

8

Избив как следует Кольку, туземцы, хватая и бросая в воздух пыль, убежали. Колька стоял встрепанный и сильно измятый.

— Пе-пе-пе-пе-петька, — сказал он дрожащим голосом. — Здорово я тузе-зе-зе-земцев разбил. Одного сю-сю-сю-сюда, а другого ту-ту-ту-туда.

— А не они тебя побили? — спросил Петька.

— Что ты! — сказал Колька. — Я как пошел их хватать: раз-два, раз-два, раз-два!

«Мм-уу» — раздалось у самого колькиного уха.

— Ай! — вскрикнул Колька и побежал,

— Колька. Ко-олька-а-а! — кричал Петька.

Но Колька бежал без оглядки.

Бежали-бежали,

бежали-бежали,

бежали-бежали,

и только добежав до леса, Колька остановился.

— Уф! — сказал он, переводя дух.

Петька так запыхался от бега, что ничего не мог сказать.

— Ну, и бизон! — сказал Колька, отдышавшись.

— А? — спросил Петька.

— Ты видел бизона? — спросил Колька.

— Где? — спросил Петька.

— Да ну, там. Он кинулся на нас, — сказал Колька.

— А это не корова была? — спросил Петька.

— Что ты, какая же это корова. В Бразилии нет коров, — сказал Колька.

— А разве бизоны ходят с колокольчиками на шее? — спросил Петька.

— Ходят, — сказал Колька.

— Откуда же это у них колокольчики? — спросил Петька.

— От индейцев. Индейцы всегда поймают бизона, привяжут к нему колокольчик и выпустят.

— Зачем? — спросил Петька.

— Так уж, — сказал Колька.

— Неправда, бизоны не ходят с колокольчиками, а это была корова, — сказал Петька.

— Нет, бизон! — сказал Колька.

— Нет, корова! — сказал Петька.

— Нет, бизон!

— Нет, корова!

— Нет, бизон!

— А где же попугай? — спросил Петька.

9

Колька Панкин сразу даже растерялся.

— Какие попугаи? — спросил он Петьку Ершова.

— Да ты же обещал поймать мне попугаев, как приедем в Бразилию. Если это Бразилия, то должны быть и попугаи, — сказал Петька.

— Попугаев не видать, зато вон сидят колибри, — сказал Колька.

— Это вон там на сосне? — спросил Петька.

— Это не сосна, а пальма, — обиделся Колька.

— А на картинках пальмы другие, — сказал Петька.

— На картинках другие, а в Бразилии такие, — рассердился Колька. — Ты смотри, лучше, колибри какие.

— Похожи на наших воробьев, — сказал Петька.

— Похожи, — согласился Колька, — но меньше ростом.

— Нет, больше! — сказал Петька.

— Нет, меньше! — сказал Колька.

— Нет, больше! — сказал Петька.

— Нет, меньше! — сказал Колька.

— Нет, больше!

— Нет, меньше!

— Нет, больше!

— Нет, меньше!

Вдруг за спинами Кольки и Петьки послышался шум.

10

Колька Панкин и Петька Ершов обернулись.

Прямо на них летело какое-то чудовище.

— Что это? — испугался Колька.

— Это автомобиль, — сказал Петька.

— Не может быть! — сказал Колька. — Откуда же в Бразилии автомобиль?

— Не знаю, — сказал Петька, — но только это автомобиль.

— Не может быть! — сказал Колька.

— А я тебе говорю, что автомобиль! — сказал Петька.

— Нет, не может быть, — сказал Колька.

— Нет, может!

— Нет, не может!

— Ну, теперь видишь, что это автомобиль? — спросил Петька.

— Вижу, но очень странно, — сказал Колька.

Тем временем, автомобиль подъехал ближе.

— Эй, вы, ребята, — крикнул человек из автомобиля. — Дорога в Ленинград направо или налево?

— В какой Ленинград? — спросил Колька.

— Как в какой! Ну, в город как проехать? — спросил шофер.

— Мы не знаем, — сказал Петька, а потом вдруг заревел.

— Дяденька, — заревел он, — свези нас в город.

— Да вы сами-то что, из города? — спросил шофер.

— Ну да, — ревел Петька, — с Моховой улицы.

— А как же вы сюда попали? — удивился шофер.

— Да вот Колька, — ревел Петька, — обещал в Бразилию свезти, а сам сюда привез.

— В Брусилово... Брусилово... Постойте, Брусилово это дальше, это где-то в Черниговской губернии, — сказал шофер.

— Чилиговская губерния... Чилийская республика... Чили... Это южнее, это там, где и Аргентина. Чили находится на берегу Тихого океана, — сказал Колька.

— Дяденька, — захныкал опять Петька, — свези нас домой.

— Ладно, ладно, — сказал шофер. — Садитесь, все равно машина пустая. Только Брусилово не тут, Брусилово — это в Черниговской губернии.

И вот Колька Панкин и Петька Ершов поехали домой на автомобиле.

Колька Панкин и Петька Ершов ехали сначала молча. Потом Колька посмотрел на Петьку и сказал:

— Петька, — сказал Колька, — ты видел кондора?

— Нет, — сказал Петька. — А что это такое?

— Это п т и ц а, — сказал Колька.

— Большая? — спросил Петька.

— Очень большая, — сказал Колька.

— Больше вороны? — спросил Петька.

— Что ты! Это самая большая птица, — сказал Колька.

— А я ее не видал, — сказал Петька.

— А я видел. Она на пальме сидела, — сказал Колька.

— На какой пальме? — спросил Петька.

— На той, на которой и колибри сидела, — сказал Колька.

— Это была не пальма, а сосна, — сказал Петька.

— Нет, пальма! — сказал Колька.

— Нет, сосна! — сказал Петька, — пальмы растут только в Бразилии, а тут не растут.

— Мы и были в Бразилии, — сказал Колька.

— Нет, не были! — сказал Петька.

— Нет, были! — сказал Колька.

— Не-бы-ли, — закричал Петька.

— Были, были, были, бы-ли-и-и! — кричал Колька.

— А вон и Ленинград виднеется, — сказал шофер, указывая рукой на торчащие в небо трубы и крыши.

ВСЁ

17 лошадей

У нас в деревне умер один человек

и оставил своим сыновьям такое завещание.

Старшему сыну оставляю $\frac{1}{2}$ своего наследства,
среднему сыну оставляю $\frac{1}{3}$ своего наследства,
а младшему сыну оставляю $\frac{1}{9}$ своего наследства.

Когда этот человек умер, то после его смерти осталось всего только 17 лошадей и больше ничего. Стали сыновья 17 лошадей между собой делить.

— Я, — сказал старший, — беру $\frac{1}{2}$ всех лошадей. Значит 17:2 это будет $8\frac{1}{2}$.

— Как же ты $8\frac{1}{2}$ лошадей возьмешь? — спросил средний брат. — Не станешь же ты лошадь на куски резать?

— Это верно, — согласился с ним старший брат, — только и вам своей части не взять. Ведь 17 ни на 2, ни на 3, ни на 9 не делится!

— Так как же быть?

— Вот что, — сказал младший брат, — я знаю одного очень умного человека, зовут его Иван Петрович Рассудилов, он-то нам сумеет помочь.

— Ну что ж, зови его, — согласились два другие брата.

Младший брат ушел куда-то и скоро вернулся с человеком, который ехал на лошади и курил коротенькую трубочку.

— Вот, — сказал младший брат, — это и есть Иван Петрович Рассудилов.

Рассказали братья Рассудилову свое горе. Тот выслушал и говорит:

«Возьмите вы мою лошадь, тогда у вас будет 18 лошадей и делите спокойно». Стали братья 18 лошадей делить.

Старший взял $\frac{1}{2}$ — 9 лошадей,
средний взял $\frac{1}{3}$ — 6 лошадей,
а младший взял $\frac{1}{9}$ — 2 лошади.

Сложили братья своих лошадей вместе. $9+6+2$, получилось 17 лошадей. А Иван Петрович сел на свою 18-ю лошадь и закурил свою трубочку.

— Ну что, довольны? — спросил он удивленных братьев и уехал.

Д. Хармс
1928

Во-первых и во-вторых

ВО-ПЕРВЫХ, запел я песенку и пошел.

ВО-ВТОРЫХ, подходит ко мне Петька и говорит: «Я с тобой пойду». — И оба мы пошли, напевая песенки.

В-ТРЕТЬИХ, идем и смотрим, стоит на дороге человек ростом с ведро.

«Ты кто такой?» — спросили мы его. «Я — самый маленький человек в мире». — «Пойдем с нами». — «Пойдем».

Пошли мы дальше, но маленький человек не может за нами угнаться. Бегом бежит, а все-таки отстает. Тогда мы его взяли за руки. Петька за правую, я за левую. Маленький человек повис у нас на руках, едва ногами земли касается. Пошли мы так дальше. Идем все трое и песенки насвистываем.

В-ЧЕТВЕРТЫХ, идем мы и смотрим, лежит возле дороги человек, голову на пенек положил, а сам такой длинный, что не видать, где ноги кончаются. Подошли мы к нему поближе, а он как вскочит на ноги, да как стукнет кулаком по пеньку, так пенек в землю и ушел. А длинный человек посмотрел вокруг, увидел нас и говорит: «Вы, — говорит, — кто такие, что мой сон потревожили?» — «Мы, — говорим мы, — веселые ребята. Хочешь с нами пойдем?» — «Хорошо», — говорит длинный человек, да как шагнет сразу метров на двадцать. «Эй, — кричит ему маленький человек, — обожди нас немного!» Схватили мы маленького человека и побежали к длинному. — «Нет, — говорим мы, — так нельзя, ты маленькими шагами ходи».

Пошел длинный человек маленькими шагами, да что толку? Десять шагов сделает и из вида пропадает. — «Тогда, говорим мы, пусть маленький человек тебе на плечо сядет, а нас ты подмышки возьми». Посадил длинный человек маленького себе на плечо, а нас подмышки взял и пошел.

— «Тебе удобно?» — говорю я Петьке. — «Удобно. А тебе?» — «Мне тоже удобно», — говорю я. И засвистели мы веселые песенки. И длинный человек идет и песенки насвистывает, и маленький человек у него на плече сидит и тоже свистит — заливается.

В-ПЯТЫХ, идем мы и смотрим — стоит поперек нашего пути осел. Обрадовались мы и решили на осле ехать. Первым попробовал длинный человек. Перекинул он ногу через ослицу, а осел ему ниже колена приходится. Только хотел длинный человек на ослицу сесть, а осел взял да и пошел, и длинный человек со всего размаху на землю сел. Попробовали мы маленького человека на ослицу посадить. Но только осел несколько шагов сделал — маленький человек не удержался и свалился на землю. Потом встал и говорит: «Пусть длинный человек меня опять на плечо понесет, а ты с Петькой на осле поезжай». Сели мы, как маленький человек сказал, и поехали. И всем хорошо. И все мы песни насвистываем.

В-ШЕСТЫХ, приехали мы к большому озеру. Глядим, у берега лодка стоит. — «Что ж, поедем на лодке?» — говорит Петька. Я с Петькой хорошо в лодке уселись, а вот длинного человека с трудом усадили. Согнулся он весь, сжался, коленки к самому подбородку поднял.

Маленький человек где-то под скамейкой сел, а вот ослу места-то и не осталось. Если бы еще длинного человека в лодку не сажать, тогда можно было бы и ослицу посадить. А вдвоем не помещаются. — «Вот что, — говорит маленький человек, — ты, длинный, вброд иди, а мы ослицу в лодку посадим и поедем».

Посадили мы осла в лодку, а длинный человек вброд пошел, да еще нашу лодку на веревочке потащил. Осел сидит, пошевелинуться боится, верно, первый раз в лодку попал. А остальным хорошо. Едем мы по озеру, песни свистим. Длинный человек тащит нашу лодку и тоже песни поет.

В-СЕДЬМЫХ, вышли мы на другой берег, смотрим — стоит автомобиль. — «Что же это такое может быть?» — говорит длинный человек. — «Что это?» — говорит маленький человек. — «Это, — говорю я, — автомобиль». «Это машина, на которой мы сейчас и поедем», — говорит Петька. Стали мы в автомобиле рассаживаться. Я и Петька у руля сели, маленького человека спереди на фонарь посадили, а вот длинного человека, осла и лодку никак в автомобиле не разместить. Положили мы лодку в автомобиль, в лодку осла поставили, все бы хорошо, да длинному человеку места нет. Посадили мы его в лодку — осла места нет. Посадили мы в автомобиль осла и длинного человека — лодку некуда поставить.

Мы совсем растерялись, не знали, что и делать, да маленький человек совет подал: «Пусть, — говорит, — длинный человек в автомобиль сядет, а осла к себе на колени положит, а лодку руками над головой поднимет».

Посадили мы длинного человека в автомобиль, на колени к нему осла положили, а в руки дали лодку держать. — «Не тяжело?» — спросил его маленький человек. — «Нет, ничего», — говорит длинный. Я пустил мотор в ход, и мы поехали.

Все хорошо, только маленькому человеку впереди на фонаре сидеть неудобно, кувыркает его от тряски, как ваньку-встаньку. А остальным ничего. Едем мы и песни насвистываем.

В-ВОСЬМЫХ, приехали мы в какой-то город. Поехали по улицам.

На нас народ смотрит, пальцами показывает:

— Это что, — говорит, — в автомобиле дубина какая стоит, себе на колени осла посадил и лодку руками над головой держит Ха! ха! ха! А впереди-то какой на фонаре сидит. Ростом с ведерко! Вон его как от тряски-то кувыркает. Ха! ха! ха!

А мы подъехали прямо к гостинице, лодку на землю положили, автомобиль поставили под навес, осла к дереву подвязали и зовем хозяина. Вышел к нам хозяин и говорит: «Что вам угодно?» — «Да вот, — говорим мы ему, — переночевать нельзя ли у вас?» — «Можно», — говорит хозяин и повел нас в комнату с четырьмя кроватями. Я и Петька легли, а вот длинному человеку и маленькому никак не лечь. Длинному все кровати коротки, а маленькому не на что голову положить. Подушка выше его самого и он мог только стоя к подушке прислониться. Но так как мы все очень устали, то легли кое-как и заснули. Длинный человек просто на полу лег, а маленький на подушку весь залез, да так и заснул.

В-ДЕВЯТЫХ, проснулись мы утром и решили дальше путь продолжать. Тут вдруг маленький человек и говорит: «Знаете что? Довольно нам с этой лодкой да автомобилем таскаться. Пойдемте лучше пешком». — «Пешком я не пойду, — сказал длинный человек, — пешком скоро устанешь». — «Это ты-то, такая детина, устанешь?» — засмеялся маленький человек. — «Конечно, устану, — сказал длинный, — вот бы мне какую-нибудь лошадь по себе найти». — «Какая же тебе лошадь годится? — вмешался Петька. — Тебе не лошадь, а слона нужно». — «Ну, здесь слона-то не достанешь, — сказал я, — здесь не Африка». Только это я сказал, вдруг слышны на улице лай, шум и крики.

Посмотрели в окно, глядим — ведут по улице слона, а за ним народ валит. У самых слоновых ног бежит маленькая собачонка и лает во всю мочь, а слон идет спокойно, ни на кого внимания не обращает.

«Вот, — говорит маленький человек длинному, — вот тебе и слон как раз. Садись и поезжай». — «А ты на собачку садись. Как раз по твоему росту», — сказал длинный человек. «Верно, — говорю я, — длинный на слоне поедет, маленький на собачке, а я с Петькой на осле». И побежали мы на улицу.

В-ДЕСЯТЫХ, выбежали мы на улицу. Я с Петькой на осла сели, маленький человек у ворот остался, а длинный за слоном побежал. Добежал он до слона, вскочил на него и к нам повернул. А собачка от слона не отстает, лает и тоже к нам бежит. Только до ворот добежала, тут маленький человек наловчился и прыгнул на собаку. Так мы все и поехали. Впереди длинный человек на слоне, за ним я с Петькой на осле, а сзади маленький человек на собачке. И всем нам хорошо и все мы песенки насвистываем.

Выехали мы из города и поехали, а куда приехали и что с нами приключилось, об этом мы вам в следующий раз расскажем.

Д.И.Хармс
1928

О том, как старушка чернила покупала

На Кособокой улице в доме № 17

жила одна старушка. Когда-то жила она вместе со своим мужем и был у неё сын. Но сын вырос большой и уехал, а муж умер, и старушка осталась одна.

Жила она тихо и мирно, чаёк попивала, сыну письма посылала, а больше ничего не делала.

Дома же говорили про старушку, что она с луны свалилась.

Выйдет старушка другой раз летом на двор, посмотрит вокруг и скажет:

— Ах ты, батюшки, куда же это снег делся?

А соседи засмеются и кричат ей:

— Но, виданное ли дело, чтобы снег летом на земле лежал? Ты что, бабка, с луны свалилась, что ли?

Или пойдет старушка в керосинную лавку и спросит:

— Почем у вас французские булки?

Приказчики смеются:

— Да что вы, гражданка, откуда же у нас французские булки? С луны вы что ли свалились!

Ведь вот какая была старушка!

Была раз погода хорошая, солнечная, на небе ни облачка. На Кособокой улице пыль поднялась. Вышли дворники улицу поливать из брезентовых кишок с медными наконечниками. Льют они воду прямо в пыль, сквозь, навывлет. Пыль с водой вместе на землю летит. Вот уж лошади по лужам бегут, и ветер без пыли летит пустой.

Из ворот 17-го дома вышла старушка. В руках у

неё зонтик с большой блестящей ручкой, а на голове шляпка с черными блёстками.

— Скажите, — кричит она дворнику, — где чернила продаются?

— Что? — кричит дворник.

Старушка ближе:

— Чернила! — кричит.

— Сторонитесь! — кричит дворник, пуская струю воды.

Старушка влево и струя влево.

Старушка скорей вправо, и струя за ней.

— Ты что, — кричит дворник, — с луны свалилась, видишь, я улицу поливаю!

Старушка только зонтиком махнула и дальше пошла.

Пришла старушка на рынок, смотрит: стоит какой-то парень и продает судака большого и сочного, длиной с руку, толщиной с ногу. Подкинул он рыбу на руках, потом взял одной рукой за нос, покачал, покачал и выпустил, но упасть не дал, а ловко поймал другой рукой за хвост и поднес старушке.

— Вот — говорит, — за рупь отдам.

— Нет, — говорит старушка, — мне чернила...

А парень ей и договорить не дал.

— Берите, — говорит, — не дорого прошу.

— Нет, — говорит старушка, — мне чернила...

А тот опять:

— Берите, — говорит, — в рыбе пять с половиной фунтов весу, — и как бы от усталости взял рыбу в другую руку.

— Нет, — сказала старушка, — мне чернила нужны.

Наконец-то парень расслышал, что говорила ему старушка.

— Чернила? — переспросил он.

— Да, чернила.

— Чернила?

— Чернила.

— А рыбы не нужно?

— Нет.

— Значит, чернила?

— Да.

— Да вы что, с луны что ли свалились! — сказал парень.

— Значит нет у вас чернил, — сказала старушка и дальше пошла.

— Мяса парного пожалуйста! — кричит старушке здоровенный мясник, а сам ножом печенки кромсает.

— Нет ли у вас чернил? — спросила старушка.

— Чернила! — заревел мясник, таща за ногу свиную тушу.

Старушка скорей подальше от мясника, уж больно он толстый да свирепый, а ей уж торговка кричит:

— Сюда пожалуйста! Пожалуйста сюда!

Старушка подошла к её ларьку и очки надела. А торговка улыбается и протягивает ей банку с черносливами.

— Пожалуйста, — говорит, — таких нигде не найдете.

Старушка взяла банку с ягодами, повертела её в руках и обратно положила.

— Мне чернила нужны, а не ягоды, — говорит она.

— Какие чернила — красные или черные? — спросила торговка.

— Черные, — говорит старушка.

— Черных нет, — говорит торговка.

— Ну тогда красные, — говорит старушка.

— И красных нет, — сказала торговка.

— Прощайте, — сказала старушка и пошла.

Вот уж и рынок кончается, а чернил нигде не видать.

Вышла старушка из рынка и пошла по какой-то улице.

Вдруг смотрит — идут друг за дружкой, медленным шагом, пятнадцать ослов. На переднем осле сидит верхом человек и держит в руках большущее знамя. На других ослах тоже люди сидят и тоже в руках вывески держат.

«Это что же такое? — думает старушка. — Должно быть, это теперь на ослах, как на трамваях, ездят».

— Эй! — крикнула она человеку, сидящему на переднем осле. — Обожди немного. Скажи, где чернила продаются?

А человек на осле не расслышал, видно, что старушка ему сказала, а поднял какую-то трубу с одного конца узкую, а с другого широкую, раструбом. Узкий конец приставил ко рту да как закричит туда, прямо старушке в лицо, да так, что за семь верст услышать можно:

СПЕШИТЕ УВИДЕТЬ ГАСТРОЛИ ДУРОВА.
В ГОСЦИРКЕ! В ГОСЦИРКЕ!
МОРСКИЕ ЛЬВЫ — ЛЮБИМЦЫ ПУБЛИКИ.
ПОСЛЕДНЯЯ НЕДЕЛЯ!
БИЛЕТЫ ПРИ ВХОДЕ!

Старушка с испуга даже зонтик уронила. Подняла она зонтик, да от страха руки так дрожали, что зонтик опять упал.

Старушка зонтик подняла, покрепче его в руках зажала, да скорей, скорей по дороге, да по панели повернула из одной улицы в другую и вышла на третью широкую и очень шумную.

Крутом народ куда-то спешит, а на дороге автомобили катят и трамваи грохочут.

Только хотела старушка на другую сторону перейти, вдруг:

— Тарар-арар-арар-rrrrrr! — автомобиль орет.

Пропустила его старушка, только на дорогу ступила, а ей:

— Эй, берегись! — извозчик кричит.

Пропустила его старушка и скорей на ту сторону побежала. До середины дороги добежала, а тут:

Джен-джен! Динь-динь-динь! — трамвай несется.

Старушка было назад, а сзади:

Пыр-пыр-пыр-пыр! — мотоциклет трещит.

Совсем перепугалась старушка, но хорошо добрый человек нашелся, схватил он её за руку и говорит:

— Вы что, — говорит, — будто с луны свалились! Вас же задавить могут. И потащил старушку на другую сторону

Отдышалась старушка и только хотела доброго человека о чернилах спросить, оглянулась, а его уж и след простыл.

Пошла старушка дальше, на зонтик опирается, да по сторонам поглядывает, где бы про чернила узнать. А ей навстречу идет старичок с палочкой. Сам старенький и седенький. Подошла к нему старушка и говорит:

— Вы, видать, человек бывалый, не знаете ли, где чернила продаются?

Старичок остановился, поднял голову, подвигал своими морщинками и задумался. Постояв так немного, он полез в карман, достал кисетик, папиросную бумагу и мундштук. Потом медленно свернул папиросу и, вставив её в мундштук, спрятал кисетик и бумагу обратно и достал спички. Потом закурил папиросу и, спрятав спички, прошамкал беззубым ртом:

— Шешиши пошаются в макашише.

Старушка ничего не поняла, а старичок пошел дальше.

Задумалась старушка.

Чего это никто про чернила толком сказать ничего не может.

Не слышали они о чернилах никогда что ли?

И решила старушка в магазин зайти и чернила спросить.

Там-то уж знают.

А тут рядом и магазин как раз. Окна большие, в целую стену. А в окнах всё книги лежат.

«Вот, думает старушка, сюда и зайду. Тут уж наверно чернила есть, раз книги лежат. Ведь книги-то, чай, пишутся чернилами».

Подошла она к двери, двери стеклянные и странные какие-то. Толкнула старушка дверь, а её самую что-то сзади подтолкнуло. Оглянулась, смотрит — на неё другая стеклянная дверь едет.

Старушка вперед, а дверь за ней. Всё вокруг стеклянное и всё кружится. Закружилась у старушки голова, идет она и сама не знает, куда идет. А кругом всё двери, двери, все они кружатся и старушку вперед подталкивают.

Топталась, топталась старушка вокруг чего-то, насилиу высвободилась, хорошо еще, что жива осталась.

Смотрит старушка — прямо большие часы стоят и лестница вверх ведет. Около часов стоит человек. Подошла к нему старушка и говорит:

— Где бы мне про чернила узнать?

А тот к ней даже головы не повернул, показал только рукой на какую-то дверку, небольшую, решетчатую.

Старушка приоткрыла дверку, вошла в неё, видит — комната, совсем крохотная, не больше шкафа. А в комнатке стоит человек.

Только хотела старушка про чернила его спросить...

Вдруг: Дзины! Дджжжинн! и начал пол вверх подниматься.

Старушка стоит, шевельнуться не смеет, а в груди у неё будто камень расти начал. Стоит она и дышать не может.

Сквозь дверку чьи-то руки, ноги и головы мелькают, а вокруг гудит, как швейная машинка. Потом перестала гудеть, и дышать легче стало. Кто-то дверку открыл и говорит:

— Пожалуйста, приехали, шестой этаж, выше некуда.

Старушка, совсем как во сне, шагнула куда-то выше, куда ей показали, а дверка за ней захлопнулась и комнатка-шкапик опять вниз поехала.

Стоит старушка, зонтик в руках держит, а сама отдышаться не может. Стоит она на лестнице, вокруг люди ходят, дверьми хлопают, а старушка стоит и зонтик держит.

Постояла старушка, посмотрела, что кругом делается, и пошла в какую-то дверь.

Попала старушка в большую, светлую комнату.

Смотрит — стоят в комнате столики, а за столиками люди сидят. Одни, уткнув носы в бумагу, что-то пишут, а другие стучат на пишущих машинках. Шум стоит будто в кузнице, только в игрушечной.

Направо у стенки диван стоит, на диване сидит толстый человек и тонкий. Толстый что-то рассказывает тонкому и руки потирает, а тонкий согнулся весь, глядит на толстого сквозь очки в светлой оправе, а сам на сапогах шнурки завязывает

— Да, — говорит толстый, — написал я рассказ о мальчишке, который лягушку проглотил. Очень интересный рассказ.

— А я вот ничего выдумать не могу, о чем бы написать, — сказал тонкий, продевая шнурок через дырочку.

— А у меня рассказ очень интересный, — сказал толстый человек. — Пришел этот мальчик домой, отец его спрашивает, где он был, а лягушка из живота отвечает: ква-ква! Или в школе: учитель спрашивает мальчишку, как по-немецки «с добрым утром», а лягушка отвечает: кваква! Учитель ругается, а лягушка: ква-ква-ква! Вот какой смешной рассказ, — сказал толстяк и потер свои руки.

— Вы тоже что-нибудь написали? — спросил он старушку.

— Нет, — сказала старушка, — у меня чернила все вышли. Была у меня баночка, от сына осталась, да вот теперь кончилась.

— А что, ваш сын тоже писатель? — спросил толстяк.

— Нет, — сказала старушка, — он лесничий. Да только он тут не живет. Раньше я у мужа чернила брала, а теперь муж умер, и я одна осталась. Нельзя ли мне у вас тут чернил купить? — вдруг сказала старушка.

Тонкий человек завязал свой сапог и посмотрел сквозь очки на старушку.

— Как чернила? — удивился он.

— Чернила, которыми пишут, — пояснила старушка.

— Да ведь тут чернил не продают, — сказал толстый человек и перестал потирать свои руки.

— Вы как сюда попали? — спросил тонкий, вставая с дивана.

— В шкафу приехала, — сказала старушка.

— В каком шкафу? — в один голос спросили толстый и тонкий.

— В том, который у вас на лестнице вверх и вниз катается, — сказала старушка.

— Ах, в лифте! — рассмеялся тонкий, снова садясь на диван, так как теперь у него развязался другой сапог.

— А сюда вы зачем пришли? — спросил старушку толстый человек.

— А я нигде чернил найти не могла, — сказала старушка, — всех спрашивала, никто не знал. А тут, смотрю, книги лежат, вот и зашла сюда. Книжки-то, чай, чернилами пишутся!

— Ха, ха, ха! — рассмеялся толстый человек. — Да вы прямо как с луны на землю свалились!

— Эй, слушайте! — вдруг вскочил с дивана тонкий человек. Сапога он так и не завязал, и шнурки болтались по полу. — Слушайте, — сказал он толстому, — да ведь вот я и напишу про старушку, которая чернила покупала.

— Верно, — сказал толстый человек и потер свои руки.

Тонкий человек снял свои очки, подышал на них, вытер носовым платком, одел опять на нос и сказал старушке:

— Расскажите вы нам о том, как вы чернила покупали, а мы про вас книжку напишем и чернил дадим.

Старушка подумала и согласилась. И вот тонкий человек написал книжку:

О ТОМ, КАК СТАРУШКА ЧЕРНИЛА ПОКУПАЛА.

Д.Хармс
1928

«Друг за другом!»

К нам в редакцию пришел человек

в мохнатой шапке, в валеных сапогах и с огромной папкой под мышкой.

— Что вам угодно? — спросил его редактор.

— Я изобретатель. Моя фамилия Астатуров, — сказал вошедший. — Я изобрел новую детскую игру. Называется она «Друг за другом».

— Покажите, — сказал редактор.

Изобретатель развернул папку, достал из нее картон и разложил его на столе. На картоне было нарисовано 32 квадрата: 16 желтых и 16 синих. Изобретатель достал из папки 8 картонных фигурок и поставил их перед доской.

— Вот, — сказал изобретатель, — видите восемь фигурок: четыре желтых и четыре синих. Называются они так: первая фигура изображает корову и называется «корова».

— Простите, — сказал редактор, — но ведь это не корова.

— Это не важно, — сказал Астатуров. — Вторая фигура — самовар и называется «врач», желтые и синие фигуры совершенно одинаковы.

— Позвольте, — сказал редактор, — но желтый врач совсем не похож на синего.

— Это не важно, — сказал Астатуров, — сейчас я вам объясню, как надо играть в эту игру. Играют двое. Сначала они расставляют фигуры по местам. Желтые фигуры на желтые квадраты, синие — на синие.

— Что же дальше? — спросил редактор.

— Дальше, — сказал Астатуров, — игроки начинают двигать фигуры. Первый — желтый самовар, второй — синий самовар. Постепенно фигуры идут навстречу друг другу и наконец меняются местами.

— А что же дальше? — спросил редактор.

— Дальше, — сказал Астатуров, — фигуры идут обратно в том же порядке.

— Ну и что же? — спросил редактор.

— Всё, — торжествуя сказал Астатуров.

— Поразительно глупая игра, — сказал редактор.

— То есть как глупая? — обиделся изобретатель.

— Да к чему же она? — спросил редактор.

— Для времяпровождения, — сказал изобретатель Астатуров.

Мы не выдержали и рассмеялись.

— Смеетесь, — сказал Астатуров, сердито собирая со стола фигуры и доску, — и без вас обойдусь. Пойду в Комитет по делам изобретений.

Астатуров хлопнул дверью и вышел.

— Товарищи, — сказал редактор, — хорошо бы сходить кому-нибудь из нас в Комитет по делам изобретений. Надо думать, что среди очень ценных изобретений попадаются и смешные. Ведь мы можем дать в журнал рассказ о таких же веселых изобретателях, как изобретатель Астатуров. Кто хочет идти?

— Я, — сказал я.

— Так идите же скорей, сейчас же, — крикнул редактор. — Кстати, узнайте об изобретателях вообще.

Я пришел в Комитет по делам изобретений при ВСНХ. Меня провели к сотруднику патентного отдела.

— Что вам угодно? — спросил сотрудник патентного отдела.

— Мне бы хотелось узнать, что надо изобретателю, чтобы делать значительные и полезные изобретения, — сказал я.

— Раньше всего, — сказал сотрудник, — давайте решим, что мы будем считать полезным и значитель-

ным изобретением, — с этими словами он порылся в кипе бумаг, которые лежали по всей комнате, достал две бумажки и сказал:

— Я прочту вам две заявки на изобретения, поданные двумя изобретателями. Выслушайте их и скажите, какое из этих изобретений для нас более важное и полезное.

Я сел и приготовился слушать.

— Вот, — сказал сотрудник, — первое изобретение: изобретатель Лямзин. Изобретение называется «Солнцетермос»*. Изобретение состоит вот в чем: «два шара из стекла, один внутри другого, помещаются на высокой мачте. Устройство дает на весь мир ослепительный свет, от которого можно укрыться только плотными шторами». Теперь слушайте второе изобретение. Изобретатель Серебряков. Он изобрел способ производства картона из отходов бумаги, опилок, древесной коры и мха.

— Конечно, — сказал я, — важнее и полезнее «Солнцетермос».

— Вы ошибаетесь, — сказал сотрудник. — Изобретение Серебрякова для нас и важнее и полезнее «Солнцетермоса».

— Почему? — удивился я.

— Очень просто, — ответил сотрудник. — «Солнцетермос» может быть и замечательная штука, но, во-первых, — оно не осуществимо, так как оно совершенно не подтверждено наукой, а во-вторых, оно нам сейчас и не нужно вовсе, тогда как производство картона из отходов, если оно будет применено во всей бумажной промышленности, даст нам в год 23 миллиона рублей экономии, или такое незначительное на вид изобретение, как золотник для паровоза, изо-

* Все указанные изобретения действительно были поданы в Комитет по делам изобретений при ВСНХ. № заявки на «Солнцетермос» 2767. (Примеч. авторов.)

бренный Тимофеевым, даст нам в год экономии в пять миллионов рублей.

— Что же надо изобретателю, — сказал я, — чтобы дать полезные и нужные изобретения?

— Во-первых, — сказал сотрудник патентного отдела, — изобретателю надо много учиться. Мы часто видим у изобретателей стремление разрешить крупные задачи без достаточной для этого научной подготовки. — Во-вторых, — продолжал сотрудник, — изобретатель должен знать все, что сделано в его области до него, не то он может запоздать со своим изобретением лет на 50.

Один изобретатель изобрел двухконечные спички, которые можно зажигать с двух концов. Изобретатель имел благую цель — экономию древесного материала. Но его труды пропали даром.

— Почему? — спросил я.

— Потому что такие спички изобрели уже в Германии 20 лет тому назад, — ответил сотрудник. — В-третьих, всякое изобретение должно быть экономно. Один человек изобрел способ механической разводки пилы. Способ сложный и дорогой. А к чему он? Разводка пилы от руки и проще, и удобней, и дешевле. Наконец, всякое изобретение должно быть разумно. К нам в год поступает свыше 20 000 заявок на изобретения. Среди очень ценных и полезных изобретений попадаетеся немало изобретений вздорных и нелепых.

— Вот как раз это второе, о чем я хотел вас спросить, — сказал я сотруднику патентного отдела.

— Кое-что я вам могу рассказать, — сказал сотрудник, — слышали вы о таком Мясковском?

— Нет, — сказал я, — не слышал.

— Замечательный человек этот Мяковский, — сказал сотрудник, — к нам от него поступает множество бесполезных и нелепых изобретений. Вот одно из них.

Сотрудник порылся в папках, нашел бумажку и прочел:

«Зонтик для работающих в поле. Делается он так: на деревянные стойки натягивается полотно. Стойки ставятся на колеса. Ты работаешь на поле и по мере работы на другом месте передвигаешь за собой палатку».

— Да зачем же это надо? — спросил я.

— То-то и оно-то, что не надо, — сказал сотрудник. — А вот вам изобретение другого такого же изобретателя: «способ раскроя платья: животное (изобретатель, по-видимому, подразумевает шкуру убитого животного) рубят на две части. Срезывается шея и хвост и получаются два пиджака. Один из них со стоячим воротником». Портных не надо, — сказал сотрудник, — а вот вам новый способ самосогревания.

— Какой же это способ, — спросил я.

— Способ простой, — ответил сотрудник, — проще быть не может.

Он достал другую бумажку и прочел: Способ самосогревания: дыши себе под одеяло, и тепло изо рта будет омывать тело. Одеяло же сшей в виде мешка.

Я захохотал.

— Это еще что, — сказал сотрудник, улыбаясь, — тут нам один человек принес способ окраски лошадей.

— Зачем же их красить, — спросил я.

— Ясно, что ни к чему, — сказал сотрудник, — но вы послушайте способ окраски: «чтобы окрасить лошадь в другой цвет, надо связать ей передние и задние ноги и опустить ее в чан с кипяченым молоком».

Я хохотал на всю комнату.

— Подождите, — крикнул сотрудник, — вы прочтите вот это объявление из американской газеты. Оно перепечатано в советском журнале «Изобретатель».

Я взял журнал и прочел следующее. «Ново! Небывало! Необходимо всем и каждому! Прибор, помещающийся на голове, при помощи которого шляпа снимается автоматически. Достаточно небольшого

наклона головы, чтобы шляпа приветственно поднялась вверх. Незаменимо, когда обе руки заняты чемоданами».

Едва я успел дочитать до конца, как в комнату ворвался человек.

— Я опять к вам, — крикнул он сотруднику патентного отдела.

На лице сотрудника выразился испуг. Я оглянулся и увидел человека в мохнатой шапке, в валеных сапогах и с огромной папкой под мышкой. Я сразу узнал его — это был Астатуров. Но Астатуров, не замечая меня, подлетел к столу, разложил папку и крикнул:

— Я изобрел новую детскую игру «Друг за другом». Хочу получить на нее патент. Сейчас я вам ее покажу.

— Да это и не надо, — сказал сотрудник. — Вы подайте заявку на патент и напишите объяснение.

Но Астатуров не слушал сотрудника, он уже поставил фигуры по местам и объяснял.

— Первая фигура изображает корову и называется «корова».

Вторая — самовар и называется «самовар», третья — паровоз и называется «паровоз», четвертая человека и называется «врач».

— Хорошо, — сказал сотрудник. — но вы подайте письменное заявление.

Астатуров продолжал.

— Игроки начинают играть: первый игрок передвигает желтую корову, второй передвигает синюю, первый — желтый самовар, второй — синий... Постепенно фигуры идут навстречу друг другу и наконец меняются местами...

— Да вы подайте же заявление, — перебил Астатурова сотрудник патентного отдела.

— Слушайте дальше, — кричал Астатуров, — переменявшись местами, фигуры идут обратно в том же порядке.

— Ну и что же? — спросил сотрудник.

— Всё, — торжествующе сказал Астатуров.

— Да какая же это игра? — сказал сотрудник патентного отдела.

Но тут я не выдержал и рассмеялся.

— Смеетесь, — крикнул Астатуров, — и без вас обойдусь.

Он схватил свою шапку и выбежал из комнаты. Я кинулся следом за ним. Астатуров промчался по двум-трем улицам, и я видел, как он завернул в большой магазин детских игрушек.

Я постоял немного на улице, а потом не вытерпел и заглянул в магазин.

Астатуров стоял перед прилавком и говорил:

— Третья фигура паровоз и называется «паровоз», четвертая — человек и называется «врач».

Б.Левин и Д.Хармс

1930

Как Маша заставила осла везти ее в город

Вот осел везет таратайку,

а в таратайке едет Маша. Светит солнце. На деревьях растут яблоки.

Вдруг осел остановился.

Маша сказала ослу: «Ну, пожалуйста. Поезжай в город». А осел помахал хвостом и остался стоять на месте.

Маша показала ослу кнут и сказала: «Посмотри, что у меня есть». Но осел только пошевелил ушами и остался стоять на месте.

Тогда Маша выпрягла осла из таратайки. И опять запрягла его в таратайку, но только хвостом вперед.

Потом Маша достала ножницы и срезала у осла кусочек гривы. Осел с удивлением смотрел на Машу.

Маша села опять в таратайку и, сделав из гривы усы и бороду, наклеила их себе на лицо.

Осел вытаращил глаза и в ужасе начал пятиться.

Осел пятился и тащил за собой таратайку. И вот таким образом Маша и приехала в город.

Д.Хармс
1934

I

Однажды лев, слон, жираф,

олень, страус, лось, дикая лошадь и собака поспорили, кто из них быстрее всех бегают.

Спорили, спорили и чуть было не подрались.

Услыхал Гриша Апельсинов, что звери спорят, и говорит им:

— Эх вы, глупые звери! Зря вы спорите! Вы лучше устройте состязание. Кто первый вокруг озера обегит, тот значит и бегают быстрее всех.

Звери согласились, только страус сказал, что он не умеет вокруг озера бегать.

— Ну и не бегай, — сказал ему лось.

— А вот побегу, — сказал страус.

— Ну и беги! — сказал жираф.

Звери выстроились в ряд, Гриша Апельсинов махнул флажком, и звери побежали.

II

Лев несколько скачков сделал, устал и пошёл под пальмами отдохнуть.

Остальные звери дальше бегут. Впереди всех страус несётся, а за ним лось и жираф.

Вот страус испугался, чтобы его жирафа и лось не обогнали, повернул к ним голову и крикнул:

— Эй, слушайте! Давайте из озера всю воду выпьем! Все звери вокруг озера побегут, а мы прямо по сухому дну поперек побежим и раньше всех прибежим!

— А ведь верно! — сказали лось и жирафа, остановились и начали из озера воду пить.

А страус подумал про себя:

— Вот дураки! Пускай они воду пьют, а я дальше побегу.

И страус побежал дальше, да только забыл голову повернуть и, вместо того, чтобы вперёд бежать, побежал обратно.

III

А лось и жирафа пили пили, пили пили, наконец жирафа говорит:

— Я больше не могу.

И лось говорит:

— Я тоже больше не могу.

Побежали они дальше, да уж быстро бежать не могут. Так их от воды раздуло.

А слон увидел это и ну смеяться!

Стоит и смеётся! Стоит и смеётся!

А собаку по дороге блохи заели. Села она и давай чесаться!

Сидит и чешется! Сидит и чешется!

Так что первыми олень и дикая лошадь прибежали.

IV

А слон-то всё стоит и смеётся, стоит и смеётся!

V

А собака-то всё сидит и чешется, сидит и чешется!

VI

А жирафа-то всё бежит!

VII

А слон-то всё смеётся!

VIII

А собака-то всё чешется!

<Середина 1930-х>

Заяц и Ёж

Однажды ёж оступился

и упал в реку. Вода в реке была холодная и ёж очень озяб. Хотел ёж на солнце погреться, а погода была пасмурная, солнце было покрыто облаками.

Сел ёж на полянку и стал ждать, когда солнце из-за облаков выглянет.

Сидит ёж на полянке. С него вода капает. Холодно ему.

Вдруг видит — бежит по полянке заяц.

— Эй, заяц! — крикнул ёж. — Пойди-ка сюда!

Подошёл заяц к ежу и говорит:

— Ты чего меня звал?

— Вот, — говорит ёж, — я давно хотел с тобой поговорить. Все говорят, что ты трус. Как тебе не стыдно?

— Да ты что? — удивился заяц. — Зачем же ты меня обижаешь?

— Потому, — сказал ёж, — что ты трус и я хочу научить тебя, как храбрым стать.

— Я и без твоей помощи очень храбрый, — сказал заяц. — Я и так ничего не боюсь.

— Нет, — сказал ёж, — ты трус, а вот я...

Ёж вдруг замолчал, открыл рот, закрыл глаза и поднял голову.

Заяц посмотрел на ежа и испугался.

— Что это с ним? — подумал заяц. — Он, должно быть, сумасшедший!

Заяц прыгнул в сторону и спрятался в кусты.

А ёж дернул головой и вдруг чихнул: а п ч х и!

Потом ёж вытер лапкой нос, открыл глаза, посмотрел и видит: нету зайца.

— Вот так штука! — сказал ёж. — Куда же это он пропал? Эй, заяц, где ты?

А заяц сидит за кустом и молчит.

Ёж собрался домой пойти, но вдруг остановился, закрыл глаза, открыл рот, сначала немного, потом пошире, потом ещё шире и вдруг мотнул головой в сторону и громко чихнул: а п ч х и!

— Будьте здоровы! — сказал кто-то около ежа.

Ёж открыл глаза и увидел перед собой зайца.

— Где ты был? — спросил его ёж.

— Как, где был? — сказал заяц. — Нигде не был. Так всё тут и стоял.

— Не может быть, — сказал ёж, — я тебя не видел. Я тебя даже крикнул, а ты...

Ёж вдруг замолчал, вытянул вперёд свой нос, потом поднял его кверху, потом поднял его ещё выше, потом ещё выше, потом зажмурил глаза, поднял нос ещё выше и вдруг опустил его к самой земле и громко чихнул: а п ч х и!

— У меня, кажется, начинается насморк, — сказал ёж, открывая глаза. И вдруг увидел, что заяц опять исчез.

Ёж посмотрел кругом и почесал лапкой затылок.

— Нет, — сказал ёж. — Этот заяц просто... ап... ап... а п ч х и! — чихнул ёж.

— Исполнение желаний! — сказал кто-то около ежа.

Ёж открыл глаза и увидел зайца.

— Да что же это такое? — сказал ёж, пятясь от зайца.

— А что? — спросил заяц.

— Послушай, — сказал ёж, — ты всё время был тут?

— Да, — сказал заяц, — я всё время тут стоял.

— Тогда я ничего не понимаю! — сказал ёж. — То ты исчезаешь, то опять... ап... ап... ап... а п ч х и!

Ёж осторожно открыл один глаз, но сейчас же закрыл его и открыл другой. Зайца не было.

— Он опять исчез! — сказал тихо ёж, открывая оба глаза.

— Это не заяц, а просто... ап... ап... ап... а п ч х и!

— Будьте здоровы! — сказал заяц над самым ухом ежа.

— Караул! Спасите! — закричал ёж, сворачиваясь шариком и выставляя во все стороны свои острые иголки.

— Ты чего кричишь? — спросил заяц.

— Отстань! — закричал ёж. — Я на тебя смотреть боюсь! Ты всё время исчезаешь! Я ничего не понимаю! Уходи прочь!

— Подожди, — сказал заяц, — ты хотел научить меня как храбрым стать.

И с этими словами заяц опять прыг в кусты.

— Чтобы стать храбрым, — сказал ёж, высовывая мордочку, но вдруг увидел, что заяц опять исчез.

— Ай-ай-ай! Опять... а п ч х и! опять исчез! — закричал ёж и кинулся бежать.

Бежит ёж, остановится, чихнёт и дальше бежит. Чихнёт и опять бежит.

А заяц выскочил из кустов и давай смеяться.

— Ха-ха-ха! — смеётся заяц. — Вот храбрец нашёлся! меня храбрости учить хотел! Ха-ха-ха!

Вот какую историю рассказал мне мой знакомый дрозд.

Он сам это всё видел. Потому что недалеко на дереве сидел.

<Середина 1930-х>

Семь кошек

Вот так история! Не знаю.

что делать. Я совершенно запутался. Ничего разобрать не могу.

Посудите сами: поступил я сторожем на кошачью выставку.

Выдали мне кожаные перчатки, чтобы кошки меня за пальцы не цапали, и велели кошек по клеткам рассаживать и на каждой клетке надписывать — как которую кошку зовут.

— Хорошо, — говорю я, — а только как зовут этих кошек?

— А вот, — говорят, — кошку, которая слева, зовут Машка, рядом с ней сидит Пронька, потом Бубенчик, а эта Чурка, а эта Мурка, а эта Бурка, а эта Штукатурка.

Вот остался я один с кошками и думаю: «Выкурю-ка я сначала трубочку, а уж потом рассажу этих кошек по клеткам».

Вот курю я трубочку и на кошек смотрю.

Одна лапкой мордочку моет, другая на потолок смотрит, третья по комнате гуляет, четвертая кричит страшным голосом, еще две кошки друг на друга шипят, а одна подошла ко мне и меня за ногу укусила.

Я вскочил, даже трубку уронил.

— Вот, — кричу, — противная кошка! Ты даже и на кошку-то не похожа. Пронька ты, или Чурка, или, может быть, Штукатурка?

Тут вдруг я понял, что я всех кошек перепутал. Которую как зовут — совершенно не знаю.

— Эй, — кричу, — Машка! Пронька! Бубенчик!
Чурка! Мурка! Бурка! Штукатурка!

А кошки на меня ни малейшего внимания не обращают.

Я им крикнул:

— Кис-кис-кис!

Тут все кошки сразу ко мне свои головы повернули.

Что тут делать?

Вот кошки забрались на подоконник, повернулись ко мне спиной и давай в окно смотреть.

Вот они все тут сидят, а которая тут Штукатурка и которая тут Бубенчик?

Ничего я разобрать не могу.

Я думаю так, что только очень умный человек сумеет отгадать, как какую кошку зовут.

Посмотри на эту картинку и скажи: которая кошка Машка, которая Пронька, которая Бубенчик, которая Чурка, которая Мурка, которая Бурка и которая Штукатурка.

Сказка

— Вот, — сказал Ваня, кладя

на стол тетрадку, — давай писать сказку.

— Давай, — сказала Леночка, садясь на стул.

Ваня взял карандаш и написал:

«Жил-был король...»

Тут Ваня задумался и поднял глаза к потолку. Леночка заглянула в тетрадку и прочла, что написал Ваня.

— Такая сказка уже есть, — сказала Леночка.

— А почему ты знаешь? — спросил Ваня.

— Знаю, потому что читала, — сказала Леночка.

— О чем же там говорится? — спросил Ваня.

— Ну, о том, как король пил чай с яблоками и вдруг подавился, а королева стала бить его по спине, чтобы кусок яблока выскочил из горла обратно. А король подумал, что королева дерется, и ударил ее стаканом по голове. Тут королева рассердилась и ударила короля тарелкой. А король ударил королеву миской. А королева ударила короля стулом. А король вскочил и ударил королеву столом. А королева повалила на короля буфет. Но король вылез из-под буфета и пустил в королеву короной. Тогда королева схватила короля за волосы и выбросила его в окошко. Но король влез обратно в комнату через другое окно, схватил королеву и запихал ее в печку. Но королева вылезла через трубу на крышу, потом спустилась по громоотводу в сад и через окно вернулась обратно в комнату. А король в это время растапливал печку, чтобы сжечь королеву. Королева подкралась сзади и толкнула короля. Король полетел в печку и там сгорел.

— Вот и вся сказка, — сказала Леночка.

— Очень глупая сказка, — сказал Ваня. — Я хотел написать совсем другую.

— Ну, напиши, — сказала Леночка.

Ваня взял карандаш и написал:

«Жил-был разбойник...»

— Подожди! — крикнула Леночка. — Такая сказка уже есть.

— Я не знал, — сказал Ваня.

— Ну, как же, — сказала Леночка, — разве ты не знаешь о том, как один разбойник, спасаясь от стражи, вскочил на лошадь, да с размаху перевалился на другую сторону и упал на землю. Разбойник выругался и опять вскочил на лошадь, но снова не рассчитал прыжка, перевалился на другую сторону и упал на землю. Разбойник поднялся, погрозил кулаком, прыгнул на лошадь и опять перемахнул через нее и полетел на землю. Тут разбойник выхватил из-за пояса пистолет, выстрелил из него в воздух и опять прыгнул на лошадь, но с такой силой, что опять перемахнул через нее и шлёпнулся на землю. Тогда разбойник сорвал с головы шапку, растоптал ее ногами и опять прыгнул на лошадь и опять перемахнул через нее, шлёпнулся на землю и сломал себе ногу. А лошадь отошла в сторону. Разбойник прихрамывая подбежал к лошади и ударил ее кулаком по лбу. Лошадь убежала. В это время прискакали стражники, схватили разбойника и отвели его в тюрьму.

— Ну, значит, о разбойнике я писать не буду, — сказал Ваня.

— А о ком же будешь? — спросила Леночка.

— Я напишу сказку о кузнеце, — сказал Ваня.

Ваня написал:

«Жил-был кузнец...»

— Такая сказка тоже есть! — закричала Леночка.

— Ну? — сказал Ваня и положил карандаш.

— Как же, — сказала Леночка. — Жил-был кузнец. Вот однажды ковал он подкову и так взмахнул молотком, что молоток сорвался с рукоятки, вылетел в окно, убил четырех голубей, ударился о пожарную

каланчу, отлетел в сторону, разбил окно в доме брандмейстера, пролетел над столом, за которым сидели сам брандмейстер и его жена, проломил стену в доме брандмейстера и вылетел на улицу. Тут он опрокинул на землю фонарный столб, сшиб с ног мороженщика и стукнул по голове Карла Ивановича Шустерлинга, который на минуточку снял шляпу, чтобы проветрить свой затылок. Ударившись об голову Карла Ивановича Шустерлинга, молоток полетел обратно, опять сшиб с ног мороженщика, сбросил с крыши двух дерущихся котов, перевернул корову, убил четырех воробьев и опять влетел в кузницу и прямо сел на свою рукоятку, которую кузнец продолжал еще держать в правой руке. Все это произошло так быстро, что кузнец ничего не заметил и продолжал дальше ковать подкову.

— Ну, значит, о кузнеце уже написана сказка, тогда я напишу сказку о себе самом, — сказал Ваня и написал:

«Жил-был мальчик Ваня...»

— Про Ваню тоже сказка есть, — сказала Леночка. — Жил-был мальчик Ваня, и вот однажды подошел он к...

— Подожди, — сказал Ваня, — я хотел написать сказку про самого себя.

— И про тебя уже сказка написана, — сказала Леночка.

— Не может быть! — сказал Ваня.

— А я тебе говорю, что написана, — сказала Леночка.

— Да где же написана? — удивился Ваня.

— А вот купи журнал «Чиж» № 7, и там ты прочитаешь сказку про самого себя, — сказала Леночка.

Ваня купил «Чиж» № 7 и прочитал вот эту самую сказку, которую только что прочитал ты.

Д.Хармс-Шардам
1935

Храбрый Ёж

Стоял на дворе ящик.

Подошли звери к ящику, стали его осматривать, обнюхивать и облизывать.

А ящик-то вдруг раз, два, три — и открылся.

А из ящика-то раз, два, три — змея выскочила.

Испугались звери и разбежались.

Один ёж не испугался, кинулся на змею и раз, два, три — загрыз ее. А потом сел на ящик и закричал: «Ку-ка-реку!»

Нет, не так! Ёж закричал: «ав-ав-ав!»

Нет, и не так! Ёж закричал: «мяу-мяу-мяу!»

Нет, опять не так! Я и сам не знаю как.

Кто знает, как ежи кричат?

Ваня Махов

1935

В прошлом году я был на ёлке

у своих приятелей и подруг. Было очень весело.

На ёлке у Яшки — играл в пятнашки, на ёлке у Шурки — играл в жмурки, на ёлке у Нинки — смотрел картинки, на ёлке у Володи — плясал в хороводе, на ёлке у Лизаветы — ел шоколадные конфеты, на ёлке у Павлуши — ел яблоки и груши.

А в этом году пойду на ёлку в школу — там будет ещё веселее.

Ваня Мохов
<1935?>

Момка костей

Был у меня приятель. Звали его

Василий Петрович Иванов. В 10 лет он был уже ростом со шкаф, а к 15 годам он и в ширину так раздался, что стал на шкаф походить.

Мы с ним вместе в одной школе учились. В школе его так и звали «шкафом». Очень он был огромный.

И сила была в нем страшная. Мы на него всем классом нападали, а он нас, как щенят, раскидает в разные стороны, а сам стоит посередине и смеется.

Вышел однажды такой случай. Устроили мы в школе вечерний спектакль. И вот, во время самого спектакля, понадобилось зачем-то на сцену поставить кафедру. Кафедру надо было принести из класса, кафедра тяжелая, ну, конечно, обратились к Васе за помощью.

А надо сказать, что во всех классах лампочки были вывернуты, чтобы освещать зал и сцену. А потому в классах было темно.

Вася кинулся за кафедрой в класс, да в темноте вместо кафедры ухватился за печь, выломал ее из стены и выворотил в коридор. Потом пришлось этот класс отремонтировать и новую печь ставить. Вот какой сильный был мой приятель Вася Иванов.

Окончить школу Васе не удалось. К учению он был мало способен и сколько ни учился, так и не мог запомнить, сколько будет семью шесть. Память у него была плохая и сообразительность медленная.

Я из IV класса в V перешел, а Вася на второй год в

IV остался. А потом и вовсе из школы ушел и уехал с родителями в Японию.

Вот в Японии-то с ним и произошел случай, о котором я хочу рассказать.

Приехал Вася с родителями в Японию. Родители решили Васю на какую-нибудь службу пристроить. Но служба не подыскивается. Разве если только грузчиком. Да уж очень это невыгодно.

Вот кто-то и сказал Васиным родителям: «Да вы, говорит, пристройте вашего сына борцом. Вон он какой у вас сильный. А японцы борьбу любят. Только они в этом деле большие мастера. Так что пусть ваш сын в их школе борцов поучится. И есть тут такая школа, где учитель японец, господин Курано, по-русски хорошо говорит. Так что вашему сыну там как раз удобно будет. Окончит школу и знаменитым борцом станет».

Обрадовались Васины родители.

— Где же, — говорят, — эта школа помещается?

— Там-то и там, — говорят им, — на такой-то японской улице.

Вот привели Васю родители в японскую школу борьбы. Вышел к ним старичок японец, маленький, желтенький, весь сморщенный, на сморчка похож, посмотрел на них и по-русски спрашивает:

— Вам кого, — спрашивает, — нужно?

— А нам, — говорят Васины родители, — нужно господина Курано, учителя японской борьбы.

Старичок японец посмотрел на Васю, ручки потер и говорит:

— Это я и есть Курано, мастер джиу-джитсу. А вы, я вижу, ко мне ученика привели.

— Ах! — говорят Васины родители, — вот он, наш сын. Научите его вашему искусству.

— Что ж, — говорит японский старичок, — видеть, ваш сын довольно сильный молодой человек.

— О! — говорят Васины родители, — такой сильный, что просто ужас!

— Ну это, — говорит японский старичок, — еще не известно. А впрочем, если хотите, я могу взять его на испытание.

— Очень хотим, — говорят Васины родители. — Возьмите, пожалуйста.

И вот Вася остался на испытание у господина Курано, а Васины родители домой ушли.

— Идемте за мной, — сказал господин Курано и повел Васю за собой во внутренние комнаты.

Идет Вася за господином Курано и боится стену плечом задеть, чтобы дом не сломался, такой домик хрупкий, будто игрушечный.

Вот пришли они в комнату, устланную соломенными ковриками. Стены тоже соломенными ковриками обиты. А в комнате ученики господина Курано занимаются: хватают друг друга за руки, на пол валятся, опять вскакивают и друг друга через голову перебрасывают.

Господин Курано постоял немного, посмотрел, что-то по-японски полопотал, руками помахал и опять к Васе по-русски обращается:

— Пусть, — говорит, — мои ученики дальше занимаются, а мы с вами пойдемте вон в ту отдельную комнату.

Вошли они в пустую комнату, тоже обитую соломенными ковриками.

— Ну, — сказал господин Курано, — вы знаете, что такое джиу-джитсу?

— Нет, — говорит Вася, — не знаю.

— А это, — говорит господин Курано, — и есть наша наука борьбы. По-русски слово джиу-джитсу значит «ломка костей», потому что мы такие приемы знаем, что действительно одним ударом ладони даже берцовую кость сломать можем. Только вы не бойтесь, я вам костей ломать не буду.

— Да я и не боюсь, — сказал Вася, — я ведь крепкий.

— Ну, — говорит господин Курано, — на свою кре-

пость вы особенно не надейтесь. Сейчас мы посмотрим, какая ваша крепость. Снимайте вашу куртку и засучите рукава. Я посмотрю, какие у вас на руках мускулы.

Вася снял куртку, засучил рукава и согнул руку. Мускулы на руке вздулись шарами. Японец ощупал Васину руку и покачал головой.

— Вот смотрите, — сказал господин Курано, — мы больше всего ценим вот этот мускул, который у вас довольно слабый.

С этими словами господин Курано засучил свой рукав и показал Васе свою худую и жилистую руку.

— Вот я руку сгибаю, — сказал господин Курано, — вы видите вот тут, сбоку на локте, шарик. Это и есть мускул, который мы ценим больше всего. А у вас-то он слабый. Ну, ничего. Со временем и у вас будет крепкий. А теперь возьмите меня под мышцы и поднимите.

Вася взял господина Курано под мышцы и поднял его легко, как маленький пустой самоварчик.

— Так, — сказал господин Курано, — теперь поставьте меня обратно на землю.

Вася поставил господина Курано на пол.

— Хорошо, — сказал господин Курано, — некоторая сила у вас имеется. А теперь ударьте меня.

— Хы-хы! — сказал Вася. — Как же это я вас ударю?

— А так, возьмите и ударьте! — сказал господин Курано.

— Мне как-то совестно! — сказал Вася.

— Ах! — с досадой сказал господин Курано. — Какие глупости! Говорят вам, ударьте меня! Ну? Ну, ударьте же!

Вася посмотрел на господина Курано. Это был маленький жиденький старичок, чуть не в два раза меньше Васи, с морщинистым личиком и прищуренными глазками. Один Васин кулак был не меньше головы господина Курано.

«Что же, — подумал Вася, — я его ударю, а он тут же и скончается».

— Ну же, ударьте меня! ударьте меня! — кричал господин Курано.

Вася поднял руку и нерешительно толкнул господина Курано в плечо.

Господин Курано слегка покачнулся.

— Это не удар! — крикнул он. — Надо бить сильнее!

Вася слегка ударил господина Курано в грудь.

— Сильнее! — крикнул господин Курано. Вася ударил сильнее.

Господин Курано покачнулся, но продолжал стоять на ногах.

— Сильнее! — крикнул он.

Вася ударил еще сильнее. Господин Курано сильнее покачнулся, но все же на ногах устоял.

«Ишь ты», — подумал Вася.

— Сильнее! — крикнул господин Курано.

«Ладно же», — подумал Вася, развернулся и что есть силы ударил кулаком господина Курано. Но господина Курано перед Васей не оказалось, и Вася, не встретив сопротивления, пробежал несколько шагов и стукнулся об стену.

— Ишь вьюн какой! — сказал Вася.

А господин Курано уже опять стоял перед Васей и, гримасничая лицом, говорил:

— Не унывайте же, молодой человек! Еще раз ударьте меня, да посильнее!

«Ах так! — подумал Вася, — я тебя, сморчок, сейчас пристукну!» — и решил бить сильно, но осторожно, с расчетом, чтоб не упасть.

Вася размахнулся уже рукой, как вдруг сам получил в бок электрический удар. Вася вскрикнул и схватил господина Курано за шею. Но господин Курано нырнул куда-то вниз, и Вася вдруг потерял равновесие и, перелетев через японца, шлепнулся на пол.

— А! — крикнул Вася и вскочил на ноги. Но тут же получил по ногам удар и опять потерял равновесие.

Господин Курано схватил Васю за руки и дернул куда-то в сторону. Вася переступил ногами и опять почувствовал себя в устойчивом положении, но только собрался схватить господина Курано, как опять получил удар в бок и вдруг, очутившись головой вниз, чиркнул ногами по потолку и, перелетев через японца, опять шлепнулся на пол.

Вася вскочил, дико озираясь, но сейчас же опять полетел вокруг японца и очутился на полу в лежащем положении.

Совершенно ошалев, Вася вскочил с пола и кинулся к двери.

— Куда же вы? — крикнул ему господин Курано.

Но Вася выскочил в комнату, где занимались ученики господина Курано.

Растолкав их, он выбежал в коридорчик, а оттуда на улицу.

Домой Вася прибежал без куртки с всклокоченными волосами.

— Что с тобой? — вскрикнула Васина мама.

— Где твоя куртка? — вскричал Васин папа.

В Японии Васе не понравилось, и он вернулся обратно в Ленинград.

Теперь Василий Петрович Иванов живет в Ленинграде и служит в автобусном парке. Его работа заключается в том, что он перетаскивает с места на место испорченные автобусы.

Мне, как школьному товарищу, он рассказал историю с японским учителем джиу-джитсу, но вообще же рассказывать об этом он не любил.

Вот однажды подошел

ко мне Кирилл и сказал:

— А я знаю наизусть «Буря мглою небо кроет, вихри снежные крутя».

— Очень хорошо, — сказал я. — А тебе нравятся эти стихи?

— Нравятся, — сказал Кирилл.

— А ты знаешь, кто их написал? — спросил я Кирилла.

— Знаю, — сказал он.

— Кто? — спросил я Кирилла.

— Пушкин, — сказал Кирилл.

— А ты понимаешь, про что там написано? — спросил я.

— Понимаю, — сказал Кирилл, — там написано про домик и про старушку.

— А ты знаешь, кто эта старушка? — спросил я.

— Знаю, — сказал Кирилл, — это бабушка Катя.

— Нет, — сказал я, — это не бабушка Катя. Эту старушку зовут Арина Родионовна. Это няня Пушкина.

— А зачем у Пушкина няня? — спросил Кирилл.

— Когда Пушкин был маленький, у него была няня. И когда маленький Пушкин ложился спать, няня садилась возле его кровати и рассказывала ему сказки или пела длинные русские песни. Маленький Пушкин слушал эти сказки и песни и просил няню рассказать или спеть ему ещё. Но няня говорила: «Поздно. Пора спать». И маленький Пушкин засыпал.

— А кто такой Пушкин? — спросил Кирилл.

— Как же ты выучил стихи Пушкина наизусть и не знаешь, кто он такой! — сказал я. — Пушкин это великий поэт. Ты знаешь, что такое поэт?

— Знаю, — сказал Кирилл.

— Ну скажи, что такое поэт, — попросил я Кирилла.

— Поэт, это который пишет стихи, — сказал Кирилл.

— Верно, — сказал я, — поэт пишет стихи. А Пушкин великий поэт. Он писал замечательные стихи. Всё, что написал Пушкин, — замечательно.

— Ты говоришь, Пушкин был маленький, — сказал Кирилл.

— Нет, — сказал я. — Ты меня не так понял. Сначала Пушкин был маленький, как и все люди, а потом вырос и стал большим.

— А когда он был маленький, он писал стихи? — спросил Кирилл.

— Да, писал, — сказал я. — Но сначала он начал писать стихи по-французски.

— А почему он писал сначала по-французски? — спросил меня Кирилл.

— Видишь ли ты, — сказала я Кириллу. — В то время, когда жил Пушкин, в богатых домах было принято разговаривать на французском языке. И вот родители Пушкина наняли ему учителя французского языка. Маленький Пушкин говорил по-французски так же хорошо, как и по-русски, прочитал много французских книг и начал сам писать французские стихи.

С родителями Пушкин говорил по-французски, с учителем по-французски, с сестрой тоже по-французски. Только с бабушкой и с няней маленький Пушкин говорил по-русски. И вот, слушая нянины сказки и песни, Пушкин полюбил русский язык и начал писать стихи по-русски.

В это время часы, висевшие на стене, пробили два часа.

— Ну, — сказал я Кириллу, — тебе пора идти гулять.

— Ой, нет, — сказал Кирилл. — Я не хочу гулять. Расскажи мне ещё про Пушкина.

— Хорошо, — сказал я, — я расскажу тебе о том, как Пушкин стал великим поэтом.

Кирилл забрался на кресло с ногами и приготовился слушать.

— Ну так вот, — начал я, — когда Пушкин подрос, его отдали в Лицей. Ты знаешь, что такое Лицей?

— Знаю, — сказал Кирилл, — это такой пароход.

— Нет, что ты! — сказал я. — Какой там пароход! Лицей — это так называлась школа, в которой учился Пушкин. Это была тогда самая лучшая школа. Мальчики, которые учились там, должны были жить в самом Лицее. Их учили самые лучшие учителя и Лицей посещали знаменитые люди.

В Лицее вместе с Пушкиным училось тридцать мальчиков. Многие из них были тоже молодыми поэтами и тоже писали стихи. Но Пушкин писал стихи лучше всех. Пушкин писал очень много, а иногда бывали дни, когда он писал стихи почти всё время: и на уроке в классе, и на прогулке в парке и даже проснувшись утром в кровати он брал карандаш и бумагу и начинал писать стихи. Иногда ему стихи не удавались. Тогда он кусал от досады карандаш, зачеркивал слова и надписывал их вновь, исправлял стихи и переписывал их несколько раз. Но когда стихи были готовы, они получались всегда такие лёгкие и свободные, что казалось, будто Пушкин написал их безо всякого труда.

Лицейские товарищи Пушкина читали его стихи и заучивали их наизусть. Они понимали, что Пушкин становится замечательным поэтом. А Пушкин писал стихи всё лучше и лучше.

И вот однажды в Лицей на экзамен приехал старик Державин...

— А зачем он приехал? — спросил меня Кирилл.

— Ах да, — сказал я, — ведь ты, может быть, не знаешь, кто такой Державин. Державин тоже вели-

кий поэт, и до Пушкина думали, что Державин самый лучший поэт, царь поэтов.

Державин был уже очень стар. Он приехал в Лицей, уселся в кресло и на воспитанников Лицея смотрел сонными глазами.

Но когда вышел Пушкин и звонким голосом начал читать свои стихи, Державин сразу оживился. Пушкин стоял в двух шагах от Державина и громко и сильно читал свои стихи. Голос его звенел.

Державин слушал. В глазах его показались слёзы.

Когда Пушкин кончил, Державин поднялся с кресла и кинулся к Пушкину, чтобы обнять его и поцеловать нового замечательного поэта. Но Пушкин, сам не понимая, что он делает, повернулся и убежал. Его искали, но нигде не могли найти.

— А где же он был? — спросил меня Кирилл.

— Не знаю, — сказал я. — Должно быть, куда-нибудь спрятался. Уж очень он был счастлив, что его стихи понравились Державину!

— А Державин? — спросил меня Кирилл.

— А Державин, — сказал я, — понял, что ему на смену появился новый великий поэт, может быть, ещё более великий, чем он сам.

Кирилл сидел на кресле некоторое время молча. А потом вдруг неожиданно спросил меня:

— А ты видел Пушкина?

— И ты можешь посмотреть на Пушкина, — сказал я. — В этом журнале помещён его портрет.

— Нет, — сказал Кирилл, — я хочу посмотреть на живого Пушкина.

— Это невозможно, — сказал я. — Пушкин умер ровно сто лет тому назад. Теперь нам дорого всё, что осталось от Пушкина. Все его рукописи, каждая даже самая маленькая записка, написанная им, гусиное перо, которым он писал, кресло, в котором он когда-то сидел, письменный стол, за которым он работал, — всё это хранится в Ленинграде в Пушкинском музее.

<А в Селе Михайловском ещё до сих пор стоит маленький домик, в котором когда-то жила пушкинская няня Арина Родионовна. Про этот домик и про свою няню Пушкин писал стихи. Это те стихи, которые ты выучил сегодня наизусть.>

18 декабря 1936 года

Про собаку Бубubu

Жила была очень умная собака.

Звали ее Бубubu.

Она была такая умная, что умела даже рисовать.

И вот однажды она нарисовала картину. Но никто не мог понять, что было на картине нарисовано.

Прибежала Мышка-Малышка, посмотрела на картинку, понюхала раму и сказала:

— Нет, я не знаю, что на картине нарисовано. Может быть, сыр, пи-пи-пи! А может быть — свечка, пю-пю-пю!

Пришел петух Ерофей. Встал на цыпочки, посмотрел на картину и сказал:

— Нет, я не знаю, что на картине нарисовано. Может быть, это пшенная каша, ку-ка-ре-ку! А может быть — это деревянное корыто, ре-ку-ка-ре!

Пришла Уточка-Анюточка. Посмотрела на картину с одного бока и сказала:

— Кря-кря-кря!
Это завитушка,
Кря-кря-кря!
Может быть, лягушка.

А потом посмотрела на картину с другого бока и сказала:

— Кря-кря-кря!
Это не лягушка.
Кря-кря-кря!
Это завитушка!

Прибежала обезьяна Марья Тимофеевна, почесала бок, посмотрела на картину и сказала:

— Бал-бал-бал-бал.

Бол-бол-бол-бол.

— Эй! — крикнули обезьяне, — говори понятнее!
А она опять:

— Лок! вок! мок! рок!

Лук! Лак! Лик! Лек!

— А ну тебя! — крикнули обезьяне. — Непонятно ты говоришь!

А обезьяна почесала ногой затылок и убежала.

Наконец пришел знаменитый художник Иван Иванович Пнёв. Он долго ерошил волосы и смотрел на картину и наконец сказал:

— Нет, никто не знает, что нарисовано на картине, и я не знаю.

Тут вышла умная собака Бубубу, взглянула на свою картину и закричала:

— Ах-ах! Ав-ав! Да ведь картина-то повернута к вам не той стороной. Ведь вы смотрите на заднюю сторону картины. Вот смотрите!

И с этими словами собака Бубубу повернула картину.

Картина была такая замечательная, что мы решили напечатать ее в 1-м номере журнала «Чиж» 1936 года.

Д.Хармс
1935

Хвастун Колпаков

Жил однажды человек по имени

Фёдор Фёдорович Колпаков.

— Я, — говорил Фёдор Фёдорович Колпаков, — ничего не боюсь! Хоть в меня из пушки стреляй, хоть меня в воду бросай, хоть меня огнём жги — ничего я не боюсь! Я и тигров не боюсь, и орлов не боюсь, и китов не боюсь и пауков не боюсь, — ничего я не боюсь!

Вот однажды Фёдор Фёдорович Колпаков стоял на мосту и смотрел, как водолазы под воду опускаются. Смотрел, смотрел, а потом, когда водолазы вылезли из воды и сняли свои водолазные костюмы, Фёдор Фёдорович не утерпел и давай им с моста кричать:

— Эй, — кричит, — это что! Я бы ещё и не так мог! Я ничего не боюсь! Я и тигров не боюсь, и орлов не боюсь, и китов не боюсь, и пауков не боюсь, — ничего я не боюсь! Хоть меня огнём жги, хоть в меня из пушки стреляй, хоть меня в воду бросай, — ничего я не боюсь!

— А ну ка, — говорят ему водолазы, — хочешь попробовать под воду спуститься?

— Зачем же это? — говорит Фёдор Фёдорович и собирается прочь уйти.

— Что, брат, струсил? — говорят ему водолазы.

— Ничего я не струсил, — говорит Фёдор Фёдорович, — а только чего же я под воду полезу?

— Боишься! — говорят водолазы.

— Нет, не боюсь! — говорит Фёдор Фёдорович Колпаков.

— Тогда надевай водолазный костюм и полезай в воду.

Опустился Фёдор Фёдорович Колпаков под воду.
А водолазы ему сверху в телефон кричат:

— Ну как, Фёдор Фёдорович? Страшно?

А Фёдор Фёдорович им снизу отвечает:

— Няв... няв... няв...

— Ну, — говорят водолазы, — хватит с него.

Вытащили они Фёдора Фёдоровича из воды, сняли с него водолазный костюм, а Фёдор Фёдорович смотрит вокруг дикими глазами и всё только «няв... няв... няв...» говорит.

— То то, брат, зря не хвастай, — сказали ему водолазы и ссадили его на берег.

Пошёл Федор Федорович Колпаков домой и с тех пор больше никогда не хвастал.

<1934>

В. Буш

Шлих и Плюх

Вольный перевод с немецкого

Глава первая

Каспар Шлих, куря табак,

Нес под мышкой двух собак.

«Ну! — воскликнул Каспар Шлих, —
Прямо в речку брошу их!»

Хоп! взлетел щенок дугой,
Плих! и скрылся под водой.

Хоп! взлетел за ним другой,
Плюх! и тоже под водой.

Шлих ушел, куря табак;
Шлиха нет, и нет собак.

Вдруг из леса, точно ветер,
Вылетают Пауль и Петер,
И тотчас же с головой
Исчезают под водой.
Не прошло и двух минут,
Оба к берегу плывут,
Вылезают из реки,
А в руках у них щенки.

Петер крикнул: «Это мой!»
Пауль крикнул: «Это мой!»
«Ты будь Плихом!»

«Ты будь Плюхом!»
«А теперь бежим домой!»
Петер, Пауль, Плих и Плюх
Мчатся к дому во весь дух.

Глава вторая

Папа Фиттих рядом с мамой,
Мама Фиттих рядом с папой,
На скамеечке сидят,
Вдаль задумчиво глядят.

Вдруг мальчишки прибежали
И со смехом закричали:
«Познакомьтесь: Плюх и Плих!
Мы спасли от смерти их!»

«Это что ещё за штуки?» —
Грозно крикнул папа Фиттих.
Мама, взяв его за руки,
Говорит: «Не надо бить их!»
И к столу детей ведёт.
Плих и Плюх бегут вперёд.

Что такое?
Что такое?
Где похлёбка?
Где жаркое?

Две собаки Плюх и Плих
Съели всё за четверых.

Каспар Шлих, куря табак,
Увидал своих собак.
«Ну! — воскликнул Каспар Шлих, —
Я избавился от них!

Бросил в речку их на дно,
А теперь мне всё равно!»

Глава третья

Ночь.
Луна.
Не дует ветер.
На кустах не дрогнет лист.

Спят в кроватях
Пауль и Петер,
Слышен только
Храп и свист.

Плих и Плюх
Сидели тихо,
Но, услыша
Свист и храп,

Стали вдруг
Чесаться лихо
С громким стуком
Задних лап.

Почесав
Зубами спины
И взглянув
С тоской вокруг,
На кровати
Под перины
Плих и Плюх
Полезли вдруг.

Тут проснулись оба брата
И собак прогнали прочь.
На полу сидят щенята.
Ах, как долго длится ночь!

Скучно без толку слоняться
Им по комнате опять, —

Надо чем-нибудь заняться,
Чтобы время скоротать.

Плих штаны зубами тянет,
Плюх играет сапогом.

Вот и солнце скоро встанет.
Посветлело всё кругом.

«Это что ещё за штуки!» —
Утром крикнул папа Фиттих.

Мама, взяв его за руки,
Говорит: «Не надо бить их!
Будь хорошим.
Не сердись.
Лучше завтракать садись!»

Светит солнце.
Дует ветер.
А в саду,
Среди травы,
Стали рядом
Пауль и Петер.
Полубуйтесь каковы!

Грустно воют Плюх и Плих,
Не пускают цепи их.

Плих и Плюх в собачьей будке
Арестованы на сутки.

Каспар Шлих, куря табак,
Увидал своих собак.
«Ну! — воскликнул Каспар Шлих, —
Я избавился от них!
Бросил в речку их, на дно,
А теперь мне всё равно!»

Глава четвертая

Мышку, серую плутовку,
Заманили в мышеловку.

Эй, собаки,
Плюх и Плих!
Вот вам завтрак на двоих!

Мчатся псы и лают звонко;
Ловят быстрого мышонка,
А мышонок не сдаётся,
Прямо к Паулю несётся.
По ноге его полез
И в штанах его исчез.

Ищут мышку Плюх и Плих,
Мышка прячется от них.

Вдруг завыл от боли пёс,
Мышь вцепилась Плюху в нос!
Плих на помощь подбегает,
А мышонок прыг назад,

Плиха за ухо хватает
И к соседке мчится в сад.

А за мышкой во весь дух
Мчатся с лаем Плих и Плюх.

Мышь бежит,
За ней собаки.
Не уйти ей от собак.
На пути
Левкои,
Маки,
Георгины
И табак.

Псы рычат
И громко воют,
И ногами
Землю роют,
И носами
Клумбу роют,
И рычат,
И громко воют.

В это время Паулина,
Чтобы кухню осветить,
В лампу кружку керосина
Собиралась перелить,

Вдруг в окошко поглядела
И от страха побледнела,
Побледнела,
Задрожала,
Закричала:
«Прочь скоты!
Всё погибло.
Всё пропало.
Ах, цветы, мои цветы!»

Гибнет роза,
Гибнет мак,
Резеда и георгин!
Паулина на собак
Выливает керосин.
Керосин
Противный,
Жгучий,
Очень едкий
И вонючий!

Воют жалобно собаки,
Чешут спины
И бока.

Топчут розы,
Топчут маки,
Топчут грядки табака.

Громко взвизгнула соседка
И, печально крикнув: «У-у-у!»,
Как надломленная ветка,
Повалилась на траву.

Каспар Шлих, куря табак,
Увидал своих собак,
И воскликнул Каспар Шлих:
«Я избавился от них!
Я их выбросил давно,
И теперь мне всё равно!»

Глава пятая

Снова в будке Плюх и Плих.
Всякий скажет вам про них:
«Вот друзья, так уж друзья!
Лучше выдумать нельзя!»

Но известно, что собаки
Не умеют жить без драки.

Вот в саду, под старым дубом,
Разодрались Плих и Плюх.
И помчались друг за другом
Прямо к дому во весь дух.

В это время мама Фиттих
На плите пекла блины.
До обеда покормить их
Просят маму шалуны.

Вдруг из двери мимо них
Мчатся с лаем Плюх и Плих.

Драться в кухне мало места:
Табурет, горшок и тесто
И кастрюля с молоком
Полетели кувырком.

Пауль кнутиком взмахнул,
Плиха кнутиком стегнул.
Петер крикнул:
«Ты чего
Обижаешь моего?
Чем собака виновата?»
И кнутом ударил брата.
Пауль тоже рассердился,
Быстро к брату подскочил,
В волоса его вцепился
И на землю повалил.

Тут примчался папа Фиттих
С длинной палкою в руках.
«Ну, теперь я буду бить их!»
Закричал он впопыхах.

«Да, — промолвил Каспар Шлих, —
Я давно побил бы их.
Я побил бы их давно!
Мне-то, впрочем, всё равно!»

Папа Фиттих на ходу
Вдруг схватил сковороду,
И на Шлиха блин горячий
Нахлобучил на ходу.

«Ну, — воскликнул Каспар Шлих, —
Пострадал и я от них.
Даже трубка и табак
Пострадали от собак!»

Глава шестая

Очень, очень, очень, очень
Папа Фиттих озабочен...
«Что мне делать? — говорит, —
Голова моя горит.
Петер — дерзкий мальчуган,
Пауль — страшный грубиян,

Я пошлю мальчишек в школу,
Пусть их учит Бокельман!»

Бокельман учил мальчишек,
Палкой по столу стучал,

Бокельман ругал мальчишек
И как лев на них рычал.

Если кто не знал урока,
Не умел спрягать глагол, —

Бокельман того жестоко
Тонкой розгой порол.

Впрочем, это очень мало
Иль совсем не помогало,
Потому что от битья
Умным сделаться нельзя.
Кончив школу кое-как,
Стали оба мальчугана
Обучать своих собак
Всем наукам Бокельмана.

Били, били, били, били,
Били палками собак,
А собаки громко выли,
Но не слушались никак.

«Нет, — подумали друзья, —
Так собак учить нельзя!

Палкой делу не помочь!
Мы бросаем палки прочь».

И собаки в самом деле
Поумнели в две недели.

**Глава седьмая
и последняя**

Англичанин мистер Хопп
Смотрит в длинный телескоп.

Видит горы и леса
Облака и небеса,

Но не видит ничего,
Что под носом у него.
Вдруг о камень он споткнулся,
Прямо в речку окунулся.

Шел с прогулки папа Фиттих,
Слышит крики: «Караул!»
«Эй, — сказал он, — посмотрите,
Кто-то в речке утонул».

Плих и Плюх помчались сразу,
Громко лая и визжа.
Видят — кто-то долговязый
Лезет на берег дрожа.

«Где мой шлем и телескоп?»
Восклицает мистер Хопп.

И тотчас же Плих и Плюх
По команде в воду бух!
Не прошло и двух минут,
Оба к берегу плывут.

«Вот мой шлем и телескоп!»
Громко крикнул мистер Хопп
И прибавил: «Это ловко!
Вот что значит дрессировка!
Я таких собак люблю,
Я сейчас же их куплю.
За собачек сто рублей
Получите поскорей!»

«О! — воскликнул папа Фиттих, —
Разрешите получить их!»

«До свиданья! До свиданья!
До свиданья, Плюх и Плих!»
Говорили Пауль и Петер,
Обнимая крепко их.

«Вот на этом самом месте
Мы спасли когда-то вас,
Целый год мы жили вместе,
Но расстанемся сейчас».

Каспар Шлих, куря табак,
Увидал своих собак.
«Ну и ну! — воскликнул он, —
Сон ли это, иль не сон?
В самом деле, как же так?
Сто рублей за двух собак!
Мог бы стать я богачом,
А остался не при чём».

Каспар Шлих ногою топнул,
Чубуком о землю хлопнул,
Каспар Шлих рукой махнул —
Бух!
И в речке утонул.

конец.

«Меня
закончили
ног студи...»

Стихотворения

адеев Калдеев и Пепермалдеев

однажды гуляли в дремучем лесу
Фадеев в цилиндре Калдеев в перчатках
А Пепермалдеев с ключом на носу

Над ними по воздуху сокол катался
в скрипучей тележке с высокой дугой
Фадеев смеялся, Калдеев чесался
а Пепермалдеев легался ногой

Но вдруг неожиданно воздух надулся
и вылетел в небо горяч и горюч
Фадеев подпрыгнул Калдеев согнулся
А Пепермалдеев схватился за ключ

Но стоит ли трусить подумайте сами
Давай мудрецы танцевать на траве
Фадеев с кардонкой Калдеев с часами
а Пепермалдеев с кнутом в рукаве

И долго весёлые игра затеяв
пока не проснутся в лесу петухи
Фадеев Калдеев и Пепермалдеев
смеялись хаха, хохохо, хи-хи-хи!

18 ноября 1930 года.

 понял будучи в лесу
вода подобна колесу
Так вот послушайте: однажды,
я погибал совсем от жажды

живот водой мечтал надуться.
Я встал.
и ноги больше не плетутся.
я сел
и в окна льётся свет.
я лег
и мысли больше нет
2 сентября <1933>.

Приказ лошадям

Для быстрого движенья
по шумным площадям
пришло распоряженье
от Бога к лошадям
скачи всегда в позиции
военного коня
но если из Милиции
при помощи огня
на троссе в верх подвешенном
в коробке жестяной
мелькнёт в движеньи бешеном
фонарик над стеной
пугая красной вспышкой
идушую толпу,
беги мгновенно мышкой
к фонарному столбу
покорно и с терпением
зелёный жди сигнал
борясь в груди с биением
где кровь бежит в канал
от сердца расходящийся
не в виде тех кусков
в музее находящихся
а в виде волосков
и сердца трепетание

удачно поборов
пустись опять в скитание
покуда ты здоров

3 сентября 1933 года

Шарики сударики
блестят шелестят
шарики сударики
блестят шелестят
и люди тоже шелестят
и шарики шелестят
и люди тоже шелестят
блестят шелестят
и шарики тоже
блестят шелестят
и люди блестят шелестят
и шарики блестят шелестят
и люди стоят
и блестят шелестят
а шарики летят
и блестят шелестят
а люди глядят
как шарики летят
как шарики летят
и блестят шелестят
и люди тоже
блистят шелестят
и глядят
как шарики тоже
блестят шелестят
люди с палками стоят
и блестят шелестят
и на шарики глядят

как шарики летят
как шарики летят
и блестят шелестят
и палки тоже
блестят шелестят
и люди блестят шелестят
и палки блестят шелестят
и шарики тоже
блестят шелестят
а люди стоят
и на шарики глядят
и на шарики глядят
и блестят шелестят
и палки тоже блестят шелестят.

13 апреля 1933 года.

Я в трамвае видел деву
даже девушку друзья
вся она такой бутончик
рассказать не в силах я

Но со мной чинарь Введенский
ехал тоже как дурак
видя деву снял я шляпу
и Введенский снял колпак.

<Январь 1930>

Все все все деревья пиф
все все все камни паф
вся вся вся природа пуф.

все все все девицы пиф
все все все мужчины паф
вся вся вся женитьба пуф.

все все все славяне пиф
все все все евреи паф
вся вся вся Россия пуф.

<Октябрь 1929>

Вариации

Среди гостей, в одной рубашке
Стоял задумчиво Петров
Молчали гости. Над камином
Железный градусник висел
Молчали гости. Над камином
Висел охотничий рожок.
Петров стоял. Часы стучали.
Трещал в камине огонёк.
И гости мрачные молчали.
Петров стоял. Трещал камин.
Часы показывали восемь.
Железный градусник сверкал
Среди гостей, в одной рубашке
Петров задумчиво стоял
Молчали гости. Над камином
Рожок охотничий висел.
Часы таинственно молчали.
Плясал в камине огонёк.
Петров задумчиво садился
На табуретку. Вдруг звонок
В прихожей бешенно залился,
И щёлкнул английский замок.
Петров вскочил, и гости тоже
Рожок охотничий трубит
Петров кричит: «О Боже, Боже!»
И на пол падает убит.

И гости мечутся и плачат.
Железный градусник трясут
Через Петрова с криком скачат
И в двери страшный гроб несут.
И в гроб закупорив Петрова
Уходят с криками: «готово».

15 августа 1936 года.

Шёл Петров однажды в лес.
Шёл и шёл и вдруг исчез.

Ну и ну, сказал Бергсон
Сон ли это? Нет, не сон.

Посмотрел и видит ров,
А во рву сидит Петров.

И Бергсон туда полез.
Лез и лез и вдруг исчез.

Удивляется Петров:
Я должно быть нездоров.

Видел я исчез Бергсон.
Сон ли это? Нет, не сон.

<1936—1937>

Меня закинули под стул,
Но был я слаб и глуп.
Холодный ветер в щели дул
И попадал мне в зуб.
Мне было так лежать нескладно,
Я был и глуп и слаб.
Но атмосфера так прохладна
Когда бы не была-б,

Я на полу-б лежал бесзвучно,
Раскинувши тулуп.
Но так лежать безумно скучно:
Я слишком слаб и глуп.

23 апреля 1938 года.

В июле как то в лето наше
Идя бредя в жару дневную
Шли два б<р>ата Коля с Яшей
И встретили свинью большую.

«Смотри свинья какая в поле
Идет» заметел Коля Яше
«Она пожалуй будет Коля
На вид толстей чем наш папаша»

Но Коля молвил: «Полно Яша,
К чему сболтнул ты эту фразу?
Таких свиней как наш папаша
Я еще не видывал ни разу».

1922
ДСН

О том как иван иванович попросил и что из этого вышло

Посвящается Тылли и восклицательному

«ван иваныч Расскажи
кйку с кокой Расскажи
на заборе Расскажи

ты Расскажешь паровоз
почему ты паровоз?
мы не хотим паровоз.

лучше шпилька, беренда́
с хи ка ку гой беренда
завертёла беренда

как то жил один столяр
только жилистый столяр
мазал клейстером столяр

делал стулья и столы
делал молотом столы
из орёшника столы

было звать его иван
и отца его иван
так и звать его иван

у него была жена
не мамаша, а жена
НЕ МАМАША А ЖЕНА

как её зовут теперь
я не помню теперь
позабыл те — перь

иван иваныч говорит
очень умно говорит
поцелуй* говорит.

а жена ему: нахал!
ты муж и нахал!
убирайся нахал!

я с тобою не хочу
делать это не хочу
потому что не хочу.

иван иваныч взял платок
развернул себе платок
и опять сложил платок

* В оригинале стоит неприличное слово. (Примеч. автора.)

ты не хочешь, говорит
ну так что же, говорит
я уеду, говорит

а жена ему: нахал!
ты муж и нахал!
убирайся нахал!

я совсем не для тебя
не желаю знать тебя
и плевать хочу в тебя.

иван иваныч поглупел
между прочим поглупел
у усикирку поглупел

а жена ему сюда
развернулась да сюда
да потом ещё сюда

в ухо двинула потом
зубы выбила потом
и ударила потом!

иван иванович запнулся
так немножечко запнулся
за п... п... п... п... пнулся

ты не хочешь, говорит
ну так чтоже, говорит
я уеду, говорит

а жена ему: нахал!
ты муж и нахал!
убирайся нахал!

и уехал он уехал
на извощике уехал
и на поезде уехал

а жена осталась тут
и я тоже был тут
оба были мы тут.

Даниил
Заточник (Хармс)
1925 ноябрь

Говор

Откормленные лылы
вздохнули и сказали
и только из под банки
и только и тютю
катитесь под фуфелу
фафалу не пермажте
и даже отваляла
из мякиша какá —
— косынка моя улька
подáрок или ситец
зелёная салóнка
чáничка купрыш
сегодня из под áнды
фуфылятся рука́ми
откормленные лылы
и только
и тютю.

ВСЁ

<1925>

Случай на железной дороге

Как-то бабушка махнула
и тотчас же паровоз
детям подал и сказал
пейте кашу и сундук.
утром дети шли назад.

сели дети на забор
и сказали: вороной
поработый я не буду
маша тоже не такая
как хотите может быть
мы залижем и писочек
то что небо выразило.
вылезайте на вогзале
здравствуй здравствуй Грузия
как нам выйти из неё
мимо этого большого
не забора. ах вы дети
выросла палеандра
и влетая на вагоны
перемыла не того
что налима с перепуту
оградил семью волами
вынул деньги из кармана
деньги серые в лице

Ну так вот. а дальше прели
всё супа — сказала тетя
всё чижи — ск<a>зал покойник
даже тело опустилось
и чирикало любезно,
но зато немного скучно
и как будто бы назад
дети слушали обедню
надевая на плечо —
мышка бегала в передник
раздирая два плеча
а грузинка на пороге
все твертила. — а грузин
перегнувшись под горою
шарил пальцами в грязи.

<1926>

Скупость

Люди спят
урлы-мурлы
над людьми
прячут орлы.
Люди спят
и ночь пуста.
сторож ходит вкруг куста.
Сторож он
не то что ты,
сон блудливый
как мечты,
сон ленивый как перелёт
руки длинные как переплёт.

Друг за другом люди спят:
все укрылися до пят.
Мы давно покоя рыщем.
Дым стоит над их жилищем.

Голубь турман вьёт гнездо,
подъезжал к крыльцу ездок,
пыхот слышался машин,
дева падала в кувшин.
Ноги падали в овраг
Леший бегал.
Людий враг.
Ночь свистела —
плыл орёл.
Дочь мерцала —
путник брёл.
Люди спали —
я не спал,
деньги я пересыпал.
Я считал своё богатство.
Это было святотатство.
Я все ночку сторожил!
Я так деньгами дорожил.

всё

1926 года.

Стих Петра-Яшкина-коммуниста

Мы бежали как сажени
на последнее сражение
наши пики притупились
мы сидели у костра
реки сохли под ногою
мы кричали: мы нагоним!
плечи дурые высоки
морда белая востра

но дорога не платочек
и винтовку не наточишь
мы пускали наши взоры
вёрсты скорые считать
небо падало завесой
опускалося за лесом
камни прыгали в лопату
месяц солнцу не чётá
сколько времени не знаю
мы гнались за возами
только ноги подкосились
вышла пена на уста
наши очи опустели
мох казался нам постелью
но сказали мы нарочно
чтоб никто не отставал

на последнее сражение
мы бежали как сажени
как сажени мы бежали
пропадай кому не жалы!

ВСЁ

<1926—нач. 1927>

Чинарь

Даниил Иванович Хармс

Прогулка

Шел медведь
вздув рога
стучала его одервенелая нога
он был генералом
служил в кабаке
ходил по дорогам
в ночном колпаке
увидя красотку
он гладил усы
трепал он бородку
смотрел на часы
пятнадцать минут
проходили шутя
обрушился дом
подрастало дитя
красотка в доспехе
сверкала спиной
на бледном коне
и в щетине свиной
рука отлетала
на конский задок
коса расцветала
стыдливый цветок.
Белый воздух
в трех шагах
глупо грелся
на горах
открывая
лишь орлу
остуденую
ралу.
Над болотом
напролом
ездил папа
с топором
из медведя
он стрелял

нажимая
коготок
пистолеты
отворял
в полумертвый
потолок
на шкапу
его капрал
обнимался
в темноте
с атаманом
и орал
и светился
в животе.
Дева
шла
неся
портрет
на портрете
был корнет
У корнета
вместо
рук
на щеке
висел
сюртук
а в кармане
сюртука
шевелилась
рука
Генерал
спрятал время
на цепочке золотой
Генерала
звали Леля
потому что молодой
Он потопал каблуками
приседал и палетал
Под военными полями

о колено бил металл.
увидя девицу на бледном коне
сказал генерал «Приходите ко мне».
девица ответила «Завтра приду».
Но ты для меня приготовь резеду».
И сняв осторожно колпак с головы
столетний вояка промолвил «увы,
от этих цветов появляются прыщи
Я спрячусь в газету, а ты меня поищи.
Если барышня-мадам
обнаружит меня там
получите в поталок
генеральский целовок».

<1926—нач. 1928>

Фокусы

Средь нас на палочке деревянной
сидит кукушка в сюртуке
хранит платочек румяный
в своей чешуйчатой руке
мы все как бабушка тоскуем
разинув рты глядим вперёд
на табуретку золотую
и всех тотчас же страх берёт
Иван Матвеевич от страха
часы в карман переложил
А Софья Павловна старуха
сидела в сокращеньи жил
а Катя в форточку любясь
звериной ножкой шевеля
холодным потом обливаясь
и заворачивалась в шеншеля
из-под комода ехал всадник
лицом красивый как молитва
он с малолетства был садовник
ему подруга бритва
числа не помня своего

держал он курицу в зубах
Иван Матвеевича свело
загнав печенку меж рубаш
а Софья Павловна строга
сидела выставив затылок
оттуда выросли рога
и сто четырнадцать бутылок
А Катя в галстук своём
свистела в пальчик соловьём,
стыдливо кутаясь в меха
кормила грудью жениха
Но к ней кукушка наклонялась
как червь кукушка улыбалась
потом на ножки становилась
да так, что Катя удивилась,
от удивленья задрожала
и как тарелка убежала.

2 мая 1927 года

Гражданка, вы куда пришли?
Что вы держите в руке?
Мы вчера с тобой катались
на всклокоченной реке.
ты глядела рыб жестяных
играла волосом черным чёрно
говорила: без тебя
мне младенчество вручено
а теперь пришла ты кукла
просишь корточку и брак
год прошёл и ты привыкла
заболев легла в борак
сторож длинными руками
положил тебя на кровать
ты в лицо ему смотрела
взор не в силах оторвать.

<Конец мая 1927>

Но вторникам над мостовой
Воздушный шар летал пустой.
Он тихо в воздухе парил;
В нем кто то трубочку курил,
Смотрел на площади, сады,
Смотрел спокойно до среды,
А в среду, лампы потушив,
Он говорил: Ну город жив.

1928

Папа и его наблюдатели

Папа: Кто видал как я танцую?

Гувернёры: Мы смотрели пол часа
Ты крючком летал в стакане
руки в бантик завернул.

Папа: Дети дети в наше время
не плясали как теперь
гувернёры в наше время
не смотрели через дверь.

Гувернёры: Мы смотрели сквозь гребёнку
многих правил не блюли
мы показывали ребёнку
твои жесты ой лю-ли!

Папа: Грех показывать ребёнку
жесты праведных людей
опракидывать девчёнку —
мучить маленьких детей
Кто видал как я купаюсь?

Гувернёры: Мы смотрели из ведра
ты стоял на крыше аист
поздно в бурю до утра.

Папа: Верю верю точно флюгер
я купался пеликан
вы смотрели. Точно Крюгер
поднимался великан.
Кто видал как я летаю?

Гувернёры: Мы смотрели через дом
но лишь звездочка золотая
небеса вела кругом.

в с ё

6 июня <1929>

Ехал доктор из далёка
вёз корзину колпаков
отдыхал на поворотах
прибыл к нам и был таков.
Звали доктора Матрёна
был Матрёна землекоп
но торчал у землекопа
из кармана телескоп
Заболела тётя Катя
не лежит и не сидит
и за мухами глазами
неподвижными следит.
Тётя Катя не хохочет
только плачет как река
мы за доктором послали
он пришёл из далека.

Доктор Матрёна — Ведь несчастье бывает
в виде рака в животе
но страдалец забывает
и купается в воде
а потом ведь неизбежно
зубы храбрые гниют

ведь для зуба неизбежно
нужен воздух и приют
ведь тотчас-же по отрышке
узнается ремесло
и несчастному под мышки
доктор вкладывает весло.

Тётя Катя — Доктор, вы в меня воткнули
вместо градусника ось.
Вы нас доктор обманули.

Доктор Матрёна —
Я вас вылечу авось.

Тётя Катя — Вы мне доктор надоели
уходите в тёмный бор.

Доктор Матрёна — Вы сегодня как ели?

Тётя Катя — И не буду с этих пор.

Доктор Матрёна — Я ударю вас лопатой.

Тётя Катя — Уходите поскорей.

Доктор Матрёна — Я ударю вас лопатой.

Тётя Катя — Уходите поскорей.

Доктор славная Матрёна
вышел в двери шестипал
бросил скучные знамена
руки в землю закопал.
Проходил крестьянин Фёма
влез потом на длинный храм
посмотрел в саду солома
бедный доктор пополам

6 июня <1929>

Ванна Архимеда

Эй Махмет
гони мочало
мыло дай сюда махмет.
крикнул тря свои чресала
в ванне сидя Архимед.
Вот извольте Архимед
вам Суворовскую мазь
Ладно, — молвил Архимед,
сам ко мне ты в ванну влазь.
Влез махмет на подоконник
расчесал волос пучки
Архимед-же греховодник
осторожно снял очки.
Тут махмет подпрыгнул.
Мама! —
крикнул мокрый Архимед.
С высоты огромной прямо
в ванну шлёпнулся махмет.
В наше время нет вопросов
каждый сам себе вопрос
говорил мудрец курносый
в ванне сидя как барбос.
Я к примеру наблюдаю
все научные статьи
в размышлениях витаю
по три дня и по пяти
целый год не слышу крика
веско молвил Архимед
но прибавил он потрика
мой затылок и хребет.
Впрочем да, сказал потом он
и в искусстве впрочем да
я туда в искусстве оном
погружаюсь иногда.

Как-то я среди обеда
прочитал в календаре
выйдет «Ванна Архимеда»
в декабре иль в январе.
Архимед сказал урюмо
и бородку в косу вил
Да Махмет не фунт изюму,
вдруг он при со во ку пил.
да Махмет не фунт гороху
в посрамленьи умереть
я в науке сделал кроху
а теперь загажен ведь.
Я загажен именами
знаменитейших особь
и скажу тебе меж нами
формалистами в особь.
Но и проза подкачала
да махмет, махмет, махмет.
Эй махмет, гони мочало!
басом крикнул Архимед.
Вот оно, — сказал Махмет.
Вымыть вас? — промолвил он.
Нет, — ответил Архимед
и прибавил: вылазь вон.

в с ё

1 октября 1929 года.

Так я молил твоей любви
Смеялся пел и плакал горько,
Но ты за все мои мольбы
Мне обещала дружбу только.

<Первая пол. 1930-х>

Эх, голубка, песень ваша
Не звучала много лет
Эх, голубка! Эх, мамаша!
Спели б вы для нас куплет.

<Первая пол. 1930-х>

Галине Николаевне Леман-Соколовой

На коньках с тобой Галина
на котке поедem мы
О холодная Галина
в центре маленькой зимы!
Ты Галина едeшь ловко
Хоть и грузна на подъeм.
Пусть покоится головка
Твоя головка на плече моeм
Я-же еду безобразно
рылом стучаюсь об лёд
ты-же милая прекрасно
едишь соколом в перёд.

3 января 1930 года

Злое собрание НЕверных

Не я-ли, Господи? подумали апостолы.
Вот признаки:
лицо как мышь,
крыло как нож,
ступня как пароходик,
дом как семейство,

мост как пол ванта,
халат как бровь атланта.
Один лишь гений. Да, но кто-же?
Один умён, другой тупица, третий глуп.
Но кто же гений? Боже, Боже!
Все люди бедны. Я тулуп.

17 января 1930 года.

Утро (пробуждение элементов)

Бог проснулся. Отпер глаз,
взял песчинку, бросил в нас.
Мы проснулись. Вышел сон.
Чуем утро. Слышим стон.
Это сонный зверь зевнул.
Это скрипнул тихо стул.
Это сонный, разомлев,
тянет голову сам лев.
Спит двурога коза.
Дремлет гибкая лоза.
Вот ночную гонит лень —
из мха встаёт олень.
Тело стройное несет,
шкуру темную трясет.
Вон проснулся в поле пенёк:
значит, утро, значит день.
Над землей цветок не спит.
Птица-пигалица летит,
смотрит: мы стоим в горах
в длинных брюках, в колпаках,
колпаками ловим тень,
славословим новый день.

всё

<18 января 1930>

Вам поверить
я не могу
для этого мне надо скинуть рубаху
Я без платья великан
в таком виде я к вам не пойду.
Ах целуйте меня с размаху.
Вот мои губы
вот мои плечи
вот мои трубы
вот мои свечи.
Дайте мне платок
я полезу на потолок.
Положите мне горчичник
я забуду рукавички
лягу спать верхом на птичник
буду в землю класть яички.
Нам великанам довольно пальбы
ваши затихли просьбы и мольбы
настиг вас жребий дум высоких
пробка в черепе. Вы с дыркой.
Умечали рысооки
на коне лежать под мыркой.
Не достоин, не достоин, не достоин
вашу обувь развязать.
Я в рубахе наг и строен
я натура, так сказать.
И нет во мне той милой склонности
греть ваши ноги о девушка
тона девичьего до нести
вашего голоса девушка
Я строг и знатен
хожу среди полатин
швыряя пыль ногой
вот я какой!

До вашего дома
иду по досочке
а дальше ведома
толпа мной в сорочке
и штопотом, хриплетом, банками
садимся на шпиль Петропавловской
крепости рыжими в воздух баранками.

всё

13 февраля 1930 года.

Где я потерял руку?
Она была, но отлетела
я в рукаве наблюдаю скуку
моего тела.
Что-то скажет Дом Печати
что-то скажет раздевалка
моей руки одно зачатие
с плеча висит.
Как это жалко.
Люди!
Кто мне примус накачает?
Плети!
Кто стегаться вами станет?
Мыло!
Кто в ручей тебя опустит?
Никому то неизвестно.
Даня!
Кто в кровать тебя разденет
твои сапоги растегнёт
и в шкаф поставит.
Спать уложит. Перекрестит.
перевернётся, кто уснёт?
кто проснётся на другой день
посмотреть в окно и плюнуть?

х<о>д ночей был мною пройден
разрешите в небо дунуть.
Это верно. Мы двуруки
равновесие храним
поперёк души науки
образ храброго гоним.
То отведали поляки
боль ранения на сечи
были паны, стали каляки.
Заводить убитых речи
Силы рта раздвинуть нет
коли панов закопали,
коли жив на землю гнет
остальные в битье пали.
Остальных ломает и мнёт
полевых цветочков мёд.

Но куда-же я руку задевал.
Знаю нет её в руках.
Помню куртку надевал.
Но теперь понятно ах!
Вот она забыв перёд
пересела на хребёт.
Надо Надо
перешить рукав на спину.

всё

20 февраля 1930 года.
Д.Х.

Где-ж? Где-ж? Где-ж? Где-ж?
Полубог и полуплешь?
Ой люди не могу!
Полубог и полуплешь!

Ты-с Ты-с Ты-с Ты-с
хоть и жид, а всё-же лыс

Ой люди не могу
хоть и жид, а всё-же лыс

Их! Их! Их! Их!
тоже выдумал жених!
Ой люди не могу
тоже выдумал жених!

Ты-б Ты-б Ты-б Ты-б
лучше б ездил на балы б
Ой люди не могу
Лучше-б ездил на балы-б

Там-с Там-с Там-с Там-с
Забавлял-бы плешью дам-с
Ой люди не могу
Забавлял-бы плешью дам-с.

Мы-ж Мы-ж Мы-ж Мы-ж
все же знаем что ты рыж
Ой люди не могу
Все-же знаем что ты рыж

Мне ж Мне ж Мне ж Мне ж
Надоела полуплешь
Ой люди не могу
Надоела полуплешь.

9 ноября 1930 года

Ревекка Валентина и Тамара
Раз два три четыре пять шесть семь
Совсем совсем три грации совсем

Прекрасны и ленивы
Раз два три четыре пять шесть семь
Совсем совсем три грации совсем!

Толстушка, Коротышка и Худышка
Раз два три четыре пять шесть семь
Совсем совсем три грации совсем

Ах если б обнялись они, то было б
Раз два три четыре пять шесть семь
Совсем совсем три грации совсем

Но если б и не обнялись-бы они то даже так
Раз два три четыре пять шесть семь
Совсем совсем три грации совсем.

<Ноябрь 1930>

Был он тощ высок и строен
взглядом женщин привлекал
ел по-барски и порой он
изумительно икал.

ну она была попроще
тоже стройна и тонка
духом немка, с виду мощи
ростом в верх до потолка.

раз в писательской столовой
две склонились головы
подовившись лбом коровы
оба умерли увы.

но забыть они могли ли
друг про друга? Это вра-
ки! Покойники в могиле
оба встретились Ура

Тут она сказала: Боже
как покойник пропищав
и в могиле ты всё тоже
так-же гнусен и прыщав

он ответил зеленея:
дух свободен от прыщей
ты-же стала лишь длиннее
и глупея и тощей.

Но она сказала: Знаешь
будь рябым и будь немым
будь бесплотным понимаешь
ты мне душка м м м

О! вскричал он. Ты мне душка!
Что за чудный оборот!
Ты царица! ты индюшка
«Аромат» наоборот!

И всю ночь соседний прах
лежа пристально в гробу
слышал будто бы в руках
терли пшеничную крупу.

<Ноябрь 1930>

Неужели это фон
Пантелей сказал утрюмо
неужели это пон

Каблуков сказал увы
на плечах его висело
три десятых головы

Пантелей вскричал урча
не губите этот ландыш
я племянник сюргуча

я висел прибит к волам
те паслись на Москворечьи
вдруг жестянка пополам

О промолвил Каблуков
сунув лампу под кровать
я конечно не таков

Густо кругло полно врать
Всё похоже на ковыль
прокричала громко мать.

Каблуков сказал увы
на плечах его висело
три десятых головы.

Тут вошла его жена
с петухом на подбородке
в сапоги наряжена

Каблуков сказал ги ги
ты не думай о платенцах
ты себя побереги

за окошком хлопал ветер парусин
в это время из комода
вышел заяц керосин

Пантелей сказал пупу
под ногами Пантелея
все увидели крупу

Каблуков сказал увы
на плечах его висело
три десятых головы

мать воскликнула ва ва
вместо рук её болтались
голубые рукава.

А жена сказала хом
все увидели внезапно
подбородок с петухом.

Ноябрь <1930>

Он и Мельница

Он — Простите, где дорога в Клонки?

Мельница — Не знаю.
шум воды отбил мне память.

Он — Я вижу путь железной конки.
Где остановка?

Мельница — Под липой.
Там даже мой отец сломал себе ногу.

Он — Вот ловко!

Мельница — Ей-Богу!

Он — А ныне ваш отец здоров?

Мельница — О да, он учит азбуке коров.

Он — Зачем же тварь
учить значкам?
Кто твари мудрости заря?

Мельница — Букварь.

Он — Зря, зря.

Мельница — Поднесите ка к очкам
мотылька.
Вы близоруки?

Он — Очень.
Вижу среди тысячи предметов...

Мельница — Извените, среди сколькá?

Он — Среди тысячи предметов
только очень крупные штуки.

Мельница — В мотыльке
и даже в мухе
есть различные коробочки,
расположенные в ухе.
На затылке — пробочки.
Поглядите.

Он — Погадите.
Запотели зрачки.

Мельница — А что это торчит из ваших сапог?

Он — Стручки.

Мельница — Трите с лева глаз на право.

Он — Фу ты! Треснула оправа!

Мельница — Я замечу вам: глаз не для
развлечений наших дан

Он — разрешите вас в бедро поцеловать
не медля

Мельница — Ах, отстаньте, хулиган!

Он — Вы жестоки. Что мне делать?
Я ослеп. Дорогу в Клонки не найду.

Мельница — и конки
здесь не ходят, на беду.

Он — вы обманщица.
вы недотрога.
И впредь моя нога
не переступит вашего порога.

всё

*Даниил Хормс
26 декабря 1930 года.
Даниил Ххармс
28 декабря 1930 года.*

Звонитьлететь (третья цисфинитная логика)

1

*В*от и дом полетел.
Вот и собака полетела.
Вот и сон полетел.
Вот и мать полетела.
Вот и сад полетел.

Конь полетел.
Баня полетела.
Шар полетел.
Вот и камень полететь.
Вот и пень полететь.
Вот и миг полететь.
Вот и круг полететь.
Дом летит.
Мать летит.
Сад летит.
Часы летать.
Рука летать.
Орлы летать.
Копьё летать.
И конь летать.
И дом летать.
И точка летать.
Лоб летит.
Грудь летит.
Живот летит.
Ой держите ухо летит!
Ой глядите нос летит!
Ой монахи рот летит!

2

Дом звенит.
Вода звенит.
Камень около звенит.
Книга около звенит.
Мать и сын и сад звенит.
А. звенит
Б. звенит
ТО летит и ТО звенит.
Лоб звенит и летит.
Грудь звенит и летит.

Эй монахи рот звенит!
Эй монахи лоб летит!
Что лететь, но не звонить?
Звон летает и звенеть.
ТАМ летает и звонит.
Эй монахи! мы летать!
Эй монахи! мы лететь!
Мы лететь и ТАМ летать.
Эй монахи! мы звонить!
Мы звонить и ТАМ звенеть.

Д.Х.
<1930>

Человек устроен из трёх частей,
Из трёх частей,
Из трёх частей,
Хэу ля ля
Дрюм дрюм ту ту
Из трёх частей человек.

Борода и глаз и пятнадцать рук,
И пятнадцать рук,
И пятнадцать рук,
Хэу ля ля
Дрюм дрюм ту ту
Пятнадцать рук и ребро

А впрочем, не рук пятнадцать штук,
Пятнадцать штук,
Пятнадцать штук,
Хэу ля ля
Дрюм дрюм ту ту!
Пятнадцать штук, да не рук.

<1930>

« птичка горько плачет
в чернильнице своей
фир фир мур мур
фир фир мур мур
та птичка соловей
и валятся дощечки
из птички на песок
и птичка уж не плачет
летит уже в лесок
горюешь моментально
ты птичка соловей —
такой бы быть хотелось
и девочке моей.

1 января 1931 года.
Даниил Хармс

Размышление о девице

Нридя к Липавскому случайно,
Отметил я в уме своём:
Приятно вдруг необычайно
Остаться с девушкой вдвоём.

Когда она пройдёт воздушной
Походкой — ты не говоришь;
Когда она рукой послушной
Тебя коснётся — ты горишь.

Когда она слегка танцует
И ножкой по полу скользит
Младую грудь для поцелуя
Тебе подставит, — то нельзя

Не вскрикнуть громко и любезно,
С молодой груди пылинку сдуть,
И знать, что молодую грудь
Устами трогать бесполезно.

21 января 1935 года.

Театр «Эрмитаж». Афиша спектакля.
1982 год

Артисты Е. Герчаков, Л. Полищук, В. Жорж

«А потому, что нет у него другой жилплощади: вот в этой я живу, в этой — вот они, в этой — вот он, а уж Мышин тут в коридоре живет».

Артисты Л. Полищук, И. Легин, А. Пожаров, Е. Герчаков, Ю. Чернов, Р. Карцев, режиссер М. Левитин и писатель Виктор Шкловский после премьеры спектакля «Хармс! Шармс! Шардам! или Школа клоунов». 1982 год

Премьера этого спектакля по произведениям
Д.Хармса состоялась в 2000 году

На репетиции «Белой овцы» режиссер М. Левитин,
артисты Ю. Беляев, И. Богданова.

*«Этот театр я узнал по спектаклю «Хармс! Чармс!
Шардам! или Школа клоунов».*

*Талантливый режиссер Левитин умеет работать
с черновыми материалами писателя, он умеет
воплотить только задумывавшееся на сцене и придать
мыслям объемность».*

Виктор Шкловский

Спектакль «Белая овца».
Артисты Ю. Беляев
и А. Пожаров

— Может быть, и так.
Не знаю.

— А верят или не верят
во что? В Бога?

Сцена из «Белой овцы».
Артисты Г. Храпунков,
И. Письменный

— Елизавета Бам,
откройте!

— Елизавета Бам,
откройте!

— Ну, что она там двери
не открывает?

— Откройте, Елизавета
Бам, откройте!

Артисты А. Яковлев, В. Жорж, А. Пожаров, Е. Герчаков,
Л. Панченко

*«Человек устроен из трёх частей...
Борода и глаз и пятнадцать рук,
И пятнадцать рук,
И пятнадцать рук,
Хеу ля ля
Дрюм дрюм ту ту
Пятнадцать рук и ребро».*

— Я вам не субъект, я король мятных лепешек!
— Ну, вы, полегче! Я сама королева собачьей шерсти!

«Один американец никак не мог вспомнить, как эта птица называется».

Артисты Е. Герчаков, А. Яковлев, Л. Панченко,
А. Пожаров, В. Жорж, Г. Храпунков

*«Они едут и не знают, какая между ними связь,
и не узнают этого до самой смерти».*

«Райская местность», начало 3-го акта «Школы клоунов».
Артисты В. Жорж, А. Яковлев, А. Пожаров

Артисты Л. Полищук, Г. Храпунков

- Ева! вот я пришел к тебе.
- А скажи мне, Мастер Леонардо, зачем?
- Ты такая красивая, белотелая и полногрудая.
Я хлопочу о твоей пользе.
- Дай то Бог.

Физик, сломавший ногу

Маша моделями вселенной
Выходит физик из ворот.
И вдруг упал, сломав коленный
Сустав. К нему бежит народ,
Маша уставами движенья
К нему подходит постовой
Твердя таблицу умноженья,
Студент подходит молодой
Девушка с сумочкой подходит
Старушка с палочкой спешит
А физик всё лежит, не ходит,
Не ходит физик и лежит.

21 янва~~ря~~ 1935 года
Д.Х.

Антон и Мария

Стучался в дверь Антон Бобров. За дверью,
в стену взор направив
Мария в шапочке сидела. В руке блестел
кавказский нож
Часы показывали полдень. Мечты безумные оставив
Мария дни свои считала и в сердце чувствовала
дрожь

Смущён стоял Антон Бобров не получив на стук
ответа
Мешал за дверь взглянуть тайком в замочной
скважине платок.
Часы показывали полночь. Антон убит из пистолета.
Марию нож пронзил. И лампа не светит больше
в потолок.

Д.Х.
26 янва~~ря~~ 1935 года

Заумная песенка

Милая Фефюлинька
И Филосóf!
Где твоя тетюлинька
И твой келасóf?

Ваши грудки-пупочки,
Ваши кулачки.
Ваши ручки-хрúпочки,
Пальчики сучки!

Ты моя Фефюлинька,
Куколка-дружок!
Ты моя тетюлинька,
Ягодка-кружок.

<1935>

Хорошая песенка про Фефюлю

1

Хоть ростом ты и не высóка,
Зато изящна как осока.

Припев:

Эх, рямонт, рямонт, рямонт!
Первакóкин и кинéб!

2

Твой лик бровями оторочен,
Но ты для нас казиста очень.

Припев:

Эх, рямонт, рямонт, рямонт!
Первакóкин и кинéб!

3

И ваши пальчики-колбашки
Приятней нам, чем у Латашки.

Припев:

Эх, ремонт, ремонт, ремонт!
Первакокин и кинёб!

4

Мы любим Вас и Ваши ушки.
Мы приноровлены друг к дружке.

Припев:

Эх, ремонт, ремонт, ремонт!
Первакокин и кинёб!

<1935>

Я гений пламенных речей
Я господин свободных мыслей
Я царь бессмысленных красот
Я бог исчезающих высот
Я господин свободных мыслей
Я светлой радости ручей.

Когда в толпу метну свой взор,
Толпа как птица замирает
И вокруг меня, как вокруг столба,
Стоит безмолвная толпа.
Толпа как птица замирает
И я толпу мету как сор.

<1935>

Гости радостно пируют
За столом сидят гурьбой
Гости радостно пируют

И гурьбой за столом сидят
И говядину едят
И наливки жадно пьют
И чего то там под столом делают
И дамочкам предлагают раздеться.
А дамочки, тру ля ля, танцуют
И под музыку приседают.
Один из гостей на стол полез,
Но его отвели в ванную комнату.
Хозяйка лифчик расстегнула
И пошла плясать во всю.
Композитор Ваня Конов
Хотел хозяйку схватить за подол
Но потерял равновесие
И лёг на пол.
А Нина Петухова
Сняла свои панталоны
И дала их Семёну Палкину обнюхивать.

<1935>

Прогулочка

*М*ужик и баба играют на свободе,
Стоит оголтелый народ на пароходе
Глядит в зелёную воду.
В закусочной доктор накапливает силу;
Мужик и баба напарываются на вилу,
И доктор спешит к пароходу.

Стоит пароход озарённый луною.
Я мимо иду, и Марина со мною,
Погода нам благоприятна.
Мужик и баба громко стонут,
Под пароходом люди тонут,
И доктор уходит обратно.

<1935—1937>

СОН двух черномазых ДАМ

Ове дамы спят, а впрочем нет,
Не спят они, а впрочем нет,
Конечно спят и видят сон,
Как будто в дверь вошёл Иван,
А за Иваном управдом
Держа в руках Толстого том
«Война и Мир» вторая часть...
А впрочем нет, совсем не то
Вошёл Толстой и снял пальто
Калоши снял и сапоги
И крикнул: Ванька, помоги!
Тогда Иван схватил топор
И трах Толстого по башке.
Толстой упал. Какой позор!
И вся литература русская в ночном горшке.

19 августа 1936 г.

Григорий студнем подавившись
Прочь от стола бежит с трудом
На гостя хама рассердившись
Хозяйка плачет за столом.
Одна, над чашечкой пустой,
Рыдает бедная хозяйка.
Хозяйка милая, постой,
На картах лучше погадай-ка.
Ушёл Григорий. Срам и стыд.
На гостя нечего сердиться.
Твой студень сделан из копыт
Им всякий мог бы подавиться.

20 февраля 1937 года
Чармс

Григорий студнем подавился
И вдруг ушёл из-за стола
В прихожей он остановился
И плюнул в зеркало со зла.

21 февраля 1937 года
Чармс

Я сегодня лягу раньше,
Раньше лампу погашу,
Но зато тебя пораньше
Разбудить меня прошу.

Это просто удивленье
Как легко меня будить!
Ты поставь на стол варенье, —
Я проснусь в одно мгновенье.
Я проснусь в одно мгновенье,
Чтобы чай с вареньем пить.

2 ноября 1937 года.

Красиво это, очень мило:
Отнять у женщины часы
И подарить на память мыло,
Духи, цыгарки и усы.

13 марта 1938 года

Сладострастный древоруб

Когда вдали сверкнули пилы,
И прозвенели топоры —
Мне все подруги стали милы,
И я влюблён в них с той поры.

Подруги, милые подруги,
Приятно трогать вас рукой.
Вы так нежны! Вы так упруги!
Одна прекраснее другой!

Приятно трогать ваши груди,
Скользить губами вдоль ноги...
О помогите люди люди!
О Боже, Боже помоги!

24 августа 1938 года
Д.Х.

Я долго думал об орлах
И понял многое:
Орлы летают в облаках,
Летают, никого не трогая.
Я понял, что живут орлы на скалах
и в горах,
И дружат с водяными духами.
Я долго думал об орлах,
Но спутал, кажется, их с мухами.

15 марта 1939 года

В ночной пустынной тишине
Вдоль клумб и гряд в большом саду
Брабантов шел к моей жене
Дрожа от страсти на ходу.
Он даже снял воротничок
И расстегнул слегка жилет
И весь дрожал как старичок
Хотя он был в расцвете лет.

Окнов и Козлов

Окнов — всегда всегда в глубине политик
наука умеет много гитик.

Козлов — Неправ ты дорогой товарищ.
Довольно мы с тобой кувыркались
и Федьку за ноги таскали.

Окнов — Погибнешь ты,
печаль, тоска ли
заполоснёт тебе мозги.

Козлов — Не вижу ни зги
в твоих речах.

Окнов — О ты несомненно зачах
читая газет скучную структуру.
вот и дождался с ума сошествия
в живот из головы
и по ногам
и в пятку.
Эй, где хвостик мысли?
а он уж в землю нырк.
Вот пряткий!

Козлов — Нет, давай по порядку
посмотрим раньше моих речей
открытки.

Окнов — В них я не вижу ни боба —
пощади меня Боже Твоего раба.

Козлов — Да ты никак религиозный!

Окнов — Это вопрос очень серьезный.
Материя по моему дура
ее однообразная архитектура
сама собой не может колебаться.
Лишь только дух её затронет робко
прочь отлетает движения пробка,

из тёмных бездн плывут жары акулы
в испуге мчатся молекулы
с безумным треском разбивается
вселенной яйцо
и мы встав на колени видим Бога лицо.
Тот-же кто в папахе рока
раб ума, слуга порока
погибает раньше срока
поражѣнный кочергой.
Поражѣнный кочергой.

Козлов — Скверно думаешь товарищ
и несѣшь одну фасоль
революции пожарищ
Богом уши не мозоль.
Мало мы с тобой кувыркались
Федьку за ноги — фан...

(падает поражѣнный кочергой.)

Окнов — Как я его трахнул.
Разом смолк.
А теперь, пока не поздно,
дам тягу в окно.

Окно — Я внезапно растворилось.
Я дыра в стене домов
мне все на свете покорилося
я форточка возвышенных умов.

всѣ

*весеннее равноденствие <22 марта>
1931 года*

Здравствуй стол,
ты много лет поддерживал мою лампу и книгу
а также разноцветные котлеты

Я под тобой ходил не нагибая головы
собирая подушечки мыслительных коровок

безумный! что тебя толкнуло
все сбросить на пол
что человек доверил твоему благоразумию
простой деревянный негодай

Ххоермс
15 апреля 1931 года

Лампа о словах подносящих укромную музыку

1

Слава Богу кончен бой
лихорадки с молотком
удивили мы с тобой
в старом, тощем, никак
государстве наших палок
победителя жену
кто был тучен кто был жалок
все разбиты в пух и прах
кое кто глядел уныло
кое кто играл во лбы
кое кто внимал уныло
звукам редьки и польбы
кое кто раздвинув руки
умирал всю ночь со скуки
кое кто шептал молитву
кое кто в подвал забился
кое кто смотрел на битву
кое кто богам молился
кое кто в просторном фраке
шевелил усы во мраке
кое кто с часами дрался
кое кто фасадом крался

вынув нож из рукава
ну и ночка кокова
мне в окно глядели вещи
этих ужасов по хлеще
мне в окно глядел сюргуч
грозен, красен и могуч
мне в окно мигая глупо
заглянула тётя лупа
мне в окно длинной с вершок
показался артишок
Я дрожал и я молился
на колени повалился
быстро двигая перстами
осеял себя крестами
вспоминал смешные книги
но бежали быстро миги
унося моё спасенье
наступило воскресенье
с незаметных потолков
пала ночи цепь оков
Я поднялся понемногу
оглянулся. Слава Богу
кончен бой моих тревог
дети кушайте пирог.

16 апреля <1931>

мне бы в голову забраться козлом
чтобы осмотреть мозгов устройство.
интересуюсь, какие бутылки составляют
наше сознание.

Вот азбука портных
мне кажется ясной до последней ниточки
всё делается ради удобства движения
конечностей и корпуса.

Легко наклоняться в разные стороны
ничто не давит в живот
рёбра сжимаются и отпрыгивают снова
как только представится к тому случай.
Мы несравненно лучше сделаны чем
наша одежда.

Порт<н>ым не угнаться за гимнастами
одевающими себя в мускульные сюртуки.
И способ гимнастов
мне ближе по духу.
Портной сидит поджавши ноги
руками же вертит ручку швейной машины
или ногами вертит машинку, а руки служат
ему рулями
или же двигатель Сименс-Шуккерта
вращает маховое колесо, тычет иглой
и двигает челноком.
Так постепенно сшиваются отдельные
части костюма.

Гимнасты-же поступают иначе.
Они быстро наклоняются вперёд и назад
до тех пор пока их живот не станет подковой.
Руки вывёртывают
приседают на корточки
достигая этим значительного утолщения
своих мышц.

Этот способ конечно приносит
больше пользы.

Кто пробродив по городским садам
почувствует боль в пояснице
знай: это мускул живота старается
проснуться,

спеши домой и если можешь пообедай.

Обед ленивым сделает тебя.

Но если нет обеда

ещё лучше съесть кусочек хлеба

эта придает бодрость твоему духу.

А если нет и хлеба даже

то благодари приятель Бога
Ты Богом знать отмечен
для совершения великих подвигов.
Нельзя лишь испугаться.
Смотри внимательно в бумагу
Зови слова на помощь
и подходящие слов сочетанье
немедленно утолит желудочную страсть.
Вот мой совет
пр<о>изнеси от голода;
я рыба
в ящике пространства
рассуждаю о топливе наших тел
всякая пища попав на зуб
становится жиже выпускающая
целбных свойств.
Бог разговаривает со мной
мне некогда жевать свиное сало
и даже молока винтовки белые
помеха для меня.
Вот мой фонарь и пища
вот голос моего стола, кушетки и желища.
Вот совершенство Бога моего стиха
и ветра слов естественных меха.
<Около июля 1931>

Узы верности ломаешь,
от ревности сам друг хромаешь.
Та ускользнула в дверь с японцем,
дверь тихо притворив
вошла стройна, нежданно солнцем
врачей унылых озарив.
мне-ж предоставила помнить твоих
прогулок холод

Они друг к другу ходят в гости
пьют сладкий чай, жуют печенье
угасли в них порывы прежней злости
они друг к другу чувствуют влечение.
И если нет возможности им встретиться,
то каждый в лоб себе из пистолета метится
и презирая жизни лодку
спешит в тартар и восклицает во всю глотку:
«Порвись порвись моя окова
держат в разлуке нас нет смысла никакого».
Счастливые натуры! В наше время
не часто встретишь ловкую пару.
То кнут сломается, то лопнет стремя,
то ногу боком конь прижмёт к амбару
Удачи редки в наши дни
Вы, в этом случае, одни
в своей удачи двухсторонней.
Мой глаз, хотя и посторонний
следит за вами со вниманием.
Вот вы расходитесь. За «досвиданием»
вы кажите друг другу спины
идёте по домам, но чудные картины
витают в вашем пронизательном мозгу.
об этом вы до этих пор друг другу ни гу гу
молчали чаю в рот набрав.
Но кто из вас не прав,
кто виноват во всей создавшейся никчёмной
сложности
судить об этом не имею никакой
возможности,
при следующем свидании вы сами выйдите
из тупика.

Ну, до свидание, пока.

7 января 1933 года.

Страсть

Я не имею больше власти
таить в себе любовные страсти.
Меня натура победила
я озверев грызу удила
из носа дым валит столбом
и волос движется от страсти надо лбом.

Ах если б мне иметь бы галстук нежный
сюртук из сизого сукна
стоять бы в позе мне небрежной
смотреть бы сверху из окна
как по дорожке белоснежной
ко мне торопится она.

Я не имею больше власти
таить в себе любовные страсти
они кипят во мне от злости
что мой предмет любви меня к себе не
приглашает в гости.
Уже два дня не видел я предмета.
На третий кончу жизнь из пистолета

Ах если б мне из Эрмитажа
на зло соперникам врагам
украсть бы пистолет Лепажу
и взор направив к облакам,
вдруг перед ней из экипажа
упасть бы замертво к ногам.

Я не имею больше власти
таить в себе любовные страсти
Они меня как лист изсушат
как башню временем разрушат
нарвут на козы ножки, с табаком раскурят
сотрут в песок и измечуют.

Ах если б мне предмету страсти
пересказать свою тоску

и разорвав себя на части
отдать бы ей себя всего и по куску,
и быть бы с ней вдвоём на много лет
в любовной власти
пока над нами не пребудут могильную доску.

7 января 1933 года.

Однажды господин Кондратьев
попал в американский шкаф для платьев
и там провёл четыре дня.
На пятый вся его родня
едва держалась на ногах.
Но в это время ба-ба-бах!
Скатали шкаф по лестнице и по ступенькам
до земли
и, в тот же день, в Америку на пароходе увезли.
Злодейство, скажите. Согласен.
Но помните: влюблённый человек всегда опасен.

<Январь 1933>

Елизавета играла с огнём
Елизавета играла с огнём
пускала огонь по спине
пускала огонь по спине
Пётр Палыч смотрел в восхищеньи кругом
Пётр Палыч смотрел в восхищеньи кругом
и дышал тяжело
и дышал тяжело
и за сердце держался рукой

<3 августа 1933 года>

Знак при помощи глаза

Вот Кумпельбаков пробегает,
держа на палке мыслей пук.
К нему Кондратьев подбегает,
издав губами странный звук.

Тут Кумпельбаков сделал глазом
в толпу направо дивный знак.
Упал в траву Кондратьев разом
и встать не мог уже никак.

Смеётся громко Кумпельбаков
Лежит Кондратьев точно сор.
От глаза лишь неожиданных знаков
какой случается позор!

21 августа 1933

Молчите все!

А мне молчать нельзя:
Я был однажды в Англии друзья.

передо мной открылся пир:
сидело сорок человек
на креслах стиля полампир,
прекрасно приспособленных для нег.
Зал освещало электричество.
Я вижу: вдру<г> Его Величест<в>о,
рукой мантилью скинув с плечь
произнести готово речь.
Тут сразу мухи полетели,
производя особый шум,
а все испуганно глядели
и напрягали тщетно ум.
Вдруг входит в зал, в простой накидке
какой то странный гражданин

и королю дав под микитки
садится мрачно в ципелин
и заведя рукой пружину
ногами быстро жмёт педаль
и направляет вверх машину
и улетает быстро в даль.
Сначала все осталбенели
не слышно было вздоха,
потом тарелки зазвенели,
и поднялась ужасная суматоха.
Король зубами грыз подушки,
то в стену стучал кулаком,
то приказав стрелять из пушки
скакал в подштанниках кругом.
То рвал какую-то бумагу,
то подскочив нежданно к флагу
срывал его движеньем воли
то падал вдруг от страшной боли.

<24 августа 1933>

Жил был в доме тридцать три единицы
человек страдающий болью в пояснице
только стоит ему съесть лук или укроп
валится он моментально как сноп.
развивается боль в правом боку
человек стонет: я больше не могу.
Погибают мускулы в непосильной борьбе
откажите родственнику карабе...
И так слова какое-то не досказав
умер он пальцем в окно показав.
все присутствующие тут и наоборот
стояли в недоумении забыв закрыть рот
доктор с веснушками возле губы
катал по столу хлебный шарик при помощи
медицинской трубы.

Сосед занимающий комнату возле уборной
стоял в дверях абсолютно судьбе покорный,
тот кому принадлежала квартира
гулял по корридору от прихожей до сортира.
племянник покойника желая развеселить
собравшихся гостей кучку
Заводил грамфон вертя ручку.
Дворник раздумывая о превратности
человеческого положения
Заворачивал тело покойника в таблицу
умножения.
Варвара Михайловна шарила в покойнецком
комоде
не столько для себя, сколько для своего
сына Володи.
Жилец, написавший в уборной:
«пол не марать»
вытягивал из под покойника железную кровать.
вынесли покойника завернутого в бумагу
положили покойника на гробовую колымагу.
подъехал к дому гробовой шарабан
Забил в сердцах тревогу гробовой барабан
<Август 1933>

О водяных кругах

Ноль плавал по воде
мы говорили это круг
должно быть кто то бросил в воду камень.
Здесь Петька Прохоров гулял
вот след его сапог с подковками.
Он создал этот круг
Давайте нам скорей картон и краски
мы зарисуем Петькино творенье.
И будет Прохоров звучать как Пушкин.

И много лет спустя
подумают потомки:
«Был Прохоров когда то,
должно быть славный был художник»
И будут детям назидать:
«Бросайте дети в воду камни.
Рождает камень круг,
а круг рождает мысль.
А мысль вызванная крутом,
зовёт из мрака к свету ноль».

всё.

Вторник 19 сентября 1933 года.

Вошла Елизавета
в большой, прекрасный дом
центрального Совета.
Вошла с открытым ртом.

<Сентябрь 1933>

Постоянство веселья и грязи

Вода в реке журчит прохладна
и тень от гор ложится в поле
и гаснет в небе свет. И птицы
уже летают в сновиденьях
И дворник с чёрными усами
стоит всю ночь под воротами
и чешет грязными руками
под грязной шапкой свой затылок
и в окна слышен крик весёлый
и топот ног и звон бутылок

Проходит день, потом неделя,
потом года проходят мимо
и люди стройными рядами
в своих могилах исчезают
а дворник с чёрными усами
стоит года под воротами
и чешет грязными руками
под грязной шапкой свой затылок
и в окна слышен крик весёлый
и топот ног и звон бутылок.

Луна и солнце побледнели
Созвездья форму изменили
Движение сделалось тягучим
И время стало как песок.
А дворник с чёрными усами
стоит опять под воротами
и чешет грязными руками
под грязной шапкой свой затылок
и в окна слышен крик весёлый
и топот ног и звон бутылок

14 окт<ября> 1933

Карпатами — горбатыми

Всю покорив Азию
На метле теперь несусь над Карпатами.
Деревяшка лесная к земле пригнулась
Хромая старуха бежит за ципленком
Длинной ногой через лужи скачет
А короткой семенит по травке

Всю покорив Азию
На метле тепер несусь над Карпатами
Треплет ветер колпак на моем затылке
Режет ветер ноздри мне
Под рубашку залетает

Раздувает рукава
Вон гора на моем пути
Палкой гору моментально сокрушаю
Орла тюкнул по голове палкой
Он в низ полетел как бумажка
Хлоп! Воробей в моём кулаке
Ногами болтаю.
Горный воздух глотаю.
Летит моё тело.
Какое мне дело

<Сентябрь 1933>

Сладострастная торговка

Одна красивая торговка
с цветком в косе, в расцвете лет,
походкой легкой, гибко, ловко
вошла к хирургу в кабинет.
Хирург с торговли скинул платье;
увидя женские красы,
он заключил её в объятия
и засмеялся сквозь усы.
Его жена, Мария Львовна,
вбежала с криком: Караул!
И, через пол минуты ровно,
хирурга в череп ранил стул.
Тогда торговка, в голом виде,
свой организм прикрыв рукой,
сказала вслух: «к такой обиде
я не привыкла...» Но какой
был дальше смысл её речей,
мы слышать это не могли,
журчало время как ручей.
темнело небо. И в дали
уже туманы шевелились

над сыном лет — простором степи
и в миг дожди проворно лились
ломая гор стальные цепи.
Хирург сидел в своей качалке
кусая ногти от досады.
Его жены волос мочалки
торчали грозно из засады,
и два блестящих глаза
его просверливали взглядом;
и, душу в день четыре раза
обдав сомненья черным ядом,
гасили в сердце страсти.
Сидел хирург уныл,
и половых приборов части
висели вниз, утратив прежний пыл.
А ты, прекрасная торговка,
блестя по прежнему красой,
ковра косаясь утром ловко
своею ножкою босой,
стоишь у зеркала нагая.
А квартирант, подкравшись к двери,
увидеть в щель предполагая
твой организм, стоит. И звери
в его груди рычат проснувшись.
а ты, за ленточкой нагнувшись,
нарочно медлишь распрямитесь.
У квартиранта сердце биться
перестаёт. Его подпорки,
в носки обутые, трясутся;
колени бьют в дверные створки;
а мысли бешенно несутся.
и гаснет в небе солнца луч.
и над землей сгущенье тучь
свою работу совершает.

И гром большую колокольню
с ужасным треском сокрушает.
И главный колокол разбит.
А ты несчастный, жертва страсти,
глядишь в замок. Прекрасен вид!
И половых приборов части,
нагой торговки, блещут влагой.
И ты, наполнив грудь отвагой,
вбегаешь в комнату с храпением,
в носках бежишь и с нетерпением
рукой прорешку открываешь,
и вместо речи — страшно лаешь.
Торговка ножки растворила,
Ты на торговку быстро влез,
В твоей груди клокочет сила,
Твоим ребром играет бес.
В твоих глазах летают мухи,
В ушах звенит орган любви,
И нежных ласк молодые духи
играют в мяч в твоей крови.
И в растворённое окошко,
расправив плащ, влетает ночь,
и сквозь окно большая кошка,
поднявши хвост, уходит проч.

14—17 октября 1933.

Открыв наук зелёный том
я долго плакал, а потом
его закрыл и бросил в реку.
Науки вредны человеку,
науки втянут нас в беду
возьмёмтесь лучше за еду.

<1933>

Почему любовный фибр
каждый миг меня трясёт
и в толпу девичьих игр
страстный вихр меня несёт

удержаться нет сил боле
с диким рёвом точно лев
я несусь туда где в море
плещат груди чудных дев

<1933>

Однажды утром воробей
ударил клювом в лук-парей.
И крикнул громко лук-парей:
«Будь проклят птица-воробей!»
Навеки проклят воробей,
от раны чахнет лук-парей
И к ночи в мёртвый лук-парей
свалился мёртвый воробей.

24 января 1934—1935>

В этом ящике железном
есть и булка есть и хлеб
было б делом бесполезным
их оставить на столе б.
ибо крысы ибо мыши
ибо разные скоты
по законам данным свыше
съели б всё без красоты
и в укусах кумачёвых

все изъедены в клопах
всё семейство Ювачёвых-бы
осталось на бобах
Но не это важно. Мне ведь
надо рифмой замая
так устроить что бы в девять
разбуди-ли вы меня.

<Середина 1930-х>

Возьмите незабудку
На память обо мне.
Тогда собачью будку
Увидите во сне.

А в будке человечки
На лавочке сидят
Огонь играет в печке
И искры вверх летят.

<Середина 1930-х>

Дорогой начальник денег
Надо в баню мне сходить.
Но, без денег, даже веник
Не могу себе купить.

<Середина 1930-х>

Жене

Давно я не садился и не писал
Я расслабленный свисал
из руки перо валялось
на меня жена садилась

Я отпихивал бумагу
цаловал свою жену
предо мной сидящу нагу
соблюдая тишину.
цаловал жену я в бок
в шею в грудь и под живот
прямо чмокал между ног
где любовный сок течёт
а жена меня стыдливо
обнимала тёплой ляжкой
и в лицо мне прямо лила
сок любовный как из фляжки
я стонал от нежной страсти
и глотал тягучий сок
и жена стонала вместе
утирая слизи с ног.
и прижав к моим губам
две трепещущие губки
изгибалась пополам
от стыда скрываясь в юбке.
По щекам моим бежали
струйки нежные стократы
и по комнате летали
женских ласок ароматы.
Но довольно! Где перо?
Где бумага и чернила?
Аромат летит в окно,
в страхе милая вскочила.
Я за стол и ну писать
давай буквы составлять
давай дёргать за верёвку
Смыслы разные сплетать.

3 января <1930>

В каждом колоколе злоба
В каждой ленточке огонь
В каждой девочке зазноба
В каждом мальчике свой конь.

<1935>

Страшная смерть

Однажды один человек, чувствуя голод, сидел
за столом и ел котлеты,
А рядом стояла его супруга и всё говорила о том,
что в котлетах мало свинины.
Однако он ел и ел и ел и ел и ел, покуда
Не почувствовал где то в желудке смертельную
тяжесть.
Тогда, отодвинув каварную пищу, он задрожал
и заплакал;
В кармане его золотые часы перестали тикать;
Волосы вдруг у него посветлели, взор прояснился;
Уши его упали на пол, как осенью падают
с тополя жёлтые листья;
И он скоропостижно умер.

апрель 1935

Они летят как ласточки
А мы летим как палочки
Часы стучат на полочке
А я сижу в ермолочке
А дни летят как рюмочки
А мы летим как ласточки
Сверкают в небе лампочки,
А мы летим как звездочки.

<Середина 1930-х>

На коня вскочил и в стремя ногу
твердую вонзил

Пётр Келлер. В это время
сверху дождик моросил.
С глазом шорою прикрытым
в нетерпеньи конь плясал.
и подкованным копытом
дом и площадь потрясал.
На крыльце Мария с внуком
тихо плакали в платок
и сердца их громким стуком
отражались в потолок.

25 сентября 1933 года

Я вам хочу рассказать одно происшествие,
случившееся с рыбой или даже вернее не с рыбой, а
с человеком Патрулёвым, или даже ещё вернее с до-
черью Патрулёва.

Начну с самого рождения. Кстати о рождении: у
нас родились на полу... Или хотя это мы потом рас-
скажем.

Говорю прямо:

Дочь Патрулёва родилась в субботу. Обозначим
эту дочь латинской буквой М.

Обозначив эту дочь латинской буквой М, заме-
тим, что:

1. Две руки, две ноги, посередке сапоги.
2. Уши обладают тем-же, чем и глаза.
3. Бегать — глагол из под ног.
4. Щупать — глагол из под рук.
5. Усы могут быть только у сына.

6. Затылком нельзя рассмотреть, что висит на стене.

17. Обратите внимание, что после шестёрки идёт семнадцать.

Для того, чтобы раскрасить картинку, запомним эти семнадцать постулатов.

Теперь обопрёмся рукой о пятый постулат и посмотрим, что из этого получилось.

Если-бы мы упёрлись о пятый постулат тележкой или сахаром или натуральной лентой, то пришлось-бы сказать что: да, и ещё что ни будь.

Но на самом деле вообразим, а для простоты сразу и забудем то, что мы только что вообразили.

Теперь посмотрим, что получилось.

Вы смотрите сюда, а я буду смотреть сюда, вот и выдет, что мы оба смотрим туда.

Или, говоря точнее, я смотрю туда, а вы смотрите в другое место.

Теперь уясним себе, что мы видим. Для этого достаточно уяснить себе поотдельности, что вижу я и что видите вы.

Я вижу одну половину дома, а вы видите другую половину города. Назовём это для простоты свадьбой.

Теперь перейдёмте к дочери Патрулёва. Её свадьба состоялась ну, скажем, тогда-то. Если-бы свадьба состоялась раньше, то мы сказали бы, что свадьба состоялась раньше срока. Если-бы свадьба состоялась позднее, то мы сказали-бы «Волна», потому что свадьба состоялась позднее.

Все семнадцать постулатов или так называемых перьев, налицо. Перейдём к дальнейшему.

Дальнейшее толще предыдущего

Сом керосинки толще.

Толще лука морской винт.

Книга толще тетради

а тетради толще одной тетради

Это стол он толще книги
Это свод он толще пола
Этот стол толще предидущего
а предидущий выше лука
Лук-же меньше гребёнки
так-же как и шляпа меньше кровати
в которой может поместится
ящик с книгами
но ящик
глубже шляпы
шляпа мягче
нежели морской винт
но пчела острее шара.
Одинаково красиво
то что растёт по эту
и по ту сторону забора
Всё же книга гибче супа
ухо гибче книги
Суп жиже и жирнее чем лучинка
и тяжелее чем ключ.

Утверждение:

У зайца вместо усов руки.
У папы на затылке фазан.
У магазина четыре кнопки.
У розалии одуванчик.
У сабли маканаш.
У газеты восемь знаков.
У меня хвост.
У тебя люлька.
У великанов шляпа.

Соединение:

Дом с клювом.
Дитя с татаринном.
Карabelыщик в керосине.

Тарелка без волос
ворона между сквозных чисел.
Шуба с треском по имени Фофа.
Каля в безвыходном положении.
Румын из рукомойника.
Ангел ершов.

Побег:

Петух бежал из воды.
Жан бежал из бороды.
Гвоздь бежал из парафина.
кнутик прыгал из графина,
меч бежал из таракана.
Опыт ехал из под стакана.
Астроном бежал из ваты
ключ лежал продолговатый.

Соединение:

Дом с клювом.
Дитя с татаринном.
Корабельщик в керосине.
Тарелка без волос.
Ворона между сквозных чисел.
Шуба с треском по имени Фофа.
Каля в безвыходном положении.
Румын из рукомойника.
Ангел Ершов.

Размышление.

Это не кузница, а ведро.
Это не рис, а линейка.
Это не перчатка, а заведывающий складом.
Это не глаз, а колено.
Это не я пришёл, а ты.

Это не вода, а чай.
Это не гвоздь, а винт.
А винт это не гвоздь.
Мех не свет.
Человек с одной рукой не комната
с одним окном.
Туфли это не ногти.
Туфли это не почки.
Точно также и не ноздри.

Выводы.

Дочь Патрулёва отца Патрулёва дочь
Значит и дочь Патрулёва отца Патрулёва дочь.
Коли так то и дочь Патрулёва отца
Значит и дочь Патрулёва отца.
Вот и дочь, а отец Патрулёв
Дочь Патрулёва, отец Патрулёв
Значит отец Патрулёвой дочери Патрулёв
И никто не скажет что он Петухов
Это было-бы противоестественно.

<1930>

Турка — Турка

1.

Утром рано на заре
ехал турка на горе
летом гром
зимою снег
в полдень чирки
кур кир кар.

2.

Вот и феска и халат
турка любит шеколад
летом гром

зимою снег
в полдень чирки
кур кир кар.

3.

Турка скачет в облака
дайте турке молока
летом гром
зимою снег
в полдень чирки
кур кир кар.

4.

Турка скачет над рекой
милый турка дорогой
летом гром
зимою снег
в полдень чирки
кур кир кар.

5.

Сверху звезды снизу мост
турка скачет во весь рост
летом гром
зимою снег
в полдень чирки
кур кир кар.

6.

Здравствуй небо! Здравствуй ночь!
крикнул турка во всю мочь
летом гром
зимою снег
в полдень чирки
кур кир кар.

<1930>

Скавка

Восемь человек сидят на лавке
вот и конец моей скавке.

1930

Взяли фризовую шинель
пристрочили кант
положили на панель
вот и вышел музыкант.

<1930>

Так я молил твоей любви
Смеялся пел и плакал горько,
Но ты за все мои мольбы
Мне обещала дружбу только.

<Первая пол. 1930-х>

Я с огромной высоты
не заметил красоты
ваших плечь и ваших ног
да признаться и не мог
их заметить в то мгновенье,
ибо вышло столкновенье
наших гибких, страсных тел.
Я подпрыгнул и взлетел
вместе с вами в те высоты
где земные все красоты
исчезают точно дым.

А теперь мы с вами Лёля
входим вместе в этот дом.
Я взглянул на ваши плечи,
Я взглянул на ваши ноги.
Так прекрасны только боги,
И архангелы потом!

9 июля и июня <1933>

Жили в Киеве два друга
Удивительный народ
Первый родиной был с юга
А второй — наоборот
Первый страшный был обжора
А второй был идиот.
Первый умер от запора
А второй — наоборот.

<Нач. сентября 1934>

Романс

Безумными глазами он смотрит на меня. —
Ваш дом и крыльцо мне знакомы давно.
Тёмнокрасными губами он целует меня —
Наши предки ходили на войну в стальной чешуе.
Он принёс мне букет тёмнокрасных гвоздик —
Ваше строгое лицо мне знакомо давно.
Он просил за букет лишь один поцелуй —
Наши предки ходили на войну в стальной чешуе.
Своим пальцем в чёрном кольце он коснулся меня
Ваше чёрное кольцо мне знакомо давно.
На турецкий диван мы свалились вдвоём —
Наши предки ходили на войну в стальной чешуе.

Безумными глазами он смотрит на меня —
О потухните звёзды! и луна побледней!
Тёмнокрасными губами он целует меня —
Наши предки ходили на войну в стальной чешуе.

Даниил Дандан
15 октября 1934 года

Наша новая страна
новой радостью полна
Не успеешь оглянуться
Понесет тебя волна

<Первая пол. 1930-х>

«Он не любит
всего, было
что набило
осколину...»

О Данииле Хармсе

Алиса Порет

Воспоминания о Данииле Хармсе

Удивительных людей во времена моей молодости было немало. Но Даниил Иванович Хармс выделялся и среди них. Десятилетия, прошедшие с тех пор когда я могла его видеть часто, не раз заставляли меня вспоминать его, думать о нем, обращали к его облику.

Я не сразу поняла, что это за человек. Он был совершенно необычайным, не похожим ни на кого ни разговором, ни поведением, — человеком неповторимым.

Казалось, он весь состоял из шуток. Сейчас я понимаю, что иначе он и не представлял себе своего существования. Чуждость было ему свойственно и необходимо.

Я с удовольствием рассказываю о нем сегодняшнему читателю, для которого Хармс — всего лишь литературное имя, и вспоминаю его таким, каким знала сама, — большим озорным ребенком, слова и шутки которого с улыбкой повторяют взрослые.

Начнем с внешности. Даниил Иванович Хармс был высокого роста, сильно сутулился, лицо у него было очень ровного серого цвета, глаза голубые, русые волосы гладко зачесаны назад и низко опускались хвостиками на воротник. Он любил хмуриться, и между бровей была глубокая складка. Постоянной принадлежностью его лица была трубка. Маленький тик заключался в том, что он гладил себе переносицу

согнутым указательным пальцем правой руки. Назло неизвестно кому он ходил в гольфах, носил крахмальный, высокий воротник, галстук типа «пластрон» и булавку в виде подковы, усыпанную синими камушками и бриллиантиками. Ботинки он чистил всегда и был очень опрятен — в отличие от А.И.Введенского, его друга, который всегда был в пуху или небрит, или недомыт по техническим причинам.

Я встретилась с Даниилом Ивановичем Хармсом в Детском отделе Госиздата в Ленинграде. Мне предложили делать рисунки для его книжки «Иван Иванович Самовар».

— Посидите здесь, сейчас придет редактор.

Мы сели с ним на подоконник, и наступило тягостное молчание. Хармс сипел трубкой. Было неловко. Он мне показался пожилым и угрюмым дядей. Вдруг он повернулся ко мне и спросил:

— Что вы делали *позавчера* вечером?

Я рассмеялась и рассказала ему, как к нам пришел в гости архитектор Щуко и попросил меня пристроить на сутки московского друга, тоже именитого архитектора. Мы выбрали комнату и диван и ждали гостя.

«Я вам помогу», — сказал Щуко и, к моему удивлению, попросил две коробки спичек. Он сам стал стелить постель и под нижнюю простыню высыпал все спички. На мое недоумение сказал добродушным голосом: «Это месье! Прошлый раз он мне положил под подушку голову гуся с померкшим глазом, а в ноги две холодные гусиные лапы. Вы только не говорите, что это я — он и так поймет». Хармс смотрел на меня с любопытством, потом пошел проводить меня домой. Он открыл мне веселье, смех, игру, юмор — то, чего мне так долго не доставало. У нас был пуританский дом — все по расписанию: школа, уроки, музыка, чтение. Для шалостей не было места. Потом я училась в старой немецкой школе, потом у Петрова-Водкина и Филонова; оба они были совершенно чужды злоре-

чию, шуткам, насмешливой иронии. С Хармсом в наш дом пришли крупные специалисты — Введенский, Е.Шварц, Олейников, Зощенко, Маршак, Житков и другие. Они соревновались, как мейстерзингеры, — смеяться не было принято, говорили все как будто бы всерьез, от этого было еще веселее. Я очень подружилась с Даниилом Ивановичем, про нас говорили — Макс нашел своего Морица. Сейчас я понимаю, как мне это помогло и пригодилось, когда я стала делать рисунки для детских книжек. Брехт сказал: «Чтобы насмешить других, надо хорошенько повеселиться самому». Это мы и делали. Я помню, как мы смеялись до слез с Глебовой, делая рисунки к стихам Хармса. Он придумывал веселые картинки и загадки — и заставлял нас отгадывать. Придя к нам, он любил перевесить все картинки вверх ногами и следил с интересом, заметят это мои домашние или нет — так возник рассказ о Шустерлинге. Он менял имена нашим кошкам и собакам, уверяя, что они их не помнят. Отсюда рассказ о семи кошках. Он показывал этот рассказ и Маршаку, и Чуковскому, и всем в редакции, и никто-никто не мог решить правильно эту загадку. «И только очень умный человек...» И когда я сказала ему, что, зная его дурной характер, я думаю, что он решил посадить всех кошек в одну клетку, он был в восторге, а я этим очень долго гордилась. К сожалению, мне так и не удалось сделать иллюстрации к его двум книжкам в издательстве «Малыш»; я их сделала сама, без договора, просто из желания изобразить наконец правильно то, что хотел сказать Хармс.

Он считал меня своим верным партнером и всегда сиял, когда я разгадывала все его замысловатые придумки. Мы работали даже в игре, в диалогах, в шалостях и домашних фильмах так, как будто мы на концерте, с эстрады играем сонату для скрипки и рояля, где не могло быть ни тени ошибки. «Художница Алиса хитрее Рейнеке-Лиса», — любил он повто-

рять. Малейшая осечка или непонимание огорчали его жестоко. Однажды я сделала неверное ударение в каком-то слове, он вскочил, как ужаленный, бросился в прихожую и, вернувшись с записной книжкой в руках, сказал мне с упреком: «Что вы сделали — это ужасно; мне придется поставить вам минус; в этой книжке на вашей странице одни плюсы, а теперь — вот видите», — и он сделал черточку. Я сидела, опустив голову, и горестно молчала, а Даниил Иванович переключал книжку то в карман, то на стол, а потом уже совсем другим голосом сказал: «Что же мне с вами делать? Я опять ставлю вам плюс, и знаете за что?» Я молча качнула головой, что не знаю. «Да за то, что ни одна женщина не удержалась и сказала бы: «Дайте мне посмотреть вашу книжечку, покажите мне мою страницу, а дайте мне посмотреть, что у вас про Введенского» и так далее. Он взял карандаш и нашел мою страницу на букву «А». «Даниил Иванович, — взмолилась я, — можно мне не ставить нового плюса, а перечеркнуть тот страшный минус маленькой вертикальной черточкой?»

— Ни за что, это невозможно, — сказал он, поставил крестик и вышел.

В то время у нас жила художница Т.Глебова. Мы очень дружили, писали вместе, сидя рядом, большие полотна маслом, и научились рисовать, ведя карандашом с двух сторон, и всегда все сходилось. Так же мы делали все детские книжки и рисунки для «Чижа» и «Ежа». Меня почему-то невзлюбил В.В.Лебедев и не давал мне работы, он называл меня мужеподобной кривлякой, а Глебова не имела успеха у другого редактора, и наши книжки появлялись то под моей, то под ее фамилией, а делали мы их вдвоем. Например, «Иван Иваныч Самовар» Хармса, детские стихи А.И.Введенского, «Как победила революция» и другие. Я была официальным автором этой книжки, и мне предложили прочесть текст.

— А кто это писал? — спросила я у литературного редактора.

— Да какой-то молодой человек, фамилия его Заболоцкий, но вы можете не указывать его имя на обложке.

Наш секрет с Глебовой никогда не был открыт, хотя о нем знали десятки людей, бывавших у нас в доме. Днем мы всегда писали маслом, потом обедали и гуляли, а по вечерам, если не было интересного концерта, принимали гостей. Народу у нас бывало много, подавали мы к столу только чай с очень вкусными бутербродами и сладким, а водки у нас не было никогда, и с этим все мирились. Д.И.Хармс и А.И.Введенский были нашими основными подругами. Больше всего мы любили делать с ними фильмы. Киноаппарата у нас не было, мы делали просто отдельные кадры из серии «Люди на фоне картин». «Неудачные браки». «Семейные портреты» или снимки «на чистую красоту». Мы брали историю искусств и ставили живые картины, с большим тщанием, а потом все это снимал наш друг П.П.Моккиевский. Нам иногда удавались фото, которые очень многие принимали за картины неизвестных мастеров. Мы любили снимать и рисовать в зоопарке. Ходили мы туда с моей собакой Хокусавной, но потом пришлось это прекратить. В неопишемое волнение приходили звери и птицы, видя такого огромного дога у самой клетки. Однажды Даниил Иванович попросил взять его с собой. Глебова села рисовать каких-то бизонов, а мы с ним пошли искать пеликанов. Мне это было нужно для книжки. У вольера никого не было, кроме совершенно пьяного человека, который боролся с приступами тошноты и, обняв дерево, иногда некрасиво обнаруживал, что кроме водки он ел винегрет. Около него стояла девочка в красном пальто и плакала. Она была очень маленькая, и я сказала Хармсу: «Уведем ее от этого безобразия». Я взяла ее за руку и, доведя до решетки, показала на птиц. Но они были очень далеко, и она все

оглядывалась на отца. Тогда я приподняла ее и, перенеся через решетку, сказала: «Пойди, посмотри на птичек». Она доверчиво и как-то очень быстро покатилась к основной группе огромных пеликанов. Несколько секунд они на нее смотрели, а потом, расправив длиннющие крылья и раскрыв пасти, заковыляли навстречу. Я сама оробела, но послала Хармса на выручку. Он передал мне свою трубку и, перепрыгнув через заборчик, в три прыжка догнал девочку и, схватив ее в охапку, вернул отцу, который ничего и не заметил.

Прошло около недели, и Даниил Иванович вдруг сознался, что с этой минуты, когда я сказала девочке «пойди посмотри на птичек», он стал ко мне как-то иначе относиться.

— Я к вам ходил и все было ничего, а теперь чего, и Бог знает, чем это кончится.

Я никакой перемены не замечала, но нередко он докладывал, что он еще не рухнул и изо всех сил держится за косяки.

Некоторое время Хармс находился в Курске. Жилось ему там неважно, мы не переписывались. Оказалось потом, что я очень облегчила и украсила Даниилу Ивановичу пребывание в Курске: он писал мне стихи и вспоминал все наши встречи. И так как он меня наяву не видел и я не разрушала идеального его обо мне представления, то произошла кристаллизация, что и является крупнейшей удачей для поэта.

Даниил Иванович бывал у нас почти ежедневно, поэтому я редко его навещала — только когда он болел. У нас был общий домашний врач — доктор Шапо. Он был «не совсем в норме», что сильно веселило нас и приводило в восхищение Хармса. «Самое важное — это диагноз, — рассказывал он всем, — важно определить болезнь (лечить может каждый)». Шапо придумал гениальный способ. Под кровать больного он ста-

вил тазик с водой и пускал туда половинки скорлупы грецкого ореха с маленькими зажженными свечками внутри. По краям таза были прикреплены бумажки с надписями: воспаление легких, ревматизм, хандра обыкновенная, чума, ангина и прочее. Если скорлупка останавливалась да еще ко всему загоралась бумажка — значит, сомнений в диагнозе нет. Лечил этот врач, не уходя из квартиры, пока пациент не выздоравливал. Он питался в доме, спал на диванчике, выводил собак гулять, раскладывал пасьянсы и так замечательно ухаживал за больными, что очень было надежно и интересно болеть. Было одно неудобство — он любил пить и кофе, и водку, и чай, и вино, и выпивал, что давали, в очень большом количестве. Сидел за столом часами и с кем попало разглагольствовал, иногда срываясь дать лекарство или поставить горчичник больному. Тут-то и обнаруживали под его стулом лужицу. Даниил Иванович специально для него держал швабру в особом дезрастворе. Других врачей он презирал и издевался над ними сколько мог. Однажды, когда Хармс заболел воспалением легких, а доктор Шапо куда-то ушел «под воду» (он иногда терялся), пришлось вызвать врача из поликлиники. Осмотрев Даниила Ивановича и прописав рецепты, врач сказал уходя: «Самое нужное вам — свежий воздух, надо проветривать комнаты, у вас накурено... Я приду через два дня», — и опять долго говорил о хорошем воздухе. Хармс вызвал меня по телефону, жалобным голосом просил прийти, чтобы встретить врача.

Комната его была так наполнена всякими затейливыми придумками, что описать ее нет сил. Проволоки и пружины тянулись в разных направлениях, на них висели, дрожали и переплетались какие-то коробочки, чертики, символы и эмблемы, и все это менялось по мере появления новых аттракционов. Было много книг, среди них разные раритеты — Библия на древнееврейском, огромная толщенная книга «Черная магия», какие то старые манускрипты.

Окна был заклеены бумагой наглухо, запах был чудовищный, на голове у больного — дамская шляпка с пером, поверх какой-то коврик с бахромой, на руках разные перчатки. Когда пришел доктор, я вышла. За дверью было слышно, как он орал, а Даниил Иванович что-то тихо отвечал. Потом доктор вылетел из двери, схватил пальто и, крикнув мне в лицо: «Сумасшедший, издевательство, болван», — полетел на следующий вызов. Когда я вошла, Даниил Иванович, совсем одетый, бритый, безупречно вежливый, подвинул мне кресло и предложил прочесть стихи, написанные в мою честь. Назывались они «От чистых легких». Я увидела, что бумага на окнах проткнута в нескольких местах, — оказывается, это Даниил Иванович сделал наспех карандашом, когда доктор сказал, что в комнате темно.

— А как вы добились такого необыкновенного зловония? — спросила я.

Тут Даниил Иванович просиял и, вынув из-под кровати коробку с капустными кочерыжками, показал мне ее жестом скромного изобретателя. Потом по моей просьбе открыл окно настежь и бросил вниз коробку, положив туда уже ненужные реквизиты — шляпку и прочее, тщательно перевязав все веревкой. «Как обрадуется какая-нибудь бедная женщина, она найдет тут и обед, и во что одеться».

Посмеяться над ближним — по системе Макс и Мориц — было его любимым занятием. В моде была такая игра — вести куда угодно человека с завязанными глазами. Обижаться было не принято. Тем более что можно было по очереди отыгаться. Я как-то сказала, что с отвращением отношусь к боксу. Это было немедленно отмечено в записной книжке Даниила Ивановича. Когда настала моя очередь, я с забинтованным лицом вышла на улицу — меня вели под руки мой муж П.Снопков и Даниил Иванович. Мы

долго ехали на трамвае, без конца шли и наконец пришли, как мне показалось, в зоопарк. Сильно пахло животными. Потом мы сели, и было очень жарко. Потом заиграли марш. Потом долго ничего не было, и я считала, что это всё. Потом совсем недалеко началась какая-то возня и непонятные звуки, потом Даниил Иванович сказал елеиным голосом: «Разрешите снять?»

Оказалось, что мы сидели в цирке в первом ряду и двое голых и толстых людей убивали друг друга по правилам перед моим носом.

Петя Снопков сжалился надо мной и увел меня, а Хармс остался, надулся и три дня мне не звонил. Я ему отомстила, поставив между двумя гроыхающими трамваями, и очень была довольна, видя, как ему плохо. Он весь дрожал, а я его предупредила, что малейшее движение — смерть или увечье.

Петя повел меня по лестницам очень высоко и, позвонив, открыл мне глаза. Было уже поздно убежать: в дверях стоял Н.П.Акимов — пришлось просидеть весь вечер и смотреть его картинки, а мы друг друга презирали. Мы водили на Исаакий по узенькой лестнице толстяков с плохим сердцем или к бывшей старенькой учительнице музыки на жидкий чай лихих кутил, и они покорно кисли, рассматривая старые альбомы с фотографиями учеников, и умерших родственников, и дач с группами на ступеньках.

Хармс повел со мной в филармонию на «Реквием» Моцарта Сашу Введенского, которому медведь наступил на оба уха и который никогда в жизни не был на концерте и заявлял, что из музыкальных явлений он любит только свист, да и то свой. Сидел он сперва смирно, даже хвалился, что ему нипочем — но постепенно стал томиться, ерзал на стуле и пытался приподняться и бежать. Но мы его держали с двух сторон крепко, и музыка вонзала в него свое жало. Он побледнел, выпучил глаза и иногда шептал мне: «Что же это такое? Это о смерти!» «Возможно», — отвечала я.

«Зачем вы меня сюда привели? Пустите меня. Мне кажется, что это меня отпевают». «Возможно», — сказал Хармс.

В антракте под предлогом выпить в буфете он ускользнул.

Через пару дней мы решили его навестить. В дверях мы столкнулись с уходящим человеком с портфелем. Даниил Иванович поклонился ему и шепнул мне:

— Это фининспектор.

В те времена они нас часто посещали, ничему не верили, грубо считая всех писателей и художников мошенниками, фабрикующими себе частный капитал на дому.

Комната, где жил, вернее, был прописан Введенский, была совсем пуста, только в одном углу валялись какие-то лохмотья и старые одеяла. Хозяин усадил нас на подоконник, а сам опустился на ложе. Потом закурили, и Саша рассказал следующее.

Когда раздался звонок и ему крикнули соседи, что это «фин», он ловко нырнул под тряпки и притворился спящим. Ноги его торчали, и «фин» долго его будил, потом положил бумаги на окно и строго стал допрашивать о заработках, договорах, наживе. Введенский вяло сознался, что «что-то было, что он ничего не помнит, что деньги сует в карман, отходя от кассы, их не считает и сейчас же пропивает в культурной пивной под Детгизом». Они долго пререкались, около часа стоял над лежащим Сашей собиратель налогов и наконец сказал:

— Я опишу имущество

— Пожалуйста

— Да у вас ни черта нет!

— Как же — вот, описывайте.

На двери огромным гвоздем была прибита черная дамская перчатка.

— А стола нет — где едите?

— В столовой Ленкублита.

- А стихи где пишете?
- В трамвае
- Да неужто вы здесь спите?
- Нет, я сплю у женщин.
- Закурить есть?

Введенский вынул из кармана смятую коробку.

— Прошу.

Они сели рядом на тряпки, и фининспектор сказал:

— Да, ну и житуха у вас, хуже нашей — собачья.

И они мирно поговорили о том о сем. «Фин» обещал заглянуть.

Нашим любимым развлечением были «диалоги» Д.И.Хармса и А.И.Введенского. Принцип был такой — максимум вежливости и «бонтона» и неприятнейший текст. Например:

А.И. Можно узнать, Даня, почему у вас такой мертво-серый, я бы сказал, оловянный цвет лица?

Д.И. Отвечу с удовольствием — я специально не моюсь и не вытираю никогда пыль с лица, чтобы женщины рядом со мной казались бы еще более розовыми.

А.И. В вашей внешности есть погрешности — хотя лично мне они очень нравятся. Я мечтал бы завести тоже одну вещь, которая у вас находится на спине, но, увы, это недостижимо.

Д.И. Что именно вы имеете в виду?

А.И. Я разумею ту жировую подушку, или искривление позвоночника, которое именуется горбом.

Д.И. Вы очень добры, что обратили на это внимание — кроме вас, этого никто не заметил, да и я, признаюсь, сам не подозревал, что у меня есть эта надстройка.

А.И. Хорошо, что есть на свете друзья, которые указывают нам на наши телесные недостатки

Д.И. Да, это прекрасно. Я в свою очередь хочу вас спросить: эти глубокие черные дырки на ваших щеках — это разрушительная работа червей еще при жизни, или следы пороха, или татуировка под утрей?

А.И. Ваш вопрос меня несколько огорошил. Ни одна женщина никогда не спрашивала меня об этом. Их скорее занимали мои кудри.

Д.И. Да, мне ясно, что это игра червей.

Следующий диалог по поводу предполагаемой невесты Даниила Ивановича.

А.И. Я слышал, что интереснейшая дама ваша невеста?

Д.И. Благодарю, будто бы она действительно недурна.

А.И. Прошу вас описать мне ее наружность. Какие у нее глаза?

Д.И. Очень узенькие — щелки, почти бесцветные.

А.И. Какая редкость. А скажите, какой цвет лица?

Д.И. Щеки очень бледные, даже зеленоватого оттенка, зато нос — лилово-красный.

А.И. Изумительно. А как зубки?

Д.И. Совсем черные, то есть почти скорее коричневые.

А.И. А волосы?

Д.И. Такого же цвета, как и глаза, бесцветные.

А.И. Это самое ценное. А как фигура?

Д.И. Фигура-дура.

А.И. Счастливый вы человек, Даниил Иванович, но по тому, что вы говорите, вижу, что красавица, а воображаю, как она хороша в действительности.

Д.И. Да, я забыл сказать, она косит.

А.И. Не знаю, где только вы таких находите, — счастливчик.

Одна черта Хармса меня изумляла — отсутствие храбрости. Он боялся моей собаки, доброй, умной, хорошей. Он никогда не приходил, не позвонив по телефону с предупреждением, что он выходит и просит запереть Хокусавну в ванной комнате. За дверью спрашивал — хорошо ли заперт пес? Просил проверить. Быстро проходил ко мне в комнату, бледнея, ко-

гда она лаяла. Может быть, его беспокоила ее величина? У него был мерзкий черный песик, клоп на паучьих ножках.

Несмотря на страхи, он мило относился к Хокусавне, всегда приносил ей подарки, более всего любил давать ей новые имена. Все началось с того, что мы дома стали звать ее почему-то Кинусей. Даниилу Ивановичу это очень не нравилось, он был просто возмущен. Он с пеной у рта уговаривал дать ей другое имя. Он принес с собой длинный список, на выбор. Мне многие понравились. Я не знала, как быть. Тут возникла мысль менять каждые три дня или сколько кличка удержится. Первые дни ее звали Мордильерка, потом — Принцесса Брамбилла, потом — Букавка, Холлидей и т.д. Она откликалась на все имена. Самое невероятное, что наша домработница, которая не могла выговорить ни нашей фамилии, ни слова «кооператив» или «пудинг», почему-то немедленно запоминала все прозвища Кинуси и с укоризной поправляла маму, которая путала и забывала все имена. Хармс просто ликовал и решил, что пора придумать имя посложнее — «Бранденбургский концерт». Были вызваны Хокусай и Паша, и им сказано Даниилом Ивановичем по всей форме, что бывшее имя отменяется и что с понедельника — новое. Собака завиляла хвостом и, как всегда, без споров подчинилась. Паша повторила чисто без запинки два раза «Бранденбургский концерт».

— Хорошо, Даниил Иванович, придумали — такого, поди, ни у кого не встретишь — все Шарик, да Пудик, да еще Жучка, как у нас в деревне.

На следующий день был выход утром под новым именем. Только что свернули они на Фонтанку, как встретили И.И.Соллертинского. Он поздоровался и позвал: «Хокусай, поди сюда». Паша его остановила и гордо сказала: «Сегодня они зовутся «Бранденбургский концерт».

— Что? — ошолбенел Соллертинский. — Кто же его так назвал?

— Это нам Даниил Иванович придумывают, да Алисе Ивановне на разрешение дают, а как они согласятся, так и называем.

Соллертинский не удержался, поднялся к нам и, захлебываясь, рассказал о своей встрече.

Когда Хармс провожал меня домой и мы шли по набережной и он видел вдали двух пьяных или просто группу мужчин, он всегда под разными предложениями поворачивал назад или тянул в переулки, будто бы желая показать мне какое-то чудо архитектуры. Чтобы вселить в него мужество, я рассказала ему историю про одну танцовщицу, которая белой ночью шла по Неве с С.М.Алянским. Они читали друг другу Блока, Мандельштама, и все было неопишимо романтично и возвышенно. Вдруг Алянский остановил ее и, показав на три неустойчивых силуэта, предложил пойти назад.

— Зачем? — спросила Натали и продолжала, заывая стихи, идти вперед.

Когда они поравнялись с пьяницами, те предложили свои услуги. «Тебе, отец, поди с красоткой не справиться, мы тебе поможем...». Алянский бормотал Натали: «Я вам говорил, что не надо...»

Натали вырвала руку у Алянского и наотмашь двинула одного из них с такой силой, что он сел у парапета без движения, потом она размахнулась и сбила с ног второго; третий, менее пьяный, спасся бегством. Она спокойно взяла опять под руку своего спутника и совершенно неизменившимся голосом прочла следующую строчку и пошла дальше, точно она смахнула муху. Алянский потом мне сознался, что он был очень сильно в нее влюблен, но после этой прогулки — как рукой сняло.

Рассказ мой очень понравился Хармсу, но он придумал другой конец.

— Зачем она не тюкнула третьего? — сказал он. — Надо было ей догнать его, оглушить кулаком и бросить в Неву, потом вернуться к Алянскому и с его помощью перемахнуть и тех двух, а потом уж говори-

те — «и совершенно неизменившимся голосом прочла следующую строчку».

Иногда у него бывали припадки храбрости, когда было не очень темно на улице и не очень пустынно. Он говорил мне:

— Представьте себе, я никогда не дрался, даже в детстве, но ради вас я сегодня хотел бы кому-нибудь переломать ребра.

И он назвал самого маленького моего знакомого. В открытом бою я на него не рассчитывала, но ослабить противника постоянными нападениями он умел и был незаменим и очень изобретателен.

Когда Саше Введенскому не на что было выпить, он держал необыкновенные пари. Например, Хармс должен был пройти от нашего дома до Литейного проспекта, приодевшись в канотье без дна, так что волосы торчали поверх полей, в светлом пиджаке без рубашки, на теле был виден большой крест, военные галифе моего брата и на голых ногах ночные туфли. В руке сачок для ловли бабочек. Пари держали на бутылку шампанского: если Хармс дойдет до перекрестка и никто не обратит на него внимания, то выиграл он, и — наоборот.

Даниил Иванович дал себя одеть и шел по тротуару очень спокойно, без улыбки, с достоинством. Мы бежали по другой стороне улицы и, умирая от глупого смеха, смотрели — что прохожие? Никто не обратил на него внимания, только одна старушка сказала: «Вот дурак-то». И всё.

Введенский побежал за бутылкой, а Даниил Иванович степенно вернулся к нам, и мы все вместе пообедали.

Когда мы собирались по вечерам, мы любили играть в «разрезы». Всем раздавались бумажки и карандаши, назывался какой-то всем знакомый человек.

Надо было мысленно сделать разрез по его талии и написать на бумаге, чем он набит. Например, профессор Кушнарев: все писали — сыр. Это было очевидно. Потом называли очень скучную тетю — у всех почти было слово: пшено, у двух-трех — крупа, песок. Она была ужасно однообразна.

«Резали» П.Н.Филонова — у большинства: горящие угли, тлеющее полено, внутренность дерева, сожженного молнией. Были набитые булыжниками, дымом, хлородонтом, перьями. Была одна «трудная тетя», про которую даже написали, что не хотят ее резать, а более находчивые определили ее: резина, сырое тесто и скрученное мокрое белье, которое трудно режется.

Про Соллертинского единодушно все написали соты, начиненные цифрами, знаками, выдержками, буквами, или соты, начиненные фаршем из книг на 17 языках. Введенский — яблоками, съеденными червями. Хармс — адской серой и т.д.

Другая игра — только на концертах, когда первый раз появлялся дирижер, которого мы не знали в лицо и не видели никогда на фото. Надо было очень незаметно на небольшом листке бумаги нарисовать, как себе его представляешь. Очень быстро, пока он не появился. Пока он ждал полной тишины, мы обменивались рисунками и давились от смеха. Соседи на нас шикали. Хармс смотрел на меня с удивлением, что меня еще больше смешило.

На одном из концертов он передал по залу более ста записочек следующего содержания: «Д.И.Хармс меняет свою фамилию на Чармс». Мне он объяснил, что по-английски Хармс значит — несчастье, а Чармс — очарование и что от одной буквы зависит многое.

Еще была одна любимая игра под названием «черты лица». Мы оба рисовали на листках нос, рот, ухо, глаза вперемешку, потом менялись рисунками, и надо было сказать, чей это портрет. Прически не было, что было еще труднее.

Часто он мне давал тему, и я при нем быстро рисовала, всегда что-то смешное прибавляя от себя, но он неизменно делал вид, что ничего не заметил. Самый удачный и единственный сохранившийся рисунок назывался сперва «Охота», а потом «Хармс уходит с охоты».

Он мне начал рассказывать, как его пригласили друзья и что было в лесу.

— Подождите минуту, — я хочу все это изобразить.

— Ничего не получится, — женщины не умеют рисовать ружья.

— Да что вы, я сейчас вам докажу, что я отлично их рисую. Я даже знаю, что солдатские все одинаковые, и это неинтересно, а охотничьи — разных систем. Ну, рассказывайте.

И я нарисовала карандашом, ни разу не стирая, точной, филоновской линией охотников, зверей, деревьев, пни и много ружей.

— Да, а кого же вы убили?

— Не помню, — поморщился Хармс, — одну беременную лань, одну птичку и, кажется, двух людей.

Стараясь не смеяться, я спросила: «А как вы были одеты?» — «Как всегда, но чтобы звери не приняли меня за охотника, я попросил у своей тетки длинную юбку».

— Ну вот, — сказала я, — все готово! Обратите внимание на ружья, одно даже с шомполом, на хитрых зверей, и как я вам польстила, пощадив вашу «охотничью» собаку.

Даниил Иванович пыхтел трубкой и был явно обижен, что я его обыграла.

— Вот видите, это карандашный рисунок, а какую вы мне задали работу. Теперь мне нужно несколько дней все это еще прорабатывать точкой, акварелью, чтобы все было по «принципу сделанности».

Хармс сам очень любил рисовать, но мне свои рисунки никогда не показывал, а также все, что он пи-

сал для взрослых. Он запретил это всем своим друзьям, а с меня взял клятву, что я не буду пытаться достать его рукописи. Самая увлекательная игра была переодевание и фотографирование. Хармс был и сценаристом, и постановщиком, и актером, и бутафором.

Была еще игра в «монстров». У Даниила Ивановича были свои, в нашей семье — тоже, у Глебовой — очень ценный набор. Мы ими менялись, знакомили их с друзьями, старались показать свой товар лицом. Хармс своих холил и лелеял и проводил с ними массу времени. Например, у него был основной монстр — нищий с длиннейшей косой, огромной шевелюрой, в веригах, босой, ходил с железным посохом по Невскому. Какие-то натурфилософы, собиратели старинных коллекций, потерпевшие крушение, одичавшие типы. Я их побаивалась и не любила к ним ходить. Мои были веселые и забавные. Один из них наполнил свой дом аквариумами и дошел до того, что ему негде было поставить кровать: он ходил ночевать к соседям, а днем бродил по рыбному царству, меняя освещение, перемещая рыб из одного резервуара в другой, кормил живыми комариками, личинками, давал всем имена из Грина и Метерлинка.

В течение почти двух лет мы с Даниилом Ивановичем рисовали, лепили и шили «подкидышей». Обыкновенно я рисовала на бумаге голову ребенка, из ваты делала начинку и укладывала в конвертик с кружевами или ленточками. Писали записку вроде «Береги дитя нашей любви. Твоя Зизи» и, вложив в ноты, свернутые трубкой, оставляли в проходной консерватории для передачи профессору N. Даниил Иванович следил по часам, когда пакет предположительно должен был попасть в его руки, и мы минут через десять веселились основательно. Делали мы их по-разному. То с рожками, то с рыбьим хвостом, иногда выпрашивали большую куклу и зашивали в пеленки с графской короной, на шею вешали цепь с ме-

дальном, в который была вложена не прядь волос, а кошачья шерсть или конский волос, и Хармс крадучись нес это к двери профессора, а потом бегом ко мне, я ждала его под лестницей, и мы, как Макс и Мориц, оглядываясь, убегали. Постепенно в душу профессора стали закрадываться подозрения. Он звонил по телефону и пытался напасть на след, но я очень ловко увиливала. Сделав паузу, мы смастерили близнецов. Я помню, мы их ухитрились подсунуть в день концерта. Он вышел на эстраду, раскрыл ноты, и ему на колени, а потом на пол упали наши крошки, и ему пришлось их поднимать, и он не знал, куда их деть, а мы сидели в зале, и я завидовала Даниилу Ивановичу, что он может делать такое каменное лицо, а мне было очень трудно, я тряслась от смеха. На следующий концерт как-то не удалось ничего приготовить, и было как-то скучновато из-за этого. Я пожаловалась Даниилу Ивановичу.

— У меня есть идея. — сказал он, — собирайте сосульки.

Мы по дороге набрали хороших сосулек, и Хармс попросил меня подождать у вешалки. Сам он разделся и пошел в артистическую, — якобы он потерял билет и попросил профессора N дать ему записку или пропуск. Пока тот писал, Хармс ловко опускал ему лед в карман сюртука и с бесконечными поклонами, извинениями и реверансами ушел. Мы сидели сбоку, чтобы все видеть отчетливо. Сперва началось «кап-кап-кап», медленно, потом быстрее, потом побежал ручеек. Мы заметили, что в первых рядах уже началось беспокойство. Музыкант совсем оторвался от земли и гудел изо всех сил, брыкаясь ногами и руками, и ничего не замечал. Когда он кончил и подошел к рампе кланяться, он вдруг подпрыгнул, увидев ручей. Я хотела убежать, но Хармс строго мне сказал:

— Прощу вас — я никогда вам этого не прощу.

Я хлопала и улыбалась, а концертант очень мило-стиво на меня посматривал, — все обошлось. Но я

опять перешла на «подкидышей», это было не так рискованно. А Даниил Иванович хладнокровно совал их в книги, ноты, карманы, почтовый ящик, галоши профессора, пока нам не надоело их делать.

Хармс вообще был фокусником. Поэтому ему все это было очень нетрудно. У него всегда были в кармане два шарика для пинг-понга, и он всех удивлял так называемой «чистой работой». Мне эта работа не казалась чистой, потому что сперва шарик был во рту, потом он вынимал его из ботинка, потом из уха, затем из кармана, где к мокрому шарiku приставал табак, потом опять два сразу изо рта и т.д. Я старалась в это время смотреть в окно. Он и сам считал себя волшебником и любил путать страшными рассказами о своей магической силе.

Даниил Иванович был очень суеверен. У него были на все приметы, дурные цифры, счастливые предзнаменования. Он выходил из трамвая, если на билете была цифра 6, или возвращался домой, встретив горбуна. Человек с веснушками означал удачу. Молоко на даче пил, только если были закрыты все окна и двери наглухо. Даже небольшие щели на балконе затыкал ватой. У нас в доме у всех близких друзей были свои чашки. Даниил Иванович пил только из так называемой «петровской» чашки, зеленой с золотом и крупными цветами. Однажды я вынула ее из шкафа, и она на глазах у всех прыгнула с блюда на пол. Даниил Иванович немедленно ушел, мрачно сказав мне в прихожей: «Ужасная примета — это конец». Так оно и было.

Все, что мне писал Хармс, все его стихи, и записки, и письма погибли в Ленинграде в блокаду. Мы уехали в Свердловск, а соседи топили печурку нашей мебелью и книгами, моими рисунками и картинами.

Сохранился его портрет маслом, три фото со мной и два — с Глебовой.

Стихи он писал по диагонали. Верхняя строка была близко к краю, а каждая последующая — на одну букву дальше. Наверху было написано — не «посвящается», а «принадлежит Алисе П.».

Он больше всего не любил избитых, привычных слов, мнений и всего, что уже встречалось часто и набило оскомину. Ему очень редко нравились люди, он не щадил никого. Единственный человек, о котором он отзывался неизменно с восхищением, был Харджиев. Он так мне его расхваливал, что я сперва подумала, что это новое увлечение очередным монстром, но когда мне все сказали, что Николай Иванович на самом деле блестящий и очаровательный человек, я попросила Хармса меня с ним познакомить. «Никогда, ни за что, — отрезал Хармс. — Через мой труп».

И как я ни старалась пригласить его к нам в дом, ничего не вышло. Он запретил это всем своим друзьям и ловко разрушал все мои попытки.

Только через много-много лет, на выставке П.Н.Филонова в музее Маяковского, мы встретились с Николаем Ивановичем Харджиевым, и нам было так интересно вспоминать нашего замечательного друга.

А совсем недавно в Ленинграде нашлись такие стихи. Мне их Даниил Иванович никогда не читал:

Передо мной висит портрет
Алисы Ивановны Порет.
Она прекрасна точно фея,
Она коварна пуще змея,
Она хитра, моя Алиса,
Хитрее Рейнеке-Лиса.

<1980>

Владимир Глоцер
Марина Дурново.
Мой муж Даниил Хармс*

Однажды вечером, хорошо помню этот день,

я убирала свой стол, наводила в нем порядок. Я очень люблю, и до сих пор, красивую белую бумагу. Я перебирала ее, складывала.

В это время в дверь постучали. Я пошла открывать.

У порога стоял высокий, странно одетый молодой человек, в кепочке с козырьком. Он был в клетчатом пиджаке, брюках гольф и гетрах. С тяжелой палкой, и на пальце большое кольцо.

— Разрешите пройти?

— Да, да, пожалуйста.

Он спросил Ольгу. А ее не было дома.

— Можно, я подожду немножко Ольгу Николаевну?

Я говорю:

— Конечно. Садитесь.

Он:

— Благодарю вас.

Я продолжала перебирать бумажки, и одна была красивее другой. Вдруг он меня спросил:

— Вы, наверное, любите музыку?

Я сказала:

— Очень.

— А что вы любите? каких композиторов?

* Фрагменты книги.

© В.И.Глоцер. 1999, 2003

© М.В.Дурново. 1999, 2003

Ну я сразу, конечно, как молоденькая, ему:

— Чайковский. Выше всех.

— Ах, — говорит, — вам нравится Чайковский?

Чудный композитор... А кто еще?

Я назвала еще кого-то, когда он спросил:

— А вы любите Баха?

Нет, Баха я, к стыду своему, еще не знала.

У меня был абонемент на год в Филармонию, самый дешевый, в последний ряд. Место на самом верху, на хорах.

Иногда я прямо с работы, не переодевшись, бежала к семи часам в Филармонию, с сумкой, в которой были покупки.

Так что он спросил меня о том, что меня интересовало.

А Ольга всё не приходила и не приходила. Было уже поздно. Он дождался ее еще немного и ушел.

Мне он очень понравился. Славный очень, лицо такое открытое. У него были необыкновенные глаза: голубые-голубые. И какой вежливый, воспитанный! Он любит музыку и знает ее лучше меня.

И я ему очень понравилась, — он мне потом говорил.

Я слышала о нем раньше от Ольги, знала, что он писатель, но, конечно, не подозревала, что он мой будущий муж.

Вскоре он пригласил меня и Ольгу поехать на Острова. И мы поехали. Взяли с собой бутерброды. Может быть, молоко, что-то еще, — не помню.

Я очень любила ездить на Острова. Вы покупаете билет и едете на ту сторону. Утром вас привозит туда пароходик, вы проводите там весь день, а вечером возвращаетесь в город.

Я была в восторге, мой темперамент так и бил ключом. Я была очень веселая. А Ольга всегда сдержанна, подтянута.

Я сидела и смотрела на воду. И слышала очень тихий голос, который был обращен к Ольге:

— Ольга Николаевна, ну посмотрите, какие у нее глаза! Такие красивые.

Ольга нехотя сказала:

— Да, у нее красивые глаза.

С этой поездки он часто приходил к нам. И чем дальше, тем всё чаще и чаще. И мы куда-то вместе шли, куда-то ехали. В городе. И за город.

Как-то он мне сказал:

— Здесь одна вещь, которую стараются сделать. Это клавесинная музыка... Если у них получится, мы пойдем на концерт...

И мы шли на концерт клавесинной музыки. И куда-то еще, еще.

И случилось, что уже Ольги с нами не было.

Однажды я засиделась у него в комнате.

И он неожиданно сделал мне предложение.

Я помню, что осталась у него ночевать.

И когда мама стала мне выговаривать, что я даже домой не пришла, я сказала ей, что мне сделали предложение и я выхожу замуж за Даниила Ивановича.

Всё это произошло как-то очень быстро.

С тех пор я Ольгу почти не видела.

По правде говоря, мама ожидала, что за Даню выйдет замуж Ольга. И когда он сделал мне предложение, она была немного смущена. Не то чтобы недовольна, — нет, — просто для нее это было полной неожиданностью.

Свадьбы никакой не было. Не на что ее было устраивать. Пошли и расписались, — вот тебе и вся свадьба.

Первым делом, как мы поженились, Даня повез меня в Царское Село, к своей тете, чтобы показать меня. Он очень считался с ее мнением. Прямо-таки дрожал перед ней. Да, он, конечно, ее уважал, но и побаивался. И любил, по-моему, больше, чем отца. И она тоже в нем души не чаяла.

Всё было очень красиво, как она нас приняла.

Она смотрела на меня в упор, прямо в глаза, изучающе, — кто я и что я.

А Даня все время переводил взгляд с нее на меня, с меня — на нее, — как я ей, нравлюсь?

Первую жену Дани, Эстер, она не любила*. Но она все-таки хотела, чтобы он женился, потому что его всегда окружали какие-то непонятные для нее люди, непонятные для ее возраста. И она надеялась, что с женитьбой они от него отстанут.

Уж не знаю, что она сказала ему обо мне, но я чувствовала, что она, скорее, одобрила его выбор.

Даня жил в коммунальной квартире на Надеждинской улице. На третьем этаже.

Его комната представляла собой половину некогда большой комнаты, разделенной перегородкой. В нашей половине было метров пятнадцать, не более.

Это была не стена, сквозь нее всё, что происходило на той половине, было слышно. А там жили старуха-мать и ее дочь.

— Мама, мама! — укоризненным голосом выговаривала дочь. — Ну что вы опять напикали в кровать!

Даня делал мне знаки, прикладывал палец к губам: *ts-cl*

Через некоторое время снова:

* Эстер Александровна Русакова (1906—1938, по другим данным: 1909—1943). Из семьи иммигрантов, приехавших в СССР из Франции. В 1937 году арестована и погибла в лагере.

Все примечания сделаны мной (В.Г.).

— Опять! Я же вам сказала, мамаша, чтобы вы кричали, когда вам надо плакать.

Мы помирали от смеха, сгибаясь пополам. А Даня мне шопотом:

— Молчи! Молчи!

Старуха всегда делала в кровать, потому что она не вставала. А дочка приходила домой, и повторялась та же сцена.

— Мамаша, я вам сказала, мамаша. Вы меня все-таки не хотите слушать!

— Э-э, — хныча отвечала ей старуха, — я хочу слышать!

— Нет, вы не хотите делать так, как я вам говорю, мамаша! Я уж больше не могу...

Даня, сам давясь от смеха, мне одними губами:

— Молчи, чёрт!

Этот разговор за стенкой мы слышали каждый день.

Дальше, в следующей комнате, — а все комнаты были в одном ряду — жил отец Дани, Иван Павлович. Эта комната была средней в квартире: между нашей комнатой и комнатой старухи с дочкой и комнатами Даниной сестры Лизы.

Когда-то вся квартира принадлежала Ювачёвым. Но в те годы, когда я вышла замуж, она уже была коммунальной.

Иногда Иван Павлович в коридоре предупреждал меня или Даню, что сейчас к нам зайдет.

Это был очень высокий, скелетообразный старик с бородой и всегда бледным лицом.

Заходил он к нам очень редко, на несколько слов.

Даня моментально вскакивал и при нем никогда не сидел. Стоял навытяжку как солдат.

— Пожалуйста, — говорил отец Дане, — ты можешь сидеть. Садись.

Но Даня не садился. Я тоже стояла.

И я не помню, чтобы и отец сидел у нас в комнате.

Приходил он, чтобы что-то спросить Даню или ему что-то не понравилось, и он зашел, чтобы сказать об этом Дане.

Говорил Иван Павлович негромко, вполголоса.

А курить не разрешал, и Дания в его присутствии не курил.

Со мной он был мил, и, по-моему, хорошо ко мне относился, но я его боялась и не стремилась сблизиться.

Он был чрезвычайно аскетичен. Буквально ничего не ел.

У него была мисочка. И ложка. Эта ложка потом досталась мне, но куда-то пропала. Он наливал в эту мисочку горячей воды, и в нее вливал ложку подсолнечного масла. И крошил в воду черный хлеб. Это была вся его еда. Никаких каш, супов — ничего, кроме этой тюри.

Был совершенный аскет. И его все побаивались. Даже считали, что он повредился в уме.

В его комнате была очень скромная обстановка: ничего, кроме стола, стула и кровати. Даже книжный шкаф не помню, — наверное, был.

И он все время писал. Я, к сожалению, ничего из написанного им не читала. Но мне говорили, что это замечательные вещи.

После его смерти — а может быть, я ошибаюсь, это случилось раньше — нет, все-таки, наверное, после его смерти, — все его рукописи забрали и свезли в Казанский собор. Весь его архив.

Известно, что Иван Павлович Ювачёв был близок к Толстому. И не раз бывал в Ясной Поляне.

Он был народовольцем, за участие в покушении на царя его приговорили к смертной казни, которую потом заменили пожизненной ссылкой.

Но в конце концов его отпустили. И после ссылки он женился.

Даня рассказывал мне такую историю.

Отец его был приглашен в поместье к Толстым. Мать Дани, которую я уже не застала, потому что она умерла еще до того, как мы познакомились с Даней, была на сносях, ждала ребенка.

Иван Павлович позвонил ей по телефону из Ясной Поляны и кричал довольно громко, потому что такие были телефоны и только так его было слышно. Он сказал: «Будь осторожнее, роды уже близко. Ты решишься 30-го декабря. И родится мальчик. Назовем его Даниилом». Жена что-то возражала. Но он ее оборвал: «Никаких разговоров! Он будет Даниил. Я сказал».

Дальше, за отцом, были, если не ошибаюсь, две комнаты, в которых жила сестра Дани со своей семьей.

Лиза была замужем за ярым коммунистом, и поэтому мы к ним не ходили и с ними не разговаривали.

Сам Даня с сестрой говорил, но совершенно холодно и только по-немецки.

Мне было строго-настрого запрещено к ним ходить. Даня с самого начала мне сказал: «Нечего тебе туда шляться, я тебе говорю! Нечего тебе там делать». Так что Лиза была для меня недоступна, я не могла с ней разговаривать, и никаких теплых отношений с Лизой, с ее семьей у Дани не было. Из-за ее мужа-коммуниста.

Итак, наша с Даней комната занимала половину некогда большой комнаты.

На окнах — занавески, сделанные из простыни. Кажется, наши окна выходили на улицу. Потому что когда в дом напротив приходили и делали обыск, мы всё видели через дорогу.

В комнате стоял диван, — диван не диван, неширокая тахта, — продавленный, с большой дыркой посередине. Видимо, им пользовались вовсю. Когда я

первый раз легла на него, я провалилась в эту дырку, собачка под диваном завизжала, — должно быть, ее задели пружины проклятые. Но когда люди молоды — Господи Боже мой! — всё это пустяки.

На стенах было много надписей. Довольно больших. Как плакаты. Вроде такой: «Мы не пироги. Пироги не мы!» Все эти надписи делал Даня.

Заметной вещью была стоявшая слева у стены фисгармония. Даня садился за нее не очень часто, хотя страшно любил музыку и играл с удовольствием. Играл он немного вещей, больше по памяти. Зато Яша Друскин, когда приходил к нам, всегда играл на ней*.

Сохранилась одна фотография, на которой я сижу за этой фисгармонией вполоборота к объективу, и мои руки лежат на клавишах. Не помню, кто меня снял. Но это так, изображение, — меня попросили так сесть, я и села, я никогда не умела играть на фисгармонии, к сожалению.

Был стол, на котором мы ели, когда было что есть.

И печка, половина которой была у нас, а другая половина — у старухи с дочерью.

Однажды ночью Даня разбудил меня из-за этой печки.

— Слушай, я хочу спать, — сказала я.

— Нет, подожди, я что-то тебе скажу.

— Ну что, говори скорее.

— Давай покрасим печку.

— Зачем?! На чёрта надо ее красить?

— А просто интересно!

— Ну чем, чем интересно?! Чёрт с ней, с этой печкой.

— Нет, у нас тут есть розовая краска. И мы покрасим печку в розовый цвет...

Словом, он разбудил меня. И мы этой несчастной

* Яков Семенович Друскин (1902—1980), музыкант, философ и теолог. Сберег архив Д.Хармса, в котором были рукописи самого Хармса, А.Введенского и Н.Олейникова.

розовой краской красили печку всю ночь. И потом покрасили в розовый цвет всё, что могли. Другой краски у нас не было. И, крася, очень смеялись, держались за животы. Нам обоим было почему-то очень весело.

На стене в комнате висел наискосок большой плакат. Он бросался в глаза.

«АУМ МАНИ ПАДМЭ ХУМ».

Какое-то тибетское изречение.

Я спросила Даню:

— Что это значит?

Даня сказал:

— Я не знаю, что это такое, но я знаю, что это святое и очень сильное заклинание*.

Чтобы в доме было очень много книг, — это я не помню. Комната была все же небольшая. Но у Дани были книги по оккультизму, по йоге, по буддизму, это его интересовало. И благодаря ему у меня тоже развился интерес к оккультным наукам, — правда, тогда еще не глубокий.

Когда мы с Даней поженились, он сказал мне:

— Мне всё равно, но я тебе советую: для тебя будет лучше, если ты оставишь свою девичью фамилию. Сейчас такая жизнь, что если у нас будет общая фамилия, мы потом никому не сумеем доказать, что ты это не я. Мало ли что может случиться! А так у тебя всегда будет оправдание: «Я знала и не хотела брать его фамилию...» Поэтому для твоей безопасности, для тебя будет спокойнее, если ты останешься Малич...

Он настоял, чтобы у меня осталась моя девичья

* Мани падмэ (санскрит.) — «драгоценность в цветке лотоса».

фамилия, а мне было немножко обидно, — мне казалось, что он не хочет, чтобы я носила его фамилию.

В конце концов мне тоже было всё равно, и я согласилась. Так я осталась с моей девичьей фамилией Малич.

Уже, наверное, не в первый и не во второй год моего замужества Даня как-то сказал мне:

— Я сейчас бегу, мне некогда, я собрал немного денег, чтобы купить нам билеты, — послезавтра большой концерт, в котором будут исполняться «Страсти по Матфею» Баха.

Потом он мне сказал, что их исполнение не хотели разрешать ни в театре, ни в филармонии, и его с трудом добились.

— Это совершенно потрясающая вещь. Смерть Христа. И она у нас запрещена. Так что ее не исполняют. Но разрешили всего один раз на Пасху.

Он еще говорил, что в этой музыке Баха большие детские хоры.

— Но единственное, что запретили, это чтобы участвовали дети.

Я до этого никогда не слышала Баха и, конечно, не так хорошо понимала музыку, как Даня. А он всё повторял:

— Ты увидишь, — это потрясающе!

Я думаю, что это было на второй или третий день Пасхи.

Когда мы вошли в зал, он уже был переполнен. Сесть было нельзя, негде, и мы стояли.

Люди от духоты и переживаний теряли сознание, и их выносили из зала.

Мы стояли, прижатые другими, у самой стены, далеко от сцены.

Ажиотаж был небывалый, потому что все знали, что исполняется единственный раз и никогда не повторится.

Даня подготовил меня, всё мне объяснил, и я слу-

шала очень внимательно. А он всё смотрел на меня: какое производит на меня впечатление?

Это было что-то невероятное. Мурашки бегали по телу. Люди сидели со сцепленными пальцами, сжавшись, плакали. И я тоже утирала слезы. Ничего подобного ни до, ни после этого я не испытывала.

Мы стояли часа три, пока длился концерт. И когда шли домой, я плакала, а Даня всё смотрел на меня и спрашивал:

— Тебе понравилось? Правда?

Я честно говорила, что ничего лучше в жизни не слышала. И он сказал:

— Я рад, что ты поняла глубину этой вещи. Теперь можешь отдохнуть на более легких вещах.

И потом добавил:

— Я, по правде сказать, немножко побаивался, что ты не всё поймешь. Это вещь замечательная, уникальная.

Он был очень верующим, гораздо больше, чем я себе представляла.

Но так мы с ним в концерты больше не ходили. Денег на билеты не было. Никогда.

В Царском Селе, как я уже говорила, жила тетка Дани, Наталия Ивановна Колюбакина. Даня ее очень любил и, повторяю, слегка побаивался.

Она несколько раз приезжала к нам. И Даня к ней ездил, — не то чтобы часто, — изредка. Иногда мы ездили к ней вместе.

Она была очень строгой. Железного характера. Железного! Не было человека, который бы не преклонялся перед ней, — настолько это была сильная натура. А мне нравилось шутить с людьми, — так сказать, ваньку валять.

Я тогда училась кулинарничать и однажды свари-

ла очень хороший, вкусный суп, на свинине и, не помню, еще с чем. Ну, очень хороший.

И как раз к нам приехала Наталия Ивановна. Я сварила целую кастрюлю этого супа, такую большую-большую.

Начали есть, и она тоже ела с удовольствием. Я налила себе тарелку, потом — другую... Вдруг она говорит мне:

— Как вы можете столько съесть?! — но очень мило, по-доброму.

Я говорю:

— Я ем, потому что у меня, кажется, этот суп хорошо вышел.

Но когда я налила себе третью тарелку, она посмотрела на меня с нескрываемым удивлением. Но уже ничего не сказала.

Она жила в Царском со своей сестрой Марией. Мария Ивановна была маленькая такая, не то чтобы забитая, а незаметная.

Даня, повторяю, очень любил Наталию Ивановну и уважал безмерно. Но у нее над столом висел огромный портрет Льва Толстого. Вот его Даня терпеть не мог, не знаю даже почему.

Наталия Ивановна Колюбакина преподавала в Петербурге в главных институтах еще в хорошее время. Она почитала Толстого и каким-то образом была связана с ним.

Даня ей показывал, читал то, что пишет. Некоторые его сочинения она одобряла и говорила ему об этом, а некоторые — ей не могли нравиться, и она ему прямо это высказывала. К ее слову он очень прислушивался.

У меня была собачка. Очень маленькая. Я ее могла брать на руки, носила под мышкой, она почти ничего не весила. Жалкая такая. И прозвище у нее было

странное, смешное. Звали ее Тряпочка. Я ее всюду таскала с собой, чтобы она не оставалась дома и не скучала. Иду в гости и беру с собой мою Тряпочку.

Однажды мы с Даней были приглашены на показ мод. Не вспомню, где это было. Там были очень красивые женщины, которые демонстрировали платья.

И все эти женщины повисли на Дане: «Ах, Даниил Иванович!..», «Ах, Даня!..»

Одна, помню, сидела у него на коленях, другая — обнимала за шею, — можно сказать, повисла на шее.

А Марина? А Марина сидела в углу с Тряпочкой и тихонько плакала, потому что на меня никто не обращал никакого внимания.

Мне было дико всё это наблюдать. Этих женщин и то, как они прыгали к нему на колени. Всё же я была совсем другого происхождения. Я была стыдливая скорей и плохо себя чувствовала в этой обстановке. И меня то, что я видела, эти отношения, как-то отталкивало.

Наверное, я была в этой компании совсем чужая, они тоже заметили мой взгляд и больше меня туда не приглашали. Просили, чтобы Даня приходил без меня.

Все радовались всегда, когда он куда-нибудь приходил. Его обожали. Потому что он всех доводил до хохота. Стоило ему где-нибудь появиться, в какой-нибудь компании, как вспыхивал смех и не прекращался до конца, что он там был.

Вечером обрывали телефон. Ему кричали с улицы: «Хармс!», «Пока!», «Пока, Хармс!» И он убегал. Чаше всего без меня.

Мне-то и надеть было нечего, — ни платья, ни ту-

фель, — ничего. А там, куда он шел, все были все-таки молодые, красивые, хорошо одевались.

А он уходил, один. Он еще был прилично одет.

Впрочем, это не мешало нашей любви, и сначала всё было хорошо, и мы были счастливы.

Он всегда одевался странно: пиджак, сшитый специально для него каким-то портным, у шеи неизменно чистый воротничок, гольфы, гетры. Никто такую одежду не носил, а он всегда ходил в этом виде. Непременно с большой длинной трубкой во рту. Он и на ходу курил. В руке — палка. На пальце большое кольцо с камнем, сибирский камень, по-моему, желтый.

Высокий, хотя немного сутулился. У него был тик. Он как-то очень быстро подносил обе руки, — вернее, два указательных пальца, сложенных домиком, к носу, издавая такой звук, будто откашливался, и при этом слегка наклонялся и притоптывал правой ногой, быстро-быстро.

Видимо, для детей в этом его облике было что-то очень интересное, и они за ним бегали. Им страшно нравилось, как он одет, как ходит, как вдруг останавливается. Но они бывали и жестоки, — кидали в него камнями.

Он не обращал на их выходки никакого внимания, был совершенно невозмутим. Шел себе и шел. И на взгляды взрослых тоже не реагировал никак.

Даня был странный. Трудно, наверное, было быть странным больше. Я думаю, он слишком глубоко вошел в ту роль, которую себе создал. Надо, конечно, помнить, что то время, когда мы жили с Даней, не имеет ничего общего с нашим временем, — мы сейчас многое можем допустить. И его странность была особенно заметна на том фоне.

Одежду он себе заказывал у портного. Никто же не носил такие короткие штаны.

Но ко всем его странностям я совершенно при-

выкла, и они уже не задевали меня. Я его любила, и меня скорее забавляли все эти штуки, которые он выкидывал.

Выражение лица у него было совершенно точно такое, как на портрете, который нарисовала художница Алиса Порет*. Этот портрет воспроизведен в «Панораме искусств», которая у меня есть.

В этом сборнике я читала ее воспоминания**. Я считаю, что она очень хорошо о нем написала. Там много таких эпизодов, над которыми можно посмеяться. И она очень красиво их подала, те же самые вещи, о которых я говорю, но в каком-то ином преломлении.

У нее, наверное, тоже был с ним роман.

Кстати, в том же сборнике, где воспоминания этой художницы, помещены две маленькие фотографии, на одной — она с Даней, и он там делает страшную рожу...

Я помню — я еще не была за ним замужем — произошел такой случай, — я потом много об этом думала... Я пошла в парикмахерскую делать маникюр. И условилась с Даней, что буду там в таком-то часу и чтобы он за мной заехал.

Вот я сижу у маникюрши, она мне чистит ногти, — как вдруг она поднимает глаза и вскрикивает: — Ой, какой ужас! Я боюсь!..

Я говорю:

— А что такое?

Она говорит:

— Это не ваш муж?

Я повернулась, увидела Даню и говорю:

— Да.

* Портрет работы Алисы Порет (1902—1984) на вклейке в «Панораме искусств 3», после с. 336 (М.: Советский художник, 1980).

** Там же, на с. 348—359, «Воспоминания о Данииле Хармсе». Их можно прочесть на с. 425—445 нашей книги. (Сост.)

Она говорит:

— Какой ужасный у него взгляд! Просто страшный.

Я улынулась. А она, видно, испугалась не на шутку и говорит:

— Боже мой, как вы не боитесь этого человека?

Я говорю:

— Нет.

Что я могла тогда возразить? А у него действительно бывал иногда такой взгляд: очень голубые глаза белками повернуты под самые веки.

Но в тот момент от ее испуга мне было только смешно.

Его дневник я прочла только теперь. Хотя он его не прятал, я не могла бы его читать, потому что у меня есть чувство, что я влезаю в жизнь другого человека, а это известная подлость.

Когда я сейчас читаю этот дневник, — скажем, то место в нем, где он пишет о несостоявшейся женитьбе на Алисе Порет: «Если бы Алиса Ивановна любила меня и Бог хотел бы этого, я был бы так рад! Я прошу Тебя Боже, устрой всё так, как находишь нужным и хорошим. Да будет Воля Божья!», — я вижу, что многое в этом дневнике выражено совсем по-детски. Да, в Дане было это детское, поэтому он и был такой.

Первый его арест был до меня. А второй арест я уже не помню. Может быть, он был уж очень короткий. Наверное, поэтому я его не запомнила.

Хотя Даня мне никогда особенно не рассказывал про свой первый брак, я знала его первую жену. Она была француженка, еврейка-француженка. Очень хорошенькая. Звали ее Эстер.

Даня говорил мне:

— Эстер — такой тип жены-куклы...

Но мне она показалась очень симпатичной, мы с ней ходили, гуляли.

И был случай, когда на талоны давали туфли. Мы пошли с Даней покупать их.

Даня был очень добрый. И он сказал:

— Послушай, я знаю, что ты бы хотела иметь такие туфли. Но, может быть, отдать их Эстер? Все-таки мы с тобой вдвоем, а она осталась одна...

Я говорю:

— Хорошо. Отдай Эстер.

Туфли были элегантные, коричневые. Эстер была в восторге. И очень меня любила. В том числе за то, что отделалась от Дани.

Один раз Даня взял меня с собой в гости. У кого мы были, — сейчас не помню. Но все хотели, чтобы я тоже пошла. Помню, что все сидели на полу. И на полу, на расстеленных газетах лежало всё что принес. Селедка, черный хлеб и, конечно, водка, которую разливали всем.

Были братья Друскины, Яша и Миша*, они оба закончили консерваторию. Михаил был, кажется, младше Якова. Миша был очень холеный. Но мне больше нравился старший из них. Он играл на рояле как бог, и у него была огромная сила воли. Сначала окончил консерваторию старший. Но он знал, что ему надо дать дорогу младшему, и пожертвовал собой, не стал пианистом. Меня это восхитило.

Но — о Боги, о Господи! — как он играл! Я не могу забыть.

Как-то я сказала Дане: «Яшка, по-моему, играет на фортепьяно лучше Миши». Даня со мной согласился. «Да, — говорит, — намного лучше»...

* Михаил Семенович Друскин (1905—1991), музыковед, педагог, пианист.

Значит, большая комната, в ней рояль, и много народу. Шура Введенский был, Липавский*...

И братья Друскины играли. Но сейчас все поздравляли не старшего, а младшего Друскина. И Яша спокойно, ласково улыбался, радовался за брата.

Я всегда очень любила и уважала Яшу. Он был такой милый. И я думаю, он меня жалел. Он видел, что я старалась, чтобы никто не обращал на меня внимания, держалась на заднем плане.

Но когда он садился за рояль и начинал играть — Господи помилуй! — я была у его ног. Это я помню очень хорошо.

А потом, после исполнения, шел разговор о музыке. Почему в ней это так, а другое — так. Мнения, мнения. Очень интересный разговор. До утра.

Однажды ночью, — я уже спала, — Даня разбудил меня и сказал, что мы будем охотиться на крыс.

Крыс в доме никаких не было, но он придумал, что мы будем за ними бегать.

Для этого мы должны были одеться по-особенному. Я уже не помню, что я надела и что надел Даня. Но это была явно не парадная одежда и даже не такая, в какой мы ходим обычно, — что-то такое самое заношенное, оборванное. В этом виде мы должны были гоняться за крысами, которых у нас не было.

Мы уже приготовились к погоне, и всюду искали крыс, но тут, на самой середине игры, к нам кто-то пришел. В дверь страшно барабанили, и нам пришлось открыть.

Мы предстали перед гостями в этом странном виде, очень их удивившем. Куда это они на ночь глядя собрались? Даня не стал рассказывать, чем мы только что занимались, и сказал, что мы куда-то ходили по хозяйственным делам и потому оделись как можно проще.

* Александр Иванович Введенский (1904—1941), поэт, драматург, детский писатель. Репрессирован в 1941-м году.

Леонид Савельевич Липавский (1904—1941), поэт, драматург, детский писатель. Погиб на фронте под Ленинградом.

Ложились мы поздно ночью и вставали тоже поздно. Даня мог спать до двенадцати. А иногда вставали в два или даже в три часа дня.

Когда нечего было есть и некуда было идти, так он и спал, как и я.

Шура Введенский... Я его очень любила. Он был симпатичен мне. И всегда присутствовал в нашей жизни. «Шурка сказал...», или «Шурка приехал...», или «Шурка зайдет...»

Даня и Шура всегда были вместе, тесно связаны друг с другом.

Я думаю, что Шурка был для Дани самый близкий человек. Причем Даня, по-моему, верховодил в их отношениях, был как-то над ним. Они постоянно советовались, сделать так или этак, так ли поступить и прочее.

Я помню, что Шурка был влюблен в Татьяну Глебову, даровитую художницу. Она была очень хорошенькая.

Не могу сказать, что Шурка всегда подчинялся Дане. Иногда да, иногда — нет. Иногда они ссорились, какое-то время не виделись, но потом всё равно мирились.

Самая большая ссора у них произошла из-за женщины. Однажды к нам прибежала жена Шурки. Она повздорила с ним, жаловалась, что он ей изменяет, плакала и пришла ночевать к нам. Мне ее было очень жалко.

— Вот меня в уголок куда-нибудь...

Я ей постелила на полу. Больше у нас негде было. Дала лучшее, что у меня было, — одеяло положила на пол, простыню, дала подушку. Она провела у нас три или четыре дня... А потом я узнала, что она прошла и через руки Дани, путалась с ним.

Я не помню, чтобы он садился за стол и долго что-то писал. Иногда он работал лежа в кровати, иногда сидя у окна.

Бывало вообще чёрт знает что. Случалось, что мы ложились спать в восемь часов утра. И спали весь день.

А телефон звонил, звонил... И звонили и приходили без звонка и днем и ночью.

И Даня злился:

— И вообще, оставили бы меня в покое!..

— Хорошо, — говорила я. — А как это сделать, чтобы тебя оставили в покое?

— Да очень просто, — не открывай дверь, и всё.

— И что тогда будет? Ведь будут орать, если я не открою...

— И пусть орут!

Значит, что было? Приходили и стучали в дверь. И кричали: «Чёрт бы вас подрал! Открывайте двери!.. Да мы всё равно знаем, что вы не спите!..»

И начинали дверь ломать. А дверь все-таки не наша собственная, а государства проклятого. А они в нее так били, что в дверях дырку сделали, потом пришлось эту дырку заколачивать...

Даня уже и записку писал и прикреплял ее к двери: дескать, никого нету. А всё равно все знали, что мы дома.

Ни черта не помогало!

Когда начинали стучать в дверь, Даня мне шопотом: «тс-с!..» и знаками показывал, чтобы я молчала. Мол, никого нет.

Ну тогда начиналось что-то невообразимое. Прямо беда была. И ногами и руками колотили. Ужас что такое было! А этим, пришедшим в гости, было всё равно: ночь ли, день. Они хотели попасть к нам сейчас, немедленно.

Даня еще грозил мне, чтобы я рта не раскрывала. Но наконец и сам не выдерживал. И со словами: «Чёрт с ними!» — открывал дверь.

И гости входили, и у них подмышкой были бутылки. Пили, болтали. И я со всеми.

Он пил, но не так, чтобы это могло затмить или испортить то, что он писал. Он берег себя для работы. Пьяным я его во всяком случае никогда не видела.

Мы долго не открывали не потому, что не хотели никого видеть. Совсем не поэтому. А потому что Дане надо было писать, и ему все мешали.

Он хотел остаться один и писать.

И я тоже мешала. Я могла что-то спросить и перерезать течение мысли. Поэтому надо было скорее уйти из комнаты.

Если я не работала, то шла к маме или, например, к Шварцам. Наташа и Антон Шварц* ко мне очень хорошо относились, и я могла пойти к ним. Они жили неподалеку, на Невском.

Даня читал мне всё, что пишет. Конечно, я могла не знать всего, что он писал до меня, до того, как мы поженились. Но с тех пор, как мы стали жить вместе, он мне читал всё. И для детей и не для детей.

Я начинала смеяться, как только он начинал читать. И он мне говорил:

— Да не смейся всё время! Я не могу рот открыть, а ты уже хохочешь.

А я буквально покатывалась от смеха, потому что было так смешно, что невозможно было удержаться. Все эти «бу-бу-бу да го-го-го, гу-гу-гу да буль-буль». Это, помню, когда он читал мне стихотворение «Веселый старичок».

Я говорила, что мне нравится, что я считаю не так хорошо, что лучше переделать, — ну какие-то детали.

Иногда я, прослушав, давала ему совет какой-нибудь. И он старался исправить, если соглашался со мной.

* Наталия Борисовна Шанько (1901—1991), переводчица, и ее муж Антон Исаакович Шварц (1896—1954), известный артист эстрады, чтец.

У меня был хороший слух, и я сразу схватывала, так сказать, ритм. И улавливала, если был сбой. Он на мне проверял написанное.

Сказать, что я ему помогала — слишком большое слово. Но если я говорила: «Это мне не нравится», он как-то прислушивался:

— Ну хорошо, подожди, я попробую, — и переделывал.

Но, конечно, это было не всякий раз.

Отец был каким-то образом в курсе того, что писал Даня, хотя я не припомню случая, чтобы Даня ему что-то свое читал. Тем более написанное не для детей, взрослое. Но Иван Павлович прекрасно знал, что пишет Даня. Как, откуда — не могу сказать, но знал. И то, что Даня писал, его раздражало. Он совсем не одобрял его.

Меня он называл Фефюлькой. Наверное, за малый рост.

Он писал стихи о Фефюльке и несомненно мне их читал, но у меня сейчас такое впечатление, что я их раньше не слышала и читаю впервые. Должно быть, я их просто забыла за давностью лет.

Хорошая песенка про Фефюлю

1.

Хоть ростом ты и не высока
Зато изящна как осока.

Припев:

Эх, рямонт, рямонт, рямонт!
Первакокин и кинёб

2.

Твой лик бровями оторочен.
Но ты для нас казиста очень.

Припев:

Эх, ремонт, ремонт, ремонт!
Первако́кин и кинёб!

3.

И ваши пальчики-колбашки
Приятней нам, чем у Латашки.

Припев:

Эх, ремонт, ремонт, ремонт!
Первако́кин и кинёб!

4.

Мы любим Вас и Ваши ушки.
Мы приноровлены друг к дружке.

Припев:

Эх, ремонт, ремонт, ремонт!
Первако́кин и кинёб!

Другое — как мне кажется, очень красивое — было
прямо адресовано мне.

Марине

Куда Марина взор лукавый
Ты направляешь в этот миг?
Зачем девической забавой
Меня зовешь уйти от книг,
Оставить стол, перо, бумагу
И в ноги пасть перед тобой,
И пить твою младую влагу
И грудь поддерживать рукой.

Были, как теперь я вижу, еще и другие стихи обо
мне. И если я привожу некоторые из них, то, конечно,
не для хвастовства (вот, он мне стихи посвящал!), а
чтобы было понятно, что наши отношения не всегда
были такими, как когда всё шло к концу.

В рассказах Дани встречаются ошибки в грамматике, в правописании. Я думаю, он это делал специально. И это очень похоже на него, такие неожиданные штучки. Потому что, понятно, когда спотыкнутся на этом месте, люди начинают смеяться.

Одно время у нас вошло в обычай: несколько человек сговаривались и шли в воскресенье в Эрмитаж. Там были долго, но не весь день, подробно смотрели картины, а потом всей компанией шли в маленький бар, недалеко от Эрмитажа, пили пиво, закусывали чем-нибудь легким, — может быть, бутербродами, сидели там три-четыре часа, и говорили, говорили, говорили. Главным образом о том, что видели в Эрмитаже, но, конечно, не только об этом.

С Казимиром Малевичем я познакомилась, когда он уже умирал. Я виделась с ним, по-моему, всего один раз, мы ходили с Даней.

Но до этого Даня позвал меня на его выставку. Он сказал, что я непременно должна посмотреть его лучшую работу. Она до сих пор стоит у меня перед глазами: черный круг в белом квадрате, но я все же не берусь в точности описать ее. Все только и говорили об этой картине. И мы пошли с Даней на выставку и видели эту знаменитую картину.

А во второй раз я увидела Малевича уже после его смерти. Я была с Даней на похоронах.

Собралось много народу. Гроб был очень странный, сделанный специально по рисунку, который дал Даня и, кажется, Введенский.

На панихиде, в комнате Даня встал в голове и прочел над гробом свои стихи. Стихи были очень аристократические, тонкие.

На смерть Казимира Малевича

Памяти разорвав струю,
Ты глядишь кругом, гордостью сокрушив лицо.
Имя тебе Казимир.
Ты глядишь как меркнет солнце спасения твоего.
От красоты якобы растерзаны горы земли твоей.
Нет площади поддержать фигуру твою.
Дай мне глаза твои! Растворю окно на своей башке!
Что, ты человек, гордостью сокрушил лицо?
Только муха жизнь твоя и желание твоё — жирная снедь.
Не блестит солнце спасения твоего.
Гром положит к ногам шлем главы твоей.
Пе — чернильница слов твоих.
Трр — желание твоё.
Агалтон — тощая память твоя.
Ей Казимир! Где твой стол?
Якобы нет его и желание твоё ТРР.
Ей Казимир! Где подруга твоя?
И той нет, и чернильница памяти твоей ПЕ.
Восемь лет прощёлкало в ушах у тебя,
Пятьдесят минут простучало в сердце твоём,
Десять раз протекла река пред тобой,
Прекратилась чернильница желания твоего Трр и Пе.
«Вот штука-то», — говоришь ты и память твоя Агалтон.
Вот стоишь ты и якобы раздвигаешь руками дым.
Меркнет гордостью сокрушенное выражение лица твоего;
Исчезает память твоя и желание твоё ТРР.

Он читал эти стихи с какой-то особенной силой, с напором. Стихи произвели на всех громадное впечатление. У всех мурашки бегали по коже. И почти все, кто слушал, плакали.

Данины стихи всё покрыли, выразили печаль всех. Я считаю, что это был самый высокий и красивый жест, какой он мог себе позволить. Он же очень ценил Малевича.

Даня иногда брал меня с собой, когда шел в Дом книги. Там, у Маршака, он бывал часто.

Один раз, когда я пошла с ним, я поднялась на-

верх, где помещалась редакция. И мне дали посмотреть альбом Шагала, но только чтобы никто об этом не знал, потому что он был запрещенный художник. И я влюбилась в него на всю жизнь. Мне позволили посмотреть альбомы и других художников.

Кажется, именно в тот раз, когда меня пустили наверх, кто-то снял Даню на балконе Дома книги, у меня сохранилась эта фотография.

По воскресеньям во Дворце пионеров на Фонтанке устраивались утренники для детей. Даня выступал на этих утренниках. Это ему протезировал Маршак.

Я тоже ходила на них с Даней. Зал был набит битком, полный-полный.

Как только Даня выходил на сцену, начиналось что-то невообразимое. Дети кричали, визжали, хлопали. Топали в восторге ногами. Его обожали.

Он начинал с фокусов. У него в руках оказывалась игрушечная пушка. Откуда он ее доставал?! — не знаю. Я думаю, из рукава. Потом в руках у него появлялись какие-то шарики. Он доставал их из-за ворота, из рукавов, из брюк, из ботинок, из носа...

Дети кричали так, что просто беда была. «Ещё! ещё!! ещё!!!»

А я смотрела и удивлялась: на эстраде стоял совсем другой человек! Даня — и не Даня. Он совершенно менялся.

Потом он читал свои стихи. «Иван Иванович Самовар», «Врун», «Бегал Петька по дороге, по дороге, по панели...» и другие.

На детских утренниках он имел самый большой успех — из всех, кто выступал.

Даня, повторяю, был очень добрый. И его странности, конечно, никому не приносили ни огорчения, ни вреда. И я должна сказать, что он все-таки делал всё, что он хотел, всё, что ему нравилось.

Он, например, подходил к окну без ничего, совершенно голый. И стоял так у окна в голом виде. Довольно часто.

Это было и некрасиво и неэстетично. Его могли увидеть с улицы.

Всю жизнь он не мог терпеть детей. Просто не выносил их. Для него они были — тьфу, дрянь какая-то. Его нелюбовь к детям доходила до ненависти. И эта ненависть получала выход в том, что он делал для детей.

Но вот парадокс: ненавидя их, он имел у них сумасшедший успех. Они прямо-таки умирали от хохота, когда он выступал перед ними.

Почему же он шел на эти выступления? почему на них соглашался?

Он знал, что он притягивает к себе детей, вообще людей вокруг, что они будут вести себя так, как он захочет. Он это всегда чувствовал.

И вот такая необъяснимая штука, — при всей ненависти к детям, он, как считают многие, прекрасно писал для детей, это действительно парадокс.

Маршак очень любил Даню. И я думаю, Даня также относился с большим уважением к Маршаку.

Однажды мы поехали с Даней куда-то на пароходе по Волге. И с нами ехал Маршак. Это была длинная прогулка, на несколько дней, а может быть, и дольше.

С Маршаком плыли его сыновья, Элик и Яша.

Маршак очень мило со мной общался. И он тогда узнал от меня, что мои родители — мама, папа и бабушка — все трое — в ссылке. Ему я об этом могла рассказать.

Когда Даня и я плавали с Маршаком и детьми по Волге, в это время арестовали бабушку.

Я вернулась и поехала в Москву хлопотать за нее.

У меня в Москве жили друзья и тетка. Я у них останавливалась.

Я пошла в Красный Крест, к жене Горького, по уже известному мне адресу.

Очередь к ней была колоссальная. Всё такие же люди, как я. Просили, чтобы она помогла. И она помогала очень многим. Я, конечно, помнила, как с ее помощью вытащили из тюрьмы дедушку, князя Голицына.

Я простояла в очереди весь день. Потом выдали билетки с номерами. И на следующий день или через день моя очередь подошла.

Когда она посмотрела бумаги, которые я привезла, она спросила меня:

— Это вы просите за княгиню Голицыну?

Я говорю:

— Да.

«Так... — она что-то проговорила, как сама с собой. — Зачем же еще ее, эту старушку-то, брать?!»

Она позвонила в звонок и вызвала свою секретаршу. И сказала ей:

— Принесите мне такую-то папку или такие-то бумаги...

Секретарша вернулась с бумагами, и она мне сказала:

— Я не понимаю, — это что же, та самая княгиня Голицына, которая была у меня пятнадцать лет назад?

Я говорю:

— Да.

— Неужели они взяли старуху?!

Я говорю:

— Да.

Она сказала только:

— Это просто гнусность, что они сделали... Можете идти. Вам сообщат, где сейчас ваша бабушка... Я постараюсь вам помочь.

И я приехала домой с бабушкой.

После возвращения из ссылки бабушка жила у нас, в квартире на Надеждинской. Но кровать ее стояла не в нашей комнате, — у нас-то негде было, а в коридоре. Коридор был довольно просторный. Там и шкафы стояли, что-то много шкафов.

Я думаю, что не совсем неправы те, кто говорит, что у него была маска чудака. Скорей всего его поведение действительно определялось избранной им маской, но, я бы сказала, очень естественной, к которой уже привыкаешь.

Что составляло для него главный интерес? чем он внутренне жил, помимо писания? Я думаю, очень важную роль в его жизни играла область сексуального. Судя по тому, что я видела, это было так. У него, по-моему, было что-то неладное с сексом. И с этой спал, и с этой... Бесконечные романы. И один, и другой, и третий, и четвертый... — бесконечные!

Но безусловно у него было очень много внутри, того, что он хотел написать. Больше всего на свете, я думаю, он был увлечен писанием.

Он был, я бы сказала, вкоренен во всё немецкое, в немецкую культуру. Всё то, что немецкое, ему очень нравилось.

По-немецки говорил идеально.

Иногда он усаживал меня и читал мне стихи на немецком. Гёте и других. И хотя я не знала немецкого, я слушала их с удовольствием, он мне тут же пояснял.

Помню, как он переводил с немецкого «Плиха и Плюха» Вильгельма Буша. С большим увлечением.

В доме было довольно много немецких книг, в его собственной библиотеке, и он ими постоянно пользовался.

Когда он куда-нибудь шел или уезжал, он часто брал с собой Библию на немецком. Она была ему необходима.

И как склонен был ко всему немецкому, так не мог терпеть ничего французского. Ни французских авторов, ни французского языка.

Однажды Даню вызвали в НКВД. Не помню уже, повестка была или приехали за ним оттуда. Он страшно испугался. Думал, что его арестуют, возьмут.

Но скоро он вернулся и рассказал, что там его спрашивали, как он делает фокусы с шариками.

Он говорил, что от страха не мог показывать, руки дрожали.

То есть это было скорей всего чистое любопытство.

Поистине, неисповедима матушка Россия!

Он очень любил книгу «Голем»*, о жизни в еврейском гетто, и часто ее перечитывал. А я ее несколько раз брала, и когда начинала читать, всегда что-нибудь мне мешало дочитать ее. Или кто-нибудь позвонит, или кто-нибудь войдет... — так я и не прочла ее до конца.

Для Дани «Голем» был очень важен. Я даже не знаю почему. Он о ней много говорил, давал мне читать. Это была, так сказать, святая вещь в доме.

Вообще, он как-то настаивал на таких вот туманных, мистических книгах.

У нас было много друзей-евреев, прежде всего у Дани. Он относился к евреям с какой-то особенной нежностью. И они тянулись к нему.

Шварцы нас приглашали очень часто. Они, видно, понимали, что мы голодные, и старались нас накормить и как-то согреть. И были очень довольны, что мы с удовольствием едим у них. Я чувствовала, а не то чтобы видела и они стремились это показать, — что они всегда хотели нам помочь. Всегда.

* Роман австрийского писателя Густава Мейринка (1868—1932).

У нас Шварцы были один или два раза, не больше. Все-таки у них была совсем другая жизнь, чем у нас, хорошая благоустроенная квартира. А у нас что? У нас была богема. Дырка была там, где я спала. И в ногах у меня — собачка. По правде сказать, некуда было даже посадить людей.

И я и Даня испытывали к ним большую благодарность. Недавно мне напомнили шуточные стихи Дани, которые он посвящал Наташе и Антону Шварцам. В день рождения Наталии Борисовны он сочинил такой экспромт:

Шли мы в гости боком боком,
Подошли и видим дом.
Посмотрели оком оком
Да конечно это дом.

Посмотрели оком оком
Дом как дом! Ну просто дом!
Подошли мы к дому боком
Снова смотрим. Видим дом.

Обошли мы дом вокруг.
Увидали двери вдруг.
Подошли мы к двери боком
Постучали тук тук тук.

Дверь открыла нам хозяйка
И сказала: «Мне сегодня
Ровно двадцать пять лет исполнилось!»

Мы сначала помолчали,
А потом пошли к столу:
Ели много, ели долго
Воздавая кушаньям
Эх! от всей души хвалу
И всё время поздравляли хозяйку.

Случалось, что Шварцы выручали нас и деньгами. И однажды Даня, возвращая долг, сопроводил его экспромтом:

Возвращаю сто рублей
И благодарю.
И желаньем видеть ВАС
Очень раскалён.

Хаармс

<Вторник> 13 № <августа> 1940. С.-П.-Б.

Как-то раз я пришла домой, а дома не было хлеба. Даня говорит:
— Я пойду за хлебом.
Он ушел, и нет его час, другой, третий... Я начала волноваться. Что с ним случилось? Потом стала звонить по знакомым.

Я предполагала, куда он зашел. Звоню туда — никто не берет трубку. Через некоторое время позвонила еще раз. Мне ответили, что он пошел за хлебом.

Я подождала сколько-то и позвонила опять. Даня взял трубку и устроил мне небольшой скандалчик. Он был страшно зол. Кричал, что я не имею права его проверять, следить за каждым его шагом. И бросил трубку: ту-ту-ту...

Я уже жила в напряжении. Мне надо было сдавать экзамены за курсы французского, и я никак не могла сосредоточиться.

Я устала от его измен и решила покончить с собой. Как Анна Каренина. (Не знаю, стоит ли об этом писать? Это очень грустно.)

Я поехала в Царское Село, села на платформе на скамеечку и стала ждать поезда.

Прошел один поезд. Я подумала, что нет, брошусь под следующий.

Прошел второй поезд, а я все сидела и смотрела на удаляющиеся вагоны. И думала: «Брошусь под следующий поезд».

Я сидела, сжавшись, на скамейке и ждала следующего поезда. Прошел четвертый, пятый... Я смотрела на проходящие поезда, и у меня не было ни сил, ни духу осуществить задуманное.

Пока я решалась, совсем стемнело. Я подумала: ну что хорошего будет, если я брошусь под поезд? — всё равно это ничего не изменит, а я еще чего доброго останусь калекой.

Я встала и поехала в город. Когда я вернулась, была уже ночь.

Дане я ничего не сказала. А он оставался такой же, как был. Но во мне что-то в отношении к нему надломилось. Не стало нежности, что ли.

Уйти от него я не могла, потому что если бы я ушла, я бы очутилась на панели. Уйти мне было некуда.

Но это было началом конца.

Грубым Даня никогда не был, но раздраженным бывал.

Итак, я ему ничего не сказала. Но с моей учительницей французского я, кажется, поделилась. У нее что-то похожее было с мужем, и она мне сочувствовала.

Я была в таком состоянии, что никаких экзаменов бы не выдержала, провалилась.

Варвара Сергеевна поняла, какая у меня обстановка дома, и сказала: «Я вам не дам погибнуть...» Она позвала меня пожить у себя. «Марина, у меня для вас есть свободная комната».

Когда я приняла решение и спросила ее, можно ли мне на две недели, пока будут экзамены, жить у нее, она:

— Да, да, никаких разговоров, — приезжайте!

К Дане я охладела и спокойно сказала ему, что поеду к моей учительнице, чтобы подготовиться к экзаменам. И переехала к Варваре Сергеевне.

Прожила я у нее неделю или две и успокоилась. Во мне вновь вспыхнула любовь и нежность к Дане.

А в Царское Село я ездить перестала. Я дала там несколько уроков французского в школе, и всё.

Даня мне сказал, чтобы я больше туда не ездила, потому что пригородные электрички хотя и ходили, но в них не было света. А возвращаться приходилось иногда поздно вечером.

Я поняла, что всё равно это будет продолжаться. Понимала, что он меня любит. Да, он меня любил, безусловно любил.

Как я уже говорила, он был очень религиозен. Не помню, была ли я с ним когда-нибудь в церкви. Но у нас, конечно, были в доме иконы.

Он искал, всегда искал Того, Кто помог бы ему не страдать и встать на ноги. Он всё время страдал, всё время. Тó он нашел девушку или женщину, в которую влюбился, и жаждал взаимности, тó еще чего-то хотел, чего-то добивался и нуждался в помощи. Но он был постоянно измученный от этих своих страданий.

За моей спиной все его друзья надо мной смеялись, я думаю. Они считали, что я глупа и поэтому продолжаю с ним жить, не уйду от него. Они-то всё знали, конечно.

Несмотря ни на что, Даня, я думаю, никогда не сомневался в моей верности. Он знал, что я была ему предана с первого дня нашей встречи.

И теперь, когда я читаю одно его стихотворение, мне посвященное, я убеждаюсь в том, что я права в этом своем чувстве.

Если встретится мерзавка
На пути моём — убью!
Только рыбка, только травка
Та которую люблю.

Только ты моя Фефюлька
Друг мой верный, всё поймёшь.
Как бумажка, как свистулька
От меня не отойдёшь.

Я душой хотя и кроток
Но за сто прекрасных дам
И за тысячу красоток
Я Фефюльку не отдам.

Мы жили только на те деньги, на те гонорары, которые получал Дания. Когда он зарабатывал, когда ему платили, тогда мы и ели. Мы всегда жили впроголодь.

Но часто бывало, что нечего было есть, совсем нечего. Один раз я не ела три дня и уже не могла встать.

Я лежала на тахте у двери и услышала, как Дания вошел в комнату. И говорит:

— Вот тебе кусочек сахара. Тебе очень плохо...

Я начала сосать этот сахар и была уже такая слабая, что могла ему только сказать:

— Мне немножечко лучше.

Я была совершенно мертвая, без сил.

Я слышала мнение, — мол, то, что Дания писал для детей, это была у него халтура. Мол, он писал только ради денег.

Конечно, он хотел бы печатать то, что писал для взрослых, что он так любил. Но я не думаю, что для детей он писал халтуру. Я во всяком случае никогда этого от него не слышала. По-моему, он относился к занятию детской литературой серьезно. Ходил в «Еж» и «Чиж», к Маршаку... И я не видела, чтобы он стеснялся, что он детский писатель.

И потом, я очень сомневаюсь, что если бы он писал для детей плёво, кто-нибудь из них так бы любил его стихи и сказки и дети читали бы их с удовольстви-

ем. Сомневаюсь. Если бы ему самому не нравилось писать для детей, он бы не мог произвести вещи, которые так нравятся детям.

Стихи для детей давались ему скорее трудно, чем легко. Так я помню. Но всё это уже очень далеко от меня.

Даня восхищался переводами Маршака с английского. Особенно переводами из Киплинга, которого Маршак чудно перевел.

Кого из поэтов Даня любил и о ком говорил, о его литературных знакомствах я уже мало что помню.

Часто и всегда высоко он упоминал Велимира Хлебникова, это точно. Маяковскому отдавал должное.

Знал Ахматову, бывал у нее. Любил Гумилева. Конечно, сочувствовал в ее беде с сыном, их сыном, который сидел. О том, что сын у Ахматовой сидит, знал весь Петербург. Кто ж не знал этого!

Иногда мне казалось, что он меня любит. А много времени я сомневалась в том, что это так. Правда, сомнения эти возникли у меня не в начале, когда мы поженились, а уже потом. Года через два или три.

Потом я устала от всего этого, от его измен. И со временем мне стало как-то всё безразлично.

Почему же мы не развелись? Мне некуда было уйти, и он это тоже понимал.

К тому же всё, что происходило вокруг, было так ужасно. У нас в доме уже был голод, отчаянный, мы неизвестно чем держались.

Но бывали такие страшные моменты, когда все взаимные обиды забывались, отступали, — это когда что-то угрожало нам, — ему и мне. Тогда всё остальное, что было между нами, становилось как бы несущественным.

У нас с Даней были уже отношения скорее дружеские. Мы не могли расстаться, потому что деваться мне было некуда, и я, по правде говоря, смотрела уже на всё иначе.

И как-то он мне говорит:

— Я должен что-то сказать тебе... Только дай мне слово, что ты никогда Ольге не скажешь, что ты знала об этом. Ей будет очень больно...

Я говорю:

— Нет, конечно, не скажу.

— У меня был роман с Ольгой. Я всё это время жил с ней.

Этого я, признаться, никак не ожидала.

— Ради Бога, никогда не проговорись ей! Она очень несчастная... И она никогда мне не простит, если узнает, что я тебе сказал.

Вот как! «Ей будет очень больно». А мне? Впрочем, мне было уже всё равно, поскольку всё шло к концу.

Я сейчас читаю в дневнике Дани, это тридцать восьмой год: «Марина лежит в жутком настроении. Я очень люблю её, но как ужасно быть женатым».

О да!

Уже прошло четыре или пять лет, наш брак не был уже такой крепкий, как в начале. И последнее время я сказала себе, что нам можно расстаться.

У Дани есть стихотворение, он его называет «Заумной песенкой», которую я, признаюсь, совершенно не помнила. У меня даже такое впечатление, что он мне никогда его не читал.

Милая Фефюлинька
И Филосóf!
Где твоя тетюлинька
И твой келасóf?

Ваши грудки-пупочки,
Ваши кулачки.
Ваши ручки-хрупочки,
Пальчики сучки!

Ты моя Фефюлинька,
Куколка-дружок!
Ты моя тетюлинька,
Ягодка-кружок.

Как будто очень нежное. Но вообще я никогда не могла понять, любил он меня или нет, потому что многие вещи — в частности эти стихи — доказывали, что он меня действительно любил, и вместе с тем — никуда от этого не уйти — он столько раз изменял мне, что я не поручусь за его чувство.

Нет, я не могла бы прожить с ним всю свою жизнь.

Я в конце концов устала от всех этих непонятных мне штук. От всех его бесконечных увлечений, романов, когда он сходилась буквально со всеми женщинами, которых знал. Это было, я думаю, даже как-то бессмысленно, ненормально.

А с меня довольно было уже пяти или шести его романов, чтобы я стала отдаляться от него.

Он был не просто верующий, а очень верующий, и ни на какую жестокость, ни на какой жестокий поступок не был способен.

У нас уже были такие отношения, что когда я, например, возвращалась с работы, я не сразу входила, — я приходила и стучалась в дверь. Я просто знала, что у него там кто-то есть, и чтобы не устраивать скандал, раньше чем войти стучала.

Он отвечал:

— Подожди минут десять...

Или:

— Приди минут через пятнадцать.

Я говорила:

— Хорошо, я пойду что-нибудь куплю...

У меня уже не было ни сильного чувства, ни даже жалости к себе.

Все же мы не расстались, потому что, я думаю, он был удивлен моей чистотой. Все его увлечения меня как-то не пачкали.

При этом я не могу сказать, что я была совсем не ревнива. Скорее — ревновала. И за мной тогда уже бегал какой-то мальчишка, который имел отношение к симфоническим концертам, — не помню, какой. Но мы продолжали жить вместе.

Даня научил меня курить трубку. Я до брака курила, но только папиросы. А он подарил мне такую маленькую полированную трубочку, женскую, и научил, как ее раскуривать. Эта Данина трубочка у меня до сих пор есть.

У него самого было множество трубок. Самых разных. Он покупал табак, набивал трубку и очень много курил. Курил и во время работы, когда писал.

Он предчувствовал, что надо бежать. Он хотел, чтобы мы совсем пропали, вместе ушли пешком, в лес и там бы жили.

Взяли бы с собой только Библию и русские сказки.

Днем передвигались бы так, чтобы нас не видели. А когда стемнеет, заходили бы в избы и просили, чтобы нам дали поесть, если у хозяев что-то найдется. А в благодарность за еду и приют он будет рассказывать сказки.

В нем жило это чувство, это желание, высказанное в стихотворении «Из дома вышел человек». Оно

было у него как бы внутри, в душе. «Вошел он в темный лес, и с той поры, и с той поры, и с той поры исчез...»

Ему было страшно.

Но я как-то плохо отнеслась к этой идее. И по молодости меня это не привлекало.

Я говорю:

— Во-первых, мне нечего надеть. Валенки уже старые, а другие не достанешь...

И у меня уже не было сил бежать. И я сказала ему, что я не могу, потому что у меня нету сил. В общем, я была против этого.

— Ты уходи, — сказала я, — а я останусь.

— Нет, — сказал он, — я без тебя никуда не уйду. Тогда останемся здесь.

Так мы остались.

Я очень испугалась, когда он мне сказал, что он пойдет в сумасшедший дом.

Это было в начале войны. Его могли мобилизовать.

Но он вышел оттуда в очень хорошем настроении, как будто ничего и не было.

Очень трудно объяснить людям, как он, например, притворялся, когда он лег в клинику, чтобы его признали негодным к военной службе. Он боялся только одной вещи: что его заберут в армию. Панически боялся. Он и представить себе не мог, как он возьмет в руки ружье и пойдет убивать.

Ему надо было идти на фронт. Молодой еще и, так сказать, военнообязанный.

Он мне сказал:

— Я совершенно здоров, и ничего со мной нет. Но я никогда на эту войну не пойду.

Он ужасно боялся войны.

Даню вызвали в военкомат, и он должен был пройти медицинскую комиссию.

Мы пошли вдвоем.

Женщина-врач осматривала его весьма тщательно, сверху донизу. Даня говорил с ней очень почти-тельно, чрезвычайно серьезно.

Она смотрела его и приговаривала:

— Вот — молодой человек еще, защитник родины, будете хорошим бойцом...

Он кивал:

— Да, да, конечно, совершенно верно.

Но что-то в его поведении ее всё же насторожило, и она послала его в психиатрическую больницу на обследование. В такой легкий сумасшедший дом.

Даня попал в палату на двоих. В палате было две койки и письменный стол. На второй койке — действительно сумасшедший.

Цель этого обследования была в том, чтобы доказать, что если раньше и были у него какие-то психические нарушения, то теперь всё уже прошло, он здоров, годен к воинской службе и может идти защищать родину.

Перед тем как лечь в больницу он сказал мне: «Всё, что ты увидишь, это только между нами. Никому — ни Ольге, ни друзьям ни слова!.. И ничему не удивляйся...»

Один раз его разрешалось там навестить. Давалось короткое свидание, — может быть, минут пятнадцать или чуть больше. Я была уже очень напряжена, вся на нервах. Мы говорили вслух — одно, а глазами — другое.

Ему еще оставалось дней пять до выписки.

Я помню, пришла его забирать из этой больницы. А перед выпиской ему надо было обойти несколько врачей, чтобы получить их заключение, что он совершенно здоров.

Он входил в кабинет к врачу, а я ждала его за дверью.

И вот он обходит кабинеты, один, другой, третий, врачи подтверждают, что всё у него в порядке. И остается последний врач, женщина-психиатр, которая его раньше наблюдала.

Дверь кабинета не закрыта плотно, и я слышу весь их разговор.

«Как вы себя чувствуете?» — «Прекрасно, прекрасно». — «Ну, всё в порядке».

Она уже что-то пишет в историю болезни.

Иногда, правда, я слышу, как он откашливается: «Гм, гм... гм, гм...» Врач спрашивает: «Что, вам нехорошо?» — «Нет, нет. Прекрасно, прекрасно!..»

Она сама распахнула перед ним дверь, он вышел из кабинета и, когда мы встретились глазами, дал мне понять, что он и у этого врача проходит.

Она стояла в дверях и провожала его:

— Я очень рада, товарищ, что вы здоровы и что всё теперь у вас хорошо.

Даня отвечал ей:

— Это очень мило с вашей стороны, большое спасибо. Я тоже совершенно уверен, что всё в порядке.

И пошел по коридору.

Тут вдруг он как-то споткнулся, поднял правую ногу, согнутую в колене, мотнул головой: «Э-э, гм, гм!..»

— Товарищ, товарищ! Погодите, — сказала женщина. — Вам плохо?

Он посмотрел на нее и улыбнулся:

— Нет, нет, ничего.

Она уже с испугом:

— Пожалуйста, вернитесь. Я хочу себя проверить, не ошиблась ли я. Почему вы так дернулись?

— Видите ли, — сказал Даня, — там эта белая птичка, она, бывает, — бывает! — что вспархивает — пр-р-р! — и улетает. Но это ничего, ничего...

— Откуда же там эта птичка? и почему она вдруг улетела?

— Просто, — сказал Даня, — пришло время ей лететь — и она вспорхнула, — при этом лицо у него было сияющее.

Женщина вернулась в свой кабинет и подписала ему освобождение.

Когда мы вышли на улицу, меня всю трясло и прошибал пот.

Но конечно — конечно! — когда были такие моменты страшные, что извне что-то угрожало — ему, мне, — тогда всё остальное забывалось, отступало и мы были с ним нераздельны, защищались вместе.

Когда начался весь этот ужас, мы, так сказать, стерли всё, что было между нами, и я только хотела помочь ему. И он — мне.

Я что-то помню, что раз-другой бдительные мальчишки принимали его за шпиона и приводили в милицию. Или просто показывали на него милиционеру. Его забирали, но потом отпускали. Он же всегда носил с собой книжку члена Союза писателей, и всё тогда оканчивалось благополучно.

В июле или в начале августа сорок первого всех женщин забирали на трудработы, рыть окопы. Я тоже получила повестку.

Даня сказал:

— Нет, ты не пойдешь. С твоими силенками — только окопы рыть!

Я говорю:

— Я не могу не пойти, — меня вытащат из дому. Всё равно меня заставят идти.

Он сказал:

— Подожди, — я тебе скажу что-то такое, что тебя рыть окопы не возьмут.

Я говорю:

— Все-таки я в это мало верю. Всех берут — а меня не возьмут! — что ты такое говоришь?

— Да, так будет. Я скажу тебе такое слово, кото-

рое... Но сейчас я не могу тебе его сказать. Я раньше поеду на могилу папы, а потом тебе скажу.

Он поехал на трамвае на кладбище и провел на могиле отца несколько часов. И видно было, что он там плакал.

Вернулся страшно возбужденный, нервный и сказал:

— Нет, я пока еще не могу, не могу сказать. Не выходит. Я потом скажу тебе...

Прошло несколько дней, и он снова поехал на кладбище.

Он не раз еще ездил на могилу отца, молился там и, возвращаясь домой, повторял мне:

— Подожди еще. Я тебе скажу. Только не сразу. Это спасет тебе жизнь.

Наконец однажды он вернулся с кладбища и сказал:

— Я очень много плакал. Просил у папы помощи. И я скажу тебе. Только ты не должна говорить об этом никому на свете. Поклянись.

Я сказала:

— Клянусь.

— Для тебя, — он сказал, — эти слова не имеют никакого смысла. Но ты их запомни. Завтра ты пойдешь туда, где назначают рыть окопы. Иди спокойно. Я тебе скажу эти два слова, они идут от папы, — и он произнес эти два слова: «красный платок».

Я повторила про себя: «красный платок».

— И я пойду с тобой, — сказал он.

— Зачем же тебе идти?

— Нет, я пойду.

На следующий день мы пошли вместе на этот сбор, куда надо было явиться по повестке.

Что там было! Толпы, сотни, тысячи женщин, многие с детьми на руках. Буквально толпы — не протолкнуться! Все они получили повестки явиться на трудовой фронт.

Это было у Смольного, где раньше помещался Институт благородных девиц.

Даня сел неподалеку на скамейку, набил трубку, закурил, мы поцеловались, и он сказал мне:

— Иди с Богом и повторяй то, что я тебе сказал.

Я ему абсолютно поверила, потому что знала: так и будет.

И я пошла. Помню, надо было подниматься в гору, — там была такая насыпь, то ли из камня, то ли из земли. Как гора. На вершине этой горы стоял стол, за ним двое, вас записывали, вы должны были получить повестку и расписаться, что вы знаете, когда и куда явиться на трудовые.

Было уже часов двенадцать, полдень, а может, больше, — не хочу врать. Я шла в этой толпе, шла совершенно спокойно: «Извините... Извините... Извините...» И была сосредоточена только на этих двух словах, которые повторяла про себя.

Не понимаю, каким образом мне удалось взойти на эту гору и пробиться к столу. Все пихались, толкались, ругались. Жуткое что творилось! А я шла и шла.

Дохожу — а там рев, крики: «Помогите, у меня грудной ребенок, я не могу!..», «Мне не с кем оставить детей!..».

А эти двое, что выдавали повестки, кричали:

— Да замолчите вы все! Невозможно работать!..

Я подошла к столу в тот момент, когда они кричали:

— Всё! всё! Кончено! Кончено! Никаких разговоров!

Я говорю:

— У меня больной муж, я должна находиться дома...

Один другому:

— Дай мне карандаш. У нее больной муж.

А ко всем:

— Всё, всё! Говорю вам: кончено!.. — И мне: — Вот

вам, — вам не надо являться, — и подписал мне освобождение.

Я даже не удивилась. Так спокойно это было сказано.

А вокруг неслись мольбы:

— У меня ребенок! Ради Бога!

А эти двое:

— Никакого бога! Все, все расходитесь! Разговор окончен! Никаких освобождений!

И я пошла обратно, стала спускаться.

Подошла к Дане, он сидел на той же скамейке и курил свою трубку.

Взглянул на меня: ну что, я был прав? Я говорю:

— Я получила освобождение. Это было последнее... — и разревелась.

Я больше не могла. И потом, мне было стыдно, что мне дали освобождение, а другим, у которых дети на руках, нет.

Даня:

— Ага, вот видишь! Теперь будешь верить?

— Буду.

— Ну слава Богу, что тебя освободили.

Весь день я смотрела на него и не знала, что сказать.

Он заметил мой взгляд и сказал:

— Не смотри так: чудес много на земле.

Мы вернулись домой. И к нам пришла Ольга.

Она уже работала в школе, преподавала английский.

Даня был в душе очень добрый. Он сказал мне:

— Пригласи Ольгу, чтобы она пришла к нам поесть.

Кажется, у нас был суп.

И Ольга пришла. Она не знала, что мне уже известно об их отношениях. Но я ей, конечно, ничего не сказала и даже не подала виду, что всё знаю.

О настроениях тех дней мне напомнило мое сохранившееся письмо к Наташе Шварц. Она была уже в эвакуации в Молотове (Перми), и я ей писала. Конечно, я не забывала о военной цензуре и прибегала кое-где к иносказаниям.

•22/VIII

Дорогая Наталия Борисовна,

Вы совершенно справедливо меня ругаете, что я не ответила на обе Ваши открытки, но были обстоятельства, которые помешали мне это сделать.

Я около 2^х недель работала на трудах, но в городе. Уставала отчаянно. У нас все так же, как и при Вас, с той только разницей, что почти все знакомые разъехались, а Даня получил II группу инвалидности. Живем почти впроголодь; меня обещали устроить на завод, но боюсь, что это не удастся.

Девятнадцатого числа из Л-да уехал к Вам в Пермь Мариинский театр. Как видите, все стекается в Ваши далекие края. С театром выехал Всеволод Горский и возможно Вы с ним там встретитесь. Предупреждаю Вас, что накануне отъезда он сделал очень мелкую подлость, которая охарактеризовала <его> с самой нехорошей стороны, поэтому будьте с ним осторожнее, если увидите. Милая, дорогая моя Наталия Борисовна, если бы Вы чувствовали, как здесь тоскливо стало жить после разъезда всех близких.

Вчера уехала Данина сестра, и в квартире пусто и тихо, кроме старухи, кот<орая> наперекор всем продолжает жить.

У меня лично неважно на душе, но все это не напишешь, страшно не хватает Вас. Очень нравится мне Нина Ник<олаевна>*, и я часто у нее бываю, вспоминаем Вас.

* Жена ленинградского писателя Григория Эммануиловича Сорокина (1898—1954), репрессированного после войны и умершего в лагере.

Видела 2 раза М^{ше}*, она выглядит не очень хорошо, думаю, что тоже покинет милый Ленинград. Дания просит поцеловать Вас обоих, я крепко, крепко целую Вас, и передайте больш<ой> привет Антону Ис<ааковичу>.

Ваша Марина».

Как потом оказалось, я написала это письмо буквально накануне рокового дня.

Дания, наверное, жил в предчувствии, что за ним могут прийти. Ждал ареста. У меня, должна сознаться, этого предчувствия не было.

В один из дней Дания был особенно нервный.

Это была суббота. Часов в десять или одиннадцать утра раздался звонок в квартиру. Мы вздрогнули, потому что мы знали, что это ГПУ, и заранее предчувствовали, что сейчас произойдет что-то ужасное.

И Дания сказал мне:

— Я знаю, что это за мной...

Я говорю:

— Господи! Почему ты так решил?

Он сказал:

— Я знаю.

Мы были в этой нашей комнатухе, как в тюрьме, ничего не могли сделать.

Я пошла открывать дверь.

На лестнице стояли три маленьких странных типа.

Они искали его.

Я сказала, кажется:

— Он пошел за хлебом.

Они сказали:

— Хорошо. Мы его подождем.

* Шутливое прозвище общего знакомого — Федора Давыдовича Полякова, адвоката. Умер в блокаду.

Я вернулась в комнату, говорю:

— Я не знаю, что делать...

Мы выглянули в окно. Внизу стоял автомобиль. И у нас не было сомнений, что это за ним.

Пришлось открыть дверь. Они сейчас же грубо, страшно грубо ворвались и схватили его. И стали уводить.

Я говорю:

— Берите меня, меня! Меня тоже берите.

Они сказали:

— Ну пусть, пусть она идет.

Он дрожал. Это было совершенно ужасно.

Под конвоем мы спустились по лестнице.

Они пихнули его в машину. Потом затолкнули меня.

Мы оба тряслись. Это был кошмар.

Мы доехали до Большого Дома. Они оставили автомобиль не у самого подъезда, а поодаль от него, чтобы люди не видели, что его ведут. И надо было пройти еще сколько-то шагов. Они крепко-крепко держали Даню, но в то же время делали вид, что он идет сам.

Мы вошли в какую-то приемную. Тут двое его рванули, и я осталась одна.

Мы только успели посмотреть друг на друга.

Больше я его никогда не видела.

Литературно-художественное издание
Даниил Хармс
АНТОЛОГИЯ САТИРЫ И ЮМОРА РОССИИ XX ВЕКА
Том двадцать третий

Ответственный редактор **М. Яновская**
Художественный редактор **А. Мусин**
Технический редактор **Н. Носова**
Компьютерная верстка **Т. Комарова**
Корректор **Е. Чеглакова**

ООО «Издательство «Эксмо».
107078, Москва, Орликов пер., д. 6.
Интернет/Note page — www.eksmo.ru
Электронная почта (E-mail) — info@eksmo.ru

*По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламное агентство «Эксмо». Тел. 234-38-00*

Книга — почтой: Книжный клуб «Эксмо»
101000, Москва, а/я 333. E-mail: bookclub@eksmo.ru

Оптовая торговля:
109472, Москва, ул. Академика Скрябина, д. 21, этаж 2
Тел./факс: (095) 378-84-74, 378-82-61, 745-89-16
Многоканальный тел. 411-50-74. E-mail: reception@eksmo-sale.ru

Мелкооптовая торговля:
117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (095) 932-74-71

ООО «Медиа группа «ЛОГОС».
103051, Москва, Цветной бульвар, 30, стр. 2
Единая справочная служба: (095) 974-21-31. E-mail: mg@logosgroup.ru
ООО «КИФ «ДАКС». 140005 М. О. г. Люберцы, ул. Красноармейская, д. 3а.
т. 503-81-63, 796-06-24. E-mail: kif_daks@mtu-net.ru

Книжные магазины издательства «Эксмо»:
Москва, ул. Маршала Бирюзова, 17 (рядом с м. «Октябрьское Поле»). Тел. 194-97-86.
Москва, Пролетарский пр-т, 20 (м. «Кантемировская»). Тел. 325-47-29.
Москва, Комсомольский пр-т, 28 (в здании МДМ, м. «Фрунзенская»). Тел. 782-88-26.
Москва, ул. Сходненская, д. 52 (м. «Сходненская»). Тел. 492-97-85
Москва, ул. Митинская, д. 48 (м. «Тушинская»). Тел. 751-70-54.

**Северо-Западная Компания представляет
весь ассортимент книг издательства «Эксмо».**
Санкт-Петербург, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е
Тел. отдела рекламы (812) 265-44-80/81/82/83.

Сеть магазинов «Книжный Клуб SNARK» представляет
самый широкий ассортимент книг издательства «Эксмо».
Информация о магазинах и книгах в Санкт-Петербурге по тел. 050.

Восегда в ассортименте новинки издательства «Эксмо»:
ТД «Библио-Глобус», ТД «Москва», ТД «Молодая гвардия»,
«Московский дом книги», «Дом книги в Медведково», «Дом книги на ВДНХ».
Книги издательства «Эксмо» в Европе: www.atlant-shop.com

Подписано в печать с готовых диапозитивов 25.02.2003.

Формат 84×108¹/₃₂. Гарнитура «Букмен».

Печать офсетная. Бум. писч. Усл. печ. л. 26,04+вкл.

Тираж 10 000 экз. Заказ 6508.

ОАО «Тверской полиграфический комбинат»
170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.

**Самое яркое событие
в литературной жизни
России 2003 года!**

**АНТОЛОГИЯ САТИРЫ И ЮМОРА
РОССИИ XX ВЕКА
В 50 ТОМАХ**

**В ближайшее время увидят свет книги
Антологии**

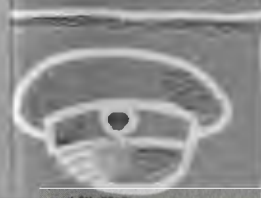
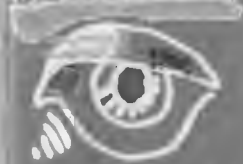
**АФОРИСТИКА И КАРИКАТУРА
АРКАДИЙ ИНИН
ЕВГЕНИЙ ЗАМЯТИН
МИХАИЛ МИШИН
АЛЕКСАНДР ГАЛИЧ
ДОН АМИНАДО**

ХАРМСЧА

или ШКОЛ

представление для веселых и
ненное Михаилом Левитиным
Хармса МОСКОВСКИЙ

РЕЖИССЕР И ТИП
ИСКАЛА ЛЕВ

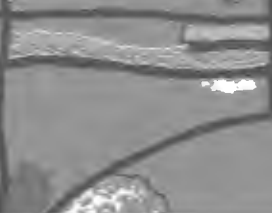
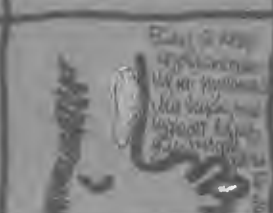
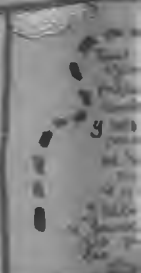
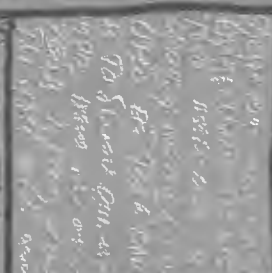

ХАРМС! ЧА

или Ш К О Л
представление для веселых и л
пенное Михаилом Левитиным по
Хармса М О С К О В С К И Й

ЕЛКСЕР КЕВИТИН
МАМО КЕВИТИН

МЕ!ШАРДАМ

А - К Л О У Н О В

легкомысленных людей, сочи-
мотивам произведений Даниила

ТЕАТР МИНИАТЮР

	<p>ГОЛОС</p>	<p>М. Ш. Ш. Ш. Ш.</p>	<p>Юлова Паз Пятнич</p>
--	--------------	-----------------------	---------------------------------

--	--	--	--

<p>29</p>	<p>ОМ СЛЫШЕЛ НА МЕНЯ МЕДНЫМ ВЗГЛЯДОМ?</p>	<p>М А Д М Ж Е Я Б А Х Е Н С Ю В</p>	<p>ДЕР МАГЕН</p>
-----------	---	--	----------------------

<p>М. Ш. Ш. Ш. Ш. КА И ФИЛОСОФ ТАЕТВОЯТЕЛЮ ЛЕНЬКА Я ТВОИ КО</p>		
---	--	--

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Даниил Хармс

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Антология Сатиры и Юмора России XX века

АНЕГДОТЫ ИЗ ЖИЗНИ ПУШКИНА

Пушкин любил кидаться камнями. Как увидит камни, так и начнет ими кидаться. Иногда так разойдется, что стоит весь красный, руками машет, камнями кидается, просто ужас!

***

У Пушкина было четыре сына, и все идиоты. Один не умел даже сидеть на стуле и все время падал. Пушкин-то и сам довольно плохо сидел на стуле. Бывало, сплошная умора: сидят они за столом: на одном конце Пушкин все время со стула падает, а на другом конце — его сын. Просто хоть святых вон выноси!

Daniil Harms